

Российский государственный гуманитарный университет
Институт высших гуманитарных исследований
им. Е.М. Мелетинского

И.Г. Матюшина

**Перебранка
в древнегерманской
словесности**

Москва 2011

Оглавление

Введение	5
Глава 1	
Перебранка в средневековом немецком эпосе и в русских былинах	8
Глава 2	
Перебранка в древнеанглийской поэзии.	41
Глава 3	
Перебранка в древнескандинавской словесности	53
«Старшая Эдда»	54
Саксон Грамматик. «Деяния датчан»	77
Саги о древних временах	87
Саги об исландцах	105
Королевские саги	123
Саги о епископах	138
Глава 4	
Женская распря	144
Халльгерд и Бергтора	145
Гудрун и Брюнхильд	149
Глава 5	
Судьба перебранки в позднесредневековой германской словесности (XIV–XV вв.)	186
Перебранка во время битвы: король Артур и Луций	186
Перебранка как развлечение: Данбар и Кеннеди	193
Заключение	207
<i>Примечания</i>	223
<i>Литература</i>	249
<i>Указатель имен</i>	259
<i>Указатель произведений</i>	263
<i>Summary</i>	271

Contents

Introduction	5
Chapter 1	
Flyting in Old High German Epic and Russian Bylinas	8
Chapter 2	
Flyting in Anglo-Saxon Poetry	41
Chapter 3	
Flyting in Old Norse Tradition	53
The Poetic Edda (mythological and heroic lays)	54
Saxo Grammaticus	77
Legendary Sagas (Fornaldarsögur)	87
Sagas of Icelanders (Íslendingasögur)	105
Kings' Sagas (Konungasögur)	123
Bishops' Sagas (Biskupasögur)	138
Chapter 4	
Strife between Women	144
Hallgerðr and Bergþóra	145
Guðrún and Brynhild	149
Chapter 5	
Flyting in Late Medieval Literature of the Fourteenth – Fifteenth Centuries	186
Flyting during Battle: King Arthur and Lucius	186
Flyting as Entertainment: Dunbar and Kennedy	193
Conclusion	207
<i>Notes</i>	223
<i>Bibliography</i>	249
<i>Index of names</i>	259
<i>Index of titles</i>	263
<i>Summary</i>	271

Введение

«Вождю подобает битва» (Guð sceal in eorle, *Maxims I*, 83)¹ говорится в древнеанглийских максимах. Другие занятия, подобающие вождю и знатному мужу (дисл. jarl, др.-англ. eorl), перечисляются в древнеисландской «Песни о Риге»: «затевал он сраженья, / поля обогрял, / врагов убивал, / завоевывал земли, <...> щедро раздаривал / людям со-кровища, / поджарых коней, / дорогие уборы, / разбрасывал кольца, / запястья рубил» (37, 9–12; 38, 3–8, перев. А.И. Корсуна)². Вокруг битв и пиров, позволяющих вождям проявить и доблесть, и щедрость, строятся сюжеты почти всех древнегерманских памятников.

Битвам, как известно из древнейших источников (ср. Тацит³, Проконий⁴, Павел Диакон⁵), нередко предшествовал не менее важный в архаическом обществе поединок, который позволял уладить конфликт без большого кровопролития и определял исход сражения. Одно из наиболее ранних описаний единоборства перед битвой мы находим у Диодора Сицилийского. Повествуя об обычаях галлов, Диодор рассказывает, что перед боем один или несколько воинов нередко «выступают вперед и вызывают наиболее отважных мужей из числа своих врагов на поединок, потрясая перед ними оружием, дабы утратить противников. И когда какой-то человек принимает вызов на битву, они раздражаются хвастливой песнью об отважных подвигах своих предков и в похвалу своим собственным высоким достижениям, все время оскорбляя и унижая своего противника и пытаясь такими речами лишить его мужества перед боем» [Diodorus 1939. 5.29.2–3]⁶. Единоборство, предшествующее битве, включает, по свидетельству Диодора, взаимные оскорбления противников и похвалу, т. е. перебранку или словесный поединок.

У Диодора Сицилийского есть описание и второго главного занятия, подобающего вождю, – пиршественного: галлы «приглашают незнако-

мых людей на пиры и не расспрашивают их до окончания еды о том, кто они и каковы их нужды. И у них в обычае, даже во время еды, привязаться к какому-нибудь обычному событию как к поводу для острого спора, а затем вызвать друг друга на поединок, не щадя своих жизней» [Diodorus 1939. 5.28.5]. С рассказом Диодора сходны и сохранившиеся в германских памятниках описания пиров: «Кто-то будет за пивом, поднесенным рукой виночерпия, / мужем хмельным на пиру; когда он не знает, / как ему унять свой язык разумом, / но взамен приходится ему распрощаться с жизнью» («Дарования людские» – *The Fortunes of Men* 51–57). Традиционные атрибуты пира: винопитие, гневные слова, похвальба – упоминаются и в другой древнеанглийской поэме: «Сидит гордый на пиру, позволяет лживо / своим словам вылетать, опьяненный вином, / ссору затевать, кипящий гневом, / разгоревшийся злобой, исполненный похвалы, жестокого обмана» («Тщеславие» – *Vainglory* 40–44).

В обеих древнеанглийских поэмах и у Диодора Сицилийского говорится о словесной брани, ведущей к кровопролитию. Сцены словесных поединков героев со своими противниками, подобные тем, которые описаны Диодором и создателями древнеанглийских поэм, встречаются в древнегерманском эпосе («Песни о Хильдебранде», «Беовульфе», песнях «Старшей Эдды»), в скандинавских прозаических памятниках (сагах о древних временах, сагах об исландцах и королевских сагах), в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика. Герои оскорбляют друг друга, обмениваются угрозами и обвинениями, похваляются своей силой и доблестью. Для словесных поединков характерна не только общая семантика – они содержат хулу, похвальбу и угрозы, но и почти идентичный характер поношения – обычно говорится о непристойном, недостойном поведении персонажей. Обвинения сводятся к нарушению нравственных запретов, проявлению трусости, распутству, женоподобию, пренебрежению долгом чести – неспособности отомстить [Harris 1979].

Основные трудности в изучении хулительных речей создаются непонятностью многих содержащихся в текстах намеков, сложностью отделения шуток от прямого обвинения, невозможностью установить степень оскорбительности отдельных стихов и прозаических текстов, использованием формульных заклятий или заклинаний. Вероятно, на этом основании большинство исследователей [Clover 1979; 1980; Davidson 1983; Lönnroth 1979; Parks 1990] предлагает ввести общее понятие «flyting», т. е. «спор, ссора, брань», и относить к нему как разнообразные обвинения (в глупости, лживости, нечистоплотности и проч.),

так и любого рода насмешки (например, застольные шутки на пирах и т. д.). К этому общему понятию «спор, ссора, брань» предлагают отнести и скальдические хулительные стихи, и поношения, и издевки, в избытке содержащиеся в мифологических и героических песнях «Старшей Эдды» и в сагах.

Подобный функциональный подход, возможно, не вызвал бы существенных возражений, если бы из культурной модели мира средневековой Скандинавии были исключены многочисленные свидетельства памятников права, запрещающих сочинение хулы под страхом суровейших наказаний. Данные древнескандинавских судебников заслуживают внимания, прежде всего потому, что отражают обычное право, т. е. кодифицируют прецеденты, на которые следовало ориентироваться в аналогичных обстоятельствах. Трудно представить себе, что застольные забавы, ритуальный обмен шутками могли быть, по мнению составителей законов и их современников, столь серьезными проступками, чтобы повлечь декретированную судебниками кару. Кроме того, в некоторых древнегерманских традициях, например древнескандинавской, широко применяются и никогда не смешиваются термины, обозначающие разные виды хулительной словесности: перебранка (*senna*) – сравнение мужей (*mannjafnaðr*) – нид (*niðr*). В скандинавской культуре эти термины закрепляются за разными типами памятников – сравнение мужей используется только в сагах⁷, перебранка как термин употребляется применительно к эддической поэзии и к сагам⁸, нидами же называются преимущественно скальдические стихи⁹.

Попытаемся не только рассмотреть те тексты, в которых встречаются эти термины, но и дать по возможности наиболее полное сравнительно-типологическое описание перебранок, распрей, сравнений мужей, представленных в древнегерманской традиции (древнегерманской, англосаксонской, скандинавской). Такое сравнение позволит нам решить, можем ли мы согласиться с выделением одного общего понятия «ссора или спора» или нам придется говорить о различных видах словесных поединков в древнегерманской культуре. Кроме того, постараемся выделить основные особенности и функции древнегерманских перебранок в их отношении к другим разновидностям хулительной поэзии и установить, в каких типах памятников они встречаются и в какой степени эти памятники связаны с устной традицией.

Глава 1 Перебранка в средневековом немецком эпосе и в русских былинах

Единственное, что сохранилось от древнемецкого эпоса, – это фрагмент «Песни о Хильдебранде», случайно уцелевший в Кассельской рукописи (вторая четверть IX в.). Этот латинский теологический кодекс, на первом и последнем листах которого записана песнь, скорее всего, был создан в Фульде и, судя по характеру ошибок, представляет собой список с утраченного оригинала. В песне встречаются нижненемецкие и баварские диалектные формы, поэтому считается, что оригинал был создан на баварском диалекте, а затем переписан нижненемецкими писцами. Об архаичности этой песни по сравнению с другими древнегерманскими памятниками говорят и ее структура, и композиция, и особенности ее стихосложения – низкий уровень канонизованности стиха, перегруженность стиховых единиц языковым материалом, отклонения в расстановке аллитерации, бедность звуковой инструментовки. Предполагалось, что это произведение дает древнейший образец общегерманской краткой героической песни, складывающейся на начальной стадии развития эпического сказания¹⁰. «Песнь о Хильдебранде» принято относить к наиболее архаичным «двусторонним песням о событиях» (*doppelseitiges Ereignislied*), которые включают повествование и диалог, позволяющие изложить события с двух сторон – в рассказе певца-сказителя и в речах героев [Хойслер 1960: 297–341]. В подобных песнях, как считается, певец повествует об одном эпизоде героического сказания, полагая, что аудитория уже знакома со всем сказанием целиком.

Древневерхненемецкая песнь начинается без экспозиции *in medias res* – старый Хильдебранд, бежавший вместе со своим господином Дитрихом Бернским от «гнева Отахра» (Одоакра) и проведенный тридцать лет в изгнании при дворе гуннского короля Атиллы, возвращается на родину во главе войска и встречает своего сына Хадубранда, которого оставил на родине еще младенцем. Хадубранд выезжает со своей дружиной навстречу врагам: «Я вести внимал, что поведала, / Как витязи кликали клич: / На бой, в поединке сразиться / Вызывали друг друга они – / То Хильдебранд с Хадубрандом / Меж войск повстречались своих. / Сын и отец осмотрели / Доспехи свои, на чреслах / По кольцам кольчуги крепили / На поясе крепком мечи. / Снаряжались к сраженью герои, / Пред полки поскакали они»¹¹ (1–6, перев. Т.Я. Сулиной).

Кульминацией повествования становится предшествующий битве словесный поединок, который состоит из кратких фраз, продвигающих

действие. Обмен речами между отцом и сыном начинается с того, что Хильдебранд, который «старше годами и опытом мудр», первым спрашивает своего противника о его роде и племени: «Какого ты племени-роду, / Кличешь отцом ты кого? / Среди соплеменников славны / Родичи, чаю, твои. / Имя одно назови мне, / Скажу остальные я сам: / Мне ведом народ сей, дитя» (7–13, перев. Т.Я. Сулиной). Хадубранд, сын Хильдебранда, отвечает: «Мне мудрые старцы поведали, / Что давние помнят дела: / Хильдебранд звался отец мой, / Хадубранд я зовусь. / Отправился он на Восток, / Гнева Отахра бежал, / С Дитрихом и с дружиной. / В отечестве он покинул / Жену и младенца-сына, / Наследья лишенных, и прочь / К восточной земле устремился. / Нуждался в нем Дитрих древле, / Бедный друзьями изгнанник, / К Отахру он гневом пылал. / Дитриха воин любимый / В битву водил дружину, / В сече всегда был первым, / Славен меж храбрых мужей» (14–29, перев. Т.Я. Сулиной). Нужно заметить, что в начальной части словесного поединка мы не находим ни оскорблений, ни угроз, ни насмешек. Хильдебранд спрашивает, отнюдь не похвально, но лишь утверждая (и предупреждая), что ему «известны все люди в королевстве», а Хадубранд отвечает, с гордостью и откровенным восхищением говоря о своем отце.

Когда Хадубранд называет себя и рассказывает об отце, Хильдебранд хочет приветствовать его как сына, – он снимает с руки кольцо, подаренное ему королем гуннов и выкованное из королевского золота, и говорит: «Прими в знак приязни его» (35, употребленное здесь слово *huldi* значит «благодарность, милость»). Однако юный Хадубранд принимает это изъявление дружбы за хитрость «старого гунна» и отвечает: «Копьем, острием к острию, / воин приемлет награду. / Старый гунн, твои речи лукавы, / Копье твое смертью грозит. / Оттого до седин ты дожил, / Что к обману и лести привык. / Люди бывалые весть / Мне привезли из-за моря: / Хильдебранд в битве пал, / Мертв Херибранда сын! / По кольчуге сверкающей вижу: / Одеянье богато твое, / Знать, хорошего князя ты воин / И изгнанником вряд ли слывешь» (36–47, перев. Т.Я. Сулиной). В этой центральной части словесного поединка уже появляются оскорбительные речи, однако принадлежат они лишь одному из противников – Хадубранду, ослепленному жаждой подвигов. Он слышал, что отец его умер, и потому обвиняет Хильдебранда во лжи, называя его «старым гунном». Хадубранд считает, что его заманивают в ловушку и хотят умертвить. Своими оскорблениями он принуждает Хильдебранда принять бой.

Хильдебранд пытается предотвратить кровопролитие: «Боже все- сильный, поистине зла / Ныне вершится судьба: / Тридцать лет я в земле /

Чужедальней скитался, / Бился в первых рядах / И метал я копьё / С той поры, как дружинником стал, / Но у стен крепостных не единожды / Не был в битве кровавой сражен. / Ну, а ныне родимое чадо / Пронзит мне кольчугу железом, / Изрубит меня секирой, / Или сам его стану убийцей. / Ты же сможешь, однако, / Коль силы достало, / Старца доспехи добыть, / Павшего панцирь получишь, / Коли право свое утвердишь» (48–57, перев. Т.Я. Сулиной). Однако Хильдебранд понимает, что ему уже не удастся избежать битвы: «Тот презреннейший трус / из восточных земель, / кто от битвы теперь уклонится. / Не избегнуть сраженья, / Что любо тебе. / Испытаем который из нас / Похвалиться добычею сможет, / Снимет латы и поле покинет, / Оружьем двоих нагружен» (58–62, перев. Т.Я. Сулиной).

Речь Хильдебранда трудно принять за похвальбу, это скорее трезвая констатация свершившегося, объяснение создавшегося положения из глубины того прошедшего, которое стало причиной трагической ситуации в настоящем. Как и во всем сказанном Хильдебрандом, в его последних словах нет оскорблений, скрытая угроза таится лишь в его заключительной фразе: «Испытаем...». Однако именно эта речь Хильдебранда кладет конец словесному поединку, и начинается настоящая битва отца с сыном – сшибаются ясеновые копыя, мечи ударяются о щиты. На этом сохранившийся фрагмент обрывается, и можно лишь гадать, чем закончилось сражение Хильдебранда с его сыном Хадубрандом. В поздних вариантах этого сюжета, сохранившихся в «Саре о Тидреке» и немецких балладах, записанных в XVI в. (см. ниже), поединок заканчивается или победой отца, или примирением отца и сына, отправляющихся к покинутой жене и матери.

Об окончании «Песни о Хильдебранде» можно делать предположения на основании широко распространенных сказаний, сюжет которых строится вокруг поединка отца с сыном, сражающихся сначала словами, а затем оружием.

Поединок отца и сына присутствует в большинстве былин об Илье Муромце, с которыми «Песнь о Хильдебранде» сопоставил еще Ф.И. Буслаев [Буслаев 2003: 244–245]. Более семидесяти вариантов былин об Илье Муромце посвящено битве героя с чужеземным богатырем, угрожающим захватить Киев. Обычно в них рассказывается о битве отца со своим неузнанным сыном (в единственном случае – с дочерью¹²), значительно реже встречаются былины, в которых противник Ильи не связан с ним кровным родством¹³.

Изучение структуры былинных вариантов позволяет выделить два основных типа¹⁴, в которых присутствует словесный и действительный

поединок Ильи Муромца со своим сыном. Первый тип, преобладающий в северо-восточных былинах (мезенских, беломорских, печорских), имеет следующие характерные черты.

а) Описывается богатырская застава, охраняющая Киев.

б) Рассказывается о выборе богатыря – поединок Ильи Муромца предваряется изображением отвода одних богатырей и безрезультатного выезда других, причем дается характеристика этих богатырей, обычно по личным качествам («роду сонливого», «роду торопливого», «енеральского роду, нежного» и проч.). Более подробно описывается поездка Добрыни (и/или Алеши Поповича), его испуг и возвращение, о которых рассказывается не для снижения образа других персонажей, но для того, чтобы подчеркнуть особую богатырскую силу Ильи.

в) Детально изображаются охотничьи атрибуты чужеземца, его ловчие птицы и звери, объясняющие его имя Сокольник или Подсокольник, которое в этом типе былин присутствует постоянно, его богатырская сила («кого возьмет за руку – руку выдернет, кого ухватит за ногу – ногу выставит»¹⁵).

г) Сообщается предыстория (цель приезда чужеземца), причем только в тех былинах, где речь идет о битве отца с сыном. Тогда (например, в мезенских былинах) поединок отца с сыном мотивируется рассказом о матери иноземца, обстоятельствах его рождения и детства. Обычно в начале песни повествуется, как Илья встречает в поле «поляницу» (женщину-богатыршу), побеждает ее в единоборстве, остается у нее жить, но затем покидает ее. В некоторых версиях былины говорится, что, прощаясь с женщиной, Илья оставляет ей крест для будущего сына и именной перстень для дочери. Отдельные варианты песней упоминают о том, как сверстники насмеяются над происхождением сына Ильи. Его обижают за то, что он не знает своего отца (в мезенских былинах, например, рассказывается о болезненной реакции сына на прозвище «сколотыш»)¹⁶. Оскорбления сверстников объясняют причину отъезда Сокольника – сын отправляется на поиски отца, желая отомстить за покинутую мать. Так, внимание в этом типе былин переносится с Ильи на его сына Сокольника.

Во втором типе, распространенном в западносибирских былинах, в Прионежье, внимание сосредоточено на самом Илье, а не на его чужеземном противнике, который может называться самыми разными именами (Сокольник, Соловник, Збрут, Бориско, Михайло, Василий, Кузьма Семерцянинов). Здесь нет описания заставы, отсутствуют упоминания о безрезультатном выезде богатырей, рассказывается о поездке одного Ильи и о его встрече с врагом в поле.

При всех различиях двух типов былин в них присутствует традиционно-эпическое описание битвы. Актуальному поединку предшествует вербальный: противники обмениваются угрозами и оскорблениями. Сокольник не отвечает на приветствие тех, кто выезжает ему навстречу, и, обзывая их бранными словами, требует, чтобы ему прислали самого Илью: «Поезжай-ко ты да во белой шатер, / Да скажи старому от меня поклон, / Пусть он вами-ти, говнами, не заменятце – / Самому ему со мной будёт не справитце!»¹⁷. Повстречавшись с Ильей, Сокольник грозит ему: «Еду я к вам да в стольно Киев-град, / Пошуметь-грометь да в стольном Киеве – / Мелку силушку да я под меч возьму, / Крупну силушку да я во плен возьму, / Молодую-ту княгиню за себя возьму, / Я святы мощи, иконы на поплаву спущу, / А Добрынюшу возьму во писари, / Мишку Торопанишка – чашки-ложки мыть, / Чашки-ложки мыть, да в поварёночки!»¹⁸, «Уж у старой собаки да голову срублю»¹⁹.

Илья тоже угрожает без промедления расправиться с противником: «Не успеете вы в котле обед сварить, / Привезу голову я басурманскую», а нагнав в поле «зла разбойника, / Поносить начал его словами бранными: Что ты кичишься, ворона да пустопёрая?»²⁰. В других вариантах былин Илья тоже обращается к своему неузнанному сыну с гневными речами: «Ворона ты летишь пустопёрая, / Сорока ты летишь загумённая, / А нас, добрых молодцов, да ты ничем зовешь»²¹ или «Що ты, ворона, рострепаласе, / Що ты, пустопёра, рострепескаласе, / Небылыма ты словами похваляисся?»²². Обменявшись угрозами и оскорблениями, противники съезжаются и вступают в бой. Сначала Илья и чужеземец дерутся оружием, но не могут одолеть друг друга, тогда они сходят с коней и вступают врукопашную. В одних вариантах былин враги бьются сутки, в других – трое суток, по колено вращая в землю.

В качестве осложняющего в оба типа былин может вводиться мотив временного поражения Ильи из-за несчастной случайности. Илья падает, а враг насадет на него и упрекает: «Ах ты, старый седатый пес! Сидел бы в деревне, свиней бы пас!». Однако в самую трудную минуту Илья вспоминает о совершенных им в прошлом добрых делах: «Сколько я стоял за веру христианскую, / еще боле я стоял за церковь Божию, / Сколько я стоял за благочестивых вдов / <...> / Они были богомольныя, / День и ночь Богу молятся!», и это спасает его: «Не серая утица востопорщится: / Илья на земле поворотится; / Метал Сокольника под вышину небесную». В обоих типах былин возможно также введение мотива Антея (получения силы от земли) – «лежучи у Ильи втрое силы прибыло»²³. Победивший Илья спрашивает своего противника о его роде и

имени, однако тот сначала не хочет отвечать и продолжает оскорблять Илью: «Уж ты старая собака захлыничива, / Уж ты стар, смотри, да стар казак, / Ты не спрашивай у меня ни отца, ни матери, / Никакого у меня ни роду, ни племени; / Коли сидишь на грудях, так коли меня», однако Илья продолжает настаивать и, получив ответ, понимает, что перед ним – его собственный сын от бабы Латыгорки (или Златыгорки, Горынинки), от моря Студеного, от камня Латыря²⁴.

Былины об Илье Муромце и Сокольнике допускают разные окончания. Существуют версии, в которых Илья берет сына «за руку правую, целует его во уста во сахарные», говорит: «С твоей матушкой родимой / Стояли мы три года – / тегались, / Собственный ты мой ронной сын, / Оттого и рука у меня остаивалась»²⁵. Однако в большинстве вариантов повествуется о том, как после победы отца оскорбленный сын сначала возвращается к матери и убивает ее, а затем вновь пытается отомстить отцу²⁶. Сокольник наносит спящему отцу предательский удар, после чего Илья жестоко наказывает сына: «Да хватал он Сокольника за черны кудри, / Да вызнал его выше могущих плечь, / Опустил он его да о кирпичат пол – / Да тут-де Сокольнику смерть случилось»²⁷. Второй тип – западно-сибирские былины, в которых обычно отсутствует мотивация в поступках персонажей, неизменно оканчиваются гибелью противника Ильи.

Былины о поединке Ильи Муромца и Сокольника несомненно следуют поставить в один ряд с другими памятниками о битве отца с сыном. Почти всегда в них говорится о том, что отец убивает своего сына раньше, чем происходит признание²⁸. Так, в осетинском эпосе Урызмаг случайно убивает мальчика и лишь тогда выясняет, что это был его сын; в персидском эпосе Рустам наносит смертельный удар, а потом узнает в умирающем противнике своего сына Сухраба; Кухулин убивает своего сына Конлу, а затем горько раскаивается в этом; в кельтских сказаниях Клизамор убивает своего сына Картонна, а на четвертый день умирает и сам. Эстонский богатырь Кивви-аль так надавливает сыну коленом на грудь, что сын умирает, тогда отец бросается с высокой скалы. Если сыну случается победить отца, то они погибают оба: киргизский герой Сайдильда, например, победив своего отца Гали, бросается в пропасть.

Параллели этому сюжету найдены и в античном эпосе (Одиссей и Телегон), и в армянском (Давид Сасунский и его сын Мгер), и в ближневосточных (азербайджанском и турецком) вариантах эпических сказаний (Кёроглы и его сын Хасан-Бек), и в арабском романе «Антар», а также в более поздних средневековых литературных традициях – французских и немецких эпических поэмах и рыцарских романах²⁹.

В большинстве перечисленных памятников присутствуют те же образы и мотивы, что и в былинах об Илье и Сокольнике.

1. Покинутая жена, обычно царского рода, иногда богатырша: в киргизском сказании богатырь Гали сражается с богатыршей-царевной Даригой, а затем покидает ее; в персидском эпосе Тахмина – царская дочь сама является к Рустаму и предлагает ему свою любовь, однако Рустам оставляет ее; в кельтских сказаниях Клизамор женится на Моине, дочери Ревтамира, старейшины города бриттов, но оказывается вынужденным бежать от бриттов; Кухулин лишь обманом оказывается в состоянии победить королеву-богатыршу Айфе и требует от нее отдаться ему и родить сына, а сам возвращается на родину; Илья покидает будущую мать своего сына, которая в некоторых былинах именуется королевой Задонской, а сын Илья называется Петром царевичем Золотничанином из Северной стороны да Золотой орды или младым королевичем Збутом.

2. Оознавательный предмет, который отец дает матери для рожденного или еще не родившегося младенца: стосковавшись дома, эстонский богатырь Кивви-аль едет к финнам, оставив для сына волчий зуб на цепочке; расставаясь с Айфе, Кухулин велит ей хранить золотой перстень для сына; покидая Тахмину, Рустам вручает ей для будущего сына или дочери «заветный, с камнем счастья талисман»³⁰; в северо-восточных былинах Илья дает Горынинке для сына – крест, для дочери – перстень.

3. Богатырское детство сына, совершающего первые подвиги в раннем возрасте: сын Кухулина Конла в семь лет побеждает сильнейших мужей Ирландии, а затем и своего отца; младший сын Давида Сасунского Мгер в пятнадцатилетнем возрасте руками раздирает льва; Сухраб «был через месяц / <...> / как годовалый, / грудь широка, как у Рустама, стала», а в десять лет становится таким могучим, что «с ним на бой никто не выходил»³¹; в киргизском эпосе годовалый Сайдильда убивает детей щелчком в лоб; в былинах «не по годам растет Сокольник, по часам; / Каковы-то люди в людях во семнадцать лет, / А у нас был Сокольник семи годов, / Ишше стало Сокольнику двенадцать лет, / <...> Он задумал съездить взять на стольне-Киев-град»³².

4. Пересечение границы – встреча мужей, принадлежащих разным племенам (народам): в эстонском сказании богатырь Кивви-аль, который покинул родину, поселился у финнов и стал их предводителем, встречается с сыном, бьющимся на стороне эстов; сын Кухулина Конла, рожденный в Шотландии, приплывает в Ирландию искать отца, лучшие бойцы пытаются воспрепятствовать ему войти в страну; ирский богатырь Клизамор попадает к бриттам, вступает в брак, а потом оказывается вы-

нужденным покинуть их, его сын Картон, возмужав, отправляется на войну с ирами и встречается с отцом; Рустам оказывается в Забулистане, когда Сухраб пересекает границы Ирана; в северо-восточных былинах рассказ о битве Ильи с сыном начинается с описания богатырской заставы.

5. Безрезультатный выезд одного или нескольких богатырей, предшествующий битве отца с сыном: в сражении между ирами и бриттами Картон побеждает двух самых выдающихся ирских героев; против Конлы, сына Кухулина, сначала выступает разумный и красноречивый Кондере, затем Коннал Победоносный, которого мальчик сбивает с ног метким ударом, и лишь затем сам Кухулин; Тус, самый сильный витязь после Рустама, первым сражается с Сухрабом и терпит от него поражение; в северо-восточных былинах на встречу с Сокольниковым выезжает сначала Алеша Попович, потом Добрыня Никитич и лишь последним Илья Муромец.

Кульминацию повествования о единоборстве отца и сына составляет сцена перебранки, предваряющей поединок (похвальба сына и насмешки над старостью отца). Так, Картон спрашивает Клизамора: «Разве некем тебе заместиться, седатый воин? Или нет у тебя сына, чтобы выйти против меня?»; Сухраб требует от Рустама отказаться от единоборства с молодым противником: «Ты богатырь, ты станом – кипарис, / Но стар годами, так не молодись»³³; Сокольник насмехается над сединами Ильи: «Ах ты, старый седатый пес! Сидел бы в деревне, свиней бы пас!», «Уж ты старой, ты старой, да старой глупой нонь!» [Былины Мезени 2003/3: № 80].

За словесным поединком отца с сыном следует действительный, который неизменно заканчивается победой отца, обычно после временной победы сына³⁴. Так, сын Кивви-аля побеждает своего отца, однако щадит его жизнь, тогда отец отправляется к камню за хранящейся там силой, снова сражается с сыном, повергает его наземь, надавливает ему коленом на грудь и ломает ее. Сын Кухулина Конла ударом меча обривает отцу голову, трижды повергает его на землю, дважды топит его, однако отцом обманым ударом бросает под воду рогатое копьё и поражает мальчика. Картон ломает копьё своего отца Клизамора и выбивает у него меч, однако Клизамор смертельно ранит Картона кинжалом. Сухраб дважды побеждает Рустама в единоборстве, причем Рустам спасается только хитростью, ссылаясь на древний закон, согласно которому убивать противника можно, якобы, только после второй победы над ним, самому Рустаму же удается повалить Сухраба, только «стыдом за прошлое горя»,

поэтому он, понимая, что «удержать не хватит сил»³⁵, вонзает сыну в бок кинжал. В русских былинах – побежденным оказывается сначала Илья, а потом Сокольник. Предполагается, что и в «Песни о Хильдебранде» победа тоже остается за отцом, а не за юным Хадубрандом.

Приведенные черты сходства, скорее всего, имеют не генетический, но типологический характер. В этих приметах типологического сходения можно различить и фольклорные мотивы: битва с чудесной девой, женитьба на царевне, отъезд жениха или уход чудесной девы, волшебный предмет, поиск (отца или невесты), богатырское детство.

Повсеместная распространенность сюжета о битве отца с сыном в древнейшей эпической традиции заставляла исследователей высказывать предположение, что он восходит к праиндоевропейскому архетипу³⁶. Помимо гипотезы, возводящей тематическое сходство к общему происхождению, существует также гипотеза заимствования, объясняющая сходство миграцией сюжета. Однако ни одна из гипотез не помогает понять, почему наиболее сходные варианты сюжета обнаруживаются в крайних ареалах его распространения³⁷. В настоящее время подобные сюжетные аналогии обычно объясняют историко-типологическими сходениями эпических традиций, которые относятся к наиболее глубокому семантическому слою устной словесности³⁸.

Предполагалось, что сюжет, строящийся вокруг поединка отца с сыном, отражает конфликт двух эпох: материнского и отцовского рода³⁹. В эпоху матриархата жена часто не принадлежит к роду мужа, т. е. брак носит экзогамный характер. Соединение мужа и жены проходит на территории рода жены, а не мужа, дети же, рожденные в таком браке, принадлежат роду матери и не знают отца, т. е. такой брак оказывается матриликальным и матрилинейным. Матриархальный брак имеет временный характер, причем его непостоянство не осуждается. Если в эпоху матриархата ребенок остается при матери, мужья которой могут меняться, то в эпоху патриархата и норм моногамного брака, дети, рожденные вне регламентированного брака, считаются незаконными.

В памятниках, построенных вокруг сюжета о поединке отца с сыном, присутствуют характерные черты брака материнского рода (экзогамность, матриликальность, матрилинейность и временность), однако незаконность происхождения сына, подчеркиваемая в некоторых произведениях, например в северо-восточных былинах, противоречит существующей при матриархате норме. Поэтому предполагается, что сюжет битвы отца с сыном восходит к эпохе, переходной от матриархата к патриархату⁴⁰. Этот сюжет обычно строится вокруг того, как сын, уна-

следовавший богатырскую силу и от отца, и от матери и потому оказывающийся сильнее обоих, отправляется «отыскать себе роду-племени». Столкновение юного богатыря с отцом ведет к поединку, в результате которого сын узнает отца. Сын видит в отце врага материнского рода, и решает ему отомстить, – таким образом мотивируется второе столкновение отца с сыном (ср., например, северо-восточные былины), всегда имеющее фатальный для сына исход.

Битва отца с сыном несомненно относится к «бродячим сюжетам» *par excellence* и в качестве такового рассматривается в фольклористике⁴¹. Почти во всех случаях сходство имеет типологический, а не генетический характер – сюжет о битве отца с сыном восходит к эпохе конфликта матриархата с патриархатом и настолько широко распространен в героическом эпосе, что может быть отнесен к одной из его характерных черт.

Сходство в описании словесного поединка в «Песни о Хильдебранде» и былинах об Илье Муромце, очевидно, тоже объясняется типологией. Для словесных поединков в обоих памятниках характерна не только общая семантика (хула, похвальба и угрозы), но и почти идентичная стилистика.

1. Перебранка состоит из формульных вопросов и ответов и в «Песни о Хильдебранде»: «Какого ты племени-роду, / Кличешь отцом ты кого? / Среди соплеменников славны / Родичи, чаю, твои», и в былинах: «Ты зачем рано похваляешься? / Не уловя ты птицы, тербишь ее, / Не сваривши птицы, / Богу молишься?»⁴².

2. Синтаксические и логические параллелизмы используются в перебранке и в «Песни о Хильдебранде»: «Имя одно назови мне, / Скажу остальные я сам: / Мне ведом народ сей, дитя» (7–13), и в былинах: «Коль легко я верчу острым копьем, / Толь легко буду вертеть Ильей Муромцем» – похваляется сын Ильи Сокольник.

3. Словесные, межстрочные и строчные повторы употребляются в перебранке и в «Песни о Хильдебранде»: «Хильдебранд звался отец мой, / Хадубранд я зовусь», «Копьем, острием к острию, / воин примет награду», и в былинах: «Сколько я стоял за веру христианскую, / Еще боле я стоял за церковь Божию, / Сколько я стоял за благочестивых вдов»; «Ворона ты летишь пустопёрая, / Ворона ты летишь пустопёрая, / Сорока ты летишь загумённая», «Що ты, ворона, рострепаласе, / Що ты, пустопёра, рострепескаласе».

4. Личные местоимения «я – ты» противопоставляются в перебранке и в «Песни о Хильдебранде»: «Тридцать лет я в земле / Чужедальной скитался, / Бился в первых рядах / И метал я копье / С той поры, как дру-

жинником стал, / <...> / Ты же сможешь, однако, / Коль силы достало, / Старца доспехи добыть, / Павшего панцирь получишь, / Коли право свое утвердишь», и в былинах: «Вот кабы я у тебя сидел на грудях, / Не стал бы тебя долго спрашивать, / А спорол бы тебе, старому, белые груди» – отвечает Сокольник на вопрос Ильи о роде и племени.

5. Прямые обращения широко применяются в обоих памятниках. Илья Муромец обращается к сыну: «Ой ты гой еси, поленица удалая!», Сокольник отвечает ему: «Ах ты, старый седатый пес! Сидел бы в деревне, свиней бы пас!». Хильдебранд говорит сыну: «Мне ведом народ сей, дитя», Хадубранд оскорбляет отца: «Старый гунн, твои речи лукавы».

6. Для перебранки в былинах и в «Песни о Хильдебранде» характерны общие морфологические особенности. В угрозах и в похвальбе обычно употребляется восклицательная форма предложения и будущее время. Илья Муромец, отправляющийся на битву с Сокольником, похвывается: «Не успеете вы да штей котла сварить – Привезу я голову да молодецкую!» [Былины Печоры 2001/1: 360]. В обвинениях, напротив, преобладают предложения в повествовательной форме, прошедшее или настоящее время, ср. в «Песни о Хильдебранде»: «Старый гунн, твои речи лукавы, / Копье твое смертью грозит. / Оттого до седин ты дожил, / Что к обману и лести привык».

Перечисленные особенности в стилистике словесного поединка характерны для большинства его образцов, как былинных, так и древнегерманских. Однако в «Песни о Хильдебранде» есть и существенные отличия от былин об Илье и Сокольнике. В частности, все былины содержат вариант сюжета, в котором отцу заранее неизвестно, что он вступает в бой со своим сыном, напротив, в «Песни о Хильдебранде» отец знает, что перед ним его сын и всячески стремится избежать столкновения. Более того, в «Песни о Хильдебранде» присутствуют не все приведенные выше образы и мотивы, которые сближают былину с другими памятниками, построенными вокруг сюжета битвы отца с сыном. Хотя здесь упоминается и о пересечении границы, и о покинутой жене (матери юного героя: Хильдебранд «в отечестве покинул / Жену и младенца сына»), однако не говорится ни об опознавательном предмете, который отец оставляет для ребенка, ни о богатырском детстве сына, ни о безрезультатном выезде других героев, ни о запугивании отца. «Песнь о Хильдебранде», насколько можно судить о ней по сохранившемуся отрывку, очевидно, связана с былинами лишь типологически и дает образец наиболее архаичного варианта сюжета о битве отца с сыном и словесного поединка между ними.

О трагической расправе, в которую вовлечен герой «Песни о Хильдебранде», сложены и другие германские (немецкие⁴³ и скандинавские⁴⁴) памятники, однако их сходство с былинами не всегда объясняется исключительно типологией, а потому требует особого рассмотрения. Как и в «Песни о Хильдебранде», в германской словесности поединок отца с сыном обычно связан с циклом сказаний о Дитрихе Бернском (знаменитом короле остготов Теодорихе Великом) и приурочен к возвращению последнего из страны гуннов, где он провел в изгнании 30 лет⁴⁵. С Дитрихом часто ассоциируется имя Хильдебранда, которого германский эпос изображает воспитателем и начальником готской дружины⁴⁶.

В Германии об этом герое упоминается в «Песни о Нибелунгах», в которой старый Хильдебранд, дружинник Дитриха Бернского, убивает не своего сына, но королеву Кримхильду. О нем говорится и в поздних немецких переработках, таких как «Младшая Песнь о Хильдебранде» (*Das Jüngere Hildebrandslied*, XV в.), и в еще более поздних балладах, например в «Песни о старом Хильдебранде» (*Das Lied vom alten Hildebrandt*), записанной в 1806 г.

В Скандинавии о Хильдебранде рассказывается в одной из исландских саг о древних временах – «Саге об Асмунде Убийце Воителей» (*Ásmundarsaga* Каррабана), в которой приводится стихотворная «Предсмертная Песнь Хильдибранда», а также в фарерской балладе «Песнь о Снёлъве» (*Snjólv kvæði*). О том же герое, но под другим именем (Хильдигер) повествует и Саксон Грамматик в «Деяниях датчан».

«Сага об Асмунде Убийце Воителей», сохранившаяся в двух рукописях: MS SKB 7 4to – XIV в. и AM 586 4to – XV в., позволяет составить представление о скандинавском варианте сказания о Хильдебранде. Сюжет саги строится вокруг мотива злой судьбы, управляющей жизнью двух сводных братьев Хильдибранда и Асмунда. Хильдибранд старше Асмунда, его мать – Хильд, дочь шведского короля Будли, а его отец – Хельги, сын гуннского короля Хильдибранда, в честь которого назван и внук. Хильдибранд воспитывается у деда, который возлагает на него большие надежды с самого детства: «Хильдибранд конунг сказал, что верит в то, что вырастет воитель» – *Hildibrandr konungr <...> kveðst vænta, at þar mundi fœðast einn karri*⁴⁷ (гл. 2; ср. фольклорный мотив богатырского детства героя). Хильдибранд действительно вырастает великим воином и получает почетное прозвище Гуннский Воитель (*Húnakarri*, гл. 4).

Жизнь Хильдибранда с самого начала складывается трагически. Его отец погибает в бою, а его дед по матери Будли оказывается слишком

старым, чтобы управлять Швецией. Король датчан Альв нападает на старого Будли и убивает его, а потом берет в плен мать Хильдибранда Хильд и выдает ее замуж за датского героя по имени Аки, от которой у нее рождается сын Асмунд. Как и Хильдибранд, Асмунд уже в раннем детстве выделяется силой, а когда вырастает, становится настоящим викингом – его руки, покрытые шрамами и темные от крови, до самых плеч унизаны добытыми им кольцами.

Хильдибранд, как подобает герою, решает отомстить за смерть отца – он отправляется в Швецию, покоренную датским королем Альвом, и убивает его. Однако у Альва есть дочь Аса Прекрасная, в которую влюбляется Асмунд. Аса тоже жаждет мести и обещает выйти замуж за Асмунда, только если он убьет Хильдибранда. Она указывает Асмунду место в море, где спрятан тот меч, который принесет Хильдибранду смерть. Чтобы исполнить наказ невесты, Асмунд отправляется в страну саксов, которую разоряют Хильдибранд и его берсерки. Гонец докладывает Хильдибранду о прибытии Асмунда, замечая, что тот поразительно похож на Хильдибранда лицом и поведением, а его меч – точная копия меча Хильдибранда. Услышав новости, Хильдибранд замечает лишь: «Много находишь ты в этом человеке, <...> то, что ты говоришь, может иметь далеко идущие последствия» (Mikit finnst þér um þenna mann <...> framarla segist þér frá, гл. 7), однако прилагает все силы, чтобы избежать встречи с Асмундом. Хильдибранд, очевидно, знает, что ему суждено погибнуть от руки брата, однако Асмунд и не подозревает о существовании сородича. После ряда единоборств Асмунд побеждает всех сорока четырех воинов Хильдибранда. Когда Хильдибранд узнает о том, что его воины убиты, его охватывает ярость берсерка (Ok er Hildibrandr frá þetta, at kappar hans váru drepnir, þá kom á hann berserks-gangr, гл. 9).

Изображая охватившую Хильдибранда ярость, создатель саги добавляет не вполне мотивированную фразу об убийстве сына: «И в этом неистовстве, которое на него нашло, он отправился в путь, и тут увидел своего сына, и сразу же убил его» – En í vanstilli þessu, er á honum var ok hann var á ferðina kominn, þá sá hann son sinn ok drap hann þegar, гл. 9. В «Саге об Асмунде», как предполагается, эта фраза появилась под влиянием «Саги об Эгиле» (гл. 40), где рассказывается, что Скаллаgrim тоже едва не убил своего сына Эгиля, которого спасла служанка, поплатившаяся за это жизнью⁴⁸. Однако более вероятно, что в прозаическом тексте сообщение об убийстве сына добавлено создателем саги для того, чтобы мотивировать упоминание о сыне в «Предсмертной Песни Хильдибранда».

Основная часть предсмертной песни носит повествовательный характер – Хильдибранд сетует на свою злую судьбу и открывает Асмунду правду о том, что они рождены одной матерью, называя ее «Drótt» («друзина»)⁴⁹, хотя в прозаическом тексте саги она носила имя Хильд (Hild – «битва»; ср. этимологию имени Хильдибранд от Hild+brand – «меч»):

Mjök er vandgætt	«Очень трудно управиться,
vé verða skal	С тем, как должно быть,
Ef borinn öðrum	Если один рожден другому
At banorði	На погибель.
Þik Drótt of bar	Тебя Дротт родила
af Danmörku,	В Дании,
en mik sjálfan	А меня самого –
á Svíþjóðu.	В Швеции.
Tveir váru þeir	Два было их
tyrvir gjarnir	Рьяных меча,
Buðla nautar,	подарка Будли
nú er brotinn annarr.	Теперь один разбит.
Svá höfðu dvergar	Так их карлики
dauðir smíðat	Мертвые сковали,
sem engi mun	Как никогда прежде не было,
áðr né síðan.	И впредь не будет».

Хильдибранд говорит в песни о судьбе волшебных мечей, которые сковали карлики. Более подробно о волшебных мечах и наложенном на них заклятии было рассказано в первой главе саги. В ней шла речь о том, как два карлика-кузнеца выковали для конунга Будли пару волшебных мечей. Однако один из них сломался, когда мечи проверяли на крепость, тогда карлик, сделавший другой меч, рассердился на Будли и проклял свой меч, предсказав, что его меч принесет смерть самому прославленному внуку конунга. Будли же бросил меч в море, надеясь избежать злого рока.

Хильдибранд говорит в предсмертной песни не только о своем разбитом мече, но и о расколоте волшебным мечом противника щите, на котором высечены имена побежденных им воинов, и вспоминает о гибели сына:

Stendr mér at höfði	«Стоит у меня во главе
hlíf in brotna,	Щит расколотый,
eru þar taldir	Там посчитаны
tígar ins átta	Восемь десятков
manna þeira,	Тех мужей,
er ek at morði varð.	Которых я убил.

Liggr þar inn svási	Лежит там милый
sonr at höfði, eptirerfingi,	Сын во главе, наследник,
er ek eiga gat,	Которого я породил,
óviljandi	Не желая того,
aldrs synjaðak.	Жизни лишил».

В завершение предсмертной песни Хильдибранд называет своего убийцу братом и умоляет исполнить его последнее желание. Он просит завернуть его в одеяние брата и похоронить так, как ни один убийца не похоронит того, кого он убил. Заключительные слова «Предсмертной Песни Хильдибранда» звучат почти как эпитафия самому герою: «Теперь лежу я, лишенный жизни, раненный мечом, который наносит тяжкие раны». Стойкость Хильдибранда перед лицом смерти и его решимость исполнить судьбу заставляет вспомнить о героях древнегерманского эпоса, таких как Гуннар или Хамдир в эддических песнях.

По положению в саге эту песнь нельзя отнести к составным частям словесного поединка перед битвой, так как Хильдибранд произносит ее после того, как получает тяжелые раны в битве с Асмундом, который разбивает его меч и побеждает в единоборстве (гл. 9). Вместе с тем по семантике эта песнь могла бы быть включена в перебранку, в ней есть и угроза («один рожден другому на погибель»), и похвальба («восемь десятков тех мужей, которых я убил»).

В ответ на предсмертную песнь брата Асмунд произносит стихи, которые тоже могли бы составлять часть словесного поединка перед битвой. Он с торжеством похвальноется тем, что еще до встречи с братом победил в единоборстве сначала одного, потом двух, четырех и, наконец, восьмерых воинов, прежде чем дисы (духи-двойники людей) предсказали ему во сне грядущую победу, и тогда явился седой Хильдибранд Воитель Гуннов (inn hári Hiltibrandr Húnaकर्षi). Асмунд бахвалится и тем, что вступил с Хильдибрандом в неравный бой, но все же ему удалось нанести противнику тяжкие раны и одержать предсказанную дисами победу. В прозаической части саги добавляется, что гибель брата вызывает раскаяние Асмунда. Он гневается (reiðask, гл. 10) на свою невесту за то, что она заставила его убить брата. Та просит прощения, объясняя, что «могущественное заклятие было наложено на оружие» (mikit atkvæði fylgt hafa várnium, гл. 10). В заключение саги Асмунд убивает жениха принцессы, сам женится на ней и получает подобающую герою славу.

Предсмертная песнь сохранилась также в переложении латинскими стихами в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика (кн. 7), где рассказывается та же история братоубийственной вражды, что и в «Саге

об Асмунде», но имена героев изменены. Так, Хильдибранд носит имя Хильдигера (Hildigerus), а его сводный брат – имя Хальвдана (Haldanus). Основная тема предсмертной песни в «Деяниях датчан» – та же, что и в «Саге об Асмунде», – это судьба, которая правит жизнью людей, однако переложение Саксона сохраняет еще меньше сходства с германской перебранкой, чем стихотворные вставки в «Саге об Асмунде»:

Collibet alternis devolve fatibus horam,
Et, ferro pausante, solo subsidere paulum,
Alternare moram dictis animosque fovere.
Restat proposito tempus; nam fata duorum
Fors diversa tenet; alium discrimine certo
Sors ferialis agit, alium potioribus annis
Pompa decusque manent et agendi temporis usus.
Sic sibi dividuum partes discriminate omen.
Danica te tellus, me Sveticus edidit orbis
Drot tibi maternum quondam distenderat uber;
Нас гинитрице тибі партиер collacteus exto⁵⁰.

«Мне хочется этот час провести, говоря о различных судьбах,
Заставить металл умолкнуть, только присесть немного,
Разнообразить перерыв разговором и согреть сердца.
Для этого есть еще время. Разные судьбы
Выпадают двоим, жребий смерти приводит
Одного к назначенному ему концу, в то время как другому
Остаются шествия и слава, и возможность прожить дни лучших лет.
Так предзнаменование наделяет их
Разными судьбами. Датская земля родила тебя,
Швеция – меня. Однажды материнская грудь Дрот
Набухала для тебя; я также сосал молоко из ее сосца».

В переложении Саксона Грамматика мать героев носит то же имя (Дрот, Дрота), что и в «Предсмертной Песни Хильдибранда» из «Саги об Асмунде» (Дротт), однако в прозаическом тексте саги ее зовут Хильд. В обеих песнях совпадает и место рождения героев (в саге умирающий Хильдибранд говорит: «Дротт родила тебя в Дании, а меня – в Швеции»). Однако в стихах Саксона Грамматика нет просьбы о достойном погребении, большую их часть занимают рассуждения о беспомощности человека перед лицом злого рока, воспоминания о несчастьях, постигших героя в жизни, противопоставление его собственных невзгод и будущей славы Хальвдана, размышления о трагической судьбе двух братьев, которые в погоне за славой и добычей должны встретить смерть.

В предсмертной песни Хильдигера не упоминается о проклятом мече, играющем роковую роль в «Саге об Асмунде». В отличие от саги, в

рассказе Саксона Грамматика нет речи о том, что мечи, носящие здесь имена Люсинг и Хвитинг, наделены магической силой, однако, как и в саге, они принадлежат материнскому роду героев. Когда шведы нападают на Норвегию, старый Рёгнальд, отец Дрот, прячет мечи в пещере, в той же пещере скрывается и сама женщина. Шведы под предводительством Гуннара находят Дрот, но не могут найти мечей. Брак Дрот с Гуннаром, больше похожий на насилие над ней, предвещает печальную судьбу рожденному от этого брака Хильдигеру. Саксон не раз упоминает о его свирепом нраве, унаследованном им от отца Гуннара, который был отважнейшим из шведов, но, вторгшись в Норвегию, стал жестоким, кровожадным и безжалостным. В отличие от своего сводного брата Хальвдана, проливающего кровь по необходимости и только в целях самозащиты, Хильдигер убивает всех без пощады, пока отец не объявляет его вне закона. Поэтому Гуннар оказывается без помощи сына, когда враги нападают на него самого, и гибнет от руки Боргара, который хочет заполучить его жену.

Второй брак Дрот с убийцей Гуннара Боргаром кажется более благоприятным для ее младшего сына Хальвдана. Хотя Хальвдан в детстве не подает надежд, однако, получив пощечину, убивает своего обидчика. Выслушав отказ от датской принцессы Гурид в ответ на сватовство, он доказывает ей свою отвагу и силу, в одиночку принимая вызов двенадцати воинов, составляющих всю ее стражу, но победив их, не принуждает ее к браку. Хальвдан хочет заслужить славу, отправившись на Русь и оказав помощь рутениям (славянам), и для того просит мать отдать ему мечи. Тем не менее в прозаическом рассказе о его поединке с братом, который предводительствует врагами рутениев – шведами, мечи не играют никакой роли, так как меч Хальвдана остается не названным. Можно предположить, что Саксон пытается избежать упоминаний о волшебных свойствах мечей, одновременно стремясь следовать той традиции, которая сохранила для него рассказ о них.

В предсмертной песни Хильдигера нет речи о волшебных мечах, однако в ней говорится о смерти сына, о скорби отца и даже о матери убитого, т. е., вероятно, о жене Хильдигера, так же ни разу не упоминаемой в прозаическом тексте, как и его сын:

*Ad caput affixus clypeus mihi Sveticus astat,
Quem specular vernans varii caelaminis ornat,
Et miris laqueta modis tabulate coronat.
Illic confectos procures pugilesque subactos,
Bella quoquo et nostrae facinus spectabile dextrae*

Multicolor picture notat; medioxima nati
Illita conspicuo species caelamine constat,
Cui manus haec cursum metae vitalis ademit.
Unicus hic nobis haeres erat, una paterni
Cura animi, superoque datus solamine matri.
Sors mala, quae laetis infaustos aggerit annos,
Et risum moerore permit sortemque molestat.

«У моей главы стоит укрепленный шведский щит,
Украшенный ярким блеском различных рельефов
И обрамленный картинами чудесного искусства.
Здесь многоцветная сцена изображает принцев уничтоженных,
Победителей поверженных, также и войны, и чудесную работу
Моей десницы; и в середине стоит подобие моего сына,
Рельеф поразительно изукрашенный,
Чье течение жизни эта рука привела к его границе.
Он был моим единственным наследником, единственной заботой
На душе у отца, дарованным Свыше матери на радость.
Зол тот рок, который посылает радостным годы несчастья,
Душит смех скорбью и рушит судьбу».

В отличие от саги, в которой сказано, что сын Хильдибранда погибает от руки отца непосредственно перед поединком братьев, стихотворное переложение Саксона, описывающее в числе изображений на щите и убитого отцом сына⁵¹, позволяет предположить, что это убийство произошло задолго до поединка братьев. Хильдигер, подобно Хильдибранду, скорбит о гибели сына, однако похвально «чудесной работой своей десницы», уничтоженными им принцами и «поверженными победителями». Эта похвальба – единственное воспоминание о перебранке героев, сохранившееся в переложении Саксона Грамматика.

Хильдигер, как и Хильдибранд в «Саге об Асмунде», прилагает все усилия, чтобы избежать схватки с братом, однако судьба неумолимо толкает его к роковому концу. Как главный защитник шведского короля, Хильдигер вынужден сразиться с Хальвданом, выступающим предводителем войска рутениев. Получив смертельный удар, Хильдигер тратит последние силы не на месть, но на исполнение предсмертной песни, в которой раскрывает брату глаза на их родство и размышляет о своей злой участи. За убийство Хильдигера Хальвдан наказан судьбой – его жена остается бесплодной. Прежде чем у него родится наследник, Хальвдан должен принести покаяние.

Нельзя не заметить, что в «Саге об Асмунде» и в переложении Саксона Грамматика присутствуют общие мотивы и образы: два меча, со-

ставляющие достояние материнского рода, дряхлый король, не способный управлять страной. В обоих памятниках сюжет битвы между братьями объединен с мотивом поиска невесты. В обоих приводятся поэтические тексты предсмертной песни героя, очевидно восходящие к одному источнику. В этих поэтических текстах говорится об убийстве отцом сына, хотя в прозаической части, построенной вокруг сюжета о битве двух братьев, всякое упоминание о сыне отсутствует. Это сходство свидетельствует об устойчивости традиции, сохранившей сюжет о единоборстве кровных родичей и фрагменты словесного поединка между ними.

В реконструкции древнескандинавского варианта сюжета о битве отца с сыном следует обратиться еще к одному памятнику, в котором вновь встречаются имена Хильдибранда и Асмунда, – фарерской «Песни о Снъэльве» (Snjólv kvæði)⁵². В той части баллады, в которой рассказывается о герое по имени Хильдибранд, упоминается и его сын Грим. Норны предсказывают, что Грим будет убит мечом своего отца, поэтому Хильдибранд выбрасывает меч в море. Асмунд, «сын простой женщины» (kellingarson)⁵³, узнает об этом, находит меч, отправляется в викингский поход, а затем вступает в единоборство с Хильдибрандом и терпит поражение. Тогда Асмунд вызывает на поединок Грима, однако тот отклоняет вызов. Асмунд посылает против него своих воинов, но все они погибают. Наконец, ему удается заставить Хильдибранда вступить в бой со своим неузнанным сыном. Хильдибранд убивает Грима, а потом сам умирает от горя.

«Песнь о Снъэльве», возможно, основанная на более древней традиции, чем прозаическая сага, проливает свет на взаимоотношение скандинавской и немецкой версий сюжета о поединке Хильдебранда⁵⁴. В фарерской песни присутствуют те же герои, что и в саге, однако, как и в древневерхнемецкой традиции (и в русских былинах), в ней идет речь о единоборстве отца и сына, а не о единоборстве двух братьев, как в других скандинавских памятниках (в «Саге об Асмунде» и в рассказе Саксона Грамматика). Можно предположить, что сюжет битвы отца и сына более архаичен, чем единоборство братьев, он встречается в большем числе памятников и в более древних текстах – фрагмент древневерхнемецкой «Песни о Хильдебранде» несомненно отражает наиболее архаичную версию этого сюжета. Из этой архаичной версии другие поэтические памятники могли заимствовать отдельные выражения, такие, например, как *inn svási song* – «милый (букв. «сладкий») сын» в «Предсмертной Песни Хильдибранда» (ср. то же выражение в

немецкой «Песни о Хильдебранде» – *suasat chund*). Мотив убийства отцом сына, вероятно, первоначально присутствовал только в поэтических памятниках – в древневерхненемецкой песни, фарерской балладе и «Предсмертной песни Хильдибранда», восходящей к более древней традиции, чем тот прозаический контекст, в котором она приводится. В прозаический текст саги упоминание о гибели сына от руки отца было введено позднее, очевидно для того, чтобы мотивировать рассказывающую об этом событии поэтическую строфу.

К архаичному варианту сюжета возвращаются и его поздние немецкие переработки. Так, «Младшая Песнь о Хильдебранде» (*Das Jüngere Hildebrandslied*, XV в.), вновь повествующая о битве отца с сыном и о словесном поединке между ними, начинается с рассказа о том, как старый Хильдебранд собирается вернуться на родину в Берн к своей жене Утте (ср. мотив покинутой жены, характерный для различных вариантов сюжета о единоборстве отца с сыном). Узнав о намерении Хильдебранда, герцог Абелунг предостерегает его против юного воина Алебранда, охраняющего заставу (ср. мотив богатырской заставы в сюжете битвы отца с сыном). Хильдебранд отвечает, что не боится Алебранда и изрубит его кольчугу так, что тот целый год будет жаловаться матери. Услышав угрозу Хильдебранда, король Дитрих велит ему дружественно обратиться к Алебранду:

1. «Ich wil zu Land ausreiten», / sprach sich Meister Hildebrant, //
 «Der mir die Weg tet weisen / gen Bern wol in die Land, //
 Die seind mir unkund gewesen / vil manchen lieben Tag: //
 In zwei und dreißig jaren / Fraw Utten ich nie gesach». ⁵⁵
 «Я хочу уехать из этой страны, – / сказал господин Хильдебранд. – // Кто покажет мне дороги / к Берну внутрь страны? // Они мне стали незнакомы / в те многие дорогие дни: // Тридцать два года / я не видел госпожи Утты».
2. «Wilt du zu Land ausreiten», / sprach sich Herzog Abelung, //
 «Was begegnet dir auf der Heiden? / Ein schneller Degen jung. //
 Was begegnet dir auf der Marke? / Der jung Herr Alebrant; //
 Ja, rittest du selbzwölfte, / von im wurdest angerant».
 «Если ты хочешь уехать из страны, / – молвил герцог Абелунг, – // Кто встретит тебя на пустоши? / Гордый юный воин. // Кто встретит тебя на границе? / Юный господин Алебранд. // Даже если ты поскачешь сам двенадцатый, / он наскочит на вас».
3. «Ja, rennet er mich ane / in seinem Übermut, //
 Ich zerhaw im seinen grünen Schild, / es tut im nimmer gut, //
 Ich zerhaw im sein Brinne / mit einem Schirmenschlag, //
 Und daß er seiner Mutter / ein ganz Jar zu klagen hat».

«Если он на меня наскочит / в своей боевой отваге, // Я разможжу его зеленый щит, /
ему несдобровать, // Я разможжу его кольчугу / мощным ударом, // да так, что он своей
матери / весь год будет жаловаться».

4. «Das solt du nicht entun», / sprach sich Herr Dieterich, //
«Wann der jung Herr Alebrant / der ist mir von Herzen lieb; //
Du solt im freundlich zusprechen / wol durch den Willen mein, //
Daß er dich wöl lassen reiten, / als lieb als ich im mag sein».

«Ты не должен этого делать, – / сказал господин Дитрих, – // Ибо юный господин
Алебранд / дорог моему сердцу. // Ты должен говорить с ним дружественно, / такова
моя воля, // Дабы он позволил тебе проехать, / так как он люб мне».

Встреча Хильдебранда и Алебранда происходит на заставе у Берна и начинается с традиционной сцены перебранки. Алебранд спрашивает старика, что ему нужно в чужой стране, и дает ему оскорбительный совет отправляться домой и греться у очага. Хильдебранд достойно парирует словесный выпад молодого нахвальщика и говорит, что всю свою жизнь провел в походах и битвах. Тогда юноша переходит от оскорблений к угрозам. Он обещает вырвать у старика бороду и пролить его кровь, а затем требует, чтобы Хильдебранд сдался, если хочет сохранить жизнь. Хильдебранд не медлит с ответом – он уповает на силу своего оружия и помощь Бога:

5. Do er zum Rosengarten ausreit / wol in des Berners Marke, //
Do kam er in große Arbeit / von einem Helden starke, //
Von einem Helden junge / da ward er angerant: //
«Nun sag an, du vil Alter, / was suchst in meines Vatters Land?».

Когда он подъехал к розовому саду / на заставе у Берна, // Тогда выдалась ему больша-
я работа / от сильного героя, // От юного героя, / там он на него наскочил: // «Теперь
скажи мне, ты, глубокий старик, / что ты ищешь в стране моего отца?»

6. «Du fürst dein Harnisch lauter und rain, / recht wie du seist eins Königs Kind», //
«Du wilt mich jungen Helden / mit gesehenden Augen machen blind; //
Du soltest da heimen bleiben / und haben gut Hausgemach //
Ob einer heißen Glute». / Der Alte lachtet und sprach:

«Ты носишь оружие великолепное и дорогое, / словно ты сын короля», // «Ты хочешь
меня, молодого героя, / ослепить всевидящими глазами, // Ты должен был остаться
дома / и нежиться у очага». // Рассмеялся старик и сказал:

7. «Sölt ich da heimen bleiben / und haben gut Hausgemach? //
Mir ist bei allen meinen Tagen / zu raisen aufgesetzt, //
Zu raisen und zu fechten / bis auf mein Hinefart, //
Das sag ich dir vil jungen, / darumb grawet mir mein Bart».

«Я должен был остаться дома / и нежиться у очага? // Мне было привычно всякий день / пускаться в странствия, // Странствовать и сражаться до тех пор, / пока я не отправлялся в обратный путь. // Вот что я скажу тебе, очень юный, / оттого-то и поседела моя борода».

8. «Dein Bart will ich dir ausraufen, / das sag ich dir vil alten Man, //
Daß dir dein rosenfarbes Plut / uber dein Wangen muß abgan; //
Ein Harnisch und dein grünen Schild / must du mir hie aufgeben, //
Darzū must mein Gefangner sein, / wilt du behalten dein Leben».

«Твою бороду я вырву, / вот что я скажу тебе, глубокий старик, // Так что твоя кровь розового цвета / заструится по твоим щекам; // Твое оружие и твой зеленый щит / тебе придется мне отдать, // И стать моим пленником, / если ты хочешь сохранить свою жизнь».

9. «Mein Harnisch und mein grüner Schild, / die teten mich dick ernern, //
Ich traw Christ vom Himel wol, / ich wil mich dein erwerben». //
Sie ließen von den Worten, / sie zugen zwei scharpfe Schwert, //
Und was die zwen Helden begerten, / des wurden die zwen gewert.

«Мое оружие и мой зеленый щит / часто меня кормили. // Я доверяюсь Христу на Небесах, / я смогу защититься от тебя». // Они оставили слова / и достали два острых меча, // И то, чего хотели оба героя, / было им обоим дано.

Перебранка в «Младшей Песни о Хильдебранде», как и в русских былинах и в древневерхненемецкой «Песни о Хильдебранде», во всем соответствует стилистическим канонам словесных поединков. Здесь используются и прямые обращения («Что ты ищешь?»), и формульные повторы («Вот что я скажу тебе, очень юный» – «Вот что я скажу тебе, глубокий старик»), и ответы, зеркально отражающие утверждения («Ты должен был остаться дома» – «Я должен был остаться дома?»), и подхват («Оттого-то и поседела моя борода» – «Твою бороду я вырву»), и параллелизмы («Твое оружие и твой зеленый щит / Тебе придется мне отдать» – «Мое оружие и мой зеленый щит / Часто меня кормили»), и эмфатическое противопоставление местоимений «я» – «ты» («Вот что я скажу тебе», «Я смогу защититься от тебя»). Последнее слово в словесном поединке остается за отцом, что предвещает его победу и в реальном поединке.

От угроз и оскорблений противники в соответствии с германскими обычаями переходят к оружию. Поединок в немецкой песни, как и в русской былине, начинается с временного поражения отца и победы сына. Хильдебранд предполагает, что лучшему боевому приему юноша научился у женщины. Алебранд отвечает на обвинение похвальбой, апеллируя к своему богатству и знатности. Однако Хильдебранд обезоружи-

вает молодого витязя и, бросив его на траву, дважды, почти как Илья в былинах, требует у него ответа на вопрос о его происхождении:

10. Ich weiß nit, wie der Junge / dem Alten gab einen Schlag, //
Daß sich der alte Hildebrant / von Herzen sere erschrack. //
Er sprang hinter sich zu rucke / wol sibem Klafter weit: //
«Nun sag an, du vil Junger, / den Streich lernet dich ein Weib!»

Я не знаю, как юноша / старцу нанес удар, // Так что старого Хильдебранда / до сердца страх пронзил, // Он отпрыгнул назад / на семь поприщ в ширину: // «Теперь скажи мне, ты очень юный, / этому удару тебя научила женщина!»

11. «Sölt ich von Weibern lernen, / das wer mir immer ein Schand, //
Ich hab vil Ritter und Knechte / in meines Vatters Land, //
Ich hab vil Ritter und Grafen / an meines Vatters Hof, //
Und was ich nit gelernet hab, / das lerne ich aber noch».

«Если бы я выучился у женщины, / то мне это было бы навсегда в поношение, // У меня много рыцарей и слуг, / в стране моего отца, // У меня много рыцарей и знатных людей, / при дворе моего отца, // И тому, чему я еще не выучился, / я выучусь потом».

12. Er erwüsch in bei der Mitte, / da er an dem schwechsten was, //
Er schwang in hinder sich zu rucke / wol in das grüne Gras: //
«Nun sag mir, du vil Junger, / dein Beichtvater wil ich wesen: //
Bist du ein junger Wölfinger, / von mir magst du genesen.

Он обхватил его за талию, / где тот был слабее всего, // Он швырнул его назад на спину / прямо в зеленую траву: // «Теперь скажи мне, ты очень юный, / твоим исповедником я буду, // Если ты молодой Вольфингер, / от меня ты получишь покой.

13. Wer sich an alte Kessel reibt, / der empfahet gern Rame, //
Also geschieht dir, vil Jungen, / wol von mir alten Manne; //
Dein Beicht solt du hie aufgeben / auf diser Heiden grün, //
Das sag ich dir vil eben, / du junger Helde kün».

Тот, кто трется о старый котел, / сильно пачкается сажей. // То же случится и с тобой, очень юный, / из-за меня, старого человека. // Тебе придется принести свою исповедь / на этой зеленой траве, // Это я тебе говорю, / ты молодой отважный герой».

В приведенных строках отец сам подсказывает юноше ответ, называя свое родовое имя Вольфингер (Wölfinger), и спрашивает, не это ли имя носит и юноша. Однако прежде чем назвать имя своей матери Утты и имя своего отца, Алебранд в последний раз отдает дань традициям перебранки – он упрекает отца в том, что тот «слишком много говорит о волках», перетолковывая его слова в «этимологическом» смысле (Wölfinger – происходящий «от волков» – von Wölfen)⁵⁶.

Поняв, что перед ним его сын, Хильдебранд, подобно Илье Муромцу в северо-восточных вариантах былин, радуется и целует юношу. В отличие от былин, где сын остается врагом своему отцу и пытается погубить его, Алебранд в немецкой песни раскаивается в том, что нанес отцу раны. Отец успокаивает его и отправляется вместе с ним к своей жене в Берн. Хильдебранд не сразу открывается жене, поэтому она не может скрыть удивления при виде того, с каким почтением ее сын относится к своему пленнику. Тем большую радость для нее приносит признание.

14. «Du sagst mir vil von Wölfen, / die laufen in dem Holz: //
Ich bin ein edler Degen / aus Krichenlanden stolz, //
Mein Mutter die heißt Fraw Utte, / ein gewaltige Herzogin, //
So ist der Hildebrant der alte / der liebste Vater mein».
- «Ты много говоришь мне о волках, / которые бегают в лесу: // Я знатный воин, / гордый из Греции. // Мою мать зовут госпожа Утта, / могущественная герцогиня, // Так и Хильдебранд старый, / мой любимый отец».
15. «Heißt dein Muter Fraw Utte, / ein gewaltige Herzogin, //
So bin ich Hildebrant der alte, / der liebste Vatter dein». //
Er schloß ihm auf sein gulden Helm / und kust in an seinen Mund: //
«Nun müß es Gott gelobet sein, / wir seind noch beid gesund».
- «Если зовут твою мать Уттой, / могущественной герцогиней, // То я старый Хильдебранд, / твой любимый отец». // Он расстегнул свой золотой шлем / и поцеловал его в уста: // «Теперь восславим Господа, / мы оба все еще здоровы».
16. «Ach Vater, liebster Vater, / die Wunden, die ich dir hab geschlagen, //
Die wolt ich dreimal lieber / in meinem Haubte tragen». //
«Nun schweig, du lieber Sune: / der Wunden wirt gut Rat, //
Seid daß uns Got all beide / zusammen gefüget hat».
- «Ах, отец, любимейший отец, / я бы хотел, чтобы в три раза больше // Тех ран, которые я тебе нанес, / оказалось на моей голове». // «Теперь умолкни, дорогой сын, / с ранами все будет хорошо, // Раз Бог нас обоих / привел соединиться».
17. Das weret von der None / biß zu der Vesperzeit, //
Biß daß der jung Her Alebrant / gen Bern einhin reit. //
Was fürt er an seinem Helme? / Von Gold ein Krenzelein. //
Was fürt er an der Seiten? / Den liebsten Vater sein.
- На то понадобилось с девятого часа / до вечерней службы, // Чтобы юный господин Алебранд / в Берн приехал. // Что было у него на шлеме? / Из золота корона. // Что было сбоку от него? / Его любимейший отец.
18. Er fürt in mit im in seinen Sal / und satzt in oben an den Tisch, //
Er pot im Essen und Trinken, / das daucht sein Mutter unbillich. //

«Ach Sune, lieber Sune, / ist der Eren nicht zu vil, //
Daß du mir ein gefangen Man / setzst oben an den Tisch?»

Он ввел его в палаты / и усадил во главе стола, // он подал ему еду и питье, / это показалось странным его матери. // «Ах сын, любимый сын, / не слишком ли большая честь, // что ты пленника / усаживаешь во главе стола?»

19. «Nun schweige, liebe Mutter, / ich will dir neue Meer sagen: //
Er kam mir auf der Heide / und het mich nahent erschlagen; //
Und höre, liebe Mutter, / kein Gefangner sol er sein: //
Es ist Hildebrant der alte, / der liebste Vater mein.

«Теперь умолкни, любимая мать, / я скажу тебе новость. // Он наехал на меня на пустоши / и едва меня не убил. // И послушай, любимая мать, / он не должен быть пленником, // Он Хильдебранд Старый, / любимейший мой отец».

20. «Ach Mutter, liebe Mutter mein, / nun beut im Zucht und Eer!» //
Do hub sie auf und schenket ein / und trug ims selber her; //
Was het er in seinem Munde? / Von Gold ein Fingerlein, //
Das ließ er inn Becher sinken / der liebsten Frawen sein.

«Ах, мать, моя любимая мать, / теперь приветим его и окажем честь. // Тогда она взглянула и разрыдалась, / и привлекла его к себе, // Что держал он во рту? / Золотое колечко, // Которое он уронил в кубок / своей любимейшей жены.

Может показаться, что окончание «Младшей Песни о Хильдебранде» находится вне аналогий с русскими былинами. Вспомним, однако, что и среди былин об Илье Муромце и Сокольнике тоже есть несколько вариантов, где отец не убивает сына, но они вдвоем отправляются к матери.

Как и в архаичных вариантах этого сюжета, отраженных в «Младшей Песни о Хильдебранде», поединок заканчивается победой отца и его примирением с сыном и в скандинавской «Саге о Тидреке», где сын, который носит то же имя, что и в «Младшей Песни о Хильдебранде» (Алибранд / Алебранд), везет отца к его покинутой жене.

В «Саге о Тидреке» сюжет битвы отца с сыном, как и в большинстве германских памятников, приурочен к возвращению короля Тидрека в Берн в сопровождении Хильдибранда и других рыцарей (гл. 406–408). Подъезжая к замку ярла Хлодвера и его сына Конрада, Хильдибранд встречает в лесу их человека и, не называя своего имени, хочет узнать, кто правит Берном. Житель замка отвечает ему, что правитель Берна зовется Алибрандом, сыном старого Хильдибранда. Услышав эту новость, Хильдибранд смеется и спрашивает, хороший ли Алибранд воин и что он за человек. Житель замка дает сыну Хильдибранда самую высокую оценку: «Алибранд – величайший из всех воинов, и он превосходит всех

людей щедростью и вежливостью. Он суров и отважен с врагами, и он не хочет, чтобы его сравнивали ни с кем»⁵⁷ (гл. 403). После этого Хильдibrанд открывает свое имя Конраду, сыну хозяина замка, именуя себя «господином Ильвингов» (гл. 404).

За приведенным эпизодом в саге следует введение, предваряющее рассказ о битве отца с сыном. Роль введения выполняет в «Саге о Тидреке» диалог Хильдibrанда с Конрадом, призывающим его вести себя с Алибрандом вежливо и грозящего ему смертью, если он не последует этому совету (гл. 406). Диалог отца с союзником, который пытается предостеречь его, указывая на необыкновенную мощь сына, предваряет и битву Ильи Муромца с Сокольников в северо-восточных былинах.

Сравним описание поединка отца с сыном в былинах и в «Саге о Тидреке», по возможности проводя параллели с тем, как изображаются соответствующие эпизоды в древневерхненемецкой «Песни о Хильдебранде» и в «Младшей Песни о Хильдебранде».

1. Предыстория – ретардация (нагнетание деталей = запугивание отца)

Былины об Илье Муромце	Сага о Тидреке
«Поворачивал нахвальщина добра коня, / попушал на Добрыню Никитича. Сыра мать-земля всколебалася, / из озер вода выливалася, / под Добрыней конь на колнца пал» [Илья Муромец 1958: 180]. Говорил тут Добрыня таково слово: «Уж там ездит в поли молодец, не моя чета, / не моя чета, не моя ровня / <...> / Он ведь едет к нам на славен крашен Киев-град, / он и хочет нас, богатырей, повысмотреть, / он на сабельку богатырей нас повырубить <...> тебя, старого казака, конем стоптать» [Там же: 187]. «Уж я сколько по чисту полю не ежживал, – / уж я эдакого богатыря не видывал» [Там же: 194].	Диалог Хильдibrанда с Конрадом. Конрад: «Если ты встретишь своего сына Алибранда, говори с ним вежливо и скажи ему, что ты его отец. Если ты этого не сделаешь, то встретишь смерть». В ответ на вопрос Хильдibrанда, как он узнает Алибранда, Конрад говорит Хильдibrанду: «У него белый конь, и золотые гвозди в подковах. Его щит белый, как мука, и на нем запечатлен замок. Алибранду нет равных в стране Амелунгов, а ты сейчас стар и не сможешь дать ему отпор». Хильдibrанд рассмеялся и сказал: «Хотя Алибранд, мой сын, думает, что он великий воин и держит себя так гордо, что не сравнится ни с кем другим, все же как бы я ни был стар, может случиться, что он не скажет мне свое имя прежде, чем я назову ему свое» (гл. 406).

Предыстория присутствует и в других памятниках, повествующих о битве отца с сыном, за исключением фрагмента древневерхненемецкой «Песни о Хильдебранде». Так, в «Младшей Песни о Хильдебранде»,

например, герцог Абелунг предупреждает Хильдебранда о том, что на границе его встретит юный Алебранд, который наскочит на него, даже если он отправится с отрядом из одиннадцати рыцарей. В той же песне Дитрих просит Хильдебранда дружественно обойтись с Алебрандом, мотивируя свою просьбу сердечной склонностью к юному рыцарю.

По сравнению с «Младшей Песней о Хильдебранде» в «Саге о Тидреке» и в северо-восточных былинах нагнетанию зловещих деталей и запугиванию отца уделяется большее внимание. В «Саге о Тидреке» Конрад просит Хильдибранда вежливо обойтись с Алибрандом, однако прибегает к более существенным аргументам, чем те, которые упоминались в «Младшей Песни о Хильдебранде» («ты должен говорить с ним дружественно, так как он люб мне») – Конрад грозит Хильдибранду смертью от руки его сына. В былинах Добрыня тоже говорит, что Сокольник хочет «повырубить» богатырей, а «старого казака» Илью Муромца «конем стоптать». Описывая великолепное одеяние Алибранда, Конрад утверждает, что ему нет равных, и напоминает Хильдибранду о его собственной старости и немощи. Сходным образом житель замка Хлодвера характеризует Алибранда как «величайшего из всех воинов» и сообщает Хильдибранду о том, что его сын «суров и отважен с врагами и не хочет, чтобы его сравнивали ни с кем» (гл. 403). Однако и в былинах Добрыня тоже говорит о той участи, которая уготована старому казаку Илье и о том, что нахвальщине нет равных («...скольки по чисту полю не ежжвал, – / Уж я эдакого богатыря не видывал»).

Так, в предыстории можно заметить общие детали, присутствующие и в былинах, и в «Саге о Тидреке»: союзник предупреждает отца о том, что ему грозит смерть от руки юного воина, который описывается как противник, превосходящий отца силой; возраст отца и сына противопоставляются; говорится о том, что юному герою нет равных.

2. Описание противника – упоминание о соколе

Былины об Илье Муромце	Сага о Тидреке
«То ли летит ясен сокол, / то ли едет там удалой доброй м-лодец, / едет видно собака потешается, / впереди его, собаки, да бежит серый волк, / позади его, собаки да звери всякие, / на правом-то плече сидит ясен сокол, / на левом-то плече дак сидит бел кречет» [Былины Печоры 2001/1: № 69]. «А богатырь ли там едет да потешается: / Попереди-то его да бежит серый волк, / Позади-то его да бежит черный выжлок; /	Навстречу ему (Хильдибранду) скакал человек с двумя собаками, на левой руке у него был сокол. Этот человек возвышался в седле и благородно сидел на своем коне. Конь у него

<p>На правом-то плече, знать, воробей сидит, / На левом-то плече, да знать, белой кречет» [Там же: № 67].</p> <p>«На правом плече у него сидит седой голубь, / На левом плече сидит сизый сокол, / Впереди его бежит собака его верная» [Там же: № 76].</p> <p>«а конь где белой, да наубел весь бел, / а хвост-де, грива да научерн-черна» [Там же 2003/3: № 84].</p>	<p>был белым, и сбруя была белая с изображением Берна с золотыми башнями (гл. 407).</p>
--	---

Описание противников отсутствует во всех вариантах германских памятников о поединке кровных родичей, кроме «Саги о Тидреке». В старшей «Песни о Хильдебранде» упоминается только об оружии и одежде: «По кольчуге сверкающей вижу: / Одеянье богато твое, / Знать, хорошего князя ты воин, / И изгнанником вряд ли слывешь», 36–47, перев. Т.Я. Сулиной (ср. в «Младшей Песни о Хильдебранде»: «Ты носишь оружие великолепное и дорогое, / Словно ты сын короля», 6). Напротив, в «Саге о Тидреке» дается описание выезда сына, которое не только используется как дополнительное средство, нагнетающее опасность поединка, но и содержит поразительные черты сходства с былинами об Илье Муромце и Сокольнике. В обоих памятниках говорится, что сын скачет на белом коне, в обоих – его сопровождают собаки (в былинах упоминается выжлок), и в обоих он оказывается «сокольным» – на руке его (в былинах – на правой, в саге – на левой) сидит сокол⁵⁸.

3. Вопрос об имени – оскорбление – вопрос

Былины об Илье Муромце	Сага о Тидреке
<p>Повалив Сокольника и насев на него, Илья спрашивает его о роде и племени: «Ах ты, удалый добрый молодец, / Какого ты города, какой земли, / Какого отца, какой матушки?». Сын отвечает: «Я сидел бы у тебя на белых грудях, / Смотрел бы у тебя ретиво сердце, / Не спрашивал бы ни родины, ни отчины» [Былины Печоры 2001/1: № 73].</p> <p>Говорит-то ему Илья во второй закон: «Уж ты чьей же земли, да чьего города, / ты какого отца, какой матушки?». Сокольник: «Кабы сидел-то я у тебя да на белых грудях, / не спросил бы я</p>	<p>Алибранд сказал: «Кто этот старик, что стоит передо мной? Скажи мне быстрее свое имя и отдай мне твое оружие, тогда ты можешь сохранить свою жизнь, а если не скажешь, плохо тебе будет». Хильдибранд ответил: «Если ты хочешь знать мое имя, тебе придется сказать мне свое имя первым, а потом тебе придется отдать мне свой меч и свое оружие, прежде чем мы расстанемся. И если ты не сделаешь этого добровольно, тогда тебе придется сделать то же самое по принуждению». Алибранд: «Если ты скажешь мне свое имя и отдашь оружие, тогда ты сохранишь жизнь, но если ты этого не сделаешь, то будешь убит». Хильдибранд: «Ты не хотел сказать мне свое имя, когда мы встретились, и это не бесчестье, но те-</p>

у тебя не роду, не племени, / не спросил бы не города, отца-матушки, – а колот бы твои-то все белы груди, / посмотрел бы твое-то ретиво сердце» [Илья Муромец 1958: 198].
 Говорит-то ему да во третьей након: / «Уж ты чьей же земли, да чьего города, / ты какого отца, какой матушки?» [Там же: 198].
 Илья: «Ты скажи-ко, удалой доброй молодец, / ты какого отца да какой матери».
 Илья: «Тебя как, молодца, именем зовут, / величают удалого из отчества?» [Былины Печоры 2001/1: № 74].

перь тебе придется сказать мне его, и если ты не победишь».
 Хильдибранд: «Если ты из рода Ильвингов, то скажи мне, и я дарю тебе пощаду, но если это не так, тогда я убью тебя».
 Алибранд: «Если ты хочешь сохранить жизнь, то сдавайся, ибо я принадлежу к роду Ильвингов не более чем ты, и ты, конечно же, дурак, хоть и очень старый. Скажи мне скорее свое имя. Если бы ты знал, кто я, тогда ты не называл бы моего отца Ильвингом» (гл. 408).

Словесный поединок сопровождает встречу отца с сыном и в былинах, и в «Саге о Тидреке». Если в былинах словесный поединок происходит во время битвы, то в «Саге и Тидреке» и в других германских памятниках, например в «Песни о Хильдебранде», перебранка героев предваряет их единоборство. Представление героев и вопросы об имени содержат все произведения, но только в старшей «Песни о Хильдебранде» есть и ответ сына, и его рассказ об отце. Во всех остальных германских версиях сюжета сын отказывается отвечать на вопросы отца.

Если в древневерхненемецкой «Песни о Хильдебранде» и в русских былинах вопрос об имени задает отец, то в «Младшей Песни о Хильдебранде» и в «Саге о Тидреке» вопросы задает сын, однако в первой его интересует не столько имя отца, сколько цель его приезда, что в сущности эквивалентно вопросу об имени. Старшая «Песнь о Хильдебранде» позволяет понять, что первым вести речь подобает именно отцу, ибо он «старше годами и опытом мудр, / юношу он вопрошал». Очевидно, в «Младшей Песни о Хильдебранде» и в «Саге о Тидреке» сын наносит отцу оскорбление уже тем, что первым обращается к нему, а значит, вызывает его на словесный поединок. Неудивительно, что в обоих памятниках отец не только отказывается отвечать на вопрос сына, но и прибегает к угрозам (в саге) или к насмешкам (в «Младшей Песни о Хильдебранде»).

В былинах и в «Саге о Тидреке» каноны словесного поединка соблюдены лишь формально – второй «раунд» (вопрос – ответ) немного добавляет к первому: повторные реплики поединщиков почти совпада-

ют по смыслу с первыми, лишь незначительно их варьируя. Так же как и Илья в былинах, каждый из оппонентов настоятельно требует от противника назвать свое имя. Третий «раунд» в саге функционально идентичен третьему вопросу Ильи – оппоненты в саге хотят узнать не только имя, но и к какому роду принадлежит противник (ср. в былинах: «какого ты отца?», «как тебя величают из отчества?»; в саге: «Если бы ты знал, кто я, тогда ты не называл бы моего отца Ильвингом»). Дополнительная черта сходства в описаниях словесных поединков в саге и в былинах состоит в том, что до грубостей и насмешек опускается только сын, но не отец. Семантика оскорблений идентична и в саге, и в былинах – сын издевается над старостью отца. Так, Алибранд говорит: «и ты, конечно же, дурак, хоть и очень старый», ему «вторит» Сокольник: «спорол бы тебе, старому, белые груди».

Словесный поединок сменяется настоящим во всех памятниках – отец и сын вступают в единоборство.

4. Предательский удар сына

Былины об Илье Муромце	Сага о Тидреке
<p>«Тут и спит в шатре стары казак Илья Муромец... / Не зашел тут Сокольник во белой шатер. / Он и брал <i>копье</i> свое-то ноне вострое, / Он кинал его старому во белы груди. / И прилетело копье старому нонче в чуден крест» [Илья Муромец 1958: 191].</p> <p>«Тогда забежал Сокол во бел шатер / ...со своим <i>ножом</i> со булатным, / он ткнул стара казака во белы груди, / у старого-то казака был чудный крест, / во крест нож-то ударился» [Былины Печоры 2001/1: № 76].</p> <p>«Натягивает он (Сокольник) свой тугой <i>лук</i>, / кладет туда калену стрелу... / И пала (стрела) Ильи во белы груди, / а пала ему в крест серебряный» [Там же: № 73].</p>	<p>Старик подошел к нему ближе и нанес ему мощные удары. Тут Хильдибранд нацелил ему удар в бедро, так что рассек кольчугу, и Алибранд получил огромную рану, такую, что нога его стала бесполезной. Он сказал: «Вот мой <i>меч</i>. Сейчас я не могу больше стоять перед тобой. Твой враг у тебя в руках». Он протянул свою руку. Старик повернул свой щит и протянул руку к мечу. Тогда Алибранд исподтишка ударил старика и попытался отсечь ему руку. Но старик быстро закрылся щитом и сказал: «Ты узнал этот удар от женщины, а не от своего отца» (гл. 408).</p>

Мотив предательского удара сына не встречается ни в одном германском памятнике, кроме «Саги о Тидреке». Особенно важную сюжетную роль этот мотив играет в былинах – в большинстве вариантов предательский удар мотивирует изменение отношения Ильи к Сокольнику и предвещает его гибель от руки отца. Своеобразное предвосхищение этого мотива можно заметить уже в старшей «Песни о Хильдебранде».

Однако если в былине и в саге жертвой предательства становится отец, то в «Песни о Хильдебранде», напротив, подозрительность выказывает сын – Хадубранд ожидает подвоха от отца, считая, что Хильдебранд дарит ему кольцо, чтобы ловчее убить его в тот момент, когда он спешится за подарком.

В «Саге о Тидреке» отец предполагает, что предательскому удару исподтишка сына научила женщина. В «Младшей Песни о Хильдебранде» тоже упоминается об ударе, который так испугал отца, что тот отпрыгнул, а затем воскликнул, что этому удару Алебранда научила женщина, однако здесь роль женщины остается непонятной и потому немотивированной. Можно лишь догадываться, что этой женщиной могла быть покинутая мать героя, желающая отомстить отцу⁵⁹. И вновь следует напомнить, что о матери героя наиболее подробные сведения сохранили былины, рассказывающие об обстоятельствах встречи родителей юного героя и его рождении⁶⁰. Только в былинах содержится мотив мести сына матери после победы отца⁶¹.

5. Победа отца (отец садится на грудь поверженного врага) – последний вопрос отца об имени – признание сына

Былины об Илье Муромце	Сага о Тидреке
Он бросал-то Сокольника на сыру землю, / он садился ему да на белы груди: «Да какого роду, какого племени, / но как же тебя зовут по имени?» [Былины Печоры 2001/1: № 68, 70]. Говорит-то дородней доброй молодец: / «...Уж я сын-то Маринки всё Кайдаловки... А меня она послала всё на святую Русь, / ... отыскать тебя, старого, седатого... называть тебя велела всё родным батюшкой» [Илья Муромец 1958: 198].	Старик напал так быстро, что юноша упал на землю, а старик вскочил на него, приставил меч к его груди и воскликнул: «Скажи мне скорей твое имя и твой род, или ты лишишься жизни!». Алибранд ответил: «Этого я никогда не скажу, и меня не заботит, лишусь я жизни или нет, раз уж меня победил такой старый серый гусак». Хильдибранд молвил: «Если ты хочешь сохранить жизнь, то скажи мне скорей, Алибранд ли ты, мой сын, ведь я Хильдибранд, твой отец». Юноша сказал: «Если ты Хильдибранд, мой отец, то я Алибранд, твой сын (гл. 408).

Битва отца с сыном неизменно заканчивается победой отца, последним вопросом об имени и признанием сына, однако лишь в былинах и в «Саге о Тидреке» окончание поединка отца и сына описывается сходным образом. Юноша падает на землю, отец вскакивает ему на грудь и задает свой последний вопрос. Юный герой понимает, что поплатится жизнью, если будет продолжать скрывать свое родство, и потому назы-

вает имя отца или матери. Этим трагическая развязка поединка в «Саге о Тидреке» исключается (отец и сын становятся союзниками в борьбе против общего врага), в былинах же она обычно лишь откладывается в предвосхищении нового столкновения между отцом и сыном, на сей раз фатального.

6. Реакция отца на признание сына и поездка к матери

Былины об Илье Муромце	Сага о Тидреке
<p>А соскакиват старой да со черных грудей, / а хватал его, молодца, за белы руки, / целовал его он в уста сахарные... [Былины Печоры 2001/1: № 69].</p> <p>Тогда старой соскакивал с белых грудей, / брал доброго молодца за белы руки, / подымал с сырой земли... [Там же: № 71].</p> <p>Встал тут Илья со белых грудей, / взял он его за белые руки, / встали они на резвые ноги (поцеловались) [Там же: № 73].</p> <p>Тогда стал Илья со черных грудей, / и берет его за белые руки, / целовал его в уста сахарные: «Уж ты ой еси, мое чадо милое!» [Там же: № 74].</p> <p>«Он ведь брал-то его да за праву руку, / Целовал он его в уста сахарные» [Илья Муромец 1958: 199].</p> <p>Да и едет Сокольник ко свою двору, / ко свою двору, к высокоу терему, / да встретит его матушка родимая. / «Уж ты чадо ли, чадо мое милое! / Уж дитя ты мое, дитя сердечное! / Уж што же ты нынъ едешь да не по-старому? / Да и конь-то бежит не по-прежнему? / Повеся ты держишь да буйну голову, / потопа ты держишь да очи ясные» [Былины Печоры 2001/1: № 67].</p> <p>И тут падал Сокольник Илья Муромцу, / он падал Ильи Муромцу во праву ногу: / «Уж ты прости меня, тятенька, виноватого: / нагонула мне-ка маменька – да не сказала же! / И тут садились они да на добрых коней / и поехали да во свою землю, / во свою землю – да как ко Киеву, / и ко той же вдовы да ко Златыгодки [Там же 2003/3: № 85].</p>	<p>Тут Хильдибранд быстро соскочил с него, а Алибранд узнал своего отца, обнял и поцеловал его. Хильдибранд был очень рад сыну, и Алибранд тоже был рад отцу. Они вскочили на своих коней и поехали назад в замок.</p> <p>Они поехали вечером к матери Алибранда. Она вышла встретить их и увидела своего сына в крови и раненного. Она заплакала и сказала: «Мой милый сын, кто нанес тебе такую рану?» (гл. 409).</p>

Реакция отца на признание сына почти тождественна в былинах, в «Саге о Тидреке» и в «Младшей Песни о Хильдебранде»: отец радуется, поднимает поверженного сына и целует его. Детальность описания в этих памятниках различна. В саге, в соответствии с канонами сагового стиля, этот эпизод изображен наиболее лаконично, в былинах и в младшей песни добавляются детали, такие, как эмоциональные восклицания отца (в былинах), запоздалые сожаления сына о нанесенных отцу ранах (в «Младшей Песни о Хильдебранде»).

В «Младшей Песни о Хильдебранде» и в «Саге о Тидреке» отец и сын вместе отправляются к матери. В былинах Сокольник обычно едет к матери один, и она тоже, как и в «Саге о Тидреке», встречает его, сочувствуя его поражению. «Младшая Песнь о Хильдебранде» отличается от былин и саги тем, что в ней вводится мотив, скорее всего поздний, временного притворства отца с сыном, скрывающих от матери поражение сына.

Итак, для былин об Илье Муромце и Сокольнике и для «Саги о Тидреке», отражающей германское сказание о поединке отца с сыном, характерно не только присутствие общих образов и мотивов (таких, как покинутая жена, богатырская застава, перебранка, временная победа сына), но и сходство в деталях: союзник грозит отцу смертью от руки сына; возраст отца и сына противопоставляется; сын изображается как не имеющий равных; на руке сына сидит сокол; его сопровождают собаки; он едет на белом коне; отец не ищет примирения с сыном, но вступает с ним в бой; сын же, пощаженный отцом, наносит ему предательский удар. Сходным образом описывается в саге и в былинах и сцена перебранки, сопровождающая единоборство отца и сына. Вербальные параллели и совпадения в деталях здесь слишком множественны, чтобы быть случайными. Мирному окончанию поединка с сыном в «Саге о Тидреке» тоже находятся параллели в некоторых печорских и мезенских вариантах былин, где отец не убивает сына, а примиряется с ним⁶². Однако примирение отца с сыном, а тем более с матерью, очевидно, следует отнести к поздним мотивам, признав трагическое окончание поединка приметой более архаичного варианта.

Для объяснения сходства былин с «Сагой о Тидреке» вспомним о происхождении последней. Предполагается, что первоначальный вариант обширной компиляции эпических сказаний о Дитрихе Бернском был создан в Германии около 1190 г. и переведен в Норвегии в первой половине XIII в.⁶³ В прологе саги дается однозначное указание на ее устные германские источники: немецкие сказания, рассказы немецких людей и древние песни: «Эта сага составлена из рассказов немецких мужей, часть ее восходит к их песням, которые были сочинены, чтобы развлечь великих людей; они были сложены очень давно, вскоре после событий, о которых здесь рассказывается»⁶⁴. Среди древних песней, упоминаемых составителем саги, могла быть и песнь о поединке отца с сыном, которая излагается в нескольких главах саги (406–408), предположительно основанных на эпических сказаниях. Создателю «Саги о Тидреке» было известно и имя Илиас, которое он связывал с Вальдимаром, ко-

нунгом Руси, таким образом, и этот частный пример говорит о том, что в средние века границы между Русью и германским миром отнюдь не были непроницаемы⁶⁵. У Саксона Грамматика битва кровных родичей происходит на Руси, куда герой саги отправляется защищать рутениев (славян)⁶⁶. Уместно вспомнить, что в русских былинах этот сюжет не единичен. Помимо былин об Илье и Сокольнике, известных в самых разнообразных вариантах, единоборство отца с сыном описывается в былинах о Сауре Леванидовиче⁶⁷.

Чтобы объяснить сходство между былинами и «Сагой о Тидреке» едва ли достаточно сослаться только на типологию. Очевидно, структурное и содержательное единообразие эпоса народов мира не всегда имеет чисто типологическое объяснение⁶⁸. Хотя обычно героический эпос, относящийся – с точки зрения самой традиции – к числу повествований «достоверных», редко становится предметом культурного заимствования, а распространенность «бродячих сюжетов», таких, как «битва отца с сыном», является результатом «культурной диффузии»⁶⁹, тем не менее пример «Саги о Тидреке» и былин об Илье Муромце и его сыне следует отнести к числу немногих исключений. Можно представить себе, что в отдельных случаях типологическое сходство сюжетов могло осложняться и генетическим родством. Нельзя исключать существование единого источника и для присутствующей в обоих памятниках сцены словесного поединка.

Глава 2 Перебранка в древнеанглийской поэзии

В англосаксонской поэзии мы находим всего четыре примера словесных поединков, причем все они встречаются в героическом эпосе. Два примера содержатся в «Беовульфе», первый словесный поединок происходит между героем и датским стражем (239–319), второй – между Беовульфом и Унфертом (449–610). Еще два примера словесных поединков можно найти в эпических поэмах «Битва при Мэлдоне» (25–95) и «Вальдере» (II, 1–31).

Дошедшие до нас отрывки из эпической поэмы «Вальдере», основанной на бытовавших в устной традиции германских сказаниях о Вальтере Аквитанском, содержат один из наиболее ранних примеров словесного поединка в англосаксонском эпосе. Предполагается, что эта поэма, сохранившаяся лишь в двух фрагментах (32 и 31 строки), была сочи-

нена в Нортумбрии в VIII в. [Norman 1949: 23; Magoun, Smyser 1950: 1; Surles 1987: 19]. Судя по пространности и размеренности речей героев, уцелевшие отрывки могли быть частью поэмы, превосходящей по объему героические песни «Старшей Эдды» и, возможно, сопоставимой по художественной ценности с «Беовульфом».

Фрагменты англосаксонской поэмы обычно истолковываются на основании сопоставления с известной латинской поэмой «Вальтарий мощный дланью» (*Valtarius manu fortis*), датируемой X в. Сюжет «Вальтария» связан с нашествием Атиллы, правителя гуннов, на западные земли: во владения франков и бургундов, а также в Аквитанию. Чтобы сохранить мир с Атиллой, правители этих стран отдали ему своих детей в заложники. Король бургундов Херирик послал свою единственную дочь Хильдегунду, король Аквитании Алфер – своего сына Вальтария, с младенчества обрученного с Хильдегундой, король же франков Гибихон не смог отдать своего сына Гунтария, так как тот не был еще отлучен от матери, и заменил его юношей знатного рода Хагано. Со временем Вальтарий и Хагано стали великими воинами и предводителями гуннских ратей, а Хильдегунде были поручены драгоценности королевы. Король франков Гибихон умер, и трон наследовал Гунтарий, который отказался платить дань Атилле. Узнав об этом, Хагано бежал на родину к Гунтарию. Позднее решили покинуть Атиллу и Вальтарий со своей невестой Хильдегундой, захватив сокровища гуннов. Повествованию об их путешествии и опасностях, подстерегающих беглецов, посвящена большая часть поэмы. Гунтарий с отрядом франков, среди которых находится Хагано, нападает на Вальтария. Сначала Хагано, связанный с Вальтарием обетом побратимства, отказывается вступать в бой, но после того как погибают один за другим все франки, включая его племянника Патафрида, соглашается участвовать в сражении.

Сцена битвы Вальтария с Хагано и Гунтарием детально описана в латинской поэме. Все трое воинов спешиваются и начинается величайшая схватка, которая продолжается восемь часов. Наступает девятый час сражения, и Вальтарий понимает, что должен выйти из боя до того, как устанет. Метнув копье, он нападает на Гунтария и отрубает ему мечом ногу, а затем собирается нанести поверженному королю смертельный удар, но Хагано подставляет свою голову, и меч Вальтария разбивается о кованый шлем бывшего друга. Отбрасывая бесполезную рукоять меча, Вальтарий на миг оставляет без прикрытия правую руку, и Хагано отсекает ее. Тогда Вальтарий обнажает свой кинжал, поражает Хагано в правый глаз, разрубает ему губы и выбивает шесть зубов. После жесто-

кой битвы герои заключают мир, и Вальтарий становится правителем Аквитании на следующие 30 лет.

В англосаксонской поэме тоже идет речь о битве между Вальдере (Вальтере Аквитанском), возвращающимся на родину в Бургундию, и королем бургундов Гудхере (Гунтари). В первом отрывке действие происходит в разгар боя перед решающей битвой, когда Вальдере уже лишился одного меча и Хильдегюд (Хильдегунда) вселяет в героя отвагу, призывая его не падать духом и не печалиться об утраченном мече.

Во втором отрывке, который начинается с речи Вальдере, обращенной к Гудхере, очевидно представлена часть словесного поединка двух героев, непосредственно предшествовавшего решающей схватке. Подобно большинству эпических героев (Хенгесту в «Битве при Финнсбурге», охраняющему двери в палаты, Бюрхтноту в «Битве при Мэлдоне», защищающему брод через реку, Беовульф, стоящему на страже Хеорота), Вальдере не наступает, но обороняется, охраняя вход в ущелье. Он называет себя «усталым от боя» (*headuwerigean*), скорее всего напоминая о том, что уже уложил в одиночку всех своих врагов, и обращается к своему противнику со словами: «Вот, полагал ты, / друг Бургундов, / что охоту мою к походам / рукою Хагены / ты укротил» (14–16, перев. В.Г. Тихомирова⁷⁰), очевидно желая сказать, что Гудхере надеялся рукою Хагены убить его, но ему это не удалось. Вальдере подстрекает Гудхере попытаться стащить кольчугу с его плеч, т. е., иначе говоря, утверждает, что противник не сможет с ним справиться. Описывая свою кольчугу, которую Гудхере сможет получить, лишь если победит, Вальдере упоминает о «коварных родичах, что встречают» его «мечами и сейчас, как прежде» (23–24, перев. В.Г. Тихомирова), по-видимому, имея в виду Хагены, соединенного с ним обетом побратимства. Имя Хагена всегда упоминается рядом с именем главного героя в большинстве германских версий сказания о Вальтере начиная с «Песни о Нибелунгах». Появляется это имя и в англосаксонской поэме, а вместе с ним и ассоциации со столь важным для героического эпоса мотивом предательства, подробно разработанным в «Вальтарии» и, очевидно, присутствовавшим и в германском сказании о Вальтере. Подобно герою латинской поэмы, Вальдере обращается к Богу, понимая, что победа даруется тому, «кто нелживой жизнью заслужил ее прежде». Ответ Гудхере на вызов Вальдере не сохранился, но в «Вальтарии» за словесным поединком героев следует решающая битва⁷¹.

Можно предположить, что словесный поединок в поэме «Вальдере» предшествует настоящему сражению и имеет целью устрашение против-

ника перед боем. В древнегерманской традиции поединки на поле боя описываются не только в «Вальдере», но и в «Песни о Хильдебранде», «Битве при Мэлдоне», «Песни о Хельги сыне Хьёрварда», «Первой Песни о Хельги Убийце Хундинга». Сравнивая «Вальдере» с этими произведениями, нельзя не заметить, что в англосаксонской поэме присутствуют все основные черты, характерные для древнегерманской традиции словесных поединков. Соответствует канонам то место, где разыгрывается словесный поединок в «Вальдере», – это поле боя. Включено в поединок и представление участников («другом бургундов» – wine Burgenda называет Вальдере Гудхере). Это формульное выражение встречается также в эддической «Песни об Атли», запечатлевшей раннюю версию сказания о гибели бургундского дома, где Гуннар тоже именуется «другом бургундов». Высказывалось предположение [Pheifer 1960: 183–186], что Гудхере мог возглавлять отряд гуннов, посланный Атиллой догнать беглецов и захватить сокровища. Эта точка зрения основана на истолковании заключительных слов Хильдегюд о возможной судьбе Гудхере: «...без добычи он уберется, / к господину, в свои владения, / или здесь погибнет» (29–31)⁷². Тем господином, к которому отправится Гудхере, если решит избежать битвы, может быть гуннский правитель Атилы, завоевавший земли и франков, и бургундов. Сказанное позволяет предположить, что в англосаксонской поэме, как и во многих других версиях сказания о Вальтере, врагом героя вновь оказывается правитель гуннов⁷³.

Изображение участников словесных поединков как принадлежащих к враждующим группам (племенам, народам и т. д.) отвечает германским канонам перебранки. Напомним, что и в древневерхненемецкой «Песни о Хильдебранде» Хадубранд принимает своего отца за «старого гунна». В сюжете битвы отца с сыном, которой обычно предшествует сцена словесного поединка, противники тоже неизменно принадлежат разным, нередко враждующим, племенам или народам. В перебранках между представителями враждебных групп, обменивающимися оскорбительными речами, угрозами и похвальбой, возможность мирной развязки исключена. Таково большинство словесных поединков в героическом эпосе.

* * *

Если о словесном поединке в «Вальдере» можно судить лишь по краткому моменту кульминации и речи одного из участников, то в другой древнеанглийской эпической поэме «Битва при Мэлдоне» мы находим

не только обмен речами, но и описание того, в каких условиях он происходил. Основная тема этой поэмы – поражение войска англосаксов в битве со скандинавами и гибель английского предводителя Бюрхтнота. Рукописи Англосаксонской хроники относят эти события к 991–993 гг. Полемика между сторонниками исторической правдивости поэмы, видящими в ней достоверный рассказ о действительных событиях, и теми исследователями, которые относят поэму к эпическим песням, не прекращается до сих пор. Однако в настоящее время принято считать, что повествование в «Битве при Мэлдоне» строится по образцу героического эпоса. О героическом эпосе заставляет вспомнить и эпический масштаб событий, описываемых в поэме, и изображение войска Бюрхтнота, в котором собрались племена со всей страны (и кельты, и мерсии, и нортумбрийцы), и образ главного персонажа, чьи действия не нуждаются в логическом обосновании, ибо его героический дух ведет события к трагической развязке.

Поэма начинается с описания того, как Бюрхтнот ставит войска перед боем, ободряя воинов и каждому указывая место. В это время глашатай викингов выступает на берег и громко обращается к предводителю войска англосаксов. Возможно, посланцу викингов приходится возвысить голос, потому что его отделяет от Бюрхтнота значительное пространство, скорее всего, водное⁷⁴: «над рекой по его приказу / войска стояли, / и только протока / противников разлучала / бурлил прилив, / по следам отлива, / рукава заливая» (63–66, перев. В.Г. Тихомирова). Глашатай предлагает Бюрхтноту дать выкуп и не доводить дело до боя: «Был к тебе я послан / от корабельщиков многохрабрых / с таким приказом: / дай нам кольца / ради замиренья; / разве не лучше вам / от напора копейного / откупиться данью, / чем в битве быть, / рубиться насмерть; / ратей тратить не стоит / ради сокровищ ваших» (29–34, перев. В.Г. Тихомирова). В речи глашатая сквозит угроза, он превозносит мощь викингов, подразумевая, что англосаксы уступают им в доблести, поэтому для них будет «лучше <...> откупиться данью». Он не сомневается, что его требование будет принято и обещает немедленно удалиться, как только получит плату. Уверенность викинга в мирном исходе дела делает его поведение еще более оскорбительным.

Услышав предложение викингов, Бюрхтнот приходит в ярость. Отказ от боя кажется ему позорным (*heanlic*, 55)⁷⁵, и потому он наотрез отказывается сдаться: «Не добратья вам без крови / до сокровищ наших, / прежде мира померимся / смертью в битве» (59–60, перев. В.Г. Тихомирова). Бюрхтнот грозит заплатить викингам дань копьями и стрелами, от ко-

торых их не сможет уберечь никакая броня: «Понимаешь ты, бродяга моря, / о чем расшумелось это войско? – / вам не дань дадут, / но добрые копыя, / дроты отравленные, издревние острия, / и в доспехах ваших / пользы вам не будет» (45–48, перев. В.Г. Тихомирова). Бюрхтнот проклинает своих врагов: «да падут проклятые / язычники под грозою!» (54–55, перев. В.Г. Тихомирова), обвиняя их в том, что они «от земли нашей / и без торга столько / отторгнуть успели» (57–58, перев. В.Г. Тихомирова). Предводитель войска англосаксов ставит лучших воинов охранять брод, и тогда викинги понимают, что не смогут перебраться на берег. Они просят разрешить им высадиться, и Бюрхтнот, движимый героическим духом (*ofermode*, ср. нем. *Übermut*, см. выше, с. 27), идет на гибельную уступку врагу: «Вам дорога открыта / через эти пороги, / вблизи нам пора сразиться, / а кто хозяином останется / на поле павших – / Господь укажет» (93–95, перев. В.Г. Тихомирова). Один из викингов ранит Бюрхтнота, тот поражает его ответным ударом, но получает смертельную рану. За гибель вождя мстит юный Вульфмер, сын Вульфстана.

Как и в «Вальдере» и в «Песни о Хильдебранде», словесный поединок в «Битве при Мэлдоне» происходит непосредственно перед битвой. Однако, в отличие от героев «Вальдере», участники словесного поединка в «Битве при Мэлдоне» выступают не только как индивидуумы, но и как представители враждующих народов. Глашатай, передающий требование викингов, не индивидуализирован и даже и не назван по имени. Насколько можно судить, не он принимает участие в настоящем поединке с Бюрхтнотом и не он наносит смертельный удар английскому вождю. Бюрхтнот тоже говорит от лица «всей Англии» и обещает биться «за владенья Этельреда, / государя нашего, / за людей и надель» (53–54, перев. В.Г. Тихомирова).

Хотя представление участников и их генеалогия в «Битве при Мэлдоне» отсутствуют, нельзя не заметить другие характерные черты перебранки. Традиционно и место проведения словесного поединка перед боем – у водной преграды. Так же традиционна и семантика речей, которыми обмениваются герои: угрозы («вам не дань дадут, / но добрые копыя, / дроты отравленные», «не добраться вам без крови / до сокровищ наших»), обвинения («от земли нашей / и без торга столько / отторгнуть успели»), и заключительное проклятие («да падут проклятые / язычники под грозою!»). Похвальба присутствует в словесном поединке лишь имплицитно, но упоминается во второй половине поэмы, когда становится ясно, что героическое величие духа вождя обрекло англосаксов на гибель. Соратник Бюрхтнота Эльфвине призывает воинов биться до кон-

ца, напоминая им об обетах верности, данных вождю на пирах: «Часто кричали мы / за чашей меда, / славой на лавах / клялись-хвалялись, / в тех застольях / стойкостью ратной, / пускай же каждый / покажет свою отвагу» (212–215, перев. В.Г. Тихомирова). Напоминание о былых клятвах на пирах воодушевляет воинов на почетную гибель в бою, словесная похвальба предвещает настоящее испытание в битве.

* * *

Более пространные, чем в «Битве при Мэлдоне», примеры словесных поединков, содержатся в англосаксонском эпосе «Беовульф», сохранившемся в единственной рукописи (Codex Vitellius, вторая половина X в.). Рукопись «Беовульфа», которая чудом уцелела во время пожара в Коттонской библиотеке в 1731 г., написана на уэссекском диалекте с небольшим вкраплением английских форм. Считалось, что дошедший до нас текст был первоначально создан на английском (мерсийском) диалекте и в своей письменной истории восходит ко времени расцвета древнеанглийских королевств (VII–VIII вв.), а в устной – к дохристианской фольклорно-эпической традиции. В 1980-е годы было выдвинуто предположение, что известная нам рукопись – не поздний список с утраченного древнего текста, но последняя стадия формирования эпоса, когда были объединены первая и вторая части. В «Беовульфе» стали видеть завершение всей поэтической традиции англосаксов, результат слияния устной словесности и письменной литературы.

Первый словесный поединок в поэме происходит на морском берегу (237–240), когда Беовульф в сопровождении гаутов сходит на берег. Страж данов направляет к пришельцам коня и, потрясая копьем, спрашивает их о роде и племени: «Кто вы, / закованные в броню, / покрывшие головы / железными шлемами, / судно грузное / по мелководьям / сюда приведшие / из океана? / Давно храню я / наши границы, / поморье датское / от злонамеренных / морских разбойников, / но не упомяну, / чтобы чужая / дружина вышла / на этот берег / так без опаски, / без дозволения / моих сородичей, власть предержавших» (238–248, перев. В.Г. Тихомирова). В словах стража таится угроза: мореплаватели должны либо подчиниться датским законам и получить разрешение сойти на берег, либо приготовиться к бою. Хотя речь стража начинается враждебно, что соответствует канонам словесных поединков, ее продолжение более миролюбиво: «И я ни в жизни / не видел витязя / сильней и выше, / чем ваш соратник – / не простолюдин / в нарядной сбруе, – / кровь благо-

родная / видна по выправке!» (258–252, перев. В.Г. Тихомирова). В заключение своей речи страж вновь возвращается к прежнему тону и требует от гаутов немедленного ответа: «Но я обязан / узнать немедля / ваш род и племя, / дабы вошли вы, / в пределы датские, / не как лазутчики. / Вы, чужеземцы, / морские странники, / поторопитесь! – / я жду ответа, / я должен сведать, / откуда вы / и почто явились!» (253–258, перев. В.Г. Тихомирова).

В ответ Беовульф, вновь в соответствии с канонами словесных поединков, не просто называет имя своего отца, но и дает понять, сколь славен его род: «Мы все от семени / мужей гаутских, / наш конунг – Хигелак, / его дружина – мы. / Воитель мудрый, / всеземнознатный / отец мой, Эггтеов, / состарясь, умер, / покинул землю, – / тому немало / минуло зим, / но имя славное / доньше знаемо / под этим небом» (261–267, перев. В.Г. Тихомирова). Продолжение ответа Беовульфа не во всем отвечает канонам словесных поединков. Герой заверяет стража, что «не злые мысли» привели их к данам, и просит его помочь добрым советом. Он спрашивает, действительно ли чудовище нападает на датские земли, и выражает желание избавить данов от бедствия. Тональность ответа Беовульфа могла бы вызвать сомнение в том, следует ли относить его диалог со стражем к словесным поединкам, если бы не высказанное им предостережение: «От всей души я / хотел бы Хродгару / помочь советом, / дабы избавить / его от бедствия, <...> / не то вовеки / страх и злосчастье / с ним пребудут, / покуда не рухнут / стропила и кровля, / пока стоят / на холме хоромы» (278–286, перев. В.Г. Тихомирова). Услышав эту скрытую угрозу, страж прекращает словесный поединок и отвечает на речь Беовульфа предложением указать дорогу к Хродгару и обещанием охранять корабль в отсутствие гаутов.

Второй словесный поединок происходит тогда, когда Беовульф является на пир к Хродгару, правителю данов. В ногах у Хродгара сидит его приближенный (fule – «тул») Унферт, сын Эгглафа. Он начинает словесный поединок с Беовульфом (503–528) – «развязывает воинственные руны» (onband beadorune, 501)⁷⁶. Может показаться, что нападки Унферта (имя Unferþ значит «немирие», «неразумность») ничем не спровоцированы, ибо прибытие Беовульфа, как кажется, не затрагивает его честь. Однако в поэме сказано, что Унферта «раззадорил пришелец Беовульф» (wæs him Beowulfes sið <...> micel æfrunsa – букв. «был ему путь Беовульфа <...> в большое раздражение», 501–503). Унферт, очевидно, уязвлен, «потому что он не допускал, / что какой-то другой человек / когда-либо более славные дела / в срединном мире / может совершить под

небесами, / чем он сам» (forþon þe he ne uþe / þæt ænig oðer man / æfre mægða þon ma / middangeardes / gehedde under heofenum / þonne he sylfa, 503–505). Намерение Беовульфа вступить в схватку с Гренделем кажется Унферту оскорбительным, ведь сам он и не пытался сразиться с чудовищем. Именно на это обращает внимание Беовульф в своем ответе Унферту, когда говорит, что Грендель никогда не причинил бы урона данам «если бы твой дух / был бы так велик в сражении, / как ты утверждаешь» (gif þin hige wære, / sefa swa searogrim / swa þu self talast, 593–594), иными словами, если бы похвальба Унферта соответствовала его делам. Так, становится понятным, почему Унферт вызывает Беовульфа на словесный поединок – при сравнении героев оказалась затронутая их честь.

Верность канонам словесных поединков заставляет включить характерный мотив идентификации оппонента в речь Унферта, отнюдь не нуждающегося в представлении Беовульфа. Вопросительная форма смягчает прямолинейность в использовании приема именованности: «Тот ли ты Беовульф..?» (Eart þu se Beowulf..? 506). В свою очередь Беовульф тоже начинает не с ответа на вопрос Унферта, но с упрека ему: «Не слишком много ли ты, друг мой Унферт, выпил пива, о Бреке говорил, рассказывал о его приключении!» (Hwæt, þu worn fela, / wine min Unferð, / beore drunken / umb Breca spræce, / sægdest from his siðe! 530–532).

Желая унижить Беовульфа, Унферт пытается умалить его доблесть, напоминая о юношеском состязании героя в плавании с Брекой. Он с самого начала говорит в оскорбительном тоне, приписывая желание Беовульфа и Бреки помериться силами их «гордости» (wlence) и «глупой похвальбе» (dolgilpe) и утверждая, что «ни друг, ни недруг, / ни муж разумный / не мог отвратить вас / от дикой затеи / соперничать в океане» (511–513, перев. В.Г. Тихомирова). Унферт подвергает сомнению храбрость Беовульфа, заявляя, что в том давнем юношеском состязании победил Брека: «тебя пересилил / пловец искусный, / тебя посрамил он: / на утро восьмое / брошенный бурей / к норвежскому берегу, / он возвратился в свои владенья» (518–521, перев. В.Г. Тихомирова). Предполагаемое поражение Беовульфа в прошлом дает Унферту основание высказать сомнение в исходе предстоящего поединка героя с Гренделем: «Вот почему я / предчую худшее / (хотя и вправду / ты крепок в битве, / в честной сече), / коль скоро, с вечера / тут оставшись, / ты встретишь Гренделя!» (526–529, перев. В.Г. Тихомирова).

Беовульф отвечает Унферту, иронически называя его «wine min Unferð» – «друг мой Унферт»: «Не чересчур ли / ты, друг мой Унферт, / брагой упившись, / о подвигах Бреки / тут разболтался?» (531–533, перев.

В.Г. Тихомирова). Он оспаривает описание поединка, данное Унфертом, утверждая истинность произошедшего: «На самом же деле / никто из смертных / со мной не сравнился бы / мощью на море» (534–535, перев. В.Г. Тихомирова) и подробно рассказывает о своем юношеском состязании. Убедительна и сама пространность ответа Беовульфа (531–608, в отличие от речи Унферта, 507–529), и его детальность. Беовульф не просто возглашает свою победу, но приводит подробности, рассказывая о том, как у Бреки не достало сил с ним тягаться, как они вместе держались над морской бездной, пока по прошествии пяти суток их не разлучили течения. Беовульф описывает свои подвиги и после того, как они расстались с Брекой, и именно это, а не состязание в плавании, в котором победа разумеется сама собой, составляет основную тему его рассказа. Подвиги Беовульфа напоминают деяния культурного героя, очищающего землю от чудовищ [Мелетинский 1986: 90]. Он сражается с морской нечистью (*megefiha*, 549), побеждает напавшего на него морского зверя (*feondscaða*, 554, *āglæsa*, 556, *meredēor*, 558), убивает девять водяных чудовищ (*niȋog*, 575). Благодаря героическим деяниям Беовульфа путь мореходов становится безопасным (570). Вызов Унферта, таким образом, лишь дает герою повод подробно вспомнить свои прошлые заслуги и еще раз убедить данов в неизбежности победы над Гренделем.

Описав свои героические деяния и тем оспорив нападки Унферта, Беовульф переходит к обвинениям. Он говорит, что никогда не слышал рассказов ни о ратных удачах Бреки, ни о свершениях самого Унферта, зато знает, что Унферт – убийца своих сородичей, своих кровных братьев. Такое обвинение казалось особенно тяжким в древнегерманском обществе, где верность роду была нерушимой, а родственные узы ценились превыше всего. За обвинением следует проклятье, еще одна характерная черта словесного поединка, присутствующая и в речи Беовульфа: «проклятье ада, / как ни лукавь ты, / тебя не минет!» (591–592, перев. В.Г. Тихомирова). Проклятие сменяет главное обвинение, которого более всего должен был опасаться Унферт, затеяв перебранку: «не смог бы Грендель / бесчинствовать в Хеороте, / не смел бы нечистый / бесчестить владыку, / когда бы сердце / твое вмещало / столько же храбрости, / сколько бахвальства!» (593–596, перев. В.Г. Тихомирова). На главное обвинение Беовульфа Унферт отвечает молчанием и, следовательно, признает себя побежденным. Победа Беовульфа в словесном поединке предвещает его победу и в грядущей схватке с Гренделем, и именно так ее оценивают присутствующие: «Пришлась по нраву / кольцедарителю, / седовласому / старцу-воину, / решимость Беовульфа: он уверо-

вал, / пастырь данов, / в близость спасения» (609–612, перев. В.Г. Тихомирова).

Так, словесный поединок начинается с нападков Унферта, на которые Беовульф дает подробный ответ. Он показывает, что в своих обвинениях Унферт переиначил, исказил прошлое, попытался представить героические деяния как неразумные, победу – как поражение. Затем Беовульф переходит в наступление, обвиняя Унферта в братоубийстве и в неспособности справиться с Гренделем, т. е. в трусости, и грозит ему «проклятием ада». На эти обвинения Унферт отвечает молчанием и окончательно проигрывает словесный поединок. Казалось бы, воспоминание о юношеском состязании в плавании с Брекой не имеет отношения ни к настоящему – пребыванию Беовульфа у короля Хродгара, ни к предстоящему – подвигу Беовульфа в схватке с Гренделем. Однако, публично высказывая сомнения в доблести героя в прошлом (состязании в плавании), Унферт ставит под сомнение его отвагу и в настоящем, и в будущем. Он предрекает, что Беовульф потерпит поражение в бою с Гренделем, если даже осмелится встретиться с ним. Беовульф же, напротив, настаивая на том, что проявил доблесть в прошлом, утверждает, что одержит верх над врагом и в предстоящем сражении. Победа в вербальном поединке с Унфертом сулит победу и в действительной битве с Гренделем – в разгар схватки с чудовищем Беовульф вспоминает свою речь на пиру («помнил доблестный / воин Хигелака / вечернюю клятву», 759–760, перев. В.Г. Тихомирова) и с новой силой нападает на врага. Хотя словесный и действительный поединки находятся в дополнительной дистрибуции, победа в первом означает успех во втором. Можно предположить, что функция словесного поединка между Унфертом и Беовульфом в развертывании сюжета состоит в своеобразном прогнозировании, предвосхищении исхода боя между Беовульфом и Гренделем.

Отвечая на хвалу Хродгара (928–956) после битвы с Гренделем, Беовульф великодушно не упоминает о столкновении с Унфертом и не выказывает ему своего торжества (958–979). Однако создатель поэмы не оставляет без упоминания потерпевшего поражение в словесном поединке и не забывает о его прошлом хвастовстве (*gyłpsræse*, 981): «Унферт притихший / молчал, сын Эгглафа, / не похвалялся / своими подвигами» (980–981). Оба героя еще раз сопоставляются в поэме и перед схваткой с матерью Гренделя, когда Унферт вручает Беовульфу меч Хрунтинг: «Теперь, отдавая / оружие воину, / его сильнейшему, / не хвастал сын Эгглафа / своей могучестью, / как прежде случилось, / когда упился он / брагой на пиршестве, – не он ведь решился, / жизнью рискуя, / на подвиг в пучи-

не, / чем честь и славу / свою поущербил!» (1465–1471, перев. В.Г. Тихомирова). Слово сочетание «честь потерял, доблестную славу» (*doma forleas, ellenmærdum*, 1470–1471), принадлежащее не Беовульфу, но самому создателю поэмы, подводит вербальный итог распри двух героев. Возможно, что и дарение оружия было своеобразным ритуальным актом, знаменовавшим окончание словесного поединка⁷⁷.

Крайняя традиционность словесного поединка в «Беовульфе» и его риторический характер подтверждается реакцией присутствующих: Беовульф не заслуживает извинений, а его противник Унферт остается «сидящим у ног короля Хродгара» и не слышит упреков в «немотивированной» грубости по отношению к новоприбывшему почетному гостю. Внезапное молчание Унферта, его последующее поведение и очевидное расположение к Беовульфу тоже получают объяснение – по окончании словесного поединка герой оставляет свою временную роль формального обвинителя и возвращается к обычному стилю поведения. Сказанное позволяет провести аналогию между поединком Беовульфа и Унферта и теми словесными состязаниями, которые сопровождают посещения ряженных, распространенные с эпохи Средневековья в Европе и за ее пределами, и детально изучены фольклористами (ср., например, [Halpert, Story 1969: 213–214]). Словесные состязания, происходящие во время посещений ряженных, допускают крайне провокационное поведение участников, причем нарочитая грубость высказываний никого не удивляет. Важно заметить, что поведение противников приходит в норму, как только они снимают маски.

Итак, можно выделить следующие основные особенности словесных поединков в древненемецкой и англосаксонской поэзии.

1. Место, где происходят словесные поединки, строго регламентировано: это или поле битвы («Песнь о Хильдебранде», «Вальдере», «Битва при Мэлдоне»), или пиршественные палаты, когда участники опьянены вином (Унферт – Беовульф), или «у водной преграды», «на берегу» (страж данов – Беовульф).

2. Участники словесных поединков – обычно представители враждующих групп людей («Песнь о Хильдебранде», «Вальдере», «Битва при Мэлдоне»). В словесном поединке может принимать участие как герой, прибывший в неизвестный ему мир и вынужденный доказать свою доблесть в вербальном поединке, так и человек, близкий правителю и настроенный враждебно (и искусный в красноречии), подвергающий сомнению репутацию новоприбывшего (Унферт – Беовульф, страж данов – Беовульф). Во втором типе поединков имена героев используются

в прямом обращении, эмфатически противопоставляются местоимения «я – ты».

3. Структура словесных поединков в древнеанглийской или немецкой поэзии может быть описана как последовательность следующих основных частей: самоидентификация говорящего – воспоминания о прошлых заслугах – обещания успеха в предстоящем поединке (проспективные «обеты») – обвинения (оскорбления) – защита (ретроспективная «похвальба») – контробвинения – проклятия.

4. Семантика оскорблений в древнеанглийских или немецких поединках строго определена и сводится к обвинениям в трусости, опьянении, братоубийстве. В перебранках повторяются обращения к конкретным событиям индивидуальной жизни и их негативная «реконструкция» (возможность разнообразного освещения одного и того же события). Многократно используется ирония («но не упомяну», «но я не слышал»).

Можно заключить, что в древнегерманском эпосе встречаются две разновидности словесных поединков, которые можно условно назвать обменом речами на поле боя и на пиру⁷⁸. Ситуация, заданная в поединках перед битвой в «Песни о Хильдебранде», «Вальдере» и «Битве при Мэлдоне», изначально исключает возможность мирной развязки, противники оказываются заклятыми врагами, которые могут решить исход дела только кровопролитием. Напротив, словесный поединок между Беовульфом и Унфертом или между Беовульфом и стражем данов по поведению героев и реакции окружающих воспринимается как забава на пиру или как ритуальный обмен репликами и потому исключает насильственный исход.

Попытаемся найти черты сходства словесных поединков в древне-немецком и англосаксонском эпосе со скандинавской «перебранкой» и «сравнением мужей», к рассказу о которых мы переходим.

Глава 3 Перебранка в древнескандинавской словесности

Для обозначения словесных поединков в скандинавской словесности употребляются два термина: *seppa* – «перебранка» (ср., например, эддическую «Перебранку Локи» – *Lokasenna*, см. ниже) и *mannjafnaðr* – «сравнение мужей» (ср., например, диалог Эйстейна и Сигурда в «Саге о сыновьях Магнуса Голоногого», гл. 21, и в «Гнилой коже», см. ниже). Считается, что оба термина восходят к юридической терминологии:

«перебранка» (*senna*) имеет целью доказать вину другого, «сравнение мужей» (*mannjafnaðr*) состоит в том, что родители убитых оценивают их «ценность». В синхронии между перебранкой и сравнением мужей есть различия: первая обычно состоит в унижении противника, второе – в самовозвеличивании, цель первой – обеспечить победу в битве, функция второго – развлечение, нередко на пиру. Однако перебранка не всегда ведет к битве (ср. «Перебранку Локи», разворачивающуюся на пиру), а сравнение мужей часто имеет отнюдь не мирный исход (ср., например, «Сагу о людях с Песчаного Берега», гл. 37, или «Сагу о людях из Флои», гл. 25, см. ниже). Тем не менее перебранка и сравнение мужей представляют собой разновидности вербальных состязаний в древнескандинавской культуре, аналогичные двум типам словесных поединков, выделенных нами в англосаксонском и древненемецком эпосе.

«Старшая Эдда»

Мифологические песни

В песнях «Старшей Эдды», генетически связанных с устной традицией [Мелетинский 1968], содержится несколько примеров словесных поединков, как кратких (представляющих собою обмен несколькими репликами), так и пространных, позволяющих составить представление об их стилистике и законах композиции.

Из всех эддических песней наиболее близка к фольклорной традиции «Песнь о Харбарде» (*Hárbarðsljóð*). Она сочинена в свободной форме, в ней много неправильных строк, подчас переходящих в прозу. Предполагалось, что формальные нерегулярности в этой песни не произвольны, но семантически обусловлены (характерны для шуток), и призваны создать комический эффект⁷⁹.

Словесный поединок в этой песни происходит «у водораздела», его участники – Тор и перевозчик (*feriokarlinn*), именующий себя Харбардом (*Hárbarðr* – «седая борода»), за которым скрывается Один. Тор подходит к проливу, по другую сторону которого стоит перевозчик (Харбард, т. е. Один), и начинает словесный поединок. Он требует от перевозчика назвать себя и одновременно презрительно именуется его «парень» (*sveinn*), тем нанося ему первое оскорбление: «Что там за парень / стоит у пролива?» – *Hverr er sá sveinn sveina, / er stendr fyrir sundit handan?* (1, перев. А.И. Корсуна). Используя такие речевые сигналы, как требование идентификации и оскорбление, Тор дает понять, что начинает перебранку. О цели словесного поединка, развязанного Тором, можно

лишь догадываться. Вероятно, победив в словесном поединке, он сможет заставить Харбарда перевезти его через реку.

Даже если собеседник принимает вызов, он имеет право временно отказаться назвать себя, ответив вопросом на вопрос, как это происходит в «Песни о Харбарде». Один в обличье Харбарда отвечает Тору вопросом, зеркально отражающим вопрос оппонента: «Что за старик / кричит за проливом?» – *Hverr er sá karl karla, / er kallar um váginn?* (2, перев. А.И. Корсуна). Таким образом, оба участника словесного поединка до времени скрывают свои имена. Если противник недоволен тоном спрашивающего, он может вообще отказаться назвать себя (см. ниже о перебранке в «Саге о Хьялмтере и Алвире») и предпочесть остаться безымянным до конца поединка. Так или иначе, согласно канонам словесных поединков, собеседник должен вербально отреагировать на оскорбление.

После того как перевозчик отказался назвать себя, Тор высказывает ему свою просьбу и обещает дать награду – «селедку с овсянкой» – *síldr os hafra* (3). Это предложение ни в коей мере не должно рассматриваться как обещание настоящей награды, скорее, оно вызвано желанием унижить собеседника. На обещание Тора перевозчик не отвечает ни согласием, ни отказом и вновь задает вопрос: «Похвалился едой, / а жребий свой знаешь ли? / У тебя, наверно, / и матери нет» (4, перев. А.И. Корсуна). Кажущееся странным упоминание о матери (*dauð hygg ek at þín móðir sé* – «думаю я, что мертва твоя мать», 4. 5) вновь откладывает ответ на просьбу и, возможно, намекает просящему, что в сложившейся ситуации его просьба не имеет смысла. Тор успешно «отражает нападение», переходя от унижительных предложений к обобщенным высказываниям: «Весть такая / каждому тягостна – / горько мне слышать / о смерти матери!» (5, перев. А.И. Корсуна). Правдивость высказываний не оспаривается и не ставится под сомнение, потому что они имеют риторический характер и должны рассматриваться как своего рода «ходы» в вербальной игре⁸⁰.

Перевозчик не настаивает на своем обвинении и меняет тему разговора, он оскорбляет Тора, упоминая о его бедности: «Едва ли тремя ты / дворами владеешь, / если ты бос / и одет как бродяга: / даже нет и штанов!» (6, перев. А.И. Корсуна). Обвинение в низком социальном статусе, характерное для большинства перебранок, Тор отражает тем, что отдает приказ перевозчику править к нему и пристать к берегу. Таким образом он показывает, что считает себя выше перевозчика и может требовать от него повиновения. В ответ на приказ перевозчик выражает сомне-

ние в том, достоин ли Тор того, чтобы его перевозили на другой берег: «Хильдолв челнок / мне поручил, / воин, живущий / в Радсейярсунде; / конокрадов возить / и бродяг не велел он, / но добрых людей / и людей мне известных; / назовись, и тогда / тебя повезу я» (7, перев. А.И. Корсуна). Перевозчик (Один) упоминает имя, не известное по другим источникам и скорее всего вымышленное – Хильдолв, однако Тор называет имена, сохраненные скандинавской словесностью как имена его сородичей, и начинает с имени своего отца: «...о роде скажу: / я Одина сын, / Мейли я брат / и Магни отец», 9. 4–6, перев. А.И. Корсуна). В ответ на родословную Тора перевозчик тоже сообщает свое имя, причем вновь вымышленное – Харбард (10). Взаимным представлением участников заканчивается первая, вводная, часть поединка отца и сына.

После того как устанавливаются имена оппонентов и их равенство, перебранка, как предполагают некоторые исследователи [Вах, Radmos 1983: 157–158], сменяется сравнением мужей, в котором похвальба доминирует над хулой. Обвинения и контробвинения во вводной части не носят серьезного характера, однако услышав вымышленное имя оппонента, Тор спрашивает о причине, по которой тот отказывается сообщить ему свое настоящее имя: «А зачем бы тебе скрывать / свое имя, если ты не в распре?» (11). Харбард отвечает, что считает себя находящимся в распре: «Хотя бы и в распре, / спасусь от тебя, / если мне смерти / судьба не сулит» (12, перев. А.И. Корсуна). Поняв, что ему объявлена война, Тор грозит перейти к физическому насилию: «Неохота мне вброд / брести по заливу / и ношу мочить, / не то проучил бы / тебя, сопляка, / за брань и насмешки, / на берег выйдя!» (13, перев. А.И. Корсуна). Угроза, однако, не достигает цели – Харбард показывает свое бесстрашие и упоминает о событии из жизни самого Тора: «Я здесь постою, / дожидаясь тебя; / храбрецов ты не видел / со смерти Хрунгнира» (14, перев. А.И. Корсуна). Харбард утверждает, что со времени битвы с великаном Хрунгниром, о которой известно по «Младшей Эдде»⁸¹, Тор не сделал ничего примечательного. Создается впечатление, что и победа над Хрунгниром по-разному оценивается оппонентами. Победив Хрунгнира, Тор навлек на себя недовольство Одина тем, что отдал коня Хрунгнира по прозвищу Золотая Грива своему сыну Магни, а не самому Одину⁸². Возможно поэтому Один, скрывающийся под маской Харбарда, вспоминает о битве своего сына Тора с Хрунгниром в «антагонистическом» контексте словесного поединка.

У Тора есть все основания гордиться победой над Хрунгниром. Неудивительно, что на вызов Харбарда, упоминающего событие из прошлой

жизни оппонента – «предварительный инцидент», Тор отвечает похвальбой: «О том говоришь ты, / как с Хрунгниром, турсом / каменноглавым, / славно я бился, / но я поразил его / в жарком бою. / А что ты делал Харбард?» (15, перев. А.И. Корсуна). Тор не меняет тему, принимая вызов Харбарда. Говоря, что ему нечего стыдиться схватки с великаном, Тор утверждает свое превосходство над противником. Вопрос Тора Харбарду о том, что делал тот во время схватки с Хрунгниром, более чем уместен, ведь именно Тор, а не его отец Один, сразился с великаном и победил его.

Харбард тоже отвечает Тору похвальбой, рассказывая о своих «деяниях» на острове: «Сидел я у Фьэльвара / целых пять зим, / на острове том, / что Альгрён зовется; / бились мы там, / убивали врагов, / и то еще делали – / дев соблазняли» (16, перев. А.И. Корсуна). Его похвальба зеркально отражает речь Тора и отвечает на невысказанное прямо обвинение в трусости. Харбард в свою очередь тоже утверждает свое превосходство над Тором не только в боевом, но и в любовном искусстве. Следует отметить, что по содержанию похвальба Харбарда не соответствует канонам перебранки [Clover 1979: 133]. Обычно любовные похождения упоминались только в обвинениях, высказываемых одним противником другому, как пример постыдного поведения, не подобающего воину⁸³.

Необычный предмет похвалы одного из участников сбивает с толку его противника. На строфу Харбарда Тор должен был ответить тоже строфой, причем зеркально отражающей формальное строение последней. Вместо этого Тор отвечает кратким вопросом, причем даже не формульным: «Ну и как у вас шло / с ними дело?» (17, перев. А.И. Корсуна). Этот вопрос Тора нарушает каноны перебранки, не только формальные (вместо строфы он говорит одну строку, вместо утвердительной формы использует вопросительную), но и семантические – он не отрицает слова противника и не утверждает своего превосходства над ним. В лучшем случае Тор дает понять, что его не убедила похвальба Харбарда.

Харбард, напротив, не только соблюдает формальные и семантические каноны перебранки, но и показывает мастерское владение ими. Он отвечает Тору строфой гальдралага – размера заклятий (см. ниже), встречающегося реже, чем основной эддический размер – форнюрдислаг, и обычно использующегося в повышенно эмоциональных фрагментах текстов. В ней он подробно рассказывает о своих любовных похождениях и вновь заключает утверждением своего превосходства, сравнивая себя с другими: «...я всех был хитрей – / с семью я сестрами / ложе делил, / их

любовью владел. / А что ты делал, Тор?» (18, перев. А.И. Корсуна). Было замечено, что каждое высказывание в этом диалоге симметрично отражает предыдущее и заканчивается девятикратно повторяемым формульным вопросом: «А что делал в то время ты?» (hvæt vanntu meðan?), причем пять раз его задает Тор и четыре раза – Харбард [Clover 1979: 133].

Симметрия присутствует и в ответах оппонентов. Например, если на вопрос Харбарда о том, что он делал, Тор отвечает: «На востоке я был» (Es var austr, 29), то и Харбард тоже начинает свой ответ Тору с тех же самых слов: «На востоке я был» (Es var austr, 30). Формальное сходство подчеркивает семантическое различие: если Тор говорит о своих победах в битве – традиционном предмете похвалы в перебранках, то Харбард вновь повествует о своих любовных утехх, т. е. похвывается тем, что обычно служило в перебранках предметом обвинений.

Тор меняет тему словесного поединка и рассказывает о своей победе над великаном Тьяци (19) и о том, как он забросил в небо глаза побежденного врага (из «Младшей Эдды» известно, что глаза Тьяци превратились в две звезды⁸⁴). Харбард отвечает, что и он тоже боролся с тьмой, но иным образом: «Соблазнял я искусно / наездник ночных, / отнимал у мужей их; / жезл волшебства / Хлебард мне отдал, / турс храбрый, а я / рассудка лишил его» (20, перев. А.И. Корсуна). Почти издеваясь над собеседником, Харбард утверждает, что победа над женщинами-троллями, ведьмами, помогала ему победить тьму как вместилище злых сил, и хвастает тем, что лишил рассудка великана Хлебарда. В ответ на эту похвалу Тор меняет стратегию речевого поведения и упрекает своего оппонента в проступке, совершенном им в прошлом: «Злом отплатил ты / за добрый подарок» (21). Харбард вместо оправдания приводит пословицу: «Срежь ветви дубка – / другой разрастется; / всяк занят собой. / А что ты делал, Тор?» (22, перев. А.И. Корсуна). Использование пословицы или формулы, очевидно, обеспечивало победу в словесном поединке [Вах, Radmos 1983: 161].

Следующий обмен репликами вновь посвящен характерной для перебранок теме – доказательству доблести в сражениях: Тор утверждает, что истреблял жен турсов, а Харбард говорит, что не только участвовал в битвах в Валланде, но и подстрекал к бою мужей (24). В заключение речи Харбард (т. е. Один), желая унижить противника, открыто противопоставляет себя ему: «...у Óдина – ярлы, / павшие в битвах, / у Тора – рабы», а затем винит своего сына в трусости: «У Тора сил вдоволь, / да смелости мало; / со страху ты раз / залез в рукавицу, / забыв, кто ты есть...» (26, перев. А.И. Корсуна). Обвинение Харбарда заставляет

вспомнить известный из «Младшей Эдды» эпизод из жизни Тора, когда тот заночевал со своими спутниками в рукавице великана Скрюмира (Утгарда-Локи), приняв ее за дом, большой палец рукавицы – за пристройку, а храп великана – за землетрясение⁸⁵. На обвинения Харбарда в трусости Тор вновь отвечает оскорблением («Харбард срамной! Я убил бы тебя, да пролив мне помеха», 27), повторяя свою угрозу применить физическое насилие (ср. строфу 13). Переход собеседника к угрозам, очевидно, свидетельствует о победе его оппонента.

Следующий обмен репликами начинается с вопроса Харбарда о том, что делал Тор (28). В ответ Тор рассказывает, как он «был на востоке», охранял поток и сражался с «детьми Сваранга» (29, 1–4). Харбард отвечает Тору, повторяя начальную строку его строфы «На востоке я был», однако вновь говорит не о своих воинских подвигах, но о любовных победах: «беседовал с девой, / с белокурой я тешился, / тайно встречаясь, / одарял ее щедро, – / она отдалась мне» (30, перев. А.И. Корсуна). Тор опять оказывается сбитым с толку необычным предметом похвальбы и отвечает не строфой, но одной фразой: «То встречи изрядные» (31, перев. А.И. Корсуна). Харбард в насмешку предлагает Тору помочь ему «сохранить эту деву» (32, перев. А.И. Корсуна), а затем задает ему традиционный вопрос о том, что он делал (36). Тор в очередной раз рассказывает о своих подвигах (37, 39). Харбард же, очевидно, отвечает Тору необычайно обидными словами, истинный смысл которых от нас скрыт⁸⁶: «Кольцом я готов / тебе отплатить, / если нам помириться / посредники скажут» (42, перев. А.И. Корсуна). О степени оскорбительности слов Харбарда можно судить по реакции Тора: «Ты где научился / речам глумливым? / Глумливее слов / не слышал никогда я» (43, перев. А.И. Корсуна). Этот обмен репликами вновь завершается угрозами Тора («Отплачу я тебе / за обидные речи, / пролив переплыв: / громче волка ты будешь / выть, коль ударю / молотом мощным!», 47, перев. А.И. Корсуна). Таким образом, Харбард трижды доводит Тора до угроз, а один раз завершает обмен репликами пословицей, следовательно, победа в словесном поединке остается за ним так же, как и последнее слово – поединок завершается проклятием Харбарда Тору: «Да возьмут тебя тролли!» (60, перев. А.И. Корсуна).

Харбард несомненно превосходит Тора в поэтическом мастерстве. Он использует строфы гальдралага, повторы слов и целых строк, дополнительные аллитерации, внутренние рифмы. В его строфах встречаются не только формулы, но пословицы, максимы, игра слов [Clover 1979: 136–137]. Он спонтанно реагирует на речи Тора, имитируя их размер

и лексику, перефразируя его обвинения, до неузнаваемости искажая их смысл. Если поведение Тора и его речи, как угрожающие, так и парирующие обвинения Харбарда, вполне отвечают по семантике канонам словесных поединков (он рассказывает о своих странствиях – «на востоке я был» или о победах в битвах), но не всегда соответствуют им по форме, то в речах Харбарда, напротив, соблюдаются, причем всегда мастерски, формальные каноны, но нарушаются смысловые законы. Харбард почти издевательски похвально тем, что ему следовало бы отрицать и скрывать, или, по крайней мере, использовать в своих обвинениях противника. Не удивительно, что его оппонент оказывается сбитым с толку таким поведением и, следовательно, неспособным реагировать адекватно, а потому уступает победу в поединке.

Как и в «Песни о Харбарде», словесный поединок занимает всю поэму целиком в «Перебранке Локи» (Lokasenna). Индоевропейский контекст этого памятника был исследован Дюмезилем [Dumézil 1924], возводящим скандинавскую песнь к циклу легенд о том, как боги хотят создать себе напиток (бессмертия). В индийской традиции этот цикл существует в двух основных вариантах. В первом говорится о том, как демоны крадут сому и предлагают обменять ее на прекрасную богиню Лакшми. Вишну принимает облик Лакшми и отправляется к демонам, те отдают ему сому, тогда Вишну убивает их. Этот вариант напоминает скандинавскую «Песнь о Трюме» (Frumskvíða), хотя в эддической поэме не упоминается о напитке бессмертия (речь идет только о молоте Тора). Во втором варианте индийского цикла рассказывается о том, как на пир богов проникает демон Раху и успевает сделать один глоток сомы, когда его видят солнце и луна. Вишну обезглавливает Раху, тогда голова демона, ставшая бессмертной, начинает преследовать солнце и луну, однако будучи лишена тела, может только временно закрывать светила, вызывая затмения. Этот вариант цикла напоминает скандинавскую «Перебранку Локи», хотя на пир является не представитель враждебного племени, т. е. не демон, и не великан, но один из асов, требующий себе места на пиру, которое принадлежит ему по праву. Сюжетные аналогии скандинавского и индийского циклов, очевидно, объясняются историко-типологическим схождением тех устных традиций, к которым они восходят.

Эддическая песнь о распре Локи начинается с краткого прозаического вступления, рассказывающего об обстоятельствах, в которых происходит перебранка: Эгир наварил асам пива и пригласил их на пир, на котором все должны были соблюдать мир. Гости с похвалой говорили

о слугах Эгира, что раздражило Локи, и он убил слугу Эгира по имени Фимафенг («ловкий добытчик»). Тогда асы прогнали Локи, однако он вернулся, сказав: «К Эгиру в дом – / войти я решил / и на пир посмотреть; / раздор и вражду / я им принесу, / разбавлю мед злобой» (3, перев. А.И. Корсуна).

Согласно канонам словесных поединков, в «Перебранке Локи» упоминается о вербальном мастерстве участников – Локи восхваляет свое красноречие, утверждая собственное превосходство в искусстве словесной хулы: «Знаешь ли, Эльдир, / если начнем мы / обидно браниться, / я ответами буду, / богаче тебя, / если ты не замолкнешь» (5, перев. А.И. Корсуна). Явившись незванным на пир, Локи, вновь в соответствии с традицией словесных поединков, прежде всего, называет себя: «Я, Лофт, издалека, / жаждой томимый, / в палату пришел...» (6, перев. А.И. Корсуна). Когда Браги пытается его прогнать, Локи обращается к Одину, напоминая ему об обетах побратимства. В ответ Один просит Видара уступить Локи место за пиршественным столом, опасаясь, как бы тот не стал «бранить нечестиво / гостей в доме Эгира» (10, перев. А.И. Корсуна). Браги пытается откупиться от злоречивого Локи мечом и конем, но тот прибегает к наиболее характерному для словесных поединков оскорблению – обвинению в трусости (табл. 1).

Таблица 1

«Перебранка Локи»
(первая часть)

Семантика	Браги – Локи
1. Предложение выкупа и угроза.	1. Браги: «Меч и коня тебе я вручу, и кольцом откуплюсь я; не начал бы только ты ссор затевать; бойся гнева богов!» (12).
2. Обвинение в лживости и трусости.	2. Локи: «Не дашь ты коня, и кольца ты не дашь: посул твой напрасен; из асов и альвов, что здесь собрались, ты самый трусливый и схваток страшишься» (13).

Семантика	Браги – Локи
3. Угроза.	3. Браги: «Когда бы не здесь, не у Эгира в доме с тобою сошлись мы, своею рукой твою голову снял бы в отплату за ложь» (14).
4. Издевка, обвинение в трусости, вызов, максима.	4. Локи: «Сидя ты храбр – украшенье скамьи, – но в битве беспомощен! Смелость свою покажи в сраженьи! Кто смел, тот не медлит» (15)

Жена Браги Идун пытается успокоить мужа, однако Локи велит ей замолчать и наносит оскорбление ей самой: «Ты, Идун, молчи! / До мужчин ты всех боле / из женщин жадна, / ведь руки твои / того обнимали, / кем брат твой убит» (17, перев. А.И. Корсуна). Локи винит Идун в нецеломудрии, напоминая ей, что она изменила мужу с убийцей брата, т. е. с самим Локи. После этого в перебранку вступает Гевьон и тоже пытается утихомирить Локи, однако тот отвечает оскорблением и на ее миролюбивые речи: «Ты, Гевьон, молчи! / О юнце я напомню, / тебя совратившем: / дарил он уборы / в обмен на твои / любовные ласки» (20, перев. А.И. Корсуна). Обвинения Локи традиционны для словесных поединков – он говорит о нецеломудрии почти всем богиням, которые принимают участие в перебранке (Идун, Гевьон, Фригг, Фрейя, Скади, Сив)⁸⁷.

Помимо богинь, Локи разоблачает и семь богов (Браги, Одина, Ньёрда, Тюра, Фрейра, Хеймдалля, Тора), а также слуг Фрейра Бюгвира и Бейлу, обвиняя их в трусости, извращенности, инцесте, нарушении алиментарных табу, бесчестии, глупости и беспощадно искажая известные о них легенды. Обвинения в словесных поединках и не должны быть правдивыми – ссылаясь на «предварительный инцидент» (определенное событие из жизни оппонентов, снабженное детальной информацией о месте, длительности, именах других участников), каждый из противников вправе интерпретировать его самым нелестным образом для своего врага («Перебранка Локи», перев. А.И. Корсуна) (табл. 2).

Таблица 2

«Перебранка Локи»
(вторая часть)

Семантика	Асы – Локи
1. Максима, оскорбление, обвинение в женоподобии.	1. Ньёрд: «Беды нет великой, коль женщина делит ложе с мужчиной, хуже, что ас женовидный, рожавший, на пир наш пришел» (33).
2. Требование замолчать, обвинение в нарушении алиментарных табу (ссылка на предварительный инцидент).	2. Локи: «Ты, Ньёрд, молчи! Не ты ли богами был послан заложником; дочери Хюмира в рот твой мочились, как будто в корыто» (34).
3. Признание справедливости обвинения, самооправдание, похвальба (восхваление собственного сына – Фрейра).	3. Ньёрд: «Пусть я далеко заложником был, но тем я утешен, что сына родил я, – дорог он всем, он – первый из асов» (35).
4. Требование замолчать, обвинение в инцесте (ссылка на предварительный инцидент).	4. Локи: «Ньёрд, перестань! Похвалиться не смей! Не стану скрывать я: прижил ты сына с сестрою родной, – что может быть хуже!» (36).
5. Максима, восхваление Фрейра.	5. Тюр: «Фрейр самый лучший в чертоге богов воинственный всадник; не обижал он дев или жен, отпускал полоненных» (37).
6. Требование замолчать, обвинение в отсутствии мудрости и удачи (ссылка на предварительный инцидент).	6. Локи: «Ты, Тюр, молчи! Мирить не умел ты в распре врагов: правую руку твою помяну я, что Фенрир отгрыз» (38).

Семантика	Асы – Локи
7. Признание справедливости обвинения, выражение сочувствия оппоненту.	7. Тюр: «Я лишился руки, а Хродвитнир где твой! Оба терпим потерю; но тяжко и Волку в цепях дожидаться заката богов» (39).
8. Требование замолчать, обвинение в бесчестье, выражение презрения (ссылка на предварительный инцидент).	8. Локи: «Ты, Тюр, молчи! От меня родила жена твоя сына; за бесчестье с тобой я не расчелся – стерпел ты, презренный!» (40).
9. Максима, требование замолчать, угроза, оскорбление.	9. Фрейр: «Волк должен лежать в устье реки до кончины богов; если ты не замолкнешь – тотчас же будешь закован, злодей!» (41).
10. Критика прошлого действия (ссылка на предварительный инцидент), обвинение в недальновидности.	10. Локи: «Ты золото отдал за Гюмира дочь и меч свой в придачу; чем драться ты будешь, коль Муспелля дети сквозь Мюрквид поскачут?» (42).
11. Угроза, оскорбление.	11. Бюггвир: «Был бы я равен Ингунар-Фрейру в чертоге счастливым, я б растерзал, разорвал бы я в клочья ворону зловредную» (43).
12. Издевательский вопрос, оскорбление, обвинение в низком социальном статусе, попрошайничестве, исполнении рабской работы (ссылка на предварительный инцидент).	12. Локи: «Что там за мелочь виляет хвостом, пресмыкаясь пред сильными? Вечно подачек ты просишь у Фрейра, за жерновом ноя» (44).
13. Самоидентификация, похвальба.	13. Бюггвир: «Бюггвир зовусь, меж людей и богов быстрым прослыл я; почетно сидеть мне с сынами Хрофта на пиршестве пышном» (45).

Семантика	Асы – Локи
14. Требование замолчать, критика прошлого действия, обвинение в трусости (ссылка на предварительный инцидент).	14. Локи: «Ты, Бюгвир, молчи! Не умел никогда ты пищу подать; не ты ль под столами в соломе скрывался при каждом сраженьи!» (46).
15. Обвинение в безумии, требование замолчать, максима.	15. Хеймдалль: «Ты, Локи, от пива рассудка лишился; замолкнешь ли, Локи? Язык свой не в силах тот обуздать, кто не в меру напьется» (47).
16. Требование замолчать, обвинение в низком социальном статусе, исполнении рабской работы (ссылка на предварительный инцидент).	16. Локи: «Ты, Хеймдалль, молчи! От начала времен удел твой нелегок: с мокрой спиной на страже богов неустанно стоишь ты» (48).

Перебранка заканчивается тем, что Сив, жена Тора, предлагает Локи чашу меда в надежде избежать его нападков, однако это не спасает ее от обвинений в неверности. Внезапно появляется сам разъяренный бог-громовник и вынуждает Локи удалиться.

Следует заметить, что в «Перебранке Локи» преобладают не угрозы (7 примеров), а обвинения (18 примеров). Если богинь Локи винит в распутстве, то основное обвинение, выдвигаемое им против богов, – трусость⁸⁸. Исключения составляют лишь Один и Ньёрд. Первого Локи винит в несправедливости («Ты удачи в боях / не делил справедливо: / не воинам храбрым, / но трусам победу / нередко дарил ты», 22, перев. А.И. Корсуна). В ответ на оскорбление Один отвечает Локи обвинением в женовидности («Коль не воинам храбрым, / но трусам победу / нередко дарил я, / то ты под землей / сидел восемь зим, / доил там коров, / рожал там детей, / ты – муж женовидный», 23, перев. А.И. Корсуна). Однако Локи и здесь повторяет и усиливает обвинение Одина, добавляя к женовидности обвинение в чародействе («А ты, я слышал, на острове Самсей / бил в барабан, / среди людей колдовал, / как делают ведьмы, – / ты – муж женовидный», 24, перев. А.И. Корсуна). Обвинение в женовидности повторяет Ньёрд («хуже, что ас, / женовидный, рожавший, / на пир наш пришел», 33.4–6, перев. А.И. Корсуна). Локи отвечает ему обвинением в трусости, нарушении алиментарных запретов (питии урины: «Не ты

ли богами / был послан заложником; / дочери Хюмира / в рот твой мочились, / как будто в корыто», 34) и кровосмешении («прижил ты сына / с сестрою родной», 36, перев. А.И. Корсуна).

Можно заметить, что почти все обвинения в песни произносятся Локи (11–15, 19–20, 21, 24, 25–28, 29–32, 36, 37, 41–42, 43–46, 48, 49–52, 53–54, 55–56, 57–64). В ответ боги и богини даже не пытаются оспорить возводимую на них хулу. Они или пытаются примириться со своим врагом (Фригг просит Локи и Óдина не трогать старого и забыть о прошлых обидах, 25), или напоминают ему о его собственных бедах (Тюр говорит, что волк Фенрир – сын великанши Ангрбоды от Локи закован цепями, 39), или объясняют его нападки опьянением (Хеймдалль утверждает, что Локи лишился рассудка от пива, 47). С явным обвинением (в женовидности) выступает лишь Óдин (23), затем то же обвинение повторяет Ньёрд (33), кроме того Фрейя винит Локи в том, что он безумен и лжив. Если большая часть обвинений и оскорблений исходит от Локи, то все угрозы принадлежат исключительно другим богам⁸⁹. Сам Локи не произносит ни одной угрозы.

Обвинения Локи и угрозы богов подчеркнута формульны. Каждое обращение к асам открывается одной из четырех вводных формул: *Veit ek* – «Знаю я» или *Veiztu* – «Ты знаешь», *Þegi þú* – «Молчи ты», *Naettu nú* – «Перестань сейчас же», *Neill ver þú nú* – «Будь здоров»⁹⁰. В обвинениях Локи, адресованных асам, формулы используются всегда, в обращениях других богов они встречаются реже (всего семь раз: 14, 23, 27, 41, 43, 51, 53 и еще четыре раза – в заключительных строках Тора: 57, 59, 61, 63).

«Перебранка Локи» включает 65 строк, сочиненных преимущественно льодахаттом («песенным размером»), каждая строка которого состоит из шести строк, однако четыре строфы (13, 54, 62, 65) сложены гальдралагом («размером заклятий», др.-исл. *galdralag* от *galdrar* – «заклинания», *lag* – «размер»). Строфы гальдралага, в которых присутствует добавочная седьмая строка, имеют магическую функцию и принадлежат Локи, ср. например его ответ Тору или заключительное проклятие, обращенное к Эгиру:

Lifa ætla ek mér / langan aldr,
þóttu hœtir hamri mér;
skarpar álar / þóttu þér Skrýmis vera,
ok máttira þú þá nesti ná,
ok svaltstu þá hungri heill.

«Еще доведется / долго мне жить,
угроз не страшусь я;
Скрюмира были / крепки ремни,
до еды не достать –
от голода гиб ты» (62).

Ol gərðir þú, Ægir; / en þú aldri munt
síðan sumbl un göra:
eiga þín öll, / er hér inni er –
leiki yfir logi,
ok brenni þér á baki!

«Пива ты, Эгир, / немало припас,
но напрасно старался:
пусть все, чем владеешь, / в пламени сгинет,
пусть опалит
огонь тебе спину!» (65).

Перевод А.И. Корсуна

Магическая действенность гальдралага (именно этот размер обычно ассоциируется с заклинаниями и проклятиями) связана с его повышенной звуковой организованностью по сравнению с остальными эддическими размерами, ср., например, знаменитое проклятье Герд из «Поездки Скирнира» (Skírnismál): *hvé ek fyrirbýð, / hvé ek fyrirbanna / manna glaum maní, / mana nyt maní!* (Skm. 34) – «Запрет налагаю, / заклятье кладу / на девы утехи, / на девичьи услады!» (перев. А.И. Корсуна); *þik geð grépi, / þitt morn morni!* (Skm. 31) – «От похоти сохни, / зачакни от хвори!» (перев. А.И. Корсуна). В строфе гальдралага почти каждый ударный слог принимает участие в аллитерации или в рифме, что сближает его как с заклинаниями, так и с хулительными стихами скальдов [Матюшина 1994b]. В гальдралаге уже намечена основная метрическая инновация скальдов – усиление конца строки канонизованной рифмой, однако сделано это не с помощью формализованного звукового повтора, но предельно семантизированным лексемным тождеством. Приведенные примеры гальдралага идентичны заклинанию и хулительным стихам скальдов функционально, т. е. своей действенностью (Скирнир немедленно добивается от Герд всего, что хочет), и семантически (как и в заклинаниях, отсутствует дискурсивность, но, как и в скальдической хулительной поэзии, присутствуют нарушения табу).

Единственная восьмистрочная строфа (23, см. выше) используется в ответе Óдина, который как будто стремится превзойти Локи в поэтическом мастерстве и избежать проигрыша в словесном поединке. Однако в своем ответе Локи зеркально отображает структуру второй половины строфы Óдина и побеждает, повторяя высказанное против него обвинение «ты – муж женовидный» (24, см. выше). Когда Локи упоминает о Торе в строфе гальдралага, адресованной жене бога-громовника Сив⁹¹ («Порочить не стал бы, / когда б ты и впрямь / была неприступной; / но знаю, с одним – / и мне ли не знать! – / изменила ты мужу, – / то был злобный Локи», 54, перев. А.И. Корсуна), его магическая сила обращается против него самого – не желая того, Локи вызывает Тора (служанка Бейла извещает богов о прибытии мужа Сив – «Горы дрожат, / то едет,

я думаю, / Хлорриди грозный», 55, перев. А.И. Корсуна). Высказавший свои обвинения Локи оказывается вынужденным уступить Тору и удалиться с пира богов.

Нетрудно заметить стереотипность семантики (боги обвиняются в трусости, богини – в распутстве) и формы в обвинениях Локи и в ответах богов. Обвинения явно преобладают над угрозами, похвальба почти отсутствует⁹². Победу в споре оппонентам обеспечивает применение и пословиц: «Кто смел, тот не медлит», 15, «Язык свой не в силах / тот обуздать, / кто не в меру напьется», 47, и формул: каждая строфа обвинений Локи и ответов других участников содержит формульный повтор (см. примеч. 90). Структура «Перебранки Локи» строго симметрична, на перепалку с каждым из оппонентов отводится от двух до пяти строф. Симметричность высказываний подчеркивается формульными повторами. Например, в начале песни еще до начала словесного поединка Локи вступает в диалог с Эльдиром, каждая строфа которого начинается с формулы: «Ты знаешь» (Veiztu, 4, – Veiztu þat, 5). Когда в этот диалог вступает и Браги, повторы распространяются и на его реплики: Локи просит выбрать ему «сидение и место» на пиру (Sessa ok staði, 7), а Браги отвечает, что асы никогда не выберут ему «сидение и место» (Sessa ok staði, 8).

Локи побеждает в перебранке не только потому, что он «богат ответами» (auðigr í andsvorum, 5) и более агрессивно нападает на оппонентов, чем они ему отвечают. Победа остается за ним еще и потому, что он один соблюдает каноны жанра и основывает каждое обвинение на предварительном инциденте – определенном событии из прошлой жизни участника, обычно одном из тех, которые спровоцировал он сам. В сущности, из всех участников перебранки только Один обращается в своих ответах Локи к предварительному инциденту, напоминая ему о его недостойном поведении «под землей». Все остальные асы или пытаются утихомирить Локи и избежать его хулы, или заступаются за других асов, навлекая тем самым его гнев на самих себя. Каждый из асов, обвиняемых Локи, вынужден замолчать и, следовательно, признать свое поражение. Вся перебранка строится так, что на нападки Локи отвечает не сам объект нападения, но следующий участник словесного поединка. Перебранка в соответствии с канонами начинается самоидентификацией Локи, а завершается его же проклятием: «Пусть все, чем владеешь, / в пламени сгорит, / пусть опалит / огонь тебе спину!» (65, перев. А.И. Корсуна). В соответствии с канонами словесного поединка именно тот, кто произносит заключительную фразу, обычно выходит из него победителем.

Если в «Перебранке Локи» и «Песни о Харбарде», т. е. в двух мифологических песнях «Старшей Эдды», словесный поединок распространяется на всю песнь без остатка, то в героических песнях перебранкам отводится лишь часть памятника, причем всегда кульминационная.

Героические песни

Примеры словесных поединков встречаются в трех героических песнях «Старшей Эдды»: в «Первой Песни о Хельги Убийце Хундинга» (32–46), во «Второй Песни о Хельги Убийце Хундинга» (19–24), и в «Песни о Хельги сыне Хьёрварда» (12–30).

В каждой из этих песней сообщается о месте проведения словесного поединка. Перебранка неизменно происходит на поле боя, причем обычно у водной преграды. Так, в «Первой Песни о Хельги Убийце Хундинга» место поединка описывается следующим образом: «Вечер настал, / в залив Унавагар / входили ладьи / в убранстве ярком, / смотрели на них / со склона Сваринсхауг, / скорбя, озирали / вражью дружину» (31, перев. А.И. Корсуна). В «Песни о Хельги сыне Хьёрварда» речами обмениваются великанша Хримгерд, находящаяся на морском берегу, и Атли, стоящий на носу ладьи (14). Таким образом, и здесь участники перебранки разделены водной границей.

Словесные поединки всегда начинаются с того, что собеседник называет свое имя, а затем оскорбляет, угрожает противнику или восхваляет себя. Так, в «Песни о Хельги сыне Хьёрварда» (Helgakviða Hjörvarðssonar) на вопрос великанши Хримгерд, дочери великана Хати, убитого Хельги: «Кто эти воины / в Хатафьорде? / Щиты на бортах, / смелы вы с виду, / ничто не страшит вас; / кто же ваш конунг?», Атли, второй участник словесного поединка, не только называет имя конунга, но и отвечает похвальбой: «Хельги наш конунг, / ты не смогла бы / зло причинить ему; / наши ладьи / железом окованы, – / ведьм не страшимся мы» (12–13, перев. А.И. Корсуна).

Похвальба сменяется оскорблениями и угрозами, когда Атли называет свое имя и требует, чтобы противница тоже представилась ему: «Атли мне имя, / дрожи, ужасайся, / чудищ гублю я; / часто с ладьи / топил я в море / всадниц ночных. / Кто ты, ведьма, / жадная к трупам? / Отца назови мне! / В землю ступай, / и пусть из тебя / дерево вырастет!» (15–16, перев. А.И. Корсуна).

Услышав имя Хримгерд, Атли вспоминает, как она получила рану, когда «в устье фьорда торчала» (18, 2–3), пытаясь потопить дружину героя. Хримгерд, напротив, оспаривает интерпретацию «предваритель-

ного инцидента», утверждая, что это ее «мать запирала ладьи во фьорде» (19, 3–4), а сама она топила их. Ответив на оскорбление, Хримгерд в свою очередь обвиняет Атли в трусости и немужественности: «Теперь не заржешь, / холощенный Атли, / коль хвост задеру я! / Не в зад ли ушло / твое сердце, Атли, / хоть голосом конь ты!» (20, перев. А.И. Корсуна). Атли тоже сравнивает Хримгерд с кобылой (эмблематичное сравнение с кобылой характерно для хулительных стихов скальдов⁹³) и переходит от обвинений к угрозам: «Испытай на себе – / каков жеребец я: / сойду на берег, / тебя растерзаю! / Стоит мне захотеть – / и хвост ты опустишь!» (21, перев. А.И. Корсуна). В ответ на угрозу Атли Хримгерд прибегает к тому же речевому акту: «ребра я выпрямлю, <...> коль мне попадешься!» (22, перев. А.И. Корсуна) и приглашает своего оппонента сойти на берег, а когда тот отказывается, заявляет, что желает взять Хельги в возлюбленные в возмещение за убийство отца (24). Атли продолжает оскорблять великаншу, отказывая ей во встрече с Хельги и предлагая ей в мужья злого турса: «Лодин – жених твой, / противна ты людям, / на острове Толлей / турс обитает, / злой великан, / – вот муж твой достойный» (25, перев. А.И. Корсуна).

Отказавшись сойти на берег, Атли как будто признает себя побежденным, тем более что он внезапно меняет тактику и от угроз и оскорблений переходит к вопросам (он хочет знать, сколько валькирий охраняло флот Хельги, 27). Однако в конце поединка оказывается, что Атли нарочно хотел отвлечь внимание Хримгерд, чтобы задержать ее до восхода и тем обратить в камень. Таким образом, Атли спасает ладьи Хельги и навлекает гибель на великаншу. Победа в словесном поединке Атли не вызывает сомнения.

В отличие от «Песни о Хельги сыне Хьёрварда», в «Первой Песни о Хельги Убийце Хундинга» (Helgakviða Hundingsbana I) и во «Второй Песни о Хельги Убийце Хундинга» (Helgakviða Hundingsbana II) в словесных поединках принимают участие не сами враждующие конунги (Хёдбродд и нападающий на его земли Хельги), но их «представители» – младший брат Хёдбродда Гудмунд и Синфьётли, брат Хельги и сын Сигмунда Вёльсунга и его сестры Сигню, о которых рассказывается в «Саге о Вёльсунгах»⁹⁴. Речь в обеих песнях идет о битве конунга Хельги, решившего спасти валькирию Сигрун от ненавистного ей брака, с Хёдброддом, за которого отец Сигрун просватал свою дочь.

Словесные поединки в песнях о Хельги тоже начинаются с представления героев. Во «Второй Песни о Хельги Убийце Хундинга» Гудмунд открывает перебранку вопросом об имени предводителя дружины:

«Кто этот конунг, / ладьи ведущий? / Чей стяг боевой / по ветру вьется?» (19, 1–4, перев. А.И. Корсуна). Синфьётли же отвечает: «Хёдбродд может / Хельги узнать, / храброго в битвах, / ладьи ведущего; / наследье богатое / вашего рода, / золото Фьёрсунгов / он захватил» (20, перев. А.И. Корсуна). Сходный обмен вступительными репликами содержится и в «Первой Песни о Хельги Убийце Хундинга». На обращение Гудмунда: «Кто этот вождь, / с дружиной плывущий? / Чьи рати сюда / к берегу правят?» (32, перев. А.И. Корсуна) – Синфьётли называет имя своего брата конунга Хельги и упоминает о своем славном роде Ильвингов⁹⁵, к которому принадлежит Сигмунд, отец Хельги и Сигурда Убийцы Фафнира. Однако главное в ответе Синфьётли не похвальба, но те угрозы и оскорбления, с которых он начинает и заканчивает свой ответ в «Первой Песни о Хельги Убийце Хундинга»: «Вечером скажешь, / скликай свиней / и псов собирая, / чтобы корм раздать им, – / Ильвинги славные, / битвы взалкав, / с востока пришли / из Гнипалунда! // Там Хёдбродд найдет / конунга Хельги, / что бегства в бою / никогда не ведал, / нередко в битвах / орлов насыщал он, / пока ты дома / рабынь целовал», 34–35, перев. А.И. Корсуна). Нужно заметить характерное для словесных поединков противопоставление героя оппоненту: конунг Хельги бился в боях, пока Хёдбродд отсиживался дома.

То же противопоставление достойного и недостойного поведения присутствует и в словесном поединке между Синфьётли и братом Хёдбродда, о котором рассказывается в главе «Саги о Вельсунгах», основанной на эддических песнях о Хельги Убийце Хундинга» (гл. 9). Обмен репликами героев в этой саге несущественно отличается от эддических песней, хотя оппонент Синфьётли (брат конунга Хёдбродда) носит здесь имя не Гудмунда, но Гранмара. Как и в песнях о Хельги, словесный поединок в «Саге о Вельсунгах» происходит перед битвой Хельги с Хёдброддом из-за Сигрун, обещанной ее отцом конунгу Хёдбродду. Начинает обмен репликами брат Хёдбродда, который, увидев входящие в гавань корабли Хельги, спрашивает о том, кто предводительствует столь большой дружиной. Синфьётли отвечает конунгу: «Скажи, когда покормишь свиней и собак и зайдешь к жене, что прибыли Вельсунги и можно здесь встретить Хельги-конунга среди дружины, если Хёдбродд захочет его видеть: радость для Хельги – биться со славой, пока ты за печкой целуешь служанок» (перев. Б. Ярхо)⁹⁶.

Как и в «Саге о Вельсунгах», во «Второй Песни о Хельги Убийце Хундинга» словесный поединок тоже ведется между Синфьётли и братом Хёдбродда, однако он короче и менее интенсивен, чем в саге и в

«Первой Песни о Хельги Убийце Хундинга». Его начинает Гудмунд, спрашивающий об имени предводителя морской дружины. Ему отвечает Синфьётли, но на этот раз в его словах нет ни оскорбления, ни угрозы, а только похвальба: «Хёдбродд может / Хельги узнать, / храброго в битвах, / ладьи ведущего; / наследье богатое / вашего рода, / золото Фьёрсунгов / он захватил» (20, перев. А.И. Корсуна). На похвальбу Гудмунд отвечает вызовом на бой: «Будем сначала / у Волчьего камня / палками битвы / с врагами спорить!» (21, 1–4, перев. А.И. Корсуна), а затем призывает Хёдбродда к мести: «Хёдбродд, пора / для мести настала, / слишком часто нас побеждали!» (21, 5–8). Услышав это подстрекательство, Синфьётли дает Гудмунду иронический совет найти себе более подходящее занятие, чем биться с врагами: «Гудмунд, сперва / коз попаси ты, / по скалам крутым / за ними карабкайся, / крепче держи / ветку орешника, – / милей тебе это, / чем сходка мечей!» (22, перев. А.И. Корсуна). Этот ответ Синфьётли содержит единственное обвинение, да и то неявное, во всем словесном поединке.

Во «Второй Песни о Хельги Убийце Хундинга», как и «Саге о Вёльсунгах», словесный поединок завершается, благодаря вмешательству конунга Хельги, призывающего Синфьётли поскорее начать битву: «Не лучше ли было б / тебе, Синфьётли, / битву вести / орлам на радость, / чем попусту речи / бросать на ветер...» (23, перев. А.И. Корсуна; ср. в «Саге о Вёльсунгах»: «Лучше и доблестнее было бы вам сразиться друг с другом, чем говорить так, что срам слушать. А сыны Гранмара, хоть мне не друзья, а все же отважные мужи», перев. Б.И. Ярхо). В этом призыве Хельги нельзя не увидеть того же противопоставления занятий, приличествующих героям – походов и сражений (ср. в древнеанглийских максимах: «герою подобает битва»), и пустой болтовни, недостойной воина, которое присутствовало в речи Синфьётли в «Первой Песни о Хельги Убийце Хундинга» (34–35).

Можно заметить, что словесный поединок во «Второй Песни о Хельги Убийце Хундинга» не во всем отвечает нашему представлению о перебранке. Преобладает в нем не хула, но похвальба. Он почти не содержит ни традиционных оскорблений, ни угроз, ни контробвинений. Немного здесь и характерных стилистических приемов: повторов и формул. Отсутствует также проклятие – окончание, типичное для словесных поединков.

Напротив, в словесном поединке в «Первой Песни о Хельги Убийце Хундинга» все правила соблюдаются с самого начала и до конца. В соответствии с канонами в этой песни упоминается о вербальном мастерстве

участников: «Синфьётли крикнул, / <...> стражем он был / в спорах искусным, / который героям / умел ответить!» (33, перев. А.И. Корсуна). За представлением участников следует обмен оскорблениями и угрозами. Начальное обвинение принадлежит Синфьётли, который, противопоставляя Хельги и Хёдбродда, говорит о трусости последнего. На это оскорбление Гудмунд отвечает сначала упреком, а потом обвинением, основанным на «предварительном инциденте»: «Князь, позабыл ты / древние саги, / если героев / встречаешь бранью! / Лакомство волчье – / падаль – глотал ты, / брата убийцей / был твоего...» (36, перев. А.И. Корсуна). Гудмунд утверждает, что Синфьётли вел себя как волк, пожирающий павших в битве воинов, обвиняя его в нарушении алиментарных табу и братоубийстве. Те же обвинения присутствуют и в словесном поединке в «Саге о Вэльсунгах» (брат Хёдбродда отвечает Синфьётли: «Уж верно ты не умеешь слова сказать пристойно, ни о стародавних делах вести беседу, раз ты врешь в глаза хёвдингам. Видно, ты долго кормился в лесу волчьей сытью и братьев своих убил, и дивно мне, как ты осмеливаешься ходить в войске рядом с честными людьми, – ты, сосавший кровь из многих холодных трупов», перев. Б.И. Ярхо). Обвинение в убийстве сородичей характерно не только для скандинавских перебранок (ср. обвинение Беовульфа Унферту: «ты убийца своих сородичей, / братьев кровных», 589–590, перев. В.Г. Тихомирова).

Сколь ни тяжелы обвинения Гудмунда, ответные оскорбления Синфьётли еще страшнее: «Колдуньей ты был / на острове Варинсей, / как злобная баба / ложь ты выдумывал...» (37, перев. А.И. Корсуна), «Ведьмой ты был, / злобной валькирией, / ты восставал, дерзкий на Óдина...» (38, перев. А.И. Корсуна), «Девять волков / на мысе Саго / мы с тобой вывели, / – был я отцом им!» (39, перев. А.И. Корсуна). Гудмунд обвиняется здесь в том, что родил волков, отцом которых был сам Синфьётли. В «Саге о Вэльсунгах» Синфьётли тоже наносит противнику сходные обвинения: «Верно ты запомнил, как был ты вэльвою на Варинсейе и говорил, что хочешь замуж, и сманивал меня на это дело, чтоб я был тебе мужем; а затем был ты валькирией в Асгарде, и чуть-было все там не передрались из-за тебя; а я породил с тобою девять волков на Ланганесе, и всем им я был отцом» (перев. Б.И. Ярхо). Иными словами, Синфьётли винит своего противника в женоподобии, в том особого рода колдовстве, которое свойственно только женщинам.

В своем ответе Гудмунд тоже ставит под сомнение мужественность Синфьётли: «Не был отцом ты / волков свирепых, / <...> / тебя оскопили / у Гнипалунда / турсов дочери / на мысе Торснес!» (40, перев. А.И. Кор-

суна) – и вновь повторяет свое обвинение в братоубийстве: «...все на тебя / обрушились беды, / когда ты вонзил / в брата свой меч...» (41, перев. А.И. Корсуна). Гудмунд обвиняет Синфьётли в том, что его выхолостили великанши и он являлся в качестве кобылы в обществе коня Сигурда Грани (ср. в «Саге о Вэльсунгах»: «Здоров ты врать! Мне же сдается, что ничьим отцом ты не мог быть с тех пор, как оскопили тебя дочери йотуна на Торснесе; ты – пасынок Сиггейра-конунга, и валялся ты в лесах с волками; и сотворил ты все злодеяния сразу, братьев своих убил и стяжал дурную славу», перев. Б.И. Ярхо).

Тогда Синфьётли отвечает тем, что называет Гудмунда женщиной-троллем и вновь повторяет свои обвинения в женоподобии: «Был ты на Бравеллир / Грани женою, / взнуданным был ты, / к бегу готовым, / я на тебе, / усталом и тощем, / немало скакал / по горным склонам!» (42, перев. А.И. Корсуна), «Был ты в те дни <...> / потом оборванкой, / дочерью Имд, / был ты однажды; / что мне ответишь?» (43, перев. А.И. Корсуна). В «Саге о Вэльсунгах» Синфьётли дает противнику сходный ответ: «А помнишь ли, как был ты кобылой у жеребца Грани, и скакал я на тебе во весь опор по Браваллу? Был ты затем козопасом у Гельни-йотуна» (перев. Б.И. Ярхо).

Не отвечая на вопрос и тем признавая победу Синфьётли, Гудмунд вместо ответа переходит к угрозам: «Дай мне раньше / у Волчьего Камня / трупом твоим / воронье насытить, / чем псов и свиней / твоих накормить; / пусть боги тебя / покарают, как должно» (44, перев. А.И. Корсуна, ср. в «Саге о Вэльсунгах»: «Раньше накормлю я птиц твоей падалью, чем говорить с тобою», перев. Б.И. Ярхо). В соответствии с канонами словесный поединок завершается проклятием Гудмунда, однако победа в нем остается за Синфьётли, что предвещает поражение в битве Гудмунда и Хёдбродда.

Характер табу, нарушаемых в словесном поединке в «Саге о Вэльсунгах» и в «Первой Песни о Хельги Убийце Хундинга», могут прояснить скандинавские законы. В западнонорвежских «Законах Гулатинга» говорится, например: «Никто не должен возводить напраслину (ýki) на другого или клевету (fjölmaeli). “Напраслиной” (ýki) называется, если кто-то скажет о другом то, чего не может быть, не будет и не было: говорит, что он становится женщиной каждую девятую ночь, или что он родил ребенка, или называет его gylfin (волчица-оборотень). Он объявляется вне закона, если оказывается в этом виновным» [Norges gamle love: 70]. В «Законах Гулатинга» сказано далее: «Есть три выражения, признаваемые словесной хулой, за которую должна быть выплачена пол-

ная вира. Первое, если человек говорит о другом, что он родил ребенка. Второе, если человек называет другого sannsorðinn (использованным в качестве женщины мужчиной). Третье, если человек сравнивает другого с кобылой, или называет его сукой, или сравнивает его с самкой любого вида животного» [Norges gamle love: 57]. В «Законах Фростатинга» к главе, сходной с уже приведенной, добавлено, что лишь половинная вира взимается с того, кто сравнивает мужчину с быком, жеребцом или другим животным мужского рода. Легко заметить, что все норвежские примеры строятся на антитезе: женское (животное) и мужское (человеческое) начало.

В главе древнеисландского свода законов «Серый Гусь», соответствующей процитированному выше отрывку из «Законов Гулатинга», сказано: «Если человек возводит напраслину (yki) на другого, он объявляется вне закона. Он возводит напраслину, если говорит о другом человеке или его имуществе то, что не может быть правдой, и делает это для его поношения. Если человек создает нид о ком-то, то он объявляется вне закона. Есть три слова, <...> за которые следует объявление вне закона. Если человек назовет другого ragr, stroðinn или sorðinn, то это устное оскорбление, за которое должна быть выплачена полная вира. Человек имеет право убить за эти три слова по истечении того же срока, что он может убить из-за женщины, в обоих случаях до следующего алтинга. Тот, кто произнес эти слова, лишается неприкосновенности перед сопровождающими того человека, о котором были сказаны эти слова» [Grágás 1974: 392]. Право отомстить, признаваемое за жертвой хулы, не характерно для исландских законов. Оно приравнивает словесное оскорбление к убийству, право сходной мести за которое также признавалось за сородичами убитого.

Три ключевых слова (ragr, stroðinn или sorðinn), выделенных в древнеисландском своде законов как наиболее оскорбительные для чести, принадлежат к одной семантической сфере, причем самое общее значение и частое употребление имеет слово ragr (фонетический вариант с метатезой, типичной для табуированных слов, – argr). В семантику этого прилагательного, несомненно, включается значение «трусливый, немужественный», особенно часто актуализирующееся в подстрекательствах (fryja). Так, в «Саге о Храфнкеле» (Hrafnkels saga Freysgoða) служанка подстрекает Храфнкеля к мести пословицей: Svá ergisk hvert sem eldisk – «так становится немужественным всякий, кто стареет» [Hrafnkels saga: 126], после чего Храфнкель убивает тех, кому, согласно древнескандинавскому кодексу чести, ему надлежит отомстить. Од-

но из самых ранних использований этого слова зафиксировано в рунических надписях VII в. на камнях, стоящих у деревни Бьёркеторп и на поле Стентофтен (Блекинге, Швеция). Надписи включают слово *ArAgeu* и представляют собой, по-видимому, угрозу, что всякий, потревоживший камень, будет обвинен в извращенности: «Да будет тот во власти беспокойства и беспутства, кто это разрушит» [Макаев 1965: 100]. Получить точное представление об ассоциативной сфере прилагательного *gafr/argr* дает возможность «Сага о Хитром Рэве» (*Króka-Refs saga*), причисляемая к наиболее поздним сагам об исландцах (XIV в.). В ней Торгильс предупреждает своих сыновей: «Плохо говорить о таком, и вся Гренландия будет краснеть, услышав о Рэве. Когда он только сюда приехал, я увидел, что большой позор будет навлечен на Гренландию. Я мало имел с ним дел, когда был в Исландии, потому, что он был не таким по природе, как другие мужчины. Он был женщиной каждую девятую ночь и нуждался в мужчине, и поэтому его называли *Refr inn gagi* и рассказывали истории о его невероятных повадках. Теперь же я хочу, чтобы вы не имели с ним дела» [*Króka-Refs saga*: 134]. Далее вся сага посвящена описанию серии убийств, совершаемых Рэвом с целью доказать, что он не заслуживает прозвища «*gafr*», трудно переводимого одним словом, так как оно включает целый комплекс значений, связанных с женоподобием. Так, это прилагательное (и однокоренное существительное *ergi*) могло значить «сведущий в особого рода колдовстве». В «Саге об Инглингах» (*Ynglinga saga*, гл. 7) говорится, что, помимо искусства заклинаний (*galdr*), Один владел и колдовством (*seiðr*), с помощью которого он мог «причинять людям болезнь, несчастье или смерть, а также отнимать у людей ум и силу и передавать их другим». Оно сопровождалось такой сильной *ergi*, что «мужам считалось зазорным заниматься этим колдовством, так что ему обучались жрицы» [Сага об Инглингах: 14 (перев. М.И. Стеблин-Каменского)]. Вероятно, что колдовство, известное Одину (*seiðr*)⁹⁷, предполагало способность менять не только обличье, но и пол, и было, как любой языческий обряд, запрещено в христианизированной Исландии.

Итак, наиболее оскорбительными в словесных поединках «Старшей Эдды» оказываются обвинения в женоподобии, трусости, стремлении к домашней жизни, попыткам уклониться от походов, странствий, сражений, подобающих воину и мужу. Подобные обвинения встречаются в двух мифологических песнях и в кульминационных эпизодах трех героических песней. Структура словесных поединков в этих песнях строго определена. Они состоят из введения (представления участников), обме-

на угрозами и оскорблениями, обычно основанными на «предварительных инцидентах», и заключения, как правило, содержащего проклятие.

Между тем нельзя не заметить и существенного различия словесных поединков в мифологических и героических песнях. В мифологических песнях исход поединка не грозит гибелью ни одному из участников. В «Перебранке Локи» словесный поединок воспринимается почти как развлечение на пиру; перебранку же в «Песни о Харбарде» не без основания сравнивали с искусно поставленной пьесой, в которой принимают участие актеры, заинтересованные лишь в том, чтобы наилучшим образом сыграть отведенную им роль [Clover 1979: 139]. В этих песнях похвальба доминирует над хулой. В героических песнях, напротив, словесные поединки предшествуют реальному сражению, в котором победа одного из участников предвещает гибель другого. Хула, поношения, особенно обвинения в женоподобии, во всех этих песнях, за исключением «Второй Песни о Хельги Убийце Хундинга», играют не менее важную роль, чем похвальба. Таким образом, в песнях «Старшей Эдды» мы вновь находим те же два вида словесных поединков, которые были замечены нами в древнегерманской и англосаксонской поэзии.

Саксон Грамматик. «Деяния датчан»

С героическими песнями «Старшей Эдды» тематически связано знаменитое сочинение Саксона Грамматика «Деяния датчан» (*Saxonis Gesta Danorum*), обычно датируемое концом XII – началом XIII вв. (1208–1218 гг.) и сохранившееся в рукописях середины XIV в. В нем повествуется об истории датских королей предшествующих веков. Хотя это письменный памятник, созданный не без влияния латинской культуры (известно, что не только отдельные выражения, но и целые эпизоды заимствованы у латинских авторов), его связь с устной германской традицией очевидна. В предисловии сам автор утверждает, что стремится возродить утраченные традиции древних германцев, и рассказывает об использованном им материале. В числе источников Саксон Грамматик называет древние поэмы о былой отваге датчан, скандинавские рунические памятники, рассказывающие о героических деяниях предков, песни на родном языке, т. е. легендарный и героический материал. Он отдает должное своим предшественникам, которые собрали старинные сказания, и говорит, что много почерпнул для своего труда из рассказов странствующих исландцев и из их рукописей, иными словами, из исконной устной и письменной традиции.

Сам текст Саксона тоже не оставляет сомнений в том, что хотя бы частично опирается на фольклорные источники. Так, диалогические стихи из первых книг «Деяний датчан» настолько близки к сохранившимся исландским образцам, в частности из «Младшей Эдды», что могли быть основаны на записях или устных исполнениях несохранившихся скандинавских оригиналов⁹⁸. Возможно, к устной традиции восходят и те примеры словесных поединков, которые мы находим в труде Саксона Грамматика: Грам и Бесс против Гро (Кн. 1), Эрик Красноречивый против Ольмара (Кн. 5), Эрик против короля Фродо (Кн. 5), Гётвара против Эрика (Кн. 5), Греш против Эрика (Кн. 5), Фридлейв против великана (Кн. 6), Стракад против Ингельда, Кнуд Лавард против Хенрика (Кн. 13).

Первый словесный поединок составляет ядро повествования в начальной книге «Деяний датчан». Согласно традиции, Саксон Грамматик подробно описывает обстоятельства его проведения. Узнав о том, что Гро, дочь шведского конунга Сигтрюгга, обручена с великаном, датский конунг Грам, сын Скьельда, очень разгневался и решил предотвратить тот урон, который мог быть нанесен королевскому роду таким браком. Он решил сам изобразить из себя великана и облачился для устрашения людей в козьи шкуры. Вместе со своим соратником Бессом Грам отправился на встречу с Гро, которая шла к лесному озеру, чтобы искупаться. Гро приняла Грама за своего жениха и обратилась к нему со стихами [Saxonis Gesta Danorum I. 13]⁹⁹, а затем вступила в словесный поединок со спутником Грама Бессом.

Место встречи героев соответствует канонам словесных поединков – Гро и Бесс встречаются у водной преграды, представляются друг другу, а затем обмениваются угрозами (табл. 3):

Таблица 3

Перебранка Гро и Бесс в «Деяниях датчан»
Саксона Грамматика

Семантика	Гро – Бесс
1. Вопрос об идентификации оппонента, максима.	1. «Может ли это быть великан, ненавистный королю, / бросающий тень на середину дороги? / И все же многие отважные воины часто скрывали / себя под звериными шкурами» (I.14).
2. Вопрос об идентификации оппонента.	2. Бесс: «Ты, девушка, что скачешь / на спине скакуна / и обмениваешься со мною речами, / скажи нам свое имя / и из какой семьи / ведешь ты свой род» (I.14).

Семантика	Гро – Бесс
3. Самоидентификация – самовосхваление, подразумевающее угрозу.	3. «Гро зовусь я, / мой отец королевского / рода, блистательный, / сверкающий оружием. / Но ты тоже открой, / что ты за человек / и откуда ты приходишь» (I.14).
4. Самоидентификация – самовосхваление, подразумевающее угрозу.	4. Бесс: «Я, Бесс, / отважный в битве, / свирепый и ужасный / к вражьиим людям, / часто обгадряющий / правую руку / кровью чужеземцев» (I.14).
5. Вопрос об идентификации вождя.	5. «Скажи мне, какой вождь / строит твой боевой порядок? / Для кого ты носишь / военные флаги? / Какой вождь / готовит тебя для битвы, / под чьим взглядом / ведешь ты войну?» (I.14).
6. Ответ – похвальба.	6. Бесс: «Благословенный богом войны, / никогда не отступающий / перед силой или от страха, / Грам ведет наши войска. Ни бушующий огонь, / ни яростные клинки, / ни вздымающиеся волны / никогда не страшили его. / Под его предводительством, / женщина, мы поднимаем наши / золотые стяги» (I.15).
7. Угроза.	7. «Обрати назад свои шаги, / измени направление пути. / Иначе Сигтрюгг / сомнет всех вас / своими войсками. / Крепко привязав вас / к ужасному столбу, / он схватит вас за горло, / предаст ваши тела / жестокому узлу, / дико глядя на вас, / он швырнет ваши трупы / голыми воронам» (I.15).
8. Угроза.	8. Бесс: «Прежде Грам / отправит его к Хель, / присоединит его к теням. / Прежде чем смерть сомкнет / его собственные глаза, / он отправит его, летящего кубарем, / в страшную преисподнюю. / Нас не тревожат / шведские войска. / Почему же ты, госпожа, / грозишь нам / мрачными похоронами?» (I.15).
9. Побуждение к действию.	9. «Я снова поскачу, / чтобы посетить хорошо известные / палаты моего отца, / чтобы мне ненароком / не увидеть наступающих войск / твоего брата. / Но поверни назад сейчас, / я молю тебя, / и ты избежишь своей судьбы» (I.16).
10. Побуждение к действию, максима.	10. Бесс: «Возвращайся с радостью, / дочь, к своему отцу / и не проси / о нашей скорой кончине, / позволяя гневу / бурлить в твоём сердце. / Ибо суровая женщина, / отвергающая просящего / в первый раз, / часто уступает во второй» (I.16).

После того как Бесс приводит в качестве аргумента пословицу *Namque petenti / aspera primum / difficilisque / sæpe secundo / femina cedit* – «Ибо

суровая женщина, отвергающая просящего в первый раз, часто уступает во второй» [Saxonis Gesta Danorum, I.16]¹⁰⁰, т. е. ссылается на коллективную мудрость, в словесный поединок вмешивается Грам, одетый в козьи шкуры и, подобно великану, сжимающий дубину. Он обращается к Гро громким голосом, подражая голосу великана, и восклицает: «Пусть девушка не боится брата свирепого чудовища. / Когда я приближаюсь, пусть она не бледнеет. / Посланный сюда Грипом, я не лягу в объятия / никакой женщине, / если только она не даст своего согласия» [Saxonis Gesta Danorum, I. 16]. На речь Грама Гро отвечает: «Какая женщина в здравом уме захочет быть шлюхой великана? / Какая девушка насладится его громадным ложем, / кто вынесет быть женой беса, / познав семя, порождающее чудовищ, / кто захочет принять ужасного великана, / разделяющего с ней ее супружескую постель? / Кто захочет гладить пальцами колючки? / Кто будет надевать нежными поцелуями грязь? / Кто прижмется к нему своим гладким телом, плохо подходящим к волосатым конечностям? / Когда вся природа кричит против этого, / ты не сможешь найти отдыха в настоящей любви. / Не вызывают огромные тела / ту любовь, которую женщина обычно чувствует» [Saxonis Gesta Danorum, I. 17]. Услышав разоблачительный ответ девушки, Грам понимает, что добился своего и навсегда избавил ее от брака с великаном. Он отвечает стихами, в которых сначала восхваляет свою отвагу, а затем предлагает Гро стать его женой и дает ей в подарок золото. Когда Грам сбрасывает звериные шкуры и предстает перед девушкой во всей своей красе, та оставляет свои страхи и отвечает согласием.

Словесный поединок между Гро, Бессом и Грамом можно условно поделить на четыре части: 1) вопросы об имени оппонента и ответы; 2) угрозы: Бесс угрожает приходом враждебного войска (Грама), а Гро пытается заставить его отступить, грозя мстостью своего отца (Сигтрюгга); 3) «контругрозы»: Бесс грозит, что Грам разобьет Сигтрюгга, и предупреждает Гро, чтобы она не отвергала любви Грама; 4) окончание: принимая Грама за великана, Гро отвергает его, однако увидев его в истинном обличье, соглашается ответить на его любовь. Каждый речевой акт воспроизводится по одному разу каждым из оппонентов: два вопроса о самоидентификации сменяются самовосхвалениями героев, переходящими в угрозы и завершающимися двумя идентичными побуждениями к тождественным действиям (и Гро, и Бесс просят друг друга совершить один и тот же поступок, а именно, отступить).

Главную особенность словесного поединка между Гро, Бессом и Грамом составляет отсутствие в нем оскорблений. В речах участников

преобладают угроза и похвальба, самовосхваление сквозит даже во взаимном представлении героев. Очевидно, эти особенности объясняются тем, что обмен речами происходит не между врагами, но между будущими супругами. Цель поединка состоит не в унижении противника, но в завоевании любви. Образы героев тоже в какой-то степени фиктивны. По крайней мере, один из героев изображает из себя того, кем он на самом деле не является, – великана, и говорит от его имени. Героиня же прежде была валькирией и носит имя, ассоциирующееся в исландской словесности со сверхъестественными существами¹⁰¹. Встречу женщины с героем в чужом обличье (например, великана) и словесный поединок между ними, подобный описанному выше, можно сопоставить с фольклорной традицией обмена речами между ряжеными и хозяевами дома, исследованной антропологами в культурах, которые, в отличие от древнескандинавской словесности, доступны непосредственному наблюдению [Davidson 1983: 25–44].

Ритуальная маска великана участвует еще в одном словесном поединке, описанном у Саксона Грамматика. Эта перебранка, отнюдь не ритуальная, происходит перед битвой. В соответствии с традицией словесный поединок проводится у водной преграды – короля Фридлейва отделяет от великана, к которому он обращает свою речь, морское пространство. Поединок оппонентов, не только вербальный, вызван тем, что великан утащил юношу, а потом взял лодку, чтобы переплыть через пролив, и заставил своего пленника грести. Фридлейв, находившийся на берегу, увидел пленного юношу, сидевшего в лодке, и вознамерился лишить великана его добычи. Юноша посоветовал нанести великану словесное оскорбление, сказав Фридлейву, что нападение будет более успешным, если ему будет предшествовать поэтическая хула. Тогда Фридлейв сложил стихи: «Если ты великан, имеющий три тела и непобедимый, / чья голова почти дотрагивается до неба, / тогда почему смехотворный меч торчит у тебя на боку? / Почему ты защищаешь свою огромную грудь / слабым орудием, не соответствующим размеру твоего тела, / и пользуешься крошечным ножом? / Через мгновение мне придется отразить твое наглое нападение, / если ты попытаешься нанести удар этим тупым клинком. / Так как ты трусливое чудовище, кусок мяса, / лишенный настоящей силы, / тебя уносит головой вперед, как призрачную тень, / ибо твое огромное величественное тело заключает / робкое сердце, трясущееся от ужаса, / разум, совершенно не соответствующий твоим конечностям. / Костяк твоего тела дрожит, / потому что сломленный дух заставил охрометь твое сильное тело, / твоя природа противоречит самой себе. / Вот по-

тому ты и не получишь награды славой, / не будешь долее считаться смелым и прославленным, / а будешь лишь числиться среди неизвестных» [Saxonis Gesta Danorum, VI. 148]. С этими словами Фридлейв отсек ногу и руку великана, обратил его в бегство и освободил пленника.

Приведенное описание поединка короля и великана не вполне традиционно. Обращает на себя внимание полная пассивность одного из оппонентов – великана, который ни словом, ни делом не отвечает на угрозы и оскорбления. То, что великан оказывается в состоянии убежать с отрубленной ногой и рукой, тоже говорит о том, что это фиктивный персонаж. Образ великана в сочинении Саксона Грамматика можно сравнить с описанием исполина в «Младшей Эдде» («Язык поэзии»), где рассказывается о том, как великаны слепили глиняного человека, который «был <...> девяти поприщ ростом и трех поприщ в обхвате» [Младшая Эдда: 115 (перев. О.А. Смирницкой)] и вложили ему сердце кобылы. Этого великана назвали Мёккуркальви, и он должен был поддерживать Хрунгнира в схватке с Тором. Поджидая Тора, Мёккуркальви стоял рядом с Хрунгниром, и сердце у него не было бестрепетным, а потому он сильно трусил. Помощник Тора Тьяльви легко справился с таким противником, который, как и оппонент Фридлейва, пал «с малой славой». Предполагалось, что описание великанов в «Младшей Эдде» и у Саксона Грамматика восходит к обрядовой практике [Davidson 1998: 96] – фигуры исполинов воздвигались на ритуальных играх в честь Тора, где могли исполняться стихи, сходные с теми, которые процитированы в «Деяниях датчан».

В рассказе Саксона Грамматика, описанном выше, от традиции словесных поединков сохраняется немного: это – семантика речей (оскорбления, угрозы, обвинения в трусости) и место схватки (у водной преграды).

Водная преграда упоминается еще в одном словесном поединке из «Деяний датчан». Обстоятельства его проведения тоже описаны Саксоном. Юный норвежец Эрик приплывает в датскую гавань и, когда выходит на берег, спотыкается и падает на землю. Он истолковывает это неудачное начало как предзнаменование грядущего успеха. Действительно, Эрика ждет у датского короля Фроди большая удача, ему удается победить всех злых советников и берсерков и утвердиться в качестве королевского друга и доверенного лица. Не последнюю роль в его успехах играет тот необычайный дар красноречия, которым Эрик наделен с юности. Он искусен в любых речах, загадках, поговорках, оскорблениях.

Прибыв к датскому двору, Эрик встречает своего будущего противника по имени Грп, который, как замечает Саксон Грамматик, обычно

добивается победы потоками брани. Грепу уже известно, что новоприбывший более красноречив, чем другие мужи, поэтому он намеревается испытать его с помощью острых слов и начинает поэтический поединок [Saxonis Gesta Danorum, V. 112] (табл. 4):

Таблица 4

Перебранка Грепа и Эрика в «Деяниях датчан»
Саксона Грамматика

Семантика	Греп – Эрик
1. Вопрос, оскорбление, максима.	1. Греп: «Кто ты, ты дурак? С какой глупой целью? Откуда ты и куда / направляешься? Каков твой путь, цель, отец, род? / Те люди имеют особую силу, тем покровительствуют боги, / кто никогда не уезжают далеко от своих жилищ. / Мало людей радуется делам подлеца, / и редко приятны поступки мерзавцев» (V. 112).
2. Ответ – неявное оскорбление – подразумеваемое сравнение с дураком – общее рассуждение – максима; ср. «Муж неразумный / на сборище людном / молчал бы уж лучше; / не распознать / в человеке невежду, / коль он не болтлив, / но невежда всегда / не видит того, / что болтлив он безмерно» («Речи Высокого», 27, перев. А.И. Корсуна). Ср. также исландскую поговорку: «Терпеливым – и ветер в паруса, а торопливым – грести против ветра» (Viðendur byr eiga en bráðig handaróður).	2. Эрик: «Регнер – мой отец, моя особенность – острый / язык, и отвага – навсегда моя пожизненная любовь. / Снискать мудрость было моим единственным желанием, и потому я наблюдал / повадки людей, когда странствовал по разным странам. / Глупец, неумный и неприглядный в своих чувствах, / не может управиться со своими делами с должной умеренностью. / Паруса двигают судно быстрее, чем сила гребцов; ветры / возмущают морскую гладь, но более сильный ураган тревожит сушу. / Весла рассекают волну, а ложь – землю, / которая страдает от людских языков, руки же лишь обременяют весла» (V. 112).
3. Оскорбление (максима).	3. Греп: «Ты весь лопаешься от противоречий, как пехуха лопается от грязи, / твое низменное происхождение бросается в глаза, ты полон оскорблениями. / Трудно победить в споре дурака, который наслаждается / словесным танцем, не имеющим смысла» (V. 113).
4. Ответ – обвинение в измене – максима; ср. «У малых песчинок, у малых волн / мудрости мало; /	4. Эрик: «Клянись небесами, безмозглые речи, если я не ошибаюсь, / часто навлекают беду на голову того, кто их ведет. / Благодаря справедливому вмешатель-

Семантика	Греп – Эрик
не все мудрецы, – / глупых и умных / поровну в мире», «Речи Высокого», 53; ср. ту же максиму в «Речах Фафнира», 35: «я знаю, что волк недалеко, когда вижу волчьи уши» – <i>Mér ulfs vón es eugu sék.</i>	ству богов, слова, / вырвавшиеся даже без малого ума, возвращаются, / чтобы терзать того, кто их произнес. / Как только мы впервые замечаем пару подозрительных волчьих ушей, / мы понимаем, что и сам волк бродит где-то рядом. / Никто не думает, что мы должны доверять человеку, лишенному веры, / если суд считает его виновным в измене» (V. 113).
5. Оскорбление (угроза).	5. Греп: «Наглый парень, ночная сова, потерявшая дорогу во тьме, / ты заплатишь за неосмотрительность в речах. / Об этих нечестивых словах, которые ты изрыгаешь в своем безумии, / ты будешь жалеть, когда смерть настигнет тебя. / Твое безжизненное, бескровное тело станет пиршеством для воронов, / лакомым кусочком для зверей, добычей для жадных птиц» (V. 113).
6. Ответ – максима; ср. также другую максиму из «Песни о Сигурде», 12: «не должно слишком долго кормить молодого волка» – <i>skalat ulf ala ungan lengi.</i>	6. Эрик: «Предсказания труса и жесточенные желания порочных / людей никогда не знали должных границ. / Тот, кто обманывает господина и вынашивает похотливые планы, / ставит ловушки для своих товарищей и себя самого. / Обычно считается, что тот, кто воспитывает волка в своем доме, / возвращает вора, убийцу своих домашних» (V. 113).
7. Попытка оправдаться, основанная на «предварительном инциденте».	7. Греп: «Я никогда, как ты знаешь, не злоупотреблял моими отношениями с королевой, / но защищал ее, когда она была юной и уязвимой. / Так увеличились мои владения, ибо ее благодарность / принесла мне награды, власть, благосостояние и добрые советы» (V. 113).
8. Ответ – обвинение – максима: «Плохо иметь близким другом раба» – <i>Þú er að eiga þræl firi einkavin.</i>	8. Эрик: «Вот видишь, твоя растущая тревога обличает тебя. Независимость / более безопасна там, где дух остается незапятнанным. / Тот, кто хочет иметь другом слугу, бывает обманут; / раб часто причиняет вред господину» (V. 114).

Последнее слово в этом поединке остается за Эриком, потому что Греп не может найти достойного ответа и покидает поле боя. Он вскакивает на коня и мчится к себе домой. Там он раздражается громкими воплями, публично признает, что его победили, и приказывает воинам вооружиться, дабы силой отомстить за свою неудачу в словесном поединке. Вербальный поединок, таким образом, грозит перейти в действительный, однако король Фроди умиряет Грепа, убеждая его, что негоже нападать

с большим войском на кучку пришельцев. Тогда Грeп, привыкший всегда выходить победителем из словесной схватки, но проигравший свою последнюю битву, решает отомстить при помощи волшебства.

Возможно, Грeпу не удастся одержать победу в словесном поединке, прежде всего, потому что ни одно из его оскорблений не основано на «предварительном инциденте». Обвинения Грeпа мало индивидуализированы и представляют собой поток ругательств, не направленных на конкретное лицо – он издевается над противником как над низкорожденным, чужеземцем, обзывает его дураком, подлецом, ночной совой. Тактику, обычно используемую Грeпом, описывает и Саксон Грамматик, предваряя поединок: «Грeп обычно побеждал всех своих противников не столько умными речами, сколько тем, что обрушивал на них поток брани» [Saxonis Gesta Danorum, V. 112].

Напротив, семантика обвинений Эрика, обычно неявных, полностью соответствует традиции словесных поединков. Эрик винит своего противника не просто в распутстве, но в совершении прелюбодеяния с королевой, т. е. в предательстве по отношению к господину. Об отношениях Грeпа с королевой было известно всем, кроме короля Фроди, однако обвинять Грeпа или даже намекать на его неблагоприятный поступок было небезопасно. Саксон упоминает о буйном нраве, жестокости и распущенности Грeпа задолго до его словесного поединка с Эриком. Эрик первым открыто высказал своему врагу обвинение в вероломстве во время их перебранки. Не ожидавший такого нападения Грeп не смог достойно отразить удар и вместо того, чтобы ответить Эрику контробвинением или угрозой, начал оправдываться, пропустив свою очередь в словесном поединке.

Победа в споре очевидно остается за Эриком еще и потому, что все свои обвинения он высказывает в максимально общей форме и не унижается до прямых оскорблений, к которым, в сущности, сводится речь Грeпа. Всякое высказывание Эрик завершает максимой, апеллируя к коллективной памяти всего общества. Сходные максимы содержатся и в песнях «Старшей Эдды», и в исландских пословицах (см. табл. 4). Максимы или формульные отсылки говорящего к коллективной мудрости нередко встречаются и в фольклорных словесных поединках [Chadwick H.M., Chadwick N.K. 1940: 187]. Эрик, таким образом, превосходит Грeпа в умении апеллировать к коллективному знанию, во владении пословицами, максимами и формульным искусством.

Красноречие, вербальное мастерство оппонентов почти всегда отмечаются Саксоном Грамматиком. Так, участник большинства словесных

поединков – Эрик – столь искусен в вербальном мастерстве, что получает от короля прозвище «Красноречивый» (Disertus). Другая участница словесных поединков – женщина по имени Гётвара, мать Грепа, побежденного Эриком, – «так выставляла напоказ свое поразительное красноречие, что заставляла умолкнуть любого, каким бы мастером поговорить тот ни был. Она была искусна в обсуждении всех вопросов и владела неисчислимым запасом слов в любом споре. Как у истинного воина, вооруженного словами, в ее распоряжении был целый заряд вопросов и независимых ответов. Хотя она никогда не билась в битве, никто не мог победить эту женщину, чей язык поставлял ей стрелы. Некоторых она побеждала поразительной отвагой в речах, других она запутывала в сетях своей иронии и душила в петлях своих мудрствований. Эта остроумная женщина, привычная и к заключению, и к нарушению договоров, так использовала свое жало, что оно было весьма действенным, куда бы ни было обращено» [Saxonis Gesta Danorum, V. 104].

Несмотря на свое мастерство, Гётвара была побеждена Эриком в словесном поединке, на который сама же вызвала его, желая отомстить за гибель своих сыновей. Гётвара объявила, что ставит в залог золотое ожерелье, но взамен требует, чтобы Эрик поставил в залог свою жизнь. Если Эрик выиграет, то получит золото, но если проиграет, то лишится жизни. Гётвара первая обратилась к Эрику со следующим стихотворным двустишием: «Когда ты точишь свой боевой топор о точило, / не сажает ли твой дрожащий член синяки на трясущийся зад?» [Saxonis Gesta Danorum, V. 118]. На редкостно непристойный вопрос Гётвары Эрик дал еще более obscene ответ: «Так как природа посадила волосы на тело каждого человека, / определенное место должно иметь бороду. / Занимаясь любовью, людям приходится шевелить конечностями, / ибо каждое занятие имеет свои движения. / Когда ягодицы давят на ягодицы, или жаждущее лоно принимает / член, зачем мужчине отказываться сделать больше?» [Saxonis Gesta Danorum, V. 118]. Поток непристойностей, произнесенных Эриком в ходе словесного поединка, лишил Гётвару дара речи, и ей пришлось отдать ему в качестве выкупа бесценное ожерелье.

Поскольку Гётвара вызвала Эрика на словесный поединок, она сама задала и тему, и стихотворный размер, и лексику. Ее оппоненту пришлось отвечать, соблюдая заданные ею правила. Эрик ответил речью, превосходящей двустишие противницы и по длине, и по напряженности стиха. Кроме того, стихи Эрика оказались значительно непристойнее стихов Гётвары, в которых двусмысленность была скрыта лишь в упоминании боевого топора и точила.

Традиция использования непристойностей в словесных поединках продолжается и в более позднюю эпоху, например в стихах шотландского поэта Уильяма Данбара (ок. 1480–1520 гг.), построенных на использовании обсценной лексики (см. ниже, гл. 5). Употребление непристойностей составляет характерную черту вербальных поединков и в фольклоре. Обряды, связанные с посещением ряженых, включают словесные состязания, в которых принимают участие уважаемые женщины средних лет, не только прибегающие к непристойным жестам и грубым выражениям, но и крайне агрессивно ведущие себя по отношению к тем мужчинам, в чьи дома они являются. Замечено, что их поведение никого не удивляет и приходит в норму, как только они снимают маски [Halpert, Story 1969: 213–214].

Саги о древних временах

Из всех памятников скандинавской словесности наиболее близки фольклорной традиции саги о древних временах. Фольклорные мотивы играют структурную роль во всех сагах о древних временах, содержащих словесные поединки.

Так, главный персонаж «Саги о Кетиле Лососе» (Ketils saga hængs) – типично фольклорный герой. В детстве он развивается медленно, описывается сагой как ленивый, медлительный, грубоватый – все это, впрочем, предвещает будущее величие героя, ибо именно ему суждено добыть волшебное оружие и стать непобедимым воином. Кетиль происходит из рода великанов и драконоборцев. Свое прозвище герой получает после того, как убивает дракона, и на вопрос отца о том, где он пропал, отвечает ему, что убил лосося. Возлюбленная героя – тоже сверхъестественное существо, это великанша по имени Хравнхильд, дочь великана Бруни, покровительствующего Кетилю и дающего ему волшебные стрелы. Великанши часто описываются в сагах как помощницы героя или даже приемные матери – этот мотив, возможно, восходит к представлению о великанах как божествах и эпонимических предках. Тем не менее любовь Кетилиа к великанше описывается не как поклонение божеству, но как вполне человеческое чувство. У Хравнхильд и Кетилиа рождается сын – тоже великий герой по имени Грим Бородатый, о котором сложена отдельная сага (см. ниже). После того как отец героя разрывает их отношения, Кетиль продолжает любить Хравнхильд и называет ее именем свою дочь от обыкновенной женщины, на которой его женит отец.

Словесный поединок в «Саге о Кетиле Лососе» происходит между Кетилем и его противником Гуси (или Гусиром)¹⁰², правителем финнов (гл. 3). Перебранка начинается с традиционных вопросов об имени. Кетиль видит в лесу человека, который правит огромными санями, запряженными двумя оленями, и обращается к нему с висой: «Слезай с саней / придержи оленей, / муж поздно едущий, / скажи мне, как тебя зовут?» (Skríð þú af kjálka, / kyrr þú hreina, / seggur síðföfull, / seg, hvað þú heitir¹⁰³). Противник Кетилия тоже отвечает скальдической строфой: «Гуси называют меня / благородные финны. / Я предводитель всего племени» (Gusi kalla mig / göfgir Finnar. / Er ég oddviti / allrar þjóðar), а затем в свою очередь спрашивает: «Кто тот человек, / который направляется мне навстречу / и ползет, точно волк из леса? / Ты будешь говорить со страхом, / если уйдешь целым / трижды в Трумуфьорде. / Это я говорю тебе, лишенному отваги» (Hvað er það manna, / er mér í móti fer / og skríður sem vargur af víði? / Æðru skaltu mæla, / ef þú undan kemst / þrisvar í Þrumufirði. / Því tel ég þig ósnjallan).

На вопрос Кетилия об имени (seg, hvað þú heitir – «скажи мне, как тебя зовут?») его противник не только сообщает свое имя и социальный статус, долженствующий утратить собеседника, но и сам спрашивает своего оппонента об имени, зеркально отражая его формульный вопрос (Hvað er það manna – «Кто тот человек?»). Не дожидаясь ответа противника, Гуси переходит к оскорблениям и угрозам – он сравнивает Кетилия с волком из леса (sem vargur af víði), называет его «лишенным отваги» (ósnjallr) и грозит, что тому едва ли удастся уйти целым.

Кетиль произносит в ответ вису, в которой не скрывает своего прозвища. Композиция строфы Кетилия зеркально отражает строение висы его оппонента. Если Гуси говорит: Gusi kalla mig / göfgir Finnar – «Гуси называют меня / благородные финны», то Кетиль отвечает, тоже называя свое имя, оскорбляя противника и угрожая ему: Hæng kalla mig – «Лососем называют меня» и Hængur ég heiti, / kominn úr Hrafnistu, / hefnið Hallbjarnar. / Hví skríður þú svo, inn armi? / Friðmálum mæla / munk-at ég víð Finn ragan / heldur mun ég benda boga, / þann mér Brúni gaf – «Лососем меня зовут, / я – с Хравнисты, / сын Халльбьёрна. / Почему ты скользишь здесь, несчастный? / Я не стану говорить мирными словами / с трусливым финном. / Лучше мне согнуть лук, / который Бруни дал мне».

После взаимного представления участников, которое сопровождается оскорблениями (Кетиль называет Гуси ragr – «трусливым, женоподобным») и угрозами (heldur mun ég benda boga – «лучше мне согнуть лук», данный отцом великанши Хравнхильд), начинается основная часть

словесного поединка, представляющая собой, подобно вводной части, обмен скальдическими строфами (табл. 5).

Таблица 5

Перебранка Гуси и Кетили в «Саге о Кетиле Лососе»

Семантика	Гуси – Кетиль
1. Вопрос – угроза.	1. Гуси: «Кто это на лыжах, / рано поутру / рьяный до битвы, / суровый сердцем? / Мы будем стараться / обогреть копыя / друг о друга, / если нам не изменит дух».
2. Ответ (самоидентификация) – угроза.	2. Кетиль: «Лососем зовут меня, / такова половина моего прозвища. / Я окажу тебе сопротивление, / не сходя с места. / Ты точно узнаешь, / прежде чем мы расстанемся, / что стрелы жалят крестьян (= <i>мужланов</i>)».
3. Угроза – требование выкупа.	3. Гуси: «Готовься сейчас / к грозной схватке мечей. / Держи щит перед собой. / Я с силой метну копые. / Скоро тебя / настигнет смерть, / если ты мне богатства / всего не отдашь».
4. Отказ уплатить выкуп – угроза.	4. Кетиль: «Я богатства / не отдам / и перед тобой одним / никогда не побегу. / Прежде будет разрублен / щит перед твоей грудью, / и у тебя в глазах / почернеет».
5. Повторное требование выкупа – угроза.	5. Гуси: «Не будешь ты ни золотом, / ни сокровищами / со спокойной душой владеть дома. / Тебя смерть / быстро настигнет, / если мы выйдем / поиграть копыями».
6. Повторный отказ заплатить выкуп – угроза.	6. Кетиль: «Я золотом / не поделюсь с Гуси, / и первым не стану / просить мира. / Скорая смерть / мне много милей, чем унынье / и бегство».

Нельзя не заметить строгости композиции словесного поединка, в котором каждый речевой акт повторяется дважды, сначала в речи одного оппонента, а затем другого. Если вопрос Гуси содержит угрозу («Мы будем стараться / обогреть копыя / друг о друга, / если нам не изменит дух» – *Við skulum freista / flein að rjóða / hvor að öðrum, nema hugur bili*), то ответ Кетили тоже заканчивается угрозой («Ты точно узнаешь, / прежде чем мы расстанемся, / что стрелы жалят / крестьян (= *мужланов*)» – *Skaltu víst vita, / áður við skiljum, / að búkörlum / bíta orvar*). Если требование Гуси заплатить выкуп сопровождается угрозой («Готовься сейчас / к грозной схватке мечей. / Держи щит перед собой. / Я с силой метну копые. / Скоро тебя / настигнет смерть, / если ты мне богатства / всего не отдашь» – *Bústu nú við / bitri eggþrumu. / Haf þú hlíf fyrir þér. / Hart mun ég skjóta. / Þér mun*

ég bráðla / að bana verða / nema þú af auði / öllum látir), то и отказ Кетиля тоже включает угрозу («Я богатства / не отдам / и перед тобой одним / никогда не побегу. / Прежде будет / разрублен щит / перед твоей грудью, / и у тебя в глазах / почернеет» – Mun ég af auði / eigi láta / og fyrir einum þér / aldrei renna. / Fyrir skal þér höggvin / hlíf fyrir brjósti, / en fyrir sjónum / svart að ganga). Повторное требование Гуси тоже завершается угрозой («Не будешь ты ни золотом, / ни сокровищами, / со спокойной душой / владеть дома. / Тебя смерть / быстро настигнет, / если мы выйдем / поиграть копьями» – Skal-at-tu gulli / né gersemun / með heilum hug / heima ráða. / Kemur þér bani / brátt að höndum / ef við skulum úti / oddum leika), угрозу содержит и ответ Кетиля («Я золотом / не поделюсь с Гуси, / не стану первым / говорить о мире. / Скорая смерть мне / много милей, / чем унынье / и бегство» – Munk-at ég gulli / við Gusi skifta / né heldur fyrri / til friðar mæla. / Mér bráður bani / betri miklu / en hugleysi / og heðankváma). Для того чтобы последовательно соблюсти принцип зеркального отражения каждой реплики, Кетилю приходится дважды сообщить противнику свое имя: Hængur ég heiti – «Лососем я зовусь» и Hæng kalla mig – «Лососем меня зовут» ради соблюдения симметрии в построении вопросов и ответов. Неудивительно, что красноречие Кетиля обеспечивает ему победу в словесном, а затем и в настоящем поединке.

В нарративном заключении рассказывается, что Кетиль выпустил в Гуси двенадцать стрел, но ни одна из них не поразила цели. Тогда выстрелил Гуси. Кетиль же взял стрелу с шипами, которую ему дал Бруни, отец Хравнхильд, а Гуси наступил на рукоять с каменным наконечником. Тогда Кетиль произнес последнюю вису: «Близок к смерти сейчас / трусливый финн, / раз он топчет ногой / свое кривое копьё» – Feigur er nú / Finnur inn lagi / að hann fóttreður / flein sinn rangan». Они выстрелили друг в друга, и стрела с шипами вошла в грудь Гуси. Так его настигла смерть.

В заключительной висте Кетиль называет своего противника Feigur – «близким к смерти», помещая это слово в абсолютное начало строфы и включая его в аллитерацию с тем постоянным прозвищем, которое он не раз применяет к своему врагу Finnur inn lagi – «женоподобный, трусливый финн». Обвинение в женоподобии – знак предельной диффамации врага в перебранке, исполняет функцию заключительного проклятия и обеспечивает победу герою саги Кетилю по прозвищу Лосось. Örvar

«Сага о Кетиле Лососе» циклизуется с «Сагой о Грине Бородатом» (Gríms saga loðinkinna) и «Сагой об Одде Стреле» (Örvar-Odds saga, см. подробнее ниже), тоже восходящими к фольклорным источникам.

В этих сагах повествуется о потомках Кетилия, живших на норвежском острове Хравниста и потому прозывавшихся «людьми с Хравниста» (Hrafnistumenn). Все три саги похожи не только тем, что в них используются фольклорные мотивы, но и тем, что в них присутствуют сходные эпизоды, особенно те, в которых принимают участие великаны и герои. Среди исландских первопоселенцев упоминается исторический Кетиль Лосось, так что возможно, истории о нем передавались в устной традиции среди его потомков.

К числу фольклорных мотивов в «Саге о Гриме Бородатом» можно отнести и происхождение героя (его мать – великанша Хравнхильд, отец – Кетиль Лосось), и его прозвище – Грим прозывается «мохнатая щека» (loðinkinni), потому что у него с рождения растет борода (наследие матери), и он неуязвим для железного оружия. Фольклорное происхождение имеют и мотивы таинственного исчезновения невесты, сражения с великаншей, преследования раненой великанши до ее пещеры, заставляющего вспомнить о «Беовульфе» (в пещере великанши Грим сначала убивает ее отца, а затем отсекает голову ее матери). Продолжение саги также строится на использовании фольклорных мотивов – Грим вступает в бой с двенадцатью разбойниками за выброшенного на берег кита, получает много ран, исцеляется с помощью особенно безобразной великанши, проводит с ней ночь, и она оказывается его исчезнувшей невестой, на которую наложилась заклятье ее злая мачеха. Грим сжигает кожу великанши и возвращается домой. Мачеху забрасывают камнями, а Грим женится на своей невесте.

В соответствии с германской традицией, словесный поединок в этой саге (гл. 1) происходит между главным героем и великаншами и заканчивается победой героя (Грима), что сулит гибель великаншам. Во вступлении к перебранке описывается, как Грим, опечаленный пропажей невесты, отправляется в странствие. Так как у него в стране царит голод, Грим хочет наловить рыбы. С двумя спутниками он плывет на север, находит хорошее место для рыбной ловли, вытаскивает лодку на берег, идет в укрытие, разжигает огонь и ложится спать. Ночью начинается буря, а утром оказывается, что вся рыба пропала. Следующей ночью Грим просыпается от того, что слышит чей-то смех. Он хватается за топор и волшебные стрелы, которые дал ему отец Кетиль Лосось, выскакивает из укрытия и видит двух великанш, раскачивающих лодку так, будто они хотят разбить ее вдребезги. Тогда Грим начинает словесный поединок с великаншами, так же, как и в «Саге о Кетиле Лососе», представляющий собой обмен скальдическими строфами (табл. 6).

Таблица 6

Перебранка Грима с великаншами
в «Саге о Гриме Бородатом»

Семантика	Грим – великанши (Фейма и Клейма)
1. Вопрос об имени – оскорбление.	1. Грим: «Как зовут их, / обитательниц камня, / которые хотят повредить мою лодку? / Никогда не видел я / ни разу прежде / таких безобразных на вид».
2. Самоидентификация, восхваление сестры.	2. Фейма: «Фейма (Feima – “Стыдливая”) зовут меня, / на севере рожденная, / дочь Хримнира (Hrím[ni]) – “иней”) / с высокой горы. / Здесь сестра моя еще лучше / по имени Клейма (Kleima – “пятно, клякса”) / к морю пришла».
3. Оскорбление – угроза.	3. Грим: «Ничего вы не добьетесь, / дочери Тьяци, / худшие из жен. / Вконец разъярюсь я. / Я вас прямо, / прежде чем рассветет, / к волкам пошлю, / наверняка на корм».
4. Ссылка на предварительный инцидент – угроза.	4. Клейма: «Прежде это было, / что отец наш увел колдовством, / заклятьями табун волн (= рыбу). / Никогда вы не сможете, / если судьба не управит, / целыми отсюда / домой возвратиться».

Начало словесного поединка Грима с великаншами соответствует канонам перебранки и содержит вопрос об имени («Как зовут их, / обитательниц камня, / которые хотят повредить мою лодку?» – *Hvat heita þær / hrauns íbúur, / er skaða vilja / skipi mínu?*)¹⁰⁴ и представление участников («Фейма зовут меня, / на севере рожденная, / дочь Хримнира / с высокой горы. / Здесь сестра моя еще лучше / по имени Клейма / к морю пришла» – *Feima ek heiti, / fædd var ek norðarla, / Hrímnis dóttir / ór háfjalli. / Hér er systir mín, / hálfu fremri, / Kleima at nafni, komin til sjóvar*).

Великанши на словах не проявляют агрессии и, как может показаться, даже пытаются заигрывать с героем. Грим же последовательно отвечает им оскорблениями, называя великанш *ámátligastar að yfirlitum* – «безобразными на вид» и *brúðir verstar* – «худшими из жен» («Никогда не видел я / ни разу прежде / таких безобразных на вид» – *Ykkur hefi ek / einar sénar ámátligastar / að yfirlitum*) и не оставляя никакой надежды на мирный исход поединка («Ничего вы не добьетесь, / дочери Тьяци, / худшие из жен. / Вконец разъярюсь я» – *Þrífist hvergi / Þjaza dóttir, / brúðir*

verstar. / Brátt skal ek reiðast). Своими угрозами («Я вас прямо, / прежде чем рассветет, / к волкам пошлю, / наверняка на корм» – Ykkir skal ek rétt, / áðr röðull skíni, / vörgum senda / víst til bráðar) он вынуждает противник тоже перейти к угрозам: «Никогда не сможете, / если судьба не управит, / целыми отсюда / домой возвратиться» – Skuluð aldri, / nema skör ráði, / heilir heðan / heim of komast. Свои угрозы великанши подкрепляют ссылкой на «предварительный инцидент», напоминая о могуществе их отца Хримнира и об уроне, нанесенном им Гриму («Прежде это было, / что отец наш увел колдовством, / заклятьями табун волн (= *рыбу*)» – Þat var fyrri, / at faðir okkarr / burtu seiddi / báru hjarðir).

Развернутую угрозу содержит и последняя виса Грима, очевидно, рассчитанная на два уровня восприятия: «Я вас обеих / обещаю пронзить / остриями и кольями / для начала. / Тогда испытают / дочери Хримнира, / что лучше вытерпеть, / наконечник копья или кулак» – Skal ek ykkir báðum / skjótla heita / oddi og eggju / í upphafi. / Munu þá reyna / Hrímnis mellur, / hvárt at betr dugir / broddr eða krumma. Своими скальдическими строфами Грим одновременно и отвечает на заигрывания великанш, и угрожает им суровой расправой. Исполнив висы, Грим переходит к делу. Он берет одну из стрел Гуси, выпускает ее в ту великаншу, которая стоит дальше от него, и убивает ее наповал. Тогда другая великанша, Фейма, говорит: «Плохо сейчас нам пришлось, Клейма сестра». Убив одну великаншу, Грим преследует ее сестру, а затем убивает и ее, и всех ее сородичей.

В отличие от симметрично выстроенного словесного поединка, в котором принимал участие отец Грима, Кетиль Лосось, перебранка Грима с великаншами организована структурно и семантически нестрого. Возможно, это связано с тем, что соблюдать каноны словесных поединков в состоянии только сам великий герой, другими же участниками перебранки выступают сверхъестественные существа, от которых трудно ожидать следования каким-либо поведенческим нормам.

Сверхъестественные существа принимают участие и в словесном поединке из «Саги о Хьялмтере и Алвире» (Hjálmþés saga ok Ölvis), в которой особенно много фольклорных мотивов. Это и злая мачеха по имени Луда, которая накладывает заклятье на Хьялмтера, сына конунга Инги, и поиски принцессы, дочери Хервора Хундинга, и три задачи нарастающей трудности, которые ставит перед героем отец невесты Хундинг. Перебранка в этой саге происходит именно между этим героем – королевским сыном Хьялмтером – и великаншами (гл. 12), что заставляет вспомнить поединки других героев древнескандинавской словесности

со сверхъестественными существами, например Грима с великаншами Феймой и Клеймой в «Саге о Гримае Бородатом», или Браги с великаншей в «Младшей Эдде» («Язык поэзии»), или Атли с Хримгерд в «Песни о Хельги сыне Хьёрварда».

Место перебранки героя с великаншами – у водораздела (на берегу моря) соответствует правилам германских словесных поединков. Пока все дружинники спят, Хьялмтер выходит на морское побережье и видит, как с берега встает громадная гора, которая оказывается великаншей. На коленях у нее лежит полотенце, вышитое золотом. Она моет в источнике волосы и расчесывает их золотым гребнем. Согласно канонам германской перебранки, один из оппонентов (Хьялмтер) обращается к другому (великанше) с требованием назвать себя: «Что это за громадина / сидит на скале / и глядит на отряд конунга?/» – *Hvert er þat bákn, / er í bjargi sitr / ok sér of konungs sveit?* Однако, следуя традиции, собеседник может отказать от самоидентификации, отрицательно оценив начальное обращение. Именно это и происходит в «Саге о Хьялмтере и Алвире», где великанша не отвечает на поставленный вопрос, но замечает лишь: «Плохо ты говоришь со мной» – *Þla kveðr þú til mín*, так как слова Хьялмтера вызывают у нее гнев (*vað reið við orð hans*)¹⁰⁵. Основная часть словесного поединка состоит в том, что Хьялмтер и великанша обмениваются следующими скальдическими висами (табл. 7).

Таблица 7

Перебранка Хьялмтера с великаншей
в «Саге о Хьялмтере и Алвире»

Семантика	Хьялмтер – великанша
1. Оскорбление.	1. Хьялмтер: «Что это за громадина / сидит на скале / и глядит на отряд конунга? / Я не знал / чудовища отвратительнее, / чем ты, на земле».
2. Угроза.	2. Великанша: «Плохо ты говоришь со мной, / поэтому, юноша, будешь ты первым, / из твоих воинов, / кто будет поднят на огонь. / Расшитым золотом полотенцем / радостная дева / будет сушить свои светлые локоны». (Прозаическое высказывание, предваряющее вису: «Плохо придется полотенцу, которое вытирает твои волосы и приближается к твоим кошачьим глазам» – <i>Þla er sá dúkr kominn, er þitt hár þerrar ok at þínum glyrnum gengr</i>).

Семантика	Хьялмтер – великанша
3. Оскорбление, угроза.	3. Хьялмтер: «Тебя настигнет / Снарвендил первым, / прежде чем ты на огонь / поместишь сына конунга. / Руки ты лишишься / и громко завоешь, / так мы расстанемся, / жалчайшее чудовище».
4. Упрек, заигрывание.	4. Прозаическое высказывание: «Было бы более подобающим мужественному мужу вести себя наилучшим образом и начистоту с молодой девушкой, чем говорить плохо. Ты кажешься мне подающим надежды. Любопытно мне испытать молодого человека и потерять девственность, и позволить протянуть руку к моему животу» – væri hitt tilheyriliga mannlígam manni at hafa aðra viðleitni við unga stúlku ok hreinliga en tala illa. Þykki mér þú efniligr maðr, en mér væri forvitni á at prófa ungan mann ok missa minn meydóm ok láta handtéra mik um mittit. Она опустила руку в источник. Хьялмтер вынул меч и отсек ей руку у запястья. (Прозаическое высказывание, предваряющее вису: «Малый подвиг для знаменитого сына конунга тайком напасть на меня. Но меня радует, что это дело будет отомщено и это будет скоро» – Lítit framaverk er þetta einum ágætum konungssyni at leynast at mér, en þat hlægir mik, at hefnt muni þessa verks, ok mun eigi langt til).
5. Угроза.	5. Великанша: «Одно радует меня, / хоть ты и не ведаешь, / бесстрашный герой, / что тебе предстоит: / мои сестры / в трупы превратят / всех твоих мужей / на боевых ладьях».

Хьялмтер начинает словесный поединок, обращаясь к великанше с висой, содержащей оскорбительные замечания о ее внешности – он говорит, что никогда не видывал никого страшнее ее («Я не знал / чудовища отвратительнее, / чем ты, на земле» – Enga veit ek / ámatligri / alna fyrir jögrð ofan). На его оскорбление великанша отвечает угрозой – обещанием сварить и съесть Хьялмтера первым из его воинов («поэтому, юноша, будешь ты первым, / из твоих воинов, / кто будет поднят на огонь» – Því at, inn ungi, munt / fyrst hafðr á seyði / af seggjum þínum), а затем почти игриво добавляет приглашение посмотреть, как она сушит локоны расшитым золотом полотенцем (Með gullofnum dúki / má sjá in gláða mærg / þessa sína ljósa lokka), из чего следует, что себе самой она кажется вполне привлекательной.

Этот игривый тон, никак не поддержанный героем, получает развитие в следующей реплике великанши, цель которой склонить героя к любви. Хьялмтер не только последовательно отвергает домогательства великанши, но и предрекает ей гибель от своего волшебного меча Снарвендил: «Тебя настигнет / Снарвендил первым, / прежде чем ты на огонь / поместишь сына конунга. / Руки ты лишишься / и громко завоешь, / так мы расстанемся, / жалчайшее чудовище» – Mun þik snerta / Snarvendill fyrr / en þú á seyði / setir konungs arfa. / Handar muntu missa / ok hátt æra, / svá munum vit skilja, / skauð it aumasta. Во исполнение своего пророчества Хьялмтер отсекает великанше руку. Последнее слово в словесном поединке остается за великаншей, упрекающей Хьялмтера за нападение и грозящей ему скорым возмездием: «Одно радует меня, / хоть ты и не ведаешь, / бесстрашный герой, / что тебе предстоит: / мои сестры / в трупы превратят / всех твоих мужей / на боевых ладьях» – Víst gleðr mik eitt, / þótt vitir eigi, / jöfurr inn ógndjarfi, / hvat um er at vera: / munu systir mínar / at ná gera / út á herskipum / alla menn þína. Трудно решить, кого считать победителем перебранки, так как она внезапно обрывается.

Словесному поединку не суждено продолжиться, потому что Хьялмтер замечает девятерых сестер великанши, таких огромных и злобных, каких он никогда в жизни не видел. Они крушат в море корабли, убивают людей и тащат на берег все припасы. Одна из великанш по имени Боевая Битва (Hergunnr) произносит вису: «Я доверяю красноречию / побеседовать с хёвдингом, / хотя мы мало знаем, / что к славе приведет. / Мы должны в палаты / быстро пойти, / и людей конунга / потащить на огонь» – Tölum ek treysti / at tala við höfðingja, / þó námum vér lítit / þats til vegar horfir; / skulum til skála / skuna göngu / ok menn mildings / merkja á seyði. Услышав эти угрозы, Хьялмтер понимает, что ему не избежать битвы, и начинает будить своего побратима Алвира. Тогда великанша по имени Боевая Битва говорит еще одну вису: «Я поднимаю вверх лапы, / здесь, ты можешь увидеть / руки Боевой Битвы; / у меня ногти неподрезанные; / я раздеру твой плащ, / герой, если мы встретимся, / тебя не поглажу мягко, / конунг с юга» – Held ek upp hrömmum, / hér mátt, jöfurr, líta / hendr Hergunnar; / hefi ek negl óskorna; / rifna mun þín ólpa, / ef vit, jöfurr, finnumst; / þér skal eigi kyrrt klappa, / konungr inn suðræni. На угрозу Хьялмтер отвечает приглашением на бой и тоже произносит вису: «Выйди вперед поближе, / прежде чем ты на огонь потащишь / этого великого конунга, / ты самая чудовищная великанша! / Протяни вперед (= вступи в бой) железные лапы, / если ты веришь в свою силу, / распираемая самодовольством хвастуны, / а я

протяну свою ковку карликов (=меч)» – Gakk þú frammar hóti, / fyrr en þú á seyð dragir / þenna þjóðkonung, / þú ert flagð it ferligsta; / ettu fram járnhrömmum, / ef þú aflí treystir, / drósin dulrífa, / en ek mun dvergasmíði.

Пока Хьялмтер сражается с великаншей по имени Боевая Битва, а его побратим Алвир – с великаншей по имени Морской Йотун, их слуга Хорд, оказавшийся впоследствии арабским принцем, побеждает всех остальных великанш, а потом помогает побратимам убить их противниц. Таким образом, победа в битве остается за героями, угрозы же великанш, высказанные ими в словесном поединке, остаются неисполненными.

В «Саге о Хьялмтере», как и в «Саге о Гримере Бородатом» и «Саге о Кетиле Лососе» (а также в «Песни о Хильдебранде», в героических песнях «Старшей Эдды» и в рассказе о Фридрейве и великане у Саксона Грамматика), словесные поединки предшествуют сражениям. Их цель состоит в устрашении и унижении противника перед битвой, которая неминуемо должна закончиться победой «сказочного» героя. В другой саге о древних временах – «Саге о Хальве и воинах Хальва» (Hálfs saga ok Hálfsrekka) словесный поединок используется героем для того, чтобы заставить противника отказаться от настоящей схватки.

В этой саге рассказывается о юном конунге Хальве, сыне Хьорлейва и Хильд. Когда конунг Хьорлейв, отец Хальва, пал в битве, король Асмунд взял в жены Хильд и воспитал ее сыновей – старшего Хьорольва и младшего Хальва. Хальв вырастает великим героем и уже в двенадцать лет отправляется в викингские походы. Он знакомится с двумя братьями, которые носят одно и то же имя – Стейн, и нарекает старшего Иннстейном, а младшего – Утстейном. Они становятся ближайшими друзьями Хальва и входят в число его дружинников, называемых «воинами Хальва» (Hálfsrekki).

Однажды Хальв берет половину своей дружины на пир к королю Асмунду. Ночью после пира Асмунд поджигает палаты, и Хальв с дружинниками погибают. Мать Иннстейна и Утстейна отправляется искать сыновей и находит старшего сына мертвым, а младшего – едва живым от ран. Чудом спасшийся Утстейн едет в Данию к своему родичу королю Эйстейну. Советником короля Эйстейна оказывается Ульв Рыжий, который гордится своими восемью сыновьями. Все они хорошие воины, но очень злые, и к тому же недолюбливают Утстейна. Однажды они сильно ссорятся, тогда их отец Ульв объявляет себя ровней Утстейну и начинает подстрекать его, вызывая на словесный поединок. Утстейн, который оказывается в Дании единственным из героев Хальва, кто уцелел, принимает вызов советника датского короля (гл. 15) (табл. 8).

Перебранка Утстейна с Ульвом
в «Саге о Хальве и воинах Хальва»

Семантика	Утстейн – Ульв
1. Угроза – ожидание сверхъестественной помощи.	1. «Вверх мы встанем, / и вон мы выйдем, / и скоро / щиты соединим. / Думаю я, что надев шлемы, / сюда пришли / в Данию / дисы с их обетами».
2. Оспаривание преимущества, профетическая угроза.	2. Ульв: «Я думаю, что мертвы / все твои дисы, / говорю я, что исчезла удача / у воинов Хальва. / Снилось мне утром, / что наши смелые юноши / превзошли тебя, / как ты ни старался».
3. Угроза.	3. «Будет много лучше, / мне кажется, / если Ульв захочет / пожелать победы для Стейна. / Скоро вам / в битве мечей / отсекут головы, / и шеи обагрят».
4. Угроза.	4. Ульв: «Они окажутся лучшими, / сыны Ульва: / Одд и Орнольв, / Ати Черный, / Бьёрк и Брюньольв, / Буи, Хардскафи, / Рауд Отважный, / если ты выступишь».

В своей скальдической строфе Утстейн обещает Ульву отправиться на бой и без промедления соединить щиты с противниками: «Вверх мы встанем, / и вон мы выйдем, / и скоро / щиты соединим» – *Upp skulum rísa, / út skulum ganga / ok rammligar / randir knúja*¹⁰⁶. Утстейн заявляет, что выиграет бой, потому что ему дали обет дисы, которые, как ему кажется, пришли в Данию к нему на помощь, подготовившись к бою и надев шлемы: «Думаю я, что надев шлемы, / сюда пришли / в Данию / дисы с их обетами» – *Hugg við hjálmum / hingat komnar / til Danmerkr / dísir vágar*. Его оппонент Ульв, вызвавший Утстейна на словесный поединок, отрицает это утверждение, говоря, что все дисы мертвы, а удача покинула героев Хальва, т. е. намекая на то, что всех сторонников Хальва постигла гибель: «Я думаю, что мертвы / все твои дисы, / говорю я, что исчезла удача / у воинов Хальва» – *Yðr munu dauðar / dísir allar, / heill kveð ek horfna / frá Hálfis rekkum*. Кроме того, Ульв ссылается на собственное сновидение и предрекает победу своим сыновьям: «Снилось мне утром, / что наши смелые юноши / превзошли тебя, / как ты ни старался» – *Dreymdi mik í morgin, / at megir várir / öfri yrði, / hvars ér mættizt*. В свою очередь Утстейн отрицает утверждение Ульва и угрожает ему, что обезглавит его сыновей: «Будет много лучше, / мне кажется, / если Ульв захочет / пожелать победы для Стейна. Скоро вам / в битве мечей / отсекут головы / и

шей обагрят» – Sigrs væntik mér / sýnu betra / en Úlfr vili / æskja Steini. / Yðr mun snimma / at sverðtogi / hauss of höggvinn, / en háls roðinn. На угрозу противника Ульв отвечает тем, что произносит имена всех своих сыновей, провозглашая их превосходство перед Утстейном («они окажутся лучшими / сыновья Ульва» – Munu þeir öfri verða / Úlfs synir), если только тот не побежит и решится испытать свое мужество в схватке с ними (ef þú reynir til – «если ты выступишь»).

Утстейн принимает вызов Ульва и отвечает ему словесным монологом, в котором вновь заявляет о своем превосходстве. Монолог Утстейна состоит из четырех скальдических строф. В каждой из них он называет имена своих друзей – героев Хальва, тем самым противопоставляя их сыновьям Ульва, чьи имена их отец привел в своей виле. В первой строфе Утстейн выражает свою готовность биться до конца: «Стейн вместе со Стари (= *один из воинов Хальва*), / и не подумают / испугаться (= *не побоятся*) вступить в бой / с сыновьями Ульва, / ведь и нашему (= *моему*) / брату было нетрудно / сравниться (= *помериться*) в заносчивости / с этим негодяем» – Mundi eigi Steini / með Stara þykkja / ógn at etja / við Úlfs sonu, / því at eigi var / órum bróður / við dritmenni þitt / dramb at setja. Во второй виле Утстейн похвалится прошлыми подвигами героев Хальва: «Не казалось ни Воронам (*имеются в виду два брата – воина Хальва, которых звали Соколом и Ястребом*), / ни Хальвдану, / испытанием сражаться / с малодушным; / когда мы вчетвером / принесли погибель / восьмерым ярлам / у мыса Аннир – Þótti eigi Hrókum / né Hálfðani / raun at berjast / við ragmenni, / þá er vér fjórir / falla létum / átta jarla / fyr Annisnesi. В третьей виле Утстейн утверждает, что не побежит, хотя сыновья Ульва и нападают ввосьмером на него одного и, используя литоту, добавляет, что в его войске мало людей: «Пускай сыновья Ульва / выступят в бой / восемь воинов / против одного. / Не побегу, / хотя бы у Стейна и было / несколько меньше / народу в отряде» – Fari Úlfs synir / út at berjast, / átta drengir, / við eitt höfuð. / Mun eigi stökkva, / þótt Steinn hafi / færa nokkut / í flokki lið. Следует отметить, что основным речевым актом, используемым Утстейном в первых трех вилах, оказывается похвальба.

В последней виле Утстейн применяет тот же прием, что и его противник, и тоже ссылается на свое сновидение, однако вспоминает о своем погубшем короле и друге Хальве: «Хальв, приснилось мне, / отважный, меня в сражение посылал, / и говорил мне храбрый конунг, / что он всегда будет следовать за мною, – / конунг был / добр ко мне во сне – / когда бы мы в битве / ни бились» – Hálf, dreymdi mik, / hvatti, at ek berðumst, / ok kvaðst mér frækni konung / fylgja skyldu, – / hefir mér gramr verit / góðr í

draumi, – / hvars vér orrostu / eiga skyldim. Произнеся свои висы, Утстейн вступает в бой с сыновьями Ульва и убивает их всех. Свою последнюю строфу победитель обращает уже не к своему противнику, но к конунгу Эйстейну: «Вот я пришел сюда / Ульву сказать, / что его сыновья / порубленными лежат. / Теперь может придти, Эйстейн, / если ты захочешь, / больше людей попытаться / сразиться со мной» – Nú emk inn kominn / Úlfi at segja, / at hans synir / höggfir liggja. / Nú fari, Eysteinn, / ef ér vilid, / fleiri at freista / við fleina við.

Заметим, что Утстейн произносит в ходе словесного поединка шесть вис, в то время как его противник Ульв – всего две, причем в обеих он утверждает превосходство своих сыновей и перечисляет их имена. Скальдические строфы Утстейна значительно более разнообразны по использованным в них речевым актам. Они включают и ссылку на предварительный инцидент, и похвальбу, и угрозу, и обвинение, и воспоминание о прошлых подвигах, и пророчество. Успех в вербальной поединке предвещает для Утстейна успех и в реальной схватке. Ему удается одержать победу в невыносимых условиях – после гибели конунга Хальва и всех его друзей и несмотря на численное превосходство врагов. Неудивительно, что конунг Эйстейн отвечает отказом на предложение Утстейна сразиться с другими мужами, признавая, что на свете нет никого отважнее «воинов Хальва».

Словесные поединки во всех приведенных сценах в сагах о древних временах, как и в примерах из героических песней «Старшей Эдды», происходили перед битвой и несли гибель, по меньшей мере, одному из участников. В отличие от этих перебранок, состязание в красноречии героев «Саги об Одде Стреле» (Örvar-Odds saga) имеет функцию развлечения на пиру. Как и упомянутые саги о древних временах, «Сага об Одде Стреле», очевидно, восходит к фольклорным источникам. Об этом свидетельствует, прежде всего, образ самого главного персонажа, наделенного чертами сказочного героя, – об Одде говорят, что он прожил 300 лет, в начале саги провидица предсказывает его будущее и его кончину (в основе сюжета саги лежит исполнение этого пророчества, заставляющего вспомнить о Вещем Олеге, – Одду суждено погибнуть от укуса змеи, выползающей из черепа его любимого коня Факси). Одд – внук Кетиля Лосося и сын Грима Бородатого, т. е. потомок героев других саг о древних временах. Прозвище самого Одда связано с унаследованными им от деда Кетиля Лосося тремя волшебными стрелами (единственное число в прозвище, возможно, объясняется теми изменениями, которые претерпело это сказание в процессе бытования в устной традиции).

В битве со сверхъестественным существом герою помогает «волшебный помощник» (им оказывается верховный бог асов Óдн), который дает герою чудесные каменные стрелы, спасающие ему жизнь.

К числу эпизодов, восходящих к устной традиции, можно отнести и сцену словесного поединка, в котором, помимо Одда, принимают участие и два других героя саги – Сигурд и Съэльв¹⁰⁷. Обстоятельства этого поединка описываются в саге следующим образом. Одд прибывает ко двору конунга Гейррёда в необычном обличье: его тело и ноги покрыты берестой, на голове у него большая берестяная шапка, а сам он закутан в плащ (гл. 27). Он называет себя вымышленным именем Видфёрулл (Viðföruull – «ширококрайствующий»), отказывается рассказывать о своем прошлом и утверждает, что не владеет никакими искусствами. Однако вскоре становится ясно, что Видфёрулл – человек выдающийся. Он побеждает всех королевских воинов на охоте, в стрельбе и в плавании. При дворе у него заводятся друзья, Ингьяльд и Оттар, которые бьются об заклад с двумя врагами Одда, Сигурдом и Съэльвом, что Одд сможет выпить больше, чем они. Сигурд и Съэльв ставят золотое кольцо, а Ингьяльд ручается своей головой. Узнав об этом закладе, Одд говорит своим друзьям, что они совершили неосмотрительный поступок, но, тем не менее, соглашается принять участие в состязании.

Как и во всех рассмотренных сагах о древних временах, в «Саге об Одде Стреле» словесный поединок представляет собой обмен скальдическими висами. Сигурд вручает Одду рог с вином и исполняет первую вису. Затем Съэльв дает ему другой рог и просит его выпить, а потом говорит свою строфу. Потом они садятся на свои места, а Одд встает, держа рог перед Сигурдом, а другой рог дает Съэльву. Пока они пьют, Одд говорит по вису каждому из них [Örvar-Odds saga: 27] (табл. 9).

Таблица 9

Перебранка в «Саге об Одде Стреле»
(часть первая)

Упрек – похвальба	Оскорбление – упрек – похвальба
1. Сигурд: «Одд, ты не разбивал / в бою / рубах Хамдира (= <i>кольчуг</i>), / войско в шлемах обратилось в бегство; / битва бушевала, / огонь охватил город, / когда над вендами / одержал победу конунг» – Oddr, klauft eigi / at orrostu, / hrökk hjálmát lið, / Hamði	3. Одд: «Должны выслушать / мои стихи, / Сигурд и Съэльв, / односкамейщики; / вам пора отплатить / за скверную работу, / за плохо обструганные стихи / обоим безмозглым» – Þit skuluð hlýða / hróðri mínum, / Sigurðr ok Sjölftr, / sessunautar, / ykkir ák

Упрек – похвальба	Оскорбление – упрек – похвальба
skyrтур; / guðr geisaði, /gekk eldr í bæ, / þás á Vindum / vá sigr konungr ¹⁰⁸ .	gjalda / greypan verka, / hróðr harðsnúinn, / huglausum tveim.
2. Съэльв: «Одд, ты не был / в битве мечей, / когда мы дали мужам Всевластителя / изведать смерть; / оттуда я принес / шесть ран и восемь, / а ты среди крестьян / выпрашивал еду» – Oddr, vart eigi / at eggroði, / þás seggi allvalds / svelta létum; / bark sár þaðan / sex ok átta, / en þú með byggðum / batt þér matar.	4. Одд: «Ты, Съэльв, лежал / на кухонном полу, / подвигов (<i>тебе</i>) не хватает / и отважного духа, / а я там среди аквитанцев, / четырех мужей / лишил жизни» – Þú látt, Sjólfir, / soðgólfi á / dáða vanr / ok dýrs hugar, / en ek út / Ákvítánum / fjóra menn / fjörvi næmdak.

Обменявшись стихами, все трое выпили вино из рогов, а Одд пошел на свое место. Затем Сигурд и Съэльв опять подошли к Одду, и Съэльв подал ему рог вина и произнес вису, и Сигурд сделал то же самое. Одд осушил оба полных рога, встал и поднес по рогу своим противникам, а потом вновь сказал им по вису (табл. 10).

Таблица 10

Перебранка в «Саге об Одде Стреле»
(часть вторая)

Упрек – похвальба	Упрек – похвальба – упрек – похвальба
5. Съэльв: «Ты, Одд, / странствовал среди нищих, / и куски / брал со стола, / а я в одиночку / из Ульвсфьяллы / изрубленный щит / в руках принес» – Þú hefir, Oddr, farit / með ölmu sum / ok bitlinga / af borði þegit, / en ek einn / af Úlfsfjalli / höggvinn skjöld / í hendi þar.	7. Одд: «Распускал с девицами / сплетни, Съэльв, / в то время как мы посылали пламя / играть с домами; / сурового воина Хундинга / мы убили, / и Эльвир был / лишен жизни» – Slótt við meyjjar / málþing, Sjólfir, / meðan loga létum / leika um kynni; / unnum harðan / Hunding drepinn, / ok Ölvi var / aldrs of synjat.
6. Сигурд: «Одд, ты не был / там среди греков, / когда о сарацин / обагрились мечи; / мы вели суровый / гром железа (=бой), / пали мужи / в битве» – Oddr, vart eigi / út með Girkjum, / þás á Serkjum / sverð vár ruðum; / gerðum harðan hljórn ísarna, / fellu fyrðar í fólkroði.	8. «Ты, Сигурд, лежал / в девичьих палатах, / в то время как мы с пермяками / дважды сразились; / бились в схватке / подобно ястребам, / а ты, парень, в палатах / спал под простыней» – Þú látt, Sigurðr, / í sal meyja, / meðan við Bjarma / börðumst tvisvar; / háðum hildi / hauksnarliga, / en þú, seggr, í sal / svaft und blæju.

Сказав стихи, Одд пошел на место и осушил оба рога. Все думали, что идет хорошая потеха и внимательно слушали. Затем Сигурд и Съэльв подошли к Одду и подали ему два рога. Тогда Съэльв сказал вису, а Одд,

выпив оба рога и в свою очередь поднеся каждому из своих противников по рогу, произнес еще две скальдические строфы (табл. 11).

Таблица 11

Перебранка в «Саге об Одде Стреле»
(часть третья)

Упрек – похвальба	Упрек – похвальба – упрек – похвальба
9. Съэльв: «Одд, ты не был / у Аталсфьялля, / когда мы огонь болота (=золото) / захватили; / мы берсерков / связали, / тогда были мужи / из войска конунга убиты» – Oddr, vart eigi / á Atalsfjalli, / þá er fenloga / fengit höfðum; / vér berserki / binda gerðum, / þá var af kappi / konungs lið drepit.	10. Одд: «Съэльв, ты не был / там, где мы видели, / кольчуги людей, / омытых кровью; / вонзались наконечники копий / в кольца брони, / а ты палаты конунга / предпочел узнать» – Sjólftr, vart eigi, / þar er sjá máttum / brynjur manna / blóði þvegna; / hrukku oddar / í hringserkjum, / en þú höll konungs / heldr kannaðir.
	11. «Сигурд, ты не был / там, где мы очистили / шесть высокопалубных кораблей / у Хаукнеса; / ты не был / на западе со Сколи, / где мы английского вождя / лишили жизни» – Sigurðr, vart eigi, / þar er sex hruðum / hábyrðuð skip / fyr Hauksnesi; / vart ok eigi / vestr með Skolla, / þá er Engla gram / aldri næmdum.

Когда Одд сел на место, Съэльв и Сигурд принесли ему по рогу, но не сказали при этом стихов. Заметим, что один из врагов Одда – Сигурд – уже пропустил свою очередь и, следовательно, выбыл из словесного поединка еще раньше. Теперь выбывает и второй противник Одда – Съэльв. В саге говорится: «питие совершенно свалило их, и сочинение стихов стало невозможным». Хотя Одд выпил вдвое больше вина, чем его оппоненты, он все еще оказывается в состоянии сочинять стихи. Все оставшиеся висы, а их пятнадцать, принадлежат Одду. Шесть первых строф, в которых еще упоминаются имена противников Одда, строятся на противопоставлении трудной жизни самого героя и легкой жизни его врагов: «Съэльв, ты не был там, / где мы обагрjali / наши острые мечи / о ярла у острова Хлесеj; / а ты, дрожал, / сидя дома, / похотливый болтун, / между теленком и рабыней» – Sjólftr, vart eigi, / þar er sverð ruðum / hvöss á jarli / fyr Hléseyju; / en þú hallaðist / heima á milli, / kynmálasamr, / kálfs ok þýjar [Örvar-Odds saga: 27; 12]; «Сигурд, ты не был, / когда в Сялунде (= Зеландии) я рубил / закаленных в битве братьев, / Бранда и Агнара, / Асмунда и Ингьяльда, / Альв же был пятым; / а ты лежал дома / в палатах конунга, / годный лишь для болтовни / пленный мерин» – Sigurðr, vart eigi, / er á Sælundi felldak / bræðr böðharða, / Brand ok Agnar, / Ásmund, Ingjald, /

Álfr var inn fimmti; / en þú heima látt / í höll konungs, / skrökmálasamr, / skauð hernumin [Örvar-Odds saga: 27; 13]; «...я смог / прежде чем уехал отсюда, / у восемнадцати мужей / жизни отнять, / а ты, несчастный бахвал, / продирался ночью / к постели рабыни» – knáttak þeira, / áðr þaðan færak, / átján lýða / aldri næma, / en þú gjögraðir, / gárungr vesall, / síð um aptan / til sængr þýjar [Örvar-Odds saga: 27; 19]. Во всех своих висах Одд, так или иначе, упоминает о лени, похоти и отсутствии у его врагов мужественности (ср. «пленный мерин»), противопоставляя их собственному мужеству, явленному в героических деяниях, и выражая противоположность двух стилей жизни почти афористической формулой: «я одержал победу, пока ты сидел без дела» – Sigr hafða ek, / sazt kytt meðan [Örvar-Odds saga: 27; 18].

Заканчивается поэтический монолог Одда обращением к Съельву: «Теперь я перечислил / все подвиги, / которые мы совершили / так давно; / возвратились мы обратно / к нашим престолом; / богатые победами, / дадим говорить Съельву» – Nú hefk órar / íðnir taldar, / þær er forðum vér / framdar höfðum; / aprt gengu vér / til öndvegis, / sigri gæddir; / látum Sjólf mæla. К этому времени и Съельв, и Сигурд упали со скамей, погрузились в сон и не могли больше пить, а Одд продолжал бодрствовать еще долгое время. В последних девяти висах Одд, у которого уже не осталось противников, способных не только к сочинению вис, но и к винопитию, просто перечисляет свои воинские подвиги.

Словесный поединок в «Саге об Одде» имеет строгую композиционную структуру – реплики противников перемежаются последовательно. Каждый говорящий утверждает свое превосходство и сравнивает себя с другим. Оппоненты укрепляют свой воинский дух, обвиняя врага в нищете и стремлении уклониться от походов и отсидеться дома. Противники Одда ничего не знают о его прошлом, поэтому им остается только упрекнуть его в том, что он странствовал как бродяга и попрошайничал. В конце поединка оппоненты Одда начинают пропускать свою очередь, тем самым признавая себя побежденными.

Одд, напротив, приводит в своих висах множество обвинений. Он называет Сигурда и Съельва «безмозглыми» «односкамейщиками», утверждает, что они валялись на полу, мертвецки пьяными, сплетничали с девицами, спали со служанками, не совершали никаких подвигов. Не последнюю роль в поединке играет стихотворное мастерство Одда. Висы противников он считает «плохо обструганными», его же собственные стихи изысканны по форме и выразительны. У Одда достаточно умения, чтобы «отразить» обвинения оппонентов, подхватывая и повторяя их формулы:

«Сьёлв, ты не был» – *Sjólf, vart eigi þar*, или «Сигурд, ты не был» – *Sigurðr, vart eigi þar*. Если висы Сигурда и Сьёлва имеют предельно простую структуру и строятся на последовательном использовании всего двух речевых актов – упрека и похвалы, то в стихах Одда те же речевые акты перемежаются с большим разнообразием (виса 10, например, имеет кольцевую композицию: упрек – похвальба – упрек). Более того, Одд использует не только упреки и похвалы, но и оскорбления. Лишь в самом конце поединка он разражается похвалой, т. е. ведет себя как победитель.

В своих заключительных висах Одд, перечисляя собственные подвиги и походы, дает слушателям ясные указания на свой истинный социальный статус. После состязания в поэтическом мастерстве, на котором присутствовала Силкисив, дочь конунга Гейррёда, вместе со своим воспитателем Хареком, происходит окончательное «узнавание» героя. Одд отправляется к озеру, чтобы помыться, а его спутники замечают на нем красный кафтан и золотое обручье под берестяной корой, и сдирают покрывавшую его тело бересту. Одд же не делает ничего, чтобы им помешать. Впоследствии Одд получает в жены дочь конунга Гейррёда Силкисив, а после его смерти становится правителем всей страны.

Можно заметить сходство словесного поединка в «Саге об Одде Стреле» с обрядами, описанными современными этнографами. Как и в обычаях, связанных с обменом речами ряженных, до недавнего времени распространенных не только в Европе, но и за ее пределами, и исследованных фольклористами [Halpert, Story 1969], состязание Одда с Сигурдом и Сьёлвом ведет к тому, что скрывавшийся под маской участник раскрывает свое высокое положение и отказывается от своего необычного наряда.

Итак, следует предположить, что оба вида словесных поединков в сагах о древних временах восходят к фольклорной традиции. Словесные поединки, предшествующие битве, имеют черты сходства с перебранками в героических песнях «Старшей Эдды» и в сочинении Саксона Грамматика. Словесный поединок в «Саге об Одде Стреле» напоминает обряды ряженных, доступные непосредственному наблюдению в современных культурах.

Саги об исландцах

По сравнению с сагами о древних временах в сагах об исландцах примеров словесных поединков в собственном смысле слова совсем не много. Если не расширять неоправданно границы исследования, относя к сло-

весным поединкам примеры из так называемых саг о скальдах, большая часть которых посвящена соперничеству, в том числе и в поэтическом мастерстве, двух скальдов, то придется заключить, что противники обращаются друг к другу с враждебными речами всего в нескольких сагах. Отдельные саги, например «Сага об Эгиле», «Сага о людях с Песчаного берега», «Сага о людях из Флои», содержат лишь описания словесных поединков, но не сам обмен речами.

В «Саге о людях с Песчаного берега» (*Eyrbyggja saga*) обстоятельства словесного поединка изображаются таким образом: «Следующей осенью <...> Снорри Годи задал осенний пир и пригласил на него своих друзей. Подавали брагу, и было выпито немало». После того как «все сильно захмелели от браги, заговорили о сравнении мужей и о том, кто самый выдающийся человек или самый лучший хёвдинг в округе» – *Þar var ölteiti mörg. Var þar talað um mannjöfnuð hver þar væri göfgastur maður í sveit eða mestur höfðingi*¹⁰⁹. У людей не было единого мнения об этом, как это часто бывает, когда речь идет о сравнении мужей (*Og urðu menn þar eigi á eitt sáttir sem oftast er ef um mannjöfnuð er talað*). Большинство думало, что Снорри Годи был самым выдающимся человеком, но некоторые называли Арнкеля. Были и такие, кто назвал Стюра (*Voru þeir flestir að Snorri goði þótti göfgastur maður en sumir nefndu til Arnkel. Þeir voru enn sumir er nefndu til Styr*). Пока они все обсуждали это, Торлейв Кимби сказал так: «Почему вы все спорите об этом, когда всем видно, кто самый выдающийся человек». “А каково твое мнение, Торлейв, – спросили они, – если ты выскажешь его откровенно?”. “Арнкель кажется мне намного лучше, – сказал он <...>, – потому что ни один из союзников Арнкеля не лежит мертвым и неотомщенным около его усадьбы, убитый Снорри. А сторонник Снорри, Хаук, лежит здесь, близ усадьбы Снорри, убитый Арнкелем» [*Eyrbyggja saga*, гл. 37]. После этого Торлейв и другие союзники Снорри убивают Арнкеля. Оказывается, что похвала Арнкелю была подстрекательством к битве, а произнесший ее Торлейв стремился, оскорбив Снорри, заставить его отомстить за Хаука. Так, сравнение мужей на пиру, о котором рассказывалось в «Саге о людях с Песчаного берега», привело к кровопролитию.

Сравнение мужей ведет к убийству и в «Саге о людях из Флои» [*Flóamanna saga*, гл. 25]: «Рассказывается, что той зимой люди сидели в отхожем месте в Браттахлид, хотя там были не все вместе, потому что некоторые стояли в передней части пристройки. Коль и Старкад были там. Разговор у них зашел о сравнении мужей (*mannjafnaðr*) и говорили

о Торгильсе и Эйрике. Коль сказал, что Торгильс совершил много больших дел. Тогда отвечает человек, которого звали Халль, один из слуг Эйрика. «Это не все равно, – говорит он, – потому что Эйрик – большой и знаменитый хёвдинг, а этот Торгильс жил в несчастье и нужде, да и неясно мне, кто он скорее, мужчина или женщина» (“Það er ójafnt,” segir hann, “Því að Eiríkur er höfðingi mikill og frægur en Þorgils þessi hefir verið í vesöld og ánauð og óvíst er mér hvort hann er heldur karlmaður en kona”)¹¹⁰. Как всегда бывает в перебранке, обвинение в немужественности, женоподобии, высказанное Халлем, ведет к немедленной и суровой каре – Коль сказал: «это ты так говоришь, несчастнейший из людей» (“Mæl þú manna armastur”) и проткнул его копьем. «Того сразу же настигла смерть. Эйрик велел своим людям встать и схватить Коля. Торговцы все повскакали защитить Коля»¹¹¹.

Сравнение мужей (mannjafnaðr) в «Саге о людях из Флои» и в «Саге о людях с Песчаного берега», как и перебранка (senna) в большинстве саг о древних временах или в героических песнях «Эдды», играет роль прелюдии к насилию, что говорит о проницаемости границ обоих типов сцен. Следовательно, обозначения, данные самой культурой, не всегда соответствуют выделяемым нами типам словесных поединков.

О перебранке, ведущей к насилию, заставляют вспомнить те описания словесных поединков, которые можно найти в «Саге об Эгиле» (Egils saga). Первое содержится в главе 44, где рассказывается, как после бури корабль, на котором находится Эгиль и его приятель Альвир, причаливает к острову Антлей, где живет Бард, человек конунга Эйрика. Бард дает приют измученным путникам, кормит их и устраивает на ночлег, однако не предлагает браги, а дает только сыворотку и кислое молоко. В тот же вечер к Барду приходит конунг Эйрик со своей женой Гуннхильд и требует пригласить на пир недавно прибывших гостей. На пиру происходит жертвоприношение дисам, поэтому всем нужно пить рог до дна, поминая умерших, и брага льется рекой.

Через некоторое время хозяин замечает, что своим поведением Эгиль позорит его: пьет и за себя, и за своего соседа Альвира, и еще сочиняет стихи, и никак не удается напоить его допьяна. Всякий раз, когда Эгилю вручают рог с вином, он произносит вису. В первой скальд обвиняет Барда в скупости и лукавстве: «Ты сказал мне, воин: / “Браги нету в доме”, / Что ж тогда вы дисам / В жертву приносили?! / Бард, тебя за это / Назову лукавым. / Но проделку злую / Скрыл ты неумело» (перев. А.И. Корсуна)¹¹². Бард жалуется на поведение Эгиля жене конунга Гуннхильд, и они вдвоем мешают яд с брагой и велят служанке отнести

напиток Эгилю. Когда ему подносят отравленное питье, Эгиль говорит вторую вису, в которой подвергает сомнению качество напитка, предложенного ему хозяином: «Руны на роге режу, / Кровь их моя окрасит. / Рунами каждое слово / Врезано будет крепко. / Брагу девы веселой / Выпью, коль захочу я, / Только на пользу ль будет / Брага, что Бард мне налил?» (перев. А.И. Корсуна). Как только Эгиль произносит свою вису, рог с отравленным питьем разлетается на куски, а жидкость проливается на солому. После этого Эгиль встает и ведет к дверям вконец опьяневшего Альвира, держа при этом руку на мече.

Возле двери к ним подходит Бард и предлагает Альвиру выпить на прощанье. Эгиль берет рог вместо Альвира, выпивает его и произносит третью вису, в которой говорит о том, как сильно опьянел Альвир: «Альвир от браги бледен, / Дай мне рог – я выпью, – / Ливнем она из рога / Сквозь усы прольется. / Ты беды не чуешь, / Ливень мечей зовущий! / Слушай вису скальда – / Одина ливень шумный» (перев. А.И. Корсуна). Затем Эгиль бросает рог, обнажает меч и пронзает Барда мечом, да так, что конец меча торчит из спины. Бард падает замертво, а Эгиль спасается бегством.

Ситуация явной конфронтации с хозяином дома, в которой Эгиль произносит свои стихи на пиру, заставляет вспомнить о традиции словесных поединков. Кровавопролитие, сопровождающее речи героя, тоже подтверждает предположение о том, что перед нами сцена перебранки. Вместе с тем в «Саге об Эгиле» отсутствует главный элемент, необходимый для того, чтобы признать вербальные акты словесным поединком, – обмен речами. Единственным говорящим остается Эгиль, последовательно произносящий свои три вису, но не получающий на них вербального ответа от других персонажей.

Второе описание ситуации, напоминающей те, в которых происходят словесные поединки, тоже начинается в «Саге об Эгиле» (гл. XLIX), как и в «Саге о людях с Песчаного Берега», вполне традиционно как забава на пиру: «А Торфид и Торвальд еще оставались с другими. Тогда Эйвинд и Альв пришли и сели с ними вместе, и все очень веселились. Сначала пили, посылая рог вкруговую. Потом стали пить рог по двое, пополам. Эйвинд пил вместе с Торвальдом, а Альв с Торфидом. Позже стали пить нечестно, и тут пошли хвастливые речи и перебранки (En er á leið kveldið, þá var drukkið við sleitur og því næst orðahnippingar og þá stóruðí). Тогда Эйвинд вдруг встал, обнажил меч и нанес Торвальду смертельную рану. Но ни у кого из них не было при себе оружия, потому что здесь было священное место. Люди стали между наиболее разъяренными и разделили их. В тот вечер

больше ничего не произошло» [Сага об Эгиле: 49; перев. С.С. Масловой-Лашанской]. Как и в ситуации противостояния Эгиля и Барда, второе описание пира, на котором происходит словесная распря в «Саге об Эгиле», тоже заканчивается убийством. Однако, как и в первом случае, сама перебранка, т. е. диалогический обмен речами, отсутствует.

Следовательно, говорить о словесных поединках в собственном смысле слова можно лишь применительно к двум сагам об исландцах и одной пряди: «Саге о Ньяле», «Саге о союзниках» и «Пряди о Пивном Капюшоне». Во всех этих памятниках перебранка происходит на альтинге и тем помещается в юридический контекст, с которым, как предполагается, связано ее происхождение. Напомним, что древнеисландское существительное *seppa* – «перебранка» возводится к прилагательному *sannr* – «истинный». Предполагается, что в диахронии перебранка соотносится со словесной тяжбой, целью которой было доказательство вины, а возможно, и определение платы за убийство¹¹³. Связанный с перебранкой обычай «сравнения мужей» (*mannjafnaðr*), вероятно, восходит к процедуре, устанавливающей сумму возмещения за убитых сородичей.

Ситуации, в которых происходят словесные поединки в сагах об исландцах, имеют много общего. Все они (и в «Саге о Ньяле» гл. 119, и в «Саге о союзниках» гл. 10, и в «Пряди о Пивном Капюшоне», гл. 3–4) вызваны стремлением предотвратить нежелательные для одной из сторон решения на альтинге и найти союзников.

Так, в детально исследованной [Гуревич 2004: 43–70] «Пряди о Пивном Капюшоне» (*Ölkofra ráttir*) в соответствии с традицией описываются обстоятельства проведения словесного поединка. По вине Торхалля, промышляющего варкой и продажей пива на тинге, возник пожар и сгорел лес, принадлежавший шести годи. Один из них, Скафти, сначала потребовал объявления Торхалля вне закона, а потом договорился с другими годи начать тяжбу и добиться наиболее выгодного решения своего дела на альтинге. Торхалль не без труда нашел себе союзников в лице Торстейна и Бродди, благодаря которым настоял на том, чтобы ему присудили выплатить ничтожное возмещение в счет сгоревшего леса – по шесть локтей домотканого сукна каждому годи. Предвидя справедливое возмущение годи, Бродди затевает с ними перебранку, отмеряя и отрезая сукно, а потом кидая его и приговаривая: «Возмещение, достойное труса» [Прядь о Пивном Капюшоне: 3 (перев. Е.А. Гуревич)]¹¹⁴ (табл. 12).

Таблица 12

Перебранка в «Пряди о Пивном Капюшоне»

Семантика	Годи – Бродди
1. Угроза.	1. Скафти: «Нетрудно заметить, Бродди, что тебе не терпится с нами поссориться. Ты неплохо постарался в этом деле, а теперь не прочь вступить с нами в открытую вражду. Я думаю, в другой тяжбе нам повезет больше».
2. Оскорбление, ссылка на предварительный инцидент (сочинение мансёнга).	2. Бродди: «Немало тяжб придется тебе выиграть, Скафти, прежде чем ты возместишь ущерб, который тебе нанес Орм, твой родич, за то, что ты сложил его жене любовную драпу. Скверное это было дело, и заплатить за него пришлось сполна».
3. Угроза.	3. Торкель Бахрома: «Куда как недальновидно поступают такие люди, как Бродди. Ради дружбы с Пивным Капюшоном или его подарков он готов превратить своих противников в заклятых врагов».
4. Оскорбление, ссылка на предварительный инцидент (обвинение в женоподобии).	4. Бродди: «Что же недальновидного в том, чтобы держать свое слово..? А вот ты-то точно недоглядел, когда отправился на весенний тинг и не уступил дорогу Стейнгриму. У него-то жеребец был хорошо откормлен, вот он и наехал на тебя сзади, а кобыла твоя возьми и упади под тобой, уж больно она была тощая. Не знаю наверняка, что между вами произошло, но люди видели, как ты лежал без движения, оттого что лошадь зажала копытами твой плащ».
5. Обвинение.	5. Эйольв: «Мало того, что этот человек обвел нас вокруг пальца, он еще и позорит нас перед всеми».
6. Оскорбление, ссылка на предварительный инцидент (обвинение в оборотничестве и в женоподобии).	6. Бродди: «Вовсе я вас не обманывал. А вот тебя-то и вправду провели, когда ты ехал на север в Полуостровной фьорд и украл быков у Торкеля, сына Эйрика. Стари из Гудалля бросился тебя преследовать, но ты заметил погоню, только когда добрался до Озерной Долины. Был ты тогда так напуган, что обернулся кобылой – неслыханное дело! – а Стари и его люди пригнали быков назад. Что не говори, а уж он-то тебя, точно, обвел вокруг пальца».
7. Угроза.	7. Снорри: «Не пристало нам браниться здесь с Бродди, однако при случае мы припомним ему, с какой враждебностью он с нами обошелся».
8. Оскорбление, ссылка на предварительный инцидент (неспособность отомстить).	8. Бродди: «Не много тебе будет чести, Снорри, коли ты станешь ломать голову над тем, как мне отомстить, когда ты и за отца-то своего не отомстил».

Семантика	Годи – Бродди
9. Угроза.	9. Торкель, сын Гейтира: «Похоже, что не зря ты носишь свое имя: всем ты пытаешься досадить, но не все это стерпят. Придет время и тебе быть убитым».
10. Оскорбление, ссылка на предварительный инцидент (нанесение урона чести).	10. Бродди: «Негоже нам, родич, поминать перед всеми несчастья наших близких. Однако что толку скрывать то, что известно многим: Брод-Хельги был убит. Слыхал я также, что отец твой в конце концов получил за это по заслугам. Да и тебе нетрудно будет нащупать то, чем отметил тебя мой отец в долине битвы».

Легко заметить стереотипность семантики в обмене реплик. Каждое высказывание годи содержит угрозу, в отдельных случаях подразумевающую обвинение. Ответы Бродди неизменно включают оскорбление, отсылающее к предварительному инциденту – прошлому событию из жизни говорящего. Своего первого противника (Скафти) Бродди оскорбляет, напоминая ему о сочинении любовной поэмы, адресованной чужой жене. Согласно законам той эпохи, это было тяжким оскорблением, за которое полагалась суровая кара¹¹⁵. Второго противника (Торкеля Бахрому) Бродди укоряет в трусости, жадности и намекает на то, что он повинен в половых извращениях. Обращаясь к Торкелю, Бродди упоминает о кобыле, что само по себе, очевидно, казалось оскорбительным. Возможно, обидность намека скрывалась в напоминании о нид-жерди – лошадиной голове, насаженной на жердь, которую Саксон Грамматик называет *obscenitatis apparatus* [Saxonis Gesta Danorum, V, 114]¹¹⁶. Описание роли лошади в инвективном ритуале воздвижения «нид-жерди» сохранилось в «Саге о людях из Озёрной долины»¹¹⁷ и в «Саге об Эгиле»¹¹⁸. Лошадиная голова в данном случае – это *pars pro toto*, метонимический прием, характерный для ритуала, своеобразный аналог кеннингам, где часть может заменить целое.

Третьего противника (Эйольва) Бродди оскорбляет, уже не намекая, но открыто сравнивая его с кобылой, т. е. обвиняя в изменении пола и нарушении границы, отделяющей человека от животного. Вспомним сходное обвинение в «Первой Песни о Хельги Убийце Хундинга»: «Был ты на Бравеллир / Грани женою, / взнузданным был ты, / к бегу готовым, / я на тебе, / усталом и тощем, / немало скакал / по горным склонам!» (42, перев. А.И. Корсуна). Четвертого оппонента (Снорри Годи) Бродди винит в трусости, нарушении долга чести, неспособности отомстить за своего ближайшего сородича. Пятому (Торкелю) он напо-

минает, что его отец Гейтир был убит отцом самого Бродди, а попытка Торкеля отомстить за отца привела к тому, что он «получил по заслугам», т. е. был ранен.

В оскорблениях Бродди есть оттенок ритуальности, в определенной мере они «асемантические» [Гуревич 2004: 43–70], хотя и основаны на предварительном инциденте. Очевидно поэтому ни один из оппонентов Бродди и не пытается опровергнуть обрушившуюся на него хулу, что делает весь поединок похожим на «Перебранку Локи» из «Старшей Эдды». Хотя перебранку Бродди с хёвдингами едва ли можно отнести к развлечениям, она, тем не менее, не ведет к насилию. Ее основная функция, как можно предположить, в том и состоит, чтобы избежать кровопролития, заменив действенный поединок словесным.

Предполагается, что словесный поединок в «Пряди о Пивном Капюшоне» послужил основой для одной из более поздних саг – «Саги о союзниках» (Bandamanna saga). Характерную особенность этой саги составляет отсутствие любых битв и сражений, кроме словесных, если не считать вынесенного в завязку конфликта убийства (Оспаком Вали). Сюжет «Саги о союзниках» строится вокруг конфликта Одда с его отцом Офейгом. Одд становится богачом благодаря торговле и рыболовству, но безрассудно доверяет свою усадьбу и годорд негодяю по имени Оспаком. Одд попадает в трудное положение, потому что хёвдинги, воспользовавшись его невежеством в судебных делах, пытаются завладеть его богатством. На помощь Одду приходит его отец Офейг, искусный в красноречии, мудрый и хорошо знающий людские слабости.

Конфронтация Офейга, защищающего интересы своего сына Одда, и хёвдингов достигает кульминации в словесном поединке на альтинге. Офейг должен избрать из числа хёвдингов двух справедливых судей, которые смогут вынести приговор по делу его сына, но по разным причинам отвергает одного за другим. Наконец, Офейг выбирает Эгиля и Геллира, чью поддержку он догадался заранее оплатить деньгами своего сына. Словесный поединок в «Саге о союзниках» (гл. 10) начинается с того, что Офейг выдвигает обвинения против всех хёвдингов, которым предстоит решать дело его сына. Офейг обвиняет их в скупости, жадности, глупости. Становится понятно, что все хёвдинги, включая Эгиля и Геллира, потеряли честь и право на уважение еще до тинга, когда согласились вступить в сделку с совестью. Все они повинны в сребролюбии, безразличии к справедливости и недалекости. Ни у одного из них не хватило ума разглядеть хитрость Офейга. Сильнее других пострадали те, кому пришлось вынести больше всего словесных оскорблений.

Высказав свои обвинения всем хёвдингам, Офейг избирает в качестве судей подкупленных им Эгиля Скуласона и Геллира, которым приходится вынести свое решение. Эгиль и Геллир присуждают Одду выплатить хёвдингам ничтожно малую сумму – тринадцать марок серебром. Как и в «Пряди о Пивном Капюшоне», более красноречивый участник предлагает своему стороннику выбор: или объявить решение, или затеять перебранку. В «Саге о союзниках» это предложение исходит от Эгиля, Геллир же сразу высказывает свое предпочтение – он хочет объявить решение хёвдингам и тем самым уклониться от перебранки. Услышав решение Эгиля и Геллира, хёвдинги обвиняют их в предательстве. Тогда Эгилю приходится вступить в словесный поединок со своими бывшими союзниками [Bandamanna saga: 10]¹¹⁹ (табл. 13).

Таблица 13

Перебранка в «Саге о союзниках»

Семантика	Хёвдинги – Эгиль
1. Обвинение во лжи.	1. Хермунд: «Ты обманул нас, Эгиль!»
2. Вопрос, выражающий сомнение.	2. Эгиль: «Правда? Ты считаешь себя обманутым?»
3. Обвинение во лжи.	3. Хермунд: «Да, я считаю себя обманутым, и именно ты обманул меня».
4. Обвинение в глупости, ссылка на предварительный инцидент.	4. Эгиль: «Я рад, что мне удалось обмануть человека, который никому не доверяет, даже себе самому. Я могу доказать то, что я о тебе говорю. Ты пошел и спрятал свои сокровища, когда был такой сильный туман, что ты и сам понял, тебе никогда их не найти, даже если бы тебе взбрело в голову их поискать».
5. Обвинение во лжи, ссылка на предварительный инцидент.	5. Хермунд: «Это твоя очередная ложь, Эгиль. Такая же, как та, что ты сказал прошлой зимой, после того, как я пригласил тебя из твоей жалкой лачуги провести со мной Рождество. <...> Но весной, после Пасхи, когда ты вернулся в Борг, ты объявил, что тридцать моих лошадей, зимовавших снаружи, пали, и мы съели их всех».
6. Обвинение в жадности, ссылка на предварительный инцидент.	6. Эгиль: «Я не думаю, что можно преувеличить ту бедность, в которой содержится твой скот, но мне кажется, что твоего скота было съедено мало или совсем ничего. Каждый знает, что ни я, ни мои домочадцы никогда не испытывают недостатка в еде,

Семантика	Хёвдинги – Эгиль
	хотя мой прибыток невелик, а о том, что делается у тебя дома, невозможно говорить».
7. Угроза.	7. Хермунд: «Хотелось бы мне думать, что нам обоим не удастся дожить до альтинга в будущем году».
8. Проклятие.	8. Эгиль: «Теперь я скажу то, чего никогда не собирался говорить, а именно, пусть исполнятся твои слова! Потому что мне было предсказано, что я умру в глубокой старости, но я думаю, что чем скорее тебя возьмут тролли, тем лучше.
9. Обвинение во лжи.	9. Стюрмир: «Тот, кто хуже всего говорит о тебе, Эгиль, будет ближе всего к правде, если назовет тебя обманщиком».
10. Обвинение в трусости и жадности, ссылка на предварительный инцидент.	10. Эгиль: «Теперь все идет хорошо, и я радуюсь тем больше, чем сильнее ты меня оскорбляешь и приводишь подтверждения своим оскорблениям, ведь мне говорили, что ты назвал меня равным себе, когда вы все забавлялись за пивом, выбирая, с кем себя сравнить. Правда, конечно, у тебя есть страшные пороки, о которых другие не знают, но тебе-то они доподлинно известны. Между нами есть одно различие – когда я обещаю поддержать других, я делаю, что могу, не жалея сил, а ты, как только взмахнут топорами с черными рукоятями, бросаешься наутёк. Правда и то, что мне обычно бывает трудно свести концы с концами, но я никого не отпускаю голодным, а ты жаден на еду <...> Стыдно тому, кто заставляет голодать домашних, когда нет недостатка. Догадайся, кого я имею в виду!».
11. Отсутствие обвинения.	11. Тут замолчал Стюрмир, но встал Торарин.
12. Обвинение в половом извращении, ссылка на предварительный инцидент.	12. Эгиль: «Заткнись и сядь, Торарин. Не говори ни слова, иначе я обвиню тебе в таких постыдных поступках, что тебе будет лучше всего замолчать. И мне не кажется смешным, хотя твои слуги и смеются, когда ты сидишь, крепко сжавшись, и потираешь ляжками».
13. Критика принятого решения.	13. Торгейр: «Всякий видит, что это решение бесполезно и глупо, присудить не больше тринадцати мер серебра в таком деле».

Семантика	Хёвдинги – Эгиль
14. Обвинение в трусости и намек на половые извращения, ссылка на предварительный инцидент.	14. Эгиль: «А я-то думал, что хоть ты увидишь смысл в этом решении, и ты, конечно, сделаешь это, если подумаешь. Тогда ты вспомнишь, как на тинге в Ранге один бедный крестьянин посадил тринадцать шишек тебе на череп, а ты принял в возмещение тринадцать овец с ягнятами. Я думал, тебе послужит это напоминанием».

Последнее слово остается в этом поединке за Эгилем, который был и его инициатором. Своими оскорблениями он заставляет замолчать поочередно четырех хёвдингов, обвиняющих его во лжи. Последние же два оппонента, явно уstraшенные яростными нападками, которым подверглись их союзники, и вовсе не изъявляют желания вступить с Эгилем в перебранку: «Бродди Бородатый и Железный Скегги не захотели обмениваться словами с Эгилем» – *En þeir Skegg-Broddi ok Járnскеggi vildu engum orðum skipta við Egil* [Bandamanna saga: 10].

Ситуация, в которой инициатор словесного поединка осыпает оскорблениями нескольких оппонентов поочередно, вынуждая их замолчать и тем признать свое поражение, заставляет вспомнить о том, как происходит обмен репликами в эддической «Перебранке Локи». Обе сцены имеют почти тождественную структуру: инициатор поединка (Эгиль в «Саге о союзниках» и Локи в эддической песни) провоцирует своих оппонентов на ответ, но как только те отвечают, он принуждает их умолкнуть. Локи добивается этого с помощью известной формулы *þegi þú* – «замолчи ты», сопровождая ее именем оппонента, а Эгиль использует ту же формулу, обращаясь к одному из своих противников (Торарину) *þegi þú, Þóraginn* – «Замолчи ты, Торарин». Выступление Торарина завершается формулой, синонимичной той, которая употреблялась в «Перебранке Локи» («Торарин уселся и замолчал» – *Þóraginn sezk níðr ok þagnar*). Та же формула включает речь предшествующего оппонента («Тут замолчал Стюрмир» – *nú þagnar Styrmir*). Выход из поединка последнего оппонента – Торгейра – суммируется той же формулой: «Торгейр замолчал» – *Þóргеirr þagnaði*. Так, сходство двух текстов дополнительно удостоверяется использованием созвучных и этимологически родственных глаголов: в саге *þagna* – «успокоиться, умолкнуть», в «Перебранке Локи» *þegja* – «замолчать».

Как и в большинстве словесных поединков, оскорбления Эгиля, хотя и основаны на предварительном инциденте, весьма стереотипны. Сна-

чала он обвиняет хёвдингов в жадности («Ты пошел и спрятал свои сокровища», «Я не думаю, что можно преувеличить ту бедность, в которой содержится твой скот, но мне кажется, что твоего скота было съедено мало или совсем ничего»), противопоставляя им себя как более бедного, но и более щедрого: «...каждый знает, что ни я, ни мои домочадцы никогда не испытывают недостатка в еде, хотя мой прибыльок невелик, а о том, что делается у тебя дома, невозможно говорить». Становится понятно, что не скудость, но именно скупость считается пороком, в то время как расточительность даже при малых средствах возводится в добродетель: «Правда и то, что мне обычно бывает трудно свести концы с концами, но я никого не отпускаю голодным, а ты жаден на еду <...> Стыдно тому, кто заставляет голодать домашних, когда нет недостатка». Затем Эгиль переходит к обвинениям в трусости («Между нами есть одно различие – когда я обещаю поддержать других, я делаю, что могу, не жалея сил, а ты как только взмахнут топорами с черными рукоятями, бросаешься наутёк»), и, наконец, в его оскорблениях появляются намеки на половые извращения: «Но мне не кажется смешным, хотя твои слуги и смеются, когда ты сидишь, крепко сжавшись, и потираешь ляжками» – *Eþ ekki þykir mér það hlægilegt þó að þeir sveinar hlæi að því að þú sitjir mjótt og gnúir saman lærum þínum* [Bandamanna saga: 10]. В инвективном контексте перебранки, возможно, даже упоминание об овцах с ягнятами, как и о любом существе женского пола, воспринимается как наносящее урон чести. Тем не менее степень оскорбительности намеков Эгиля в «Саге о союзниках», очевидно, не такова, чтобы разжечь в обиженных хёвдингах жажду мести. Подобно «Пряди о Пивном Капюшоне», «Сага о союзниках» содержит словесный поединок, цель которого, по видимому, состоит в том, чтобы избежать реальной схватки и предотвратить насилие.

Как и во всех приведенных сагах об исландцах, описание словесного поединка составляет одну из кульминационных сцен в «Саге о Ньяле» (*Njáls saga*, гл. 119–123), в которой тоже подробно рассказывается о том, что предшествовало распре. После того как Скарпхедин и другие сыновья Ньяля убили Хёскульда, приемного сына Ньяля, много мудрых людей собралось на тинге, чтобы решить, как избежать кровной мести за убийство, и определить, какую выплатить виру. Перед тем как начинается альтинг, на котором будет принято решение собрать огромный выкуп в возмещение убийства Хёскульда, сыновья Ньяля с сородичами обходят своих возможных союзников и пытаются уговорить их оказать им поддержку. Скарпхедин, старший сын Ньяля, вступает в диалог с каждым

из потенциальных сторонников на альтинге. Традиционное вступление к словесным поединкам повторяется здесь всякий раз, когда вводится новое действующее лицо [Сага о Ньяле: 119–120 (перев. В.Я. Беркова)] (табл. 14).

Таблица 14

Первая перебранка в «Саге о Ньяле»

Семантика	Хёвдинги – Скарпхедин
1. Вопрос об имени, негативное описание противника.	1. Скафти: «Кто этот человек, ...что зашел пятым, а сам высок ростом, бледен лицом, неудачлив с виду, суров и зловец?» ¹²⁰ .
2. Самоидентификация, похвальба. Оскорбление, обвинение в убийстве и трусости, ссылка на предварительный инцидент.	2. Скарпхедин: «Скарпхедином зовут меня, и ты много раз видел меня на тинге. Но я, верно, поумнее тебя, потому что мне не надо спрашивать, как тебя зовут. Тебя зовут Скафти, сын Тородда, а раньше ты называл себя Щетинной Головой, когда убил Кетиля из Эльды. Ты выбрил тогда себе голову и вымазал ее дегтем. Затем ты заплатил рабам за то, чтобы они вырезали полоску дерна, и заполз под нее на ночь. Потом ты отправился к Торольву <...> и он взял тебя к себе и отнес на корабль в мешке от муки».
3. Вопрос об имени, негативное описание противника.	3. Снорри: «Кто этот человек с резкими чертами лица, что зашел пятым, а сам бледен лицом, скалит зубы и держит на плече секиру?».
4. Самоидентификация, похвальба.	4. Скарпхедин: «Хедином зовут меня... А некоторые зовут меня полным именем – Скарпхедин...».
5. Негативная оценка противника, угроза.	5. Снорри: «...человек ты, по-видимому, суровый и заносчивый. Но я вижу, что удача скоро изменит тебе, и недолго тебе осталось жить».
6. Обвинение в неспособности отомстить, ссылка на предварительный инцидент.	6. Скарпхедин: «Что ж... Этот долг все должны заплатить. Но ты бы лучше отомстил за смерть своего отца, чем пророчествами заниматься».
7. Вопрос об имени, негативное описание противника.	7. Хавр: «Но я хочу спросить, кто этот бледный человек, который зашел пятым? У него такой страшный вид, словно он вышел со дна морского».
8. Оскорбление, обвинение в трусости, неспособности отомстить, ссылка	8. Скарпхедин: «Не твое дело, молочная рожа, кто я такой! И если ты будешь сидеть в засаде, я не побоюсь пройти мимо. Мне ничуть не страшно, когда такие, как ты, стоят на моем

Семантика	Хёвдинги – Скарпхедин
на предварительный инцидент.	пути. Ты бы лучше разыскал свою сестру Сванлауг. Эйдис Железный Нож и Коль Наковальня похитили ее из твоего дома, а ты и не пикнул».
9. Вопрос об имени, негативное описание противника, угроза.	9. Гудмунд: «Среди вас есть один человек, на которого я все смотрю. Мало я видел людей, похожих на него... Он зашел пятым... Волосы у него темные, лицо бледное, он высок ростом, силен на вид. И все же он человек неудачливый».
10. Обвинение в трусости, ссылка на предварительный инцидент.	10. Скарпхедин: «Я знаю, ты говоришь обо мне. Мы оба с тобой неудачливы, но каждый по-своему. Меня корят за убийство Хёскульда, годи Белого Мыса, и поделом. Тебя же поносят Торкель Дерзкий и Торир, сын Хельги, и это тебе очень обидно».
11. Вопрос об имени, негативное описание противника.	11. Торкель: «Кто этот высокий и зловещий человек с резкими чертами лица, что зашел пятым, а сам бледен и, судя по его виду, неудачлив и злобен?».
12. Оскорбление, обвинение в трусости, неспособности отомстить, ссылка на предварительный инцидент.	12. Скарпхедин: «Меня зовут Скарпхедином, и нечего тебе поносить меня ни с того ни с сего обидными словами. Ведь со мной никогда не случилось, чтобы я притеснял своего отца и дрался с ним, как ты со своим. И ты ведь ... мало занимался делами тинга. Тебе, видно, сподручнее варить сыры с горсткой домочадцев у себя на дворе... Выковырай-ка лучше у себя из зубов кусок кобыльей задницы, которую ты сожрал перед тем, как ехать на тинг, – еще твой пастух увидел это и удивился, как это ты можешь делать такие гнусности».
13. Похвальба, ссылка на предварительный инцидент, угроза.	13. Торкель: «Этот меч я добыл в Швеции, убив одного могучего воина. После этого я убил им множество народу. И когда я доберусь до тебя, то проткну тебя за эти поносные речи».
14. Похвальба, ссылка на предварительный инцидент, угроза.	14. Скарпхедин: «Эту секиру я держал в руке, когда прыгнул на двенадцать локтей через Лесную Реку и убил Траина, сына Сигфуса. Там стояло восемь человек, но ни один ничего не мог мне сделать. Еще не бывало случая, чтобы я промахнулся, нанося этой секирой удар по врагу... Выбирай, Торкель Дерзкий! Либо спрячь меч в ножны и садись на место, либо я хвачу тебя секирой по голове и раскрою ее до плеч».
15. Подведение итога словесного поединка – посрамление противника.	15. Тут Торкель сел на место и спрятал меч в ножны.

Приведенный словесный поединок состоит из вопросов пяти оппонентов об имени одного участника распри (Скарпхедина), причем каждый содержит описание его зловещей внешности, предвещающей неудачу. Словесные повторы и синтаксические параллелизмы поддерживают логический параллелизм: «Кто этот человек...» (Hver er sá maður..., Hver er sá...) – «Скарпхедином (или Хедином) зовут меня...» (Eg heiti Skarphéðinn..., Héðinn heiti eg...). Вопросы и ответы на них крайне стереотипны – Скарпхедин почти всегда называет свое имя, а затем наносит оскорбление спрашивающему. Все обвинения основаны на предварительном инциденте – эпизоде из прошлой жизни говорящего: убийстве («раньше ты называл себя Щетинной Головой, когда убил Кетиля из Эльды»), проявлении трусости («ты заплатил рабам за то, что они вырезали полосу дерна, и заполз под нее на ночь»), неспособности отомстить («ты бы лучше отомстил за смерть своего отца»), нарушении алиментарных правил («выковырай-ка лучше у себя из зубов кусок кобылей задницы, которую ты сожрал перед тем, как ехать на тинг»), стремлении к домашней жизни («тебе, видно, сподручнее варить сыры с горсткой домочадцев у себя на дворе») и т. д.

В отличие от речей оппонентов, слова Скарпхедина содержат не только оскорбления, но и похвалбу: «Эту секиру я держал в руке, когда прыгнул на двенадцать локтей через Лесную Реку и убил Траина, сына Сигфуса. Там стояло восемь человек, но ни один ничего не мог мне сделать. Еще не бывало случая, чтобы я промахнулся, нанося этой секирой удар по врагу». Похвальба Скарпхедина подразумевает более или менее явно сформулированное противопоставление собственной доблести, отваги, совершенных подвигов трусости и постыдным деяниям оппонентов. Заканчивается этот «раунд» словесного поединка победой Скарпхедина, прежде всего вербальной.

Нельзя не заметить, что этот словесный поединок в «Саге о Ньяле» строится аналогично перебранкам в «Пряди о Пивном Капюшоне», в «Саге о союзниках» и в «Перебранке Локи» – один персонаж враждебен всем, отвечает поочередно каждому и также поочередно наносит оскорбления. Однако в «Пряди о Пивном Капюшоне» и в «Саге о союзниках» оппоненты главного действующего лица тоже произносят обвинительные речи. Противники почти не выступают с критикой героя лишь в эддической «Перебранке Локи». Причем, как и в «Перебранке Локи», в «Саге о Ньяле» последний противник оказывается самым сильным и единственным, кто угрожает герою, но все равно не способен одолеть его. Если последний противник Скарпхедина (Торкель) лишь угрожает,

то Скарпхедин наносит ему пространное оскорбление, состоящее из трех частей. Во-первых, он винит Торкеля в нарушении сыновнего долга (т. е. в том, что тот притеснял своего отца и даже дрался с ним). Во-вторых, Скарпхедин говорит, что Торкель предпочитает домашнюю жизнь бранным подвигам: «тебе сподручнее варить сыры с горсткой домочадцев у себя на дворе» [Сага о Ньяле: 120 (перев. В.Я. Беркова)]. В-третьих, он, используя крайне оскорбительные слова, обвиняет Торкеля в нарушении алиментарных табу. После этого Скарпхедин переходит к физическому насилию – он поднимает секиру, отталкивает стоящих перед ним людей и произносит последнюю угрозу Торкелю, тогда тот убирает меч в ножны. Так, победа в вербальном поединке знаменует и реальную победу в физическом противостоянии.

Особенность приведенной перебранки из «Саги о Ньяле» состоит в том, что в ней принимают участие не враги героя, но его потенциальные сторонники. Однако эта перебранка оказывается лишь преамбулой к словесному поединку того же героя, на этот раз с его противником – Флоси, родственником Хёскульда, убитого сыновьями Ньяля («Сага о Ньяле», гл. 123). Этот поединок происходит все на том же тинге, где определяется мера возмещения за убийство Хёскульда. За это убийство решено заплатить такую огромную виру, какая никогда прежде не собиралась в стране. После того как в большую кучу сложена тройная вира (шесть сотен серебра), Ньяль берет длинное шелковое одеяние и заморские сапоги и кладет их сверху. Сначала Флоси выражает удовлетворение собранными деньгами, однако, когда он видит положенное Ньялем шелковое одеяние, его настроение меняется. Он трижды спрашивает, кто положил в кучу эту одежду, но ему никто не отвечает [Сага о Ньяле: 123 (перев. В.Я. Беркова)] (табл. 15).

Таблица 15

Вторая перебранка в «Саге о Ньяле»

Семантика	Флоси – Скарпхедин
1. Вопрос.	1. Флоси: «Что же, никто из вас не знает, чья это одежда, или вы боитесь сказать мне об этом?».
2. Контрвопрос.	2. Скарпхедин: «А как ты думаешь, кто это положил?».
3. Обвинение в женоподобии отца.	3. Флоси: «Если хочешь знать, я отвечу тебе, что, по-моему, это положил твой отец – безбородый старик, так что многие, когда глядят на него, не знают, мужчина он или женщина».

Семантика	Флоси – Скарпхедин
4. Обвинение в подлости. Самооправдание. Угроза отомстить. Обвинение в женоподобии противника.	4. Скарпхедин: «Подло поносить старика, которого еще никогда не оскорблял ни один честный человек. Вам должно быть известно, что он мужчина, потому что он прижил со своей женой сыновей. И мало наших родичей похоронено у нашего двора, за кого бы мы не отомстили». И Скарпхедин взял в руки шелковое одеяние, и бросил Флоси синие штаны, и сказал, что они ему нужнее.
5. Вопрос.	5. Флоси: «Почему это они мне нужнее?».
6. Оскорбление, обвинение в женоподобии.	6. Скарпхедин: «Потому что, как говорят, ты жена великана со Свиной горы, и каждую девятую ночь он приходит к тебе, как к жене».
7. Отказ от примирения. Угроза мести.	7. Тогда Флоси отпихнул ногой деньги и сказал, что ему не надо ни пеннинга из них. Пусть будет одно из двух: либо за убийство Хёскульда так и не будет заплачено, либо он отомстит за него. И Флоси не захотел мириться и сказал сыновьям Сигфуса: «Идемте теперь домой. Пусть у всех у нас будет одна судьба».

На последний вопрос Флоси о том, кто положил сверху шелковое одеяние, Скарпхедин тоже отвечает вопросом. Он просит Флоси самого решить, кто мог это сделать. Оказывается, Флоси догадывается, кто мог положить одеяние. Он думает, что это мог сделать отец Скарпхедина Ньяль. Флоси, по-видимому, не хочет мириться и ищет ссоры, а Ньяль, не желая того, помогает ему найти предлог. Вместо того чтобы приписать подарок излишней щедрости Ньяля, Флоси видит в положенном Ньялем одеянии скрытый и весьма оскорбительный намек на женоподобие, и сам обрушивает подобное обвинение на Ньяля, основанное на упоминании об отсутствии у него бороды. Именно это обвинение ведет к тому, что мир, достигнутый с таким трудом после убийства Хёскульда, вновь нарушается.

Словесный поединок между Скарпхедином и Флоси, согласно канонам, начинается с традиционного вопроса об имени, но не участника перебранки, а его отца. Первое оскорбление содержит намек, высказанный отцу оппонента, причем семантика этой хулы тоже вполне традиционна для перебранки – это женоподобие. Скарпхедин отвечает на обвинение, высказанное его отцу: «Вам должно быть известно, что он мужчина, потому что он прижил со своей женой сыновей» – *Megið þér og það vita að hann er karlmaður því að hann hefir sonu átt við konu sinni*. Ответ на обвинение в женоподобии на редкость уместен, в нем упоминается наличие сыновей, прижитых обвиняемым со своею женой. Отразив обви-

нение Флоси, Скарпхедин и сам наносит удар. Его оскорбление типично и своей семантикой, и своею фиктивностью: «...как говорят, ты жена великана со Свиной горы, и каждую девятую ночь он приходит к тебе, как к жене» – ...þú ert brúður Svínfellsáss sem sagt er hverja hina níundu nótt og geri hann þig að konu. Скарпхедин одновременно обвиняет Флоси и в исполнении женских функций, и в контактах со сверхъестественными существами. Согласно скандинавским законам, за такое оскорбление надлежало карать смертью.

Скарпхедин уже показал свое умение наносить оскорбления и в предшествующем словесном поединке с хёвдингами на альтинге, когда те не захотели оказать поддержку сыновьям Ньяля, повинным в убийстве Хёскульда. Тогда он обвинял их в трусости, отсутствии мужества, неспособности отомстить. Однако в одном из высказанных им оскорблений тоже, возможно, содержался намек на половые извращения – в речи, обращенной Скарпхедином к Торкелю: «Выковырай-ка лучше у себя из зубов кусок кобыльей задницы, которую ты сожрал перед тем, как ехать на тинг» [Сага о Ньяле: 120 (перев. В.Я. Беркова)], упоминаются слова, характерные для перебранок, нередко ведущих к насилию. Обвинение Скарпхедина Флоси в том, что он «жена великана», еще оскорбительней. Неудивительно, что оно кладет конец и словесному поединку, и попыткам примирить ссорящихся. События, которые разворачиваются после этого оскорбления, ведут к гибели всей семьи Ньяля и многих других людей.

В отличие от саг об исландцах, большая часть которых была записана в XIII в., но повествует о жителях Исландии с конца IX в. (эпохи заселения страны) примерно до 1030 г., саги о современности описывают события, нередко наблюдаемые их авторами. Предполагается, что саги о современности получили письменную фиксацию непосредственно вслед за тем, как были сочинены, т. е. не существовали в устной традиции. К сагам о современности прежде всего относится «Сага о Стурлунгах», состоящая из нескольких саг и образующая своеобразную хронику, которая повествует о событиях в исландской истории в период с 1117 до 1267, т. е. до конца эпохи народоправия.

Хотя примеры словесных поединков в собственном смысле в «Саге о Стурлунгах» отсутствуют, о перебранках на пиру упоминается не раз. Например, в описании церковного праздника рассказывается, что люди выпили много вина и вели хмельные разговоры. Тогда начали перебрасываться словами Лофт, сын Пала, и Бьёрн, сын Торвальда, и их друзья, причем некоторые из стихов, которые люди Бьёрна сочинили о Лофте,

вышли наружу, и они расстались злейшими врагами. В этой же саге рассказывается, что на пиру были сложены стихи об отрывке некоего Торда из Ватнсфьорда. Торд относился к их сочинению весьма спокойно, пока не узнал, что в нем принимал участие человек, которого объявили вне закона при поддержке его тестя. Это показалось Торду настолько обидным, что он покинул пир, произнеся напоследок две висы оскорбительного содержания. В знаменитом описании свадебных торжеств в Рейкхольте в «Саге о Торгильсе и Хавлиди» тоже говорится о словесном поединке: «Они (мужи) теперь много выпили и совсем опьянели. Они стали разговорчивыми и <...> стали наносить друг другу оскорбления – хотя немногие из их насмешек отражены в этом рассказе»¹²¹ [Porgils saga ok Hafliða 1906–1911: X].

Обычай устраивать словесные поединки на пиру несомненно существовал и в эпоху сочинения «Саги о Стурлунгах».

Королевские саги

Словесные поединки содержатся только в трех королевских сагах – в «Саге о Сверрире» (гл. 131), в «Саге о сыновьях Магнуса Голоногого» (гл. 21) из «Круга Земного» Снорри Стурлусона и в «Гнилой коже». Как известно, отношение к «Кругу Земному», как и к большинству памятников древнегерманской культуры, менялось на протяжении прошлых столетий. В нем видели и заслуживающий доверие исторический источник [Andersen 1977], и памятник литературы, и результат фиксации длительной фольклорной традиции [Koht 1921; Weibull 1913].

Сходным образом рассматривали и «Сагу о Сверрире» (Sverris saga), сложенную о норвежском короле Сверрире Сигурдарсоне, правившем с 1184–1202 гг. Не вполне ясно, в какой мере эта сага, сохранившаяся в четырех рукописях, лучшая из которых (AM 327 4to) датируется 1300 г., опирается на устную традицию. В прологе к саге говорится, что ее первая часть написана Карлом Йонсоном, аббатом исландского монастыря в Тингейрар, который находился в Норвегии с 1185–1188 гг., а король сидел рядом с ним и говорил ему, что писать. Для остальной части саги источниками были рассказы людей, которые помнили описываемые события и принимали участие в битвах Сверрира. Считается, что сага была полностью завершена до 1210 г. Так как «Сага о Сверрире» сочинялась в то время, когда еще были живы люди, помнившие описываемые в ней события, предполагается, что она может использоваться и как исторический источник.

Словесный поединок происходит в «Саге о Сверрире» между епископом Николасом и спутниками Сверрира, берестениками – биркебейнарами, которые получили это прозвище, так как обертывали ноги берестой. Обстоятельства, в которых происходит поединок, описываются в саге вполне традиционно. Участники перебранки – берестеники под предводительством Сверрира – находятся на корабле, а их противники посошники (баглеры – приверженцы церковной партии, от bagall – «епископский посох») вместе с епископом Николасом взбираются на прибрежный пригорок. Берестеников и посошников разделяет водная преграда, через которую они переговариваются друг с другом: «Однажды, когда Сверрир конунг находился в Сеймсфьорде, он был на струге, и они шли на веслах недалеко от берега. Посошники взошли на какую-то горку и кричали оттуда» [Сага о Сверрире: 131 (перев. М.И. Стеблин-Каменского)]¹²² (табл. 16).

Словесный поединок между епископом и сторонниками конунга начинают второстепенные персонажи, один из которых иронически именуется конунга «кормильцем», второй отвечает ему, что конунгу никогда не приходилось кормить никого хуже. После этого в вербальное сражение вступает епископ, который упрекает Сверрира в трусости, называет его «безбожником», винит в грабеже, разбое и зовет на бой. Епископ завершает свой обвинительный монолог угрозой – он обещает не расставаться с оружием, пока король Сверрир не будет убит или изгнан из страны. Вместо конунга Сверрира, не желающего вступать в распрю, очевидно, потому что он не считает противника равным себе, епископу Николасу отвечают берестеники. Одни называют его предателем, другие предрекают ему, что он никогда не сможет убить Сверрира и ему придется носить щит и меч до Страшного суда, третьи обвиняют его в плохом владении оружием. В ответ на оскорбления берестеников епископ обещает доказать свое мужество в поединке и вновь вызывает конунга Сверрира на бой. Конунг уклоняется от битвы, так как считает, что его и епископа обвинят в недостатке мужества, если они вступят в единоборство.

Как и большинство скандинавских перебранок, словесный поединок в «Саге о Сверрире» имеет строго симметричную структуру. Центр перебранки, и композиционный, и логический, образует монолог епископа, в котором содержатся главные обвинения против Сверрира. Его с обеих сторон обрамляют две начальные реплики посошников, т. е. сторонников епископа, и соответствующие им две последующие реплики берестеников, т. е. сторонников короля Сверрира. За этими репликами следует завершающий обмен репликами между епископом и королем

Перебранка в «Саге о Сверрире»

Семантика	Николас (посошники)	Сверрир (берестеники)
1. Издевательский вопрос. 2. Ответ, обвинение.	1. Сигурд Ярлов Сын крикнул: «Что Сверрир, мой кормилец, на корабле?».	2. Льот сын Харальда откликнулся: «Здесь Сверрир конунг, и верно, что никогда он не был кормильцем худшего человека, чем ты, и ты это теперь доказываешь».
3. Вызов на бой. Подразумеваемое обвинение в трусости. Обвинение в разбое. Угроза. 4. Оскорбление, обвинение в трусости и предательстве, угроза.	3. Тогда Николас епископ сказал: «Почему ты не сходишь на берег, Сверрир? Не хочешь ли сразиться, безбожник? Но ты больше любишь грабить и разбойничать! Я покажу тебе мою рясу, – и он поднял свой шит, – а митра и посох, которые я буду носить против тебя по велению папы, – это шлем и меч. Это оружие я буду носить до тех пор, пока ты не будешь убит или изгнан из страны».	4. Берестеники перебивали его речь. Они говорили: «Мы бы не замедлили сойти на берег, если бы там были только такие, как ты, предатель! А это оружие ты будешь носить до Страшного суда!». А некоторые говорили: «Плохо ты будешь носить свое оружие, если будешь носить его, как раньше!». Конунг не велел своим людям переругиваться с ним.
5. Вызов на бой, оскорбление, угроза. 6. Отказ признать вызов.	5. А епископ сказал: «Берестеники всегда упрекают меня в недостатке мужества. Выходи один на берег, Сверрир, и я пойду против тебя, и тогда посмотрим, кто лучше может – мне апостол Петр и святой Халльвард или тебе гаутская ведьма, которой ты веришь!»	6. Тогда Сверрир конунг сказал, и его люди слышали его слова: «Если я буду сражаться с Николасом один на один, то скажут, что это собачья драка и что у нас обоих нет мужества». Конунг велел своим людям плыть прочь.

Сверриром. Дополнительной выделенности текста поединка в саге способствует начальное описание всей сцены: «Однажды, когда Сверрир конунг находился в Сеймсфьорде, он был на струге, и они шли на веслах недалеко от берега» и ее заключение: «Конунг велел своим людям плыть прочь» [Сага о Сверрире: 131 (перев. М.И. Стеблин-Каменского)].

Хотя за словесным поединком в «Саге о Сверрире» не следует описания сражения, нет сомнения в том, что перед нами один из примеров перебранки перед боем. Возможно, именно состоявшийся словесный поединок помогает в данном случае избежать насилия и предотвратить реальную битву.

Второй словесный поединок, встречающийся в королевских сагах, напротив, представляет собой вариант перебранки на пиру. В сагах нередко упоминается, что на пирах был обычай сравнивать себя с другими и спорить, чьи заслуги лучше. Такой обычай иногда называется в сагах «сравнением мужей» (*mannjafnaðr*). Противники в «сравнении мужей» состязаются в искусстве словесной хулы или похвальбы, каждый стремится превзойти другого в мастерстве. Участие в этом, как и в других развлечениях, могут принимать и короли. Поэтому о сравнении мужей не раз упоминается в королевских сагах, в частности, в «Круге Земном» Снорри Стурлусона. Даже если оппоненты происходят не из королевского рода, они все равно могут похваляться, пусть не своими делами, но делами своих конунгов. О таком состязании тоже говорится в «Круге Земном»: «Скоро начался йоль, и был устроен большой пир, на котором пиво было в изобилии... Стали состязаться, кто перепьет другого, а к вечеру завязался спор: стали сравнивать норвежцев и шведов, а потом их конунгов, тех, которые были раньше, и тех, которые теперь правят. Поминали и войны между этими двумя странами, сравнивая, кто больше убил и награбил» [Сага об Олаве Святом: 141 (перев. Ю.К. Кузьменко)]¹²³.

Конунги и сами могли устраивать состязания в искусстве словесной хулы и похвальбы. Об этом рассказывается в другой саге из «Круга Земного», «Саге о сыновьях Магнуса Голоногого» (*Magnússona saga*, гл. 21), где словесный поединок происходит между норвежским конунгом Сигурдом Крестоносцем и его братом Эйстейном. В этой саге, как и обычно, описываются обстоятельства проведения словесного состязания. Однажды зимой оба конунга поехали в гости в Упплэнд. Там у каждого была своя усадьба, но так как эти усадьбы находились почти по соседству, то решили пировать в них по очереди. Сначала пировали в усадьбе конунга Эйстейна. Раз, когда гости сидели за столом молча, конунг Эйстейн предложил им выдумать какое-нибудь развлечение: «За пивом часто бы-

вало в обычае, что люди выбирали себе кого-нибудь для сравнения с ним. Пусть и тут будет так. <...> Я вижу, что начинать потеху придется мне. Я выбираю, брат, тебя для сравнения со мной. Я делаю это потому, что у нас с тобой одинаковое звание и одинаковые владения, и как по происхождению, так и по воспитанию между нами нет различия» [Сага о сыновьях Магнуса Голоногого: 21 (перев. М.И. Стеблин-Каменского)] – *Færi ek þat til, at jafnt nafn höfum vit báðir ok jafna eign. Geri ek engi mun ættar okkarrar eða uppfæzlu* [Heimskringla 1981: 186]¹²⁴ (табл. 17).

Таблица 17

Перебранка в «Саге о сыновьях Магнуса Голоногого»

Семантика	Сигурд – Эйстейн
1. Оскорбление в форме издевательского вопроса, похвальба.	1. Сигурд: «А помнишь ли ты, что я мог переломить тебе хребет, если бы захотел, хотя ты был на год старше меня?».
2. Оскорбление, ссылка на предварительный инцидент.	2. Эйстейн: «Я помню хорошо, что ты не мог играть ни в какую игру, которая требовала ловкости».
3. Оскорбление в форме издевательского вопроса, похвальба.	3. Сигурд: «А помнишь, как мы с тобой плавали? Я мог топтать тебя, если бы хотел».
4. Похвальба, оскорбление, ссылка на предварительный инцидент.	4. Эйстейн: «Я мог проплыть не меньше тебя и не хуже тебя нырял. А по льду я катался так, что не знал никого, кто бы мог меня обогнать. А ты был на льду, как корова».
5. Максима, оскорбление, выражение сомнения в силах противника.	5. Сигурд: «Стрелять из лука – более благородное и более полезное искусство. А ты, наверное, не натянешь моего лука, даже если ляжешь и упруешься в него ногами».
6. Признание превосходства оппонента, похвальба, максима.	6. Эйстейн: «Я не могу натянуть лук с такой силой, как ты, но меньше различаемся мы в меткости, и я гораздо проворнее тебя на лыжах, а это раньше считалось тоже хорошим искусством».
7. Максима, подразумевающая похвальбу.	7. Сигурд: «Для правителя страны, для того, кто должен повелевать другими, важно, чтобы он выделялся, был сильнее, владел оружием лучше, чем другие, и чтобы его легко можно было увидеть и узнать, когда собралось много людей».
8. Максима, похвальба.	8. Эйстейн: «Красота тоже преимущество в муже. Его тогда легко узнать в толпе. Красота лучшее украшение правителя. Я и законы знаю гораздо лучше, чем ты, и если нам придется держать речь, то я гораздо красноречивее».

Семантика	Сигурд – Эйстейн
9. Признание превосходства оппонента, самооправдание, обвинение во лжи, ссылка на предварительный инцидент, максима, подразумевающая упрек.	9. Сигурд: «Возможно, что ты искуснее меня в крючоктворстве. Ведь я был занят другими делами. И я не отрицаю, что ты речист. Но многие говорят, что ты не очень-то держишь свое слово и что твоим обещаниям нельзя верить. Ты всегда поддакиваешь тем, кто рядом с тобой, а правителям это не подобает».
10. Самооправдание, ссылка на предварительный инцидент, обвинение, издевка.	10. Эйстейн: «Я просто хочу, чтобы всякое дело, с которым ко мне приходят люди, было решено к общему удовольствию. Когда ко мне приходит человек, у которого тяжба с другим человеком, я стараюсь посредничать между ними так, чтобы оба были довольны. Часто бывает, что я обещаю то, о чем меня просят, так как хочу, чтобы все уходило от меня радостными. Я бы мог делать, как ты, если бы захотел: всем обещать только плохое. Понятно, что тебя никто не упрекает в том, что ты не выполняешь обещанного».
11. Похвальба, обвинение в женоподобии (ссылка на предварительный инцидент).	11. Сигурд: «Все говорят, что мой поход в заморские страны делает мне честь как правителю. А ты во время этого похода сидел дома, как дочь своего отца».
12. Похвальба, обвинение в женоподобии (ссылка на предварительный инцидент).	12. Эйстейн: «Ну вот, ты теперь тронул самое больное место. Я бы не начинал этой перебранки, если бы не умел тебе ответить. Больше похоже на то, что я снарядил тебя в поход, как свою сестру».
13. Похвальба, ссылка на предварительный инцидент, обвинение в сидении дома.	13. Сигурд: «Ты, наверное, слышал, как много битв было у меня в Серкланде, тебе, наверно, о них рассказывали. Во всех них я одержал победу и захватил много сокровищ, таких, которые никогда раньше не попадали сюда в эту страну. Мне оказывали самые высокие почести, когда я встречался с самыми знаменитыми правителями, а ты, я слышал, все домоседничал».
14. Похвальба, ссылка на предварительный инцидент, преуменьшение заслуг оппонента.	14. Эйстейн: «Слышал я, что у тебя были какие-то битвы в заморских странах, но стране нашей было полезнее то, что сделал я в это время. Я построил пять церквей, а также пристань у Агданеса, где раньше нельзя было пристать к берегу, хотя всем, кто плыл на север или на юг вдоль побережья, приходилось там останавливаться. Я построил башню у Синхольмссунда и палаты в Бьёргюне, пока ты черту на забаву ухлопывал черных людей в Серкланде. Нашей державе было мало пользы от этого».

Семантика	Сигурд – Эйстейн
15. Похвальба, ссылка на предварительный инцидент, угроза.	15. Сигурд: «Я дошел в моем походе до Иордана и переплыл эту реку. А на том берегу есть куст, и я завязал на нем узел и наложил на него такое заклятье: если ты не развяжешь этот узел, то тебя постигнет беда».
16. Отказ совершить действие, похвальба, угроза.	16. Эйстейн: «Не стану я развязывать узла, который ты мне завязал. Но я мог завязать тебе узел, который бы тебе было гораздо труднее развязать, когда ты, возвращаясь из похода, приплыл на одном корабле прямо в мое войско».

«После этого они оба замолчали, и оба были в большом гневе. Между братьями бывали и другие несогласия, и видно было, что каждый из них хотел выдвинуться вперед и превзойти другого. Но мир между ними сохранялся до самой смерти» [Сага о сыновьях Магнуса Голоногого: 21 (перев. М.И. Стеблин-Каменского)].

Создается впечатление, что сравнение мужей может происходить при соблюдении двух условий: самоидентификации оппонентов и их равенства (социального и вербального), иначе говоря, противники должны быть равны друг другу во всем, включая искусство красноречия¹²⁵, и должны знать истинные или присвоенные имена друг друга.

Нетрудно заметить, что каждый из участников этого словесного поединка по-своему понимает свою роль правителя страны и соответственно этому пониманию обвиняет другого и бахвалится сам¹²⁶. Сигурд кичится своею ловкостью, владением оружием, физической силой, проявленной им еще в юности, а в зрелом возрасте – предпринятыми им военными походами и битвами. Эйстейн, напротив, гордится своим красноречием, умением улаживать тяжбы, мудростью, проявленной в управлении страной, построенными церквями, палатами, башнями.

Характерные для большинства перебранок перед битвой ссылки на непристойное поведение в распре Сигурда и Эйстейна отсутствуют, хотя намек на обвинение в женоподобии высказывается и здесь, пусть и имплицитно. Говоря о своем походе в заморские страны, Сигурд конунг сравнивает своего брата с женщиной: «А ты во время этого похода сидел дома, как дочь своего отца». Именно это обвинение вызывает наибольший гнев оппонента. Эйстейн конунг отвечает: «Ну вот, ты теперь тронул самое больное место» и парирует точно таким же обвинением: «Больше похоже на то, что я снарядил тебя в поход, как свою сестру» [Сага о сыновьях Магнуса Голоногого: 21 (перев. М.И. Стеблин-Каменского)].

Женоподобие, стремление к домашней жизни, исполнение традиционно женских занятий, таких как ткачество, варение сыров (ср. «Сага о Ньяле», гл. 120) и т. д. – именно эти оскорбления кажутся участникам перебранок наиболее непереносимыми и наносящими урон их чести.

Хотя цель каждого участника состоит в деградации оппонента и самовозвеличивании, в «сравнении мужей», пример которого дает диалог Сигурда и Эйстейна, похвальба доминирует над хулой, деградация оппонента тем самым выносятся в пресуппозицию. Структурно это отражено в контрасте личных местоимений «я» – «ты», неизменно присутствующих во всех перебранках на пиру: «что делал ты, когда я...». В пределах каждого «раунда» реплики участников поединка почти всегда имеют идентичную структуру: если начальная речь одного из героев включает ссылку на предварительный инцидент, то она применяется и в ответе оппонента (1–2, 9–10, 13–14, 15–16). Если в речи одного участника, помимо ссылки на предварительный инцидент, присутствуют похвальба и обвинение в женоподобии, то и речь его противника строится на использовании тех же речевых актов, причем воспроизводится и семантика обвинения («дочь своего отца», 11 – «сестра», 12). Различия в речевых актах незначительны и состоят в варьировании лишь одного из компонентов ответа. Так, ссылка на предварительный инцидент и похвальба в речи одного из персонажей могут дополняться оскорблением в ответе оппонента, причем мотив похвальбы остается неизменным (3–4). Если максима и упрек провоцируют противника на оправдание и похвальбу, то ссылка на максиму сохраняется и в ответе (5–6, 7–8).

Сцена перебранки сыновей Магнуса Голоногого – Эйстейна и Сигурда – включена и в самое раннее собрание королевских саг, называемое «Гнилая кожа» [Morkinskinna 1867: 186–187], которое послужило для Снорри одним из источников для описания важнейшей эпохи в истории Норвегии (1030–1130 гг.)¹²⁷. Словесному поединку, выделенному здесь в отдельную главу под названием «королевское сравнение мужей» (manlífaþátr konunga), предшествует, как и в «Круге Земном», подробное введение: «Случилось так, что когда братья, конунг Эйстейн и конунг Сигурд, были на одном пиру, конунг Сигурд все молчал, и люди слышали от него немного слов. А хозяин был другом конунга Эйстейна и сказал ему, чтобы конунг Эйстейн обратился к конунгу Сигурду, “потому что, государь, нам не хватает подходящих для него слов. Он и прославился очень, да и считает, что все другое немного стоит. Так же думают и его люди, хотя бы они в походе были всего лишь слугами. С ними сейчас не могут равняться ни богатые землевладельцы, ни ваши друзья, госу-

дарь. Они расхаживают в дорогих нарядах и считают себя лучше многих доблестных мужей”. Это показалось конунгу Эйстейну правдой, и он сказал конунгу Сигурду: “Брат, почему ты так нерадостен? Уж не болен ли ты? Если ты полон сил, то нам подобает повеселить людей”. Сигурд конунг ответил: “Радуйся, если хочешь, а мне предоставь решать самому”. Эйстейн конунг сказал: “Тебе самому решать, государь, но может ли быть такое, что ты, сдаётся мне, считаешь, что я чем-то тебя оскорбил? (Per monöð raða herra. En hvi setir þat, mer finnz þat sem þer þicci svivirþing at mer?) Неужто мы не сыновья конунга Магнуса, равные по рождению? Так мне кажется, и я слышу это, и вижу это по твоему лицу. Что тебе кажется наибольшим различием между нами? Скажи мне”. Сигурд конунг ответил: “Не вижу я нужды в том, чтобы мы предавались сравнению мужей”. Эйстейн конунг сказал: “Если мы сами не сможем решить, то здесь есть мудрые мужи, чтобы рассудить то, что мы скажем”».

Обстоятельства словесного поединка в «Гнилой коже» описываются иначе, чем в «Круге Земном». В «Гнилой коже» перебранка происходит на пиру у друга конунга Эйстейна, в «Круге Земном» хозяин – сам конунг Эйстейн, который предлагает затеять сравнение мужей с целью развлечь аудиторию. Хотя в «Гнилой коже» Эйстейн тоже говорит о том, что следует «повеселить людей», за его словами, скорее всего, кроется желание выяснить причину вызывающего поведения брата. Конунг Сигурд ведет себя на пиру не так, как подобает, – своим поведением и своим молчанием он показывает, что считает себя выше всех присутствующих, включая и его брата – конунга Эйстейна. Высокомерие Сигурда и его слуг становится предметом обсуждения хозяина на пиру и Эйстейна, который вначале задает вполне миролюбивые вопросы, но получив на них предельно лаконичный ответ, граничащий с грубостью, спрашивает о том, не обидел ли он чем-либо своего брата. Таким образом, в «Гнилой коже», в отличие от «Круга Земного», конфронтация оппонентов намечена еще до начала словесного поединка.

В «Круге Земном» равенство, существующее между двумя конунгами, рассматривается как необходимое исходное условие, при котором их словесный поединок может состояться – Эйстейн говорит Сигурду: «у нас с тобой одинаковое звание и одинаковые владения, и как по происхождению, так и по воспитанию между нами нет различия» (перев. М.И. Стеблин-Каменского). Речь здесь, очевидно, идет о том равенстве оппонентов, которое нельзя оспорить, так как это равенство родовое (оба брата рождены от одного отца, Магнуса Голоногого, и получили одинаковое воспитание), социальное (Эйстейн и Сигурд – норвежские конун-

ги), имущественное (владения обоих конунгов одинаковы). В отличие от «Круга Земного», в «Гнилой коже» Эйстейн считает необходимым начать сравнение мужей не с утверждения, но с почти риторического вопроса о равенстве братьев и отнюдь не риторического вопроса о различии между ними: «Неужто мы не сыновья конунга Магнуса, равные по рождению? <...> Что тебе кажется наибольшим различием между нами?». Вопросы Эйстейна, очевидно, подразумевают, что, при существовании неоспоримого равенства между братьями – родового и социального, которое рассматривалось в «Круге Земном» как исходное условие всего эпизода, не возбраняется возможность иного взгляда на их отношения, при котором оценивается не равенство братьев, изначально подразумеваемое как данность, но различия между ними – личные достижения двух конунгов. Каждый из братьев по-разному осмысляет свои достижения и заслуги оппонента, что и дает основания для словесного поединка. Таким образом, в пресуппозицию выносятся наличие социального и родового равенства оппонентов – это та данность, при которой может состояться сравнение мужей, однако предметом перебранки становится оспаривание персональных достижений каждого из противников.

В «Круге Земном» конунг Сигурд охотно принимает вызов Эйстейна и немедленно подает первую реплику, в «Гнилой коже», напротив, Сигурд, поняв, что ему предлагают начать сравнение мужей, отвечает отказом. Он настолько уверен в своем превосходстве, что считает любые попытки его оспорить смехотворными. Тогда конунг Эйстейн апеллирует к аудитории – тем мудрым мужам, которые их рассудят, и тем вынуждает брата принять участие в словесном поединке, спровоцированном его собственным высокомерием. Очевидно, упоминания о публичности происходящего оказывается достаточно для того, чтобы конунг Сигурд не смог отказаться принять вызов.

Как и в «Круге Земном», в «Гнилой коже» словесный поединок открывается вполне ритуально. В обоих памятниках начальную реплику произносит конунг Сигурд, впервые формально обращаясь к своему брату по имени: «Я считаю, конунг Эйстейн, что я человек более сильный и лучший пловец». В «Круге Земном» Сигурд тоже кичится тем, что умеет хорошо плавать, Эйстейн же отвечает ему тем, что бахвалится своим искусством кататься на коньках. Заметим, что первый раунд в «Круге Земном» включает сравнение по сходным «параметрам», физическим: Сигурд говорит, что мог бы переломить хребет Эйстейну, – Эйстейн, парируя, напоминает о том, что его оппонент менее ловок в играх; тогда Сигурд хвалится, что был лучшим пловцом и мог бы потопить брата, – Эйстейн же отвечает,

что и плавал и нырял не хуже Сигурда, а на коньках катался лучше него; Сигурд продолжает сравнение, упоминая о стрельбе из лука, Эйстейн же настаивает на своей меткости в стрельбе из лука и на своем превосходстве в ходьбе на лыжах.

В «Гнилой коже» не упоминается ни о коньках, ни о лыжах, ни о стрельбе из лука. Конунг Эйстейн с самого начала противопоставляет физической ловкости брата свои интеллектуальные способности – он хвалится своим искусством играть в настольную игру, напоминающую шахматы (hneftafl)¹²⁸: «Это так, – отвечает Эйстейн конунг, – но я человек более искусный и лучше играю в настольную игру, а это стоит не меньше, чем твоя сила».

Интеллектуальным способностям Эйстейна (умению играть в настольные игры) Сигурд конунг вновь противопоставляет свою физическую мощь: «Я считаю, и люди говорят, что я умею не хуже тебя обращаться с оружием и скакать на турнире»¹²⁹. Эйстейн конунг, как и обычно, вновь подтверждает правоту брата и не оспаривает его превосходства в физической силе. Он предлагает новое основание для сравнения. Как и в «Круге Земном» он хвалится своим умением рассудить людей: «Это так, брат. Но я вижу, как люди иногда приходят сюда, чтобы уладить тяжбу. И кажется мне, брат, что толпа вокруг меня немного плотнее, чем вокруг тебя, ведь от тебя люди не могут получить то решение, в котором нуждаются».

Сигурд конунг больше не настаивает на своей физической силе, он принимает новое основание для сравнения и признает мудрость брата, однако, как и в «Круге Земном», упрекает его в том, что он не всегда держит слово: «Известно, что ты мудрый человек, Эйстейн конунг, и многие ищут встречи с тобой. Но слышал я, как некоторые говорили, что ты иногда обещаешь то, чего не можешь исполнить, и не очень-то ты ценишь свое слово». Ответ Эйстейна тоже напоминает его ответ в «Круге Земном»: «Верно, брат, что многие ищут встречи со мной, и я не могу сделать для них так много, как хотел бы. Я сужу людей по тому, что известно. И если потом узнаю что-то лучшее, тогда я позволяю каждому получить правильное решение, каким бы ни было прежнее суждение. Но я слышал, как люди говорили, что ты всегда выполняешь свои обещания, хотя обычно ты обещаешь только плохое».

В ответ конунг Сигурд, как и в «Круге Земном», меняет тему – он рассказывает о своих походах и странствиях: «Я ездил на Иордан и прошел по Апулии, но тебя я там не видел. Я победил в восьми битвах, а ты не был ни в одной. Я ездил ко гробу Господню, но тебя я там не видел.

Я вошел в реку по примеру Господа нашего и переплыл ее, но тебя я там не видел. И я завязал для тебя узел, и он все еще ждет тебя там¹³⁰. Тогда взял я город Сидон вместе с конунгом Иерусалима, но у нас не было от тебя ни поддержки, ни совета».

Эта реплика конунга Сигурда оказывается последней в диалоге с Эйстейном. Последняя часть сравнения мужей состоит в развернутом ответе Эйстейна, занимающем более трети всей сцены: «Теперь ты задел нарыв, о котором я уже давно думал, что он может прорваться. И здесь я могу сказать немного, чтобы сравниться с тобой. На севере в Вагаре (*Вогане*) я устроил приют для рыбаков, так что бедные люди получают пропитание и помощь. Я велел построить церковь и устроил там жилье для священника, и выделил средства на строительство церквей, где раньше было язычество. Эти люди запомнят, что был в Норвегии конунг Эйстейн. В Трандарнесе я велел построить церковь и выделил на нее средства. И эти люди запомнят, что был в Норвегии конунг Эйстейн. Через горы Доврафьялль (*Доврефьелль*) был проход из Трандхейма, люди часто оказывались там под открытым небом, и трудным был их переход. Я велел построить там приюты и положил на них средства. И эти люди запомнят, что был в Норвегии конунг Эйстейн. У мыса Агданес было открытое море, и не было гавани, и много кораблей там тонуло. Теперь там хорошая гавань и хорошая пристань для кораблей, и церковь построена. А потом я велел соорудить маяки на горах. Те люди, что нуждаются в них, запомнят, что был в Норвегии конунг Эйстейн. Теперь ими пользуются рыбаки и торговцы, которые несут благоденствие в эту страну, и во всем королевстве не будет в них недостатка. В Бьёргуне (*Бергене*) я велел выстроить палаты и церковь Апостолов, и мост между ними. Конунги, которые придут после меня, запомнят это творение. Повелел я выстроить церковь Святого Михаила и основал монастырь. Я установил законы, брат, так что каждый может обходиться с другими по справедливости. И если законы будут соблюдаться, страна будет управляться лучше. Я также присоединил к королевству Ямталанд (*Ёмтланд*), действуя более уговорами и мудростью, чем силой. И сейчас я могу сказать немного, но я знаю точно, что в этом больше пользы и выгоды для людей в стране, чем в том, когда ты отправлял черных людей к бесу и посылал их в ад. А что до твоей похвальбы добрыми делами, когда ты посетил гроб Господень, то я думаю, что совершил не меньше твоего, когда основал монастырь для людей чистой жизни, а вместе с ним и церковь. А что же до завязанного тобою узла, то мне кажется, что я мог бы завязать тебе такой узел, что ты никогда не стал бы снова конунгом Норвегии.

Когда ты уехал из страны, ты был нищим, и мы с конунгом Олавом наделили тебя приданым, как свою сестру. Ты не сможешь управлять страной так, чтобы я развязал твой узел. Теперь пусть мудрые люди решат, в чем ты меня превосходишь. Ты со своими расфуфыренными приспешниками поймешь, что есть еще в Норвегии мужи, которые могут с тобою сравняться».

Ответ конунга Эйстейна в «Гнилой коже» несравненно детальнее, чем его реплики в «Круге Земном». Пространная речь Эйстейна в «Гнилой коже» соответствует трем его репликам из «Круга Земного». В обоих памятниках ответ Эйстейна Сигурду начинается со слов с почти тождественной семантикой (в «Круге Земном»: «теперь ты тронул самое больное место», перев. М.И. Стеблин-Каменского; в «Гнилой коже»: «теперь ты задел нарыв, о котором я уже давно думал, что он может прорваться»). Однако если в «Круге Земном» эта фраза спровоцирована обвинением в женоподобии (Сигурд обвиняет Эйстейна в том, что тот во время его походов «сидел дома, как дочь своего отца», перев. М.И. Стеблин-Каменского), неизменно казавшимся участникам перебранки непереносимо оскорбительным, то в «Гнилой коже» эта реплика Эйстейна кажется мало мотивированной (Сигурд обвинял Эйстейна в том, что тот не поддержал его, когда он брал город Сидон вместе с конунгом Иерусалима). В «Гнилой коже» обвинение в женоподобии первым высказывает не Сигурд, как в «Круге Земном», а Эйстейн, который утверждает, что наделил брата приданым, как свою сестру (в «Круге Земном» Эйстейн тоже произносит эту реплику, но лишь в ответ на обвинение Сигурда в женоподобии).

И в «Круге Земном», и в «Гнилой коже» перечисляются добрые дела, сотворенные Эйстейном на пользу страны. Некоторые из этих дел даже совпадают – так, в обоих памятниках говорится о строительстве пристани у Агданеса, палат в Бьёргюне, церковей. В «Круге Земном» этот список несравненно лаконичнее и менее детализирован – здесь говорится о строительстве пяти церковей, в «Гнилой коже» каждая церковь поименована отдельно (церковь в Вагаре, в Трандарнесе, церковь Святого Михаила, церковь Апостолов). В «Гнилой коже» список Эйстейна включает дела, не упомянутые в «Круге Земном»: приют для рыбаков в Вагаре, и приюты на горном переходе через Доврафьялль из Трандхейма, сигнальные маяки в горах, мост в Бьёргюне, присоединение Ямталанда.

Заключительная речь Эйстейна в «Гнилой коже» включает не только детальное перечисление его добрых дел как мудрого и заботливого пра-

вителя страны (основание монастырей, строительство церквей, приютов для бедных, пристаней, гаваней, палат, присоединение новых земель, учреждение законов), но и обвинения, адресованные брату. Эйстейн обвиняет Сигурда в том, что тот был нищим, потратил свою жизнь на нестоящие дела, а потому не достоин того, чтобы быть конунгом Норвегии. Обвинения, высказанные Эйстейном против Сигурда, почти идентичны в «Круге Земном» и в «Гнилой коже», однако в первом они распределены между двумя репликами Эйстейна, прерываемыми ответом Сигурда. В «Гнилой коже» этот ответ Сигурда, соответствующий его двум последним репликам в «Круге Земном», предшествует заключительной речи Эйстейна.

Чрезмерная детализированность и пространность заключительной речи Эйстейна нарушает симметричность в построении перебранки. Создается впечатление, что речь конунга Эйстейна в «Гнилой коже» более спонтанна, чем в «Круге Земном»: Эйстейн здесь как будто не может остановиться, пока полностью не выговорится сам и не вразумит брата, чтобы тот не задавался после всех своих походов и странствий. Нельзя не заметить, что в «Круге Земном» словесный поединок организован несравненно лучше: реплики оппонентов в нем симметричны и мотивированы, логические основания для сравнения ни разу не нарушены – каждый из противников сравнивает себя с другим, восхваляя / хуля или физическую силу, или интеллектуальные таланты, или внешние данные. Напротив, в «Гнилой коже» сравнения изначально оказываются логически непоследовательными: Сигурд неизменно толкует брату о своей силе и походах, а Эйстейн говорит исключительно о своих интеллектуальных достижениях и успехах в управлении страной и ее обустройстве. Структура перебранки в «Круге Земном» яснее и строже, чем в «Гнилой коже». Здесь есть и заключение, которое в «Гнилой коже» отсутствует, и введение, существенно растянутое в «Гнилой коже». Не исключено, что «Гнилая кожа» сохраняет не независимую, но более раннюю редакцию эпизода сравнения мужей. Снорри, возможно, структурировал или некий исходный вариант перебранки, близкий к тому, который отражен в «Гнилой коже», или какой-то несохранившийся вариант, послуживший общим источником для обоих памятников. Стремясь убедительно, достоверно и «с искусством» (*með snilld*) рассказать эпизод сравнения мужей, возможно, восходящий к сцене из «Гнилой кожи» или к тем письменным или устным источникам, на которых она основана, Снорри строго следовал канонам германской перебранки и сохранял ее функции.

Функция словесного поединка как пиршественного увеселительного обычая формулируется во введении и в «Круге Земном», и в «Гнилой коже». Сами участники говорят о том, что им «подобает повеселить людей» (ср. сравнение мужей в «Гнилой коже»), и называют свою перебранку «потехой»: «Что-то молчат люди. А ведь за пивом принято веселиться. Надо нам затеять какую-нибудь забаву. Тогда люди развеселятся. Самое лучшее будет, брат Сигурд, если мы с тобой затеем какую-нибудь потеху» [Сага о сыновьях Магнуса Голоногого: 21 (перев. М.И. Стеблин-Каменского)]. Неудивительно, что сравнения мужей нередко оканчивались мирно, хотя иногда забава на пиру приводила к осложнению отношений между участниками. Так, в «Саге о Харальде Серая Шкура» словесный поединок между королями, Харальдом и Гудрёдом, сыновьями Эйрика Кровавая Секира и Гуннхильд, мог бы перейти в настоящее сражение, если бы не вступились благоразумные люди и не остановили бы их. Эти короли снарядились в морской поход и пили прощальную чашу. Пир удался на славу, люди много говорили, пили много пива, а напоследок речь зашла о самих королях. «Началось сравнение мужей друг с другом, и стали говорить и о конунгах. Один человек воскликнул, что Харальд конунг во всем превосходит своего брата. Тогда Гудрёд очень рассердился и сказал, что он ни в чем не уступит Харальду и готов помериться с ним силами. Тут они оба разъярились и стали вызывать друг друга на бой, и схватились за оружие. Но люди умные и менее пьяные остановили их и стали между ними. Оба отправились на свои корабли, но теперь не было надежды на то, что они пойдут в поход вместе» [Сага о Харальде Серая Шкура: 9 (перев. М.И. Стеблин-Каменского)]. В том, что никому не хотелось уступить другому и показаться ниже его, сознавались сами участники словесных поединков. В «Саге об Олаве Святом» сказано: «Но я признаю, что сейчас, как это всегда было, – говорил Эрлинг сын Скьяльга Олаву конунгу, – каждый из нас, родичей, хочет быть больше другого» [Сага об Олаве Святом: 116 (перев. Ю.Н. Кузьменко)].

Итак, цель «сравнения мужей» состоит в провозглашении и аргументации каждым из оппонентов собственного превосходства и в посягательстве на престиж собеседника, что тактически осуществляется оспариванием равенства. Равенство оппонентов (физическое, нравственное, включающее и вербальную деятельность, генетическое, социальное и проч.) входит в необходимое исходное условие этой разновидности словесного поединка.

Саги о епископах

В отличие от всех жанровых разновидностей саг, в так называемых сагах о епископах вербальные поединки в собственном смысле слова отсутствуют. Некоторые из этих саг, рассказывающих об исландских епископах середины XI в. – конца XIV в., были, возможно, сочинены современниками тех епископов, о которых повествуют. Вполне вероятно, что какое-то время они существовали в устной традиции и были записаны в XIII–XIV вв. Во многих епископских сагах говорится о столкновениях и распрях епископов, например Торлака, с хёвдингами, в особенности с Йоуном Лофтссоном, однако их хулительные речи не приводятся. Очевидно это объясняется тем, что саги о епископах, как известно, записывались в эпоху, когда христианство победило язычество. Наиболее полной эта победа была в сфере ритуальной, с которой генетически связаны и словесные поединки. Это объясняет особенную нетерпимость создателей саг – миссионеров и духовных лиц – ко всем культовым проявлениям язычества и создает условия, в которых вербальная хула не может сохраниться.

Едва ли нуждается в объяснениях причина, по которой до нас не дошли словесные поединки и в «Саге о крещении». Эта сага, уцелевшая в единственной рукописи – «Книге Хаука» (ок. 1300 г.) – и обычно приписываемая Стурле Тордарсону (ум. 1284 г.), тоже рассказывает о событиях, связанных с христианизацией Исландии (980–1120).

О традиции словесных поединков заставляют вспомнить здесь только хулительные стихи против саксонского епископа Фридрека и исландца Торвальда Кодранссона, сохранившиеся и в «Саге о крещении» (Kristnisaga, вторая половина XIII в.), и в «Пряди о Торвальде Бывалом» (Þorvalds þáttur víðförla, XIV в.). Ситуация сочинения этих стихов описывается в саге и пряди сходным образом. Исландец Торвальд Кодранссон был обращен в христианство саксонским епископом Фридрекком, после чего оба они стали проповедовать христианство и с этой целью появились на тинге. Язычники, желая унижить миссионеров, поручили скальдам «составить против них нид (yrkja níð um þá)» [Þorvalds þáttur víðförla 1987: 2329]. Сохранился лишь следующий его фрагмент: Hefr börn borit / byskup níu, / þeira's allra Þórvaldr faðir [Kristnisaga: 11] – «Родил детей / епископ девятерых, / всем им Торвальд отец». Далее в пряди говорится: Fyrir níð þat vá Þorvaldr II menn – «за нид Торвальд убил двух человек» [Þáttr Þorvalds ens víðförla 1905: 74]. Удивленный мгновенной и кровавой мстью, епископ спрашивает Торвальда, за что он убил этих людей. Торвальд отвечает ему: «Я не стерпел, что они назвали нас ragir» – ek þolða eigi, er þeir kölluðu okkr

raga [Þáttur Þorvalds ens víðförla 1905: 74]; в «Саге о крещении» – «так как они сказали, что мы имели детей вместе» – því at þeir sögðu okkr eiga börn saman [Kristnisaga: 12]. Тогда епископ по-другому объясняет эту вису Торвальду и, используя многозначность глагола vera в исландском языке («рождать» и «приносить»), представляет ее содержание вполне невинным: Торвальд – крестный отец тех детей, которых епископ принес для крещения.

После сочинения стихов Фридрек и Торвальд были побиты камнями и изгнаны с тинга на Хегранесе толпой язычников, призывающих гнев богов на головы миссионеров. Фридрек, согласно «Пряди о Торвальде», воспринимает неудачу на тинге как исполнение давнего сна своей матери, которой приснилось, что на голове у ее сына росла волчья шерсть, «а теперь он и Торвальд объявлены заслуживающими изгнания и изгнаны (rækir ok reknir), подобно страшным волкам» [Þorvalds þáttur víðförla 1987: 2329]. Упоминание «волка» здесь скорее всего не случайно: человек, объявленный вне закона, считался оборотнем, волком (vargr) – изолированным от общества людей [Almqvist 1974: 110].

Принадлежность к хтоническим существам, по-видимому, ассоциировалась в скандинавской мифологии со способностью менять пол и обличье. Напомним, что в перебранке из «Первой Песни о Хельги Убийце Хундинга» Синфьётли утверждает, что Гудмунд приходится матерью девятерым волкам: «Девять волков на мысе Саго / мы с тобой вывели, – / был я отцом им!» – Níó átto vit / á nési Ságo / úlfa alna, / ek var einn faðir! (НН I. 39). Говоря, что потомки Гудмунда – волки, Синфьётли обвиняет его не только в женоподобии, но и в оборотничестве, в принадлежности к хтоническому миру (ср. в мифологии образ великанши, живущей на востоке от Мидгарда и порождающей волков, которые в «Прорицании вёльвы» названы Fenris kindir – «дети Фенрира»).

Приведенный отрывок из эддической перебранки интересен главным образом своей формальной и семантической близостью тем хулительным стихам, которые были сочинены против Фридрека и Торвальда. Почти полная идентичность содержания обоих текстов – обвинение в деторождении (причем совпадает даже количество упоминаемых отпрысков – сакральное число девять), подразумевающее способность к перемене пола и, следовательно, к оборотничеству, нарушается единственным различием в описываемых ситуациях. В то время как Синфьётли в эддической песни не только признает, но и похваляется своим отцовством, Торвальд в «Саге о крещении» в ответ на подозрение его в отцовстве убивает двух человек. Это различие, обусловленное тем, что эддический пример при-

надлежит к сцене перебранки, в которой похвальба не менее важна, чем хула, вероятно, объясняется несоответствием героико-мифологической этики эддических песней героико-реалистической этике саг.

Формальная организация хулительной полустрофы против Фридрека и Торвальда имеет ярко выраженное сходство не просто с эддическим стихом, но конкретно с процитированным отрывком из перебранки в «Первой Песни о Хельги Убийце Хундинга». В обоих случаях полустрофы заканчиваются словом «faðir», совпадает и размер (форнюрдислаг, в котором две краткие строки, содержащие два главноударных слога и варьирующееся число безударных слогов, объединяются аллитерацией в долгую строку), и схема аллитерационных повторов (1–2–3 и 1–3), используются типологически родственные рифмоиды: обогащающие аллитерацию внутрестиховые корневые созвучия, которые опираются на этимологическое родство объединяемых слов (bögn : borit), и немотивированные (úlfa : alna; þeira : Þórvaldr), а также суффиксально-флективные созвучия (þeira : allra).

Возможное объяснение этого поразительного сходства связано с некоторыми обстоятельствами сочинения «Пряди о Торвальде» и «Саги о крещении». Предполагается, что источником обеих послужило латинское описание жизни и гибели Олава Трюггвасона, составленное около 1200 г. Гуннлаугом Лейвссоном – монахом из бенедиктинской общины в Тингейрар (ум. 1218 г.) – и позднее утерянное. Наличие латинского оригинала, создающее дополнительные трудности в передаче стихотворных текстов, было отмечено П.М. Сёренсеном, впервые высказавшим сомнение в подлинности стихотворного текста [Sörensen 1983: 55]. Сёренсен предположил, что содержание стихотворного фрагмента было передано Гуннлаугом на латыни, а в саге, записанной спустя столетие, этот латинский текст был вновь переведен на исландский. Эта гипотеза, не нашедшая поддержку у других исследователей, подтверждается уже перечисленными формальными и смысловыми особенностями хулительной полустрофы против Фридрека и Торвальда. Если ее текст был вновь реконструирован или переведен на исландский, то за образец мог быть взят отрывок из эддической перебранки сходного содержания. Стереотипность обвинения – своеобразная формула хулы, включенная в строфу из перебранки в «Первой Песни о Хельги Убийце Хундинга», объясняет, почему именно она была избрана в качестве модели. Становится понятным и появление черт формального сходства между рассматриваемыми текстами, и различие в реакции действующих лиц: при трансформации фрагмента перебранки в хулительную строфу исчез мотив похвальбы.

Таким образом, хулительная полустрофа о Фридреке и Торвальде лишь передает средствами эддического стиха содержание не сохранившейся скальдической строфы. Прозаический комментарий саги, включающий ссылку на возможность его двоякого понимания (ср. пристойное толкование его епископом), позволяет высказать предположение, что это могла быть скрытая хула, рассчитанная на два варианта восприятия: явный и тайный.

Двусмысленность скрыта и в стихах, которыми обмениваются в середине XIV в. августинский монах Эйстейн Асгримссон, автор католической драпы «Лилия» – самого знаменитого произведения позднего Средневековья в Исландии – и его враг епископ Гюрд. В многочисленных рассказах о распре монаха Эйстейна и епископа Гюрда отражены представления о сверхъестественной действенности тех стихов, которыми они обмениваются. Например, в поэме «Личный спор» (Sjalfdeilur) Халлур Магнуссона (ум. 1601 г.) рассказывается, что стихи Эйстейна убили епископа. Датский ученый Педер Ресен, автор латинского описания Исландии (датируемого 1684–1688 гг.), пишет о каком-то монахе, который свел с ума епископа своими стихами. Не исключено, что для этого рассказа, основанного на утерянной рукописи Гисли Вигфуссона (ум. 1673 г.), прототипами были Эйстейн и Гюрд. В современном исландском фольклоре также встречаются упоминания о сверхъестественном воздействии поэзии Эйстейна. Существует легенда, рассказывающая о том, что после сочинения хулительных стихов о Гюрде Эйстейн был брошен в глубокую яму. Именно там он начал слагать свою знаменитую «Лилию», причем его поэтическое вдохновение было так велико, что после сочинения каждой строфы он поднимался вверх на один фут, пока не достиг краев ямы и не выбрался из нее.

В компиляции Йоуна Эгильссона, называемой «Епископскими анналами» [Jón Egilsson 1856] (начало XVII в.), более подробно рассказывается о споре между Эйстейном и Гюрдом, в пылу которой первый называет последнего «сыном кобылы» (fast Gyrður merarson), после чего они обмениваются следующими двустушиями. Гюрд говорит: Gyrður kembir nú gula reik / með gyltum kambí – «Гюрд расчесывает теперь желтый пробор / золоченым гребнем». Эйстейн подхватывает его рифму и продолжает: Kominn ertu úr krókasteik / þinn kúluvambi (В II 416)¹³¹ – «Вышел ты из женщины, / толстое твое пузо». Двустушие Эйстейна предполагает два варианта восприятия: прямой его смысл заключается в утверждении, что Гюрд, как и все, был рожден женщиной. Однако одновременно слова Эйстейна могут быть истолкованы как обвинение в нарушении целибата.

Диалогическая полустрофа Эйстейна и Гюрда не уникальна в исландской словесности. Примеры подобного обмена противников стихотворными репликами, первая из которых составляет одну половину полустрофы, а вторая представляет собой двустиишие, завершающее полустрофу и в то же время проясняющее ее смысл, имеются, например, в «Саге о Гисли» (*Gísla saga Súrssonar*, гл. II и гл. XV). Здесь они, в отличие от диалога Эйстейна и Гюрда, снабжены контекстом, позволяющим судить об их функциональной роли в саге. Структурно эти примеры, так же как и полустрофа Эйстейна и Гюрда, состоят из двух аллитерирующих пар строк, объединенных ритмическим и синтаксическим единством и рифмой, скрепляющей их аллитерирующие части. Скегги нанес удар мечом по прозвищу «Пламя Битвы» и попал в щит Гисли. Меч зазвенел. Скегги: *Gall gunnlogi, / gaman vas Söxu.* (В I 93). – «Зазвенел Гуннлоги (букв. “Пламя битвы” – так называет свой меч Скегги), / Насладились Сакса (щит или секира Гисли)». Гисли нанес ответный удар секирой и отсек край щита и ногу Скегги. Гисли: *Hrökk hraefrakki, / hjók til Skeggja.* (В I 96, 1) – «Отступил Хрэфракки (букв. “Трупный Франк” – так Гисли называет меч Скегги), / Рубил я Скегги».

Во втором эпизоде «Саги о Гисли» Гисли толкает Торгрима с такой силой, что тот, ударившись оземь, обдирает себе пальцы и из носу у него идет кровь. Торгрим: *Geirr í gumna sögum / gnast; kankat þat lasta* (В I 95) – «Копье в руках мужей / заскрежетало; я не могу этого порицать». Гисли останавливает катящийся мяч и запускает его Торгриму между лопаток так, что тот падает ничком. Гисли: *Böllr á byrðar stalli / brast; kankat þat lasta.* (В I 97, 6) – «Мяч по грузу гнезда мачты (*кеннинг спины?*) / ударил; я не могу этого порицать».

В обоих случаях вторящие двустиишия персонажей, произносящих по половине общей полустрофы, представляют собой прения двух антагонистов, объединенные формальным тождеством (аллитерацией, рифмой, эпифорой, идентичной синтаксической структурой) при смысловой полярности. Амебейность стихов акцентируется антагонизмом их авторов – словесное единоборство сопровождается единоборством действенным. Первый обмен репликами происходит во время поединка, который заканчивается победой Гисли, продолжившего начатую противником полустрофу и одновременно отрубившего ему ногу, а второй сопровождается состязанием в игре в мяч.

Содержание обеих полустроф допускает две возможности истолкования: прямое, актуальное для той ситуации, в которой происходит обмен репликами (поединок и игра в мяч), и скрытое, подразумевающее

обвинение в трусости и женоподобии [Holtmark 1951: 4–34]. В первой сцене скрытый смысл стихов удостоверяется неосуществленной угрозой одного из противников (Скегги) вырезать деревянные фигуры своих врагов (Гисли и предполагаемого жениха его сестры): «И пусть один стоит позади другого, и пусть этот срам навсегда останется здесь им в поношение» [Сага о Гисли: 2 (перев. О.А. Смирницкой)]. Сквернословие сопровождается в данном случае сквернодействием, превращающим в предмет изображения то конкретное лицо, на которое направлена хула, и исключаящим всякое иносказание.

Проникновение в не предназначенный для непосвященных скрытый смысл, которое доступно лишь непосредственным участникам диалога, оказывается для них предельно важным, так как победа в стихотворном поединке одного из противников (в обоих случаях победившим оказывается Гисли) предваряет физическую гибель другого. За приведенными эпизодами, где Гисли завершает начатые его противниками стихи, следуют сцены убийства этих противников, совершаемые Гисли.

Самоочевидно, что оба описанных примера образуют семантические центры повествования. Перед каждой схваткой двух героев происходит их словесное единоборство, в котором, как и в поединке, борьба идет не на жизнь, а на смерть. Незавершенная строфа несет гибель, окончание стиха спасает жизнь. Магические свойства поэтических поединков особенно ярко выступают в состязаниях со сверхъестественными существами, в которых поэту предоставляется возможность сохранить свою жизнь, закончив строфу, начатую троллем, великаншей, вампиром и пр. Когда сверхъестественные существа тоже импровизировали стихи, поэт должен был приложить все усилия, чтобы взять верх в этом стихотворном поединке. Предполагалось, что если человек сможет сразу же ответить на обращение к нему стихами, подхватив рифму или завершив строфу, магические висы лишатся своей действенности. В отличие от магических формул и заклинаний, такие стихи сочинялись на случай. Они всегда импровизировались, причем одна и та же строфа не могла быть использована дважды. Стихотворное мастерство играло при этом важнейшую роль, ибо основное условие игры обычно заключалось в необходимости подхватить заданную рифму (как в случае диалога Эйстейна и Гюрда), повторить определенную фразу (ср. Гисли – Торгрим), сохранить структуру (ср. Гисли – Скегги). Словесный акт приобретает в таких диалогических структурах сальвационную функцию, что можно объяснить, обратившись к их гипотетическому генезису.

Обмен стихотворными репликами, цель которого на первый взгляд состоит в проверке умения закончить стихотворение (ср. исландское выражение *að botna vísu* – букв. «приделать дно к вису»), по-видимому, восходит к сакральным состязаниям в мудрости, предполагающим, что побежденный должен расплатиться жизнью. В симметричности построения полустроф отражена генетическая связь с формальной организацией ритуального диалога, где используются, помимо симметричности, и другие мнемотехнические приемы (бинарность, нумерология и пр.). «Состязания в эзотерическом знании, – пишет Хёйзинга, – коренятся глубоко в ритуале и формируют его существенную часть. Вопросы, которые иерофанты задают друг другу по очереди или как вызов, суть загадки в полном смысле слова, которые были бы точно такими же, как загадки в игре в гостиную, если бы не их сакральное содержание» [Huisinga 1949: 105]. Родством с загадкой обусловлено и энigmatическое содержание поединков в стихотворном мастерстве, где формальное сходство утаивает смысловое различие: внутреннее (подлинное) скрывается за внешним (мнимым). Однако в загадке два различных смысловых ряда означают идентичное, в то время как в диалогических полустрофах два тождества прячут противоположное. Сближает обмен стихотворными репликами с загадкой и функция словесного акта, которую можно назвать «сальвационной»: подобно тому как умение закончить строфу сохраняет жизнь героям саги, разгадывание загадки ассоциируется со спасением.

Глава 4 Женская распря

В древнегерманской словесности распри, в которых принимают участие женщины, встречаются только в эддической поэзии, в скандинавских сагах, в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика и в «Песни о Нибелунгах». Если существо женского пола вступает в словесную битву с мужчиной, оно всегда проигрывает. Именно так происходит в эддических песнях (ср. диалог Хримгерд и Атли в «Песни о Хельги сыне Хьёрварда» или обмен репликами Герд и Скирнира в «Поездке Скирнира»), в сагах о древних временах (ср. словесные поединки великанши и Хьялмтера в «Саге о Хьялмтере и Алвире» или Фейми и Клейми с Гримом в «Саге о Гриме Бородатом»), в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика (ср. диалоги Гётвары и Эрика, Гро и Бесс, см. об этом типе перебранок выше).

Распря между женщинами, в которой мужи не принимают участия в качестве оппонентов, описывается в германской словесности крайне редко: в самой знаменитой исландской саге – «Саге о Ньяле» и в сцене «ссоры королев», находящей отражение, помимо «Песни о Нибелунгах», в «Младшей Эдде», «Саге о Вэльсунгах», «Саге о Тидреке» и, возможно, в недошедших до нас героических песнях. В сохранившейся эддической песни «Поездка Брюнхильд в Хель» рассказывается о том, как одна из участниц «ссоры королев» Брюнхильд вступает в распря с великаншей, не дающей ей проехать в Хель. Во всех упомянутых случаях распря героинь составляет кульминацию повествования, играет роль переломного эпизода в развитии сюжета, а потому заслуживает рассмотрения.

Халльгерд и Бергтора

В сагах об исландцах женщины обычно не столько сами совершают поступки, сколько стремятся заставить действовать мужей¹³². Им отводится традиционная роль подстрекательниц к отмщению, защитниц родовой чести. Они провоцируют мужей на месть тем, что обвиняют их в трусости, немужественности, женоподобии. Мужья отвечают им не словами, но делами, возможно, поэтому в сагах об исландцах почти нет перебранок, в которых принимают участие женщины.

В родовых сагах встречается всего один пример словесного поединка героинь. Это распря Халльгерд и Бергторы в «Саге о Ньяле» (гл. 35). Ее участницы, подобно героине «Саги о людях из Лососьей Долины» Гудрун, принадлежат к наиболее запоминающимся женским характерам в сагах об исландцах. Халльгерд, дочь Хёскульда, по прозвищу Длинноногая, жена Гуннара из Хлидаренди, высокая, светловолосая красавица, о которой в саге говорится, что она была «тяжелого и вспыльчивого нрава», – единственная героиня исландских саг, описанная однозначно отрицательно. Она горда, но настолько не владеет собой, что иногда почти теряет достоинство. Так как в ранней юности она подвергалась дурному влиянию, то выросла лживой, мстительной и жадной, но «расходующей все без пользы». Она виновна в краже, тяжелейшем проступке в глазах крестьянского населения Исландии, и ее воровство («воровские глаза» – первое, что замечает в маленькой Халльгерд ее дядя Хрут) и злоба в конце концов приведут ее мужа Гуннара к смерти.

Гуннар женится на Халльгерд вопреки совету своего мудрого друга Ньяля. До Гуннара Халльгерд уже дважды была замужем и принесла

гибель обоим мужьям. И первый муж Халльгерд Торольв, за которого она была просватана против воли, и второй ее муж Глум, с которым она «хорошо ладила», были доведены ею до того, что ударили ее и погибли от руки ее ревнивого и необузданного воспитателя Тьостольва.

Выйдя замуж за Гуннара, Халльгерд ссорится с женой Ньяля Бергторой, описанной автором саги как ее прямая противоположность. О ней говорится как о «замечательной женщине, хорошем товарище, но немного суровой нравом» (kvenskörungur mikill ok drengur góðr ok þökkut skarhöfð: 20). Бергтора – прекрасная хозяйка, любящая жена, отданная за Ньяля совсем молодой и остающаяся верной ему до самого конца.

Обстоятельства словесного поединка Халльгерд и Бергторы (гл. 35) раскрываются во введении: «...Гуннар с Халльгерд поехали на Бергторов Пригорок. Хельги (сына Ньяля) с женой в то время не было дома. Ньяль встретил Гуннара хорошо, и когда Гуннар с женой пробыли там некоторое время, вернулись домой Хельги с женой Торхаллой. Как-то раз Бергтора с Торхаллой подошли к женской скамье, и Бергтора сказала Халльгерд» (перев. С.Д. Кацнельсона) (табл. 18).

Таблица 18

Распря женщин в «Саге о Ньяле»

Семантика	Бергтора – Халльгерд
1. Унизительное требование (императив).	1. Бергтора: «Ты должна подвинуться для этой женщины (Торхаллы)!»
2. Отказ и объяснение.	2. Халльгерд: «Никуда я не подвинусь, потому что не хочу быть, как старуха в углу».
3. Утверждение превосходства.	3. Бергтора: «Я здесь распоряжаюсь».
4. Оскорбление, нанесенное противнице и ее мужу.	4. Халльгерд: «Вы с Ньялем стоите друг друга: у тебя заусеница на каждом пальце, а он безбородый».
5. Контробвинение (ссылка на «предварительный инцидент»).	5. Бергтора: «Это так, но никто из нас не попрекает этим другого. А вот твой муж Торвальд не был безбородым, и однако ты велела его убить».
6. Подстрекательство к мести, обращенное к мужу; угроза.	6. Халльгерд: «Мало мне проку от того, что у меня муж самый храбрый в Исландии, если ты не отмстишь за это, Гуннар <...> Запомни ты, Бергтора, мы с тобой еще посчитаемся».
7. Контругроза.	7. Бергтора сказала, что ей лучше от этого не станет.

Распря Халльгерд и Бергторы имеет традиционную структуру: за нарративным введением следует обмен противников оскорблениями и угрозами. Роль первого оппонента берет на себя жена Ньяля Бергтора, которая начинает словесный поединок, – она требует от Халльгерд уступить свое место. За оскорбительным требованием первого оппонента следует отказ второго оппонента его исполнить – Халльгерд не хочет уступать место и, следовательно, дважды оскорбляет Бергтору, отказывая ей в праве распоряжаться в собственном доме и предоставляя ее невестке роль «старухи в углу». Тогда первый оппонент утверждает свое превосходство – Бергтора напоминает Халльгерд, что именно она хозяйка дома. В ответ на утверждение превосходства второй оппонент стремится понизить социальный статус соперницы – Халльгерд говорит, что Бергтора не может быть хозяйкой, ибо она несостоятельна как женщина – у нее на пальцах заусеницы. Трудно сказать, что скрывается за обвинением, высказанным Халльгерд Бергторе. Возможно, оно подразумевало неумение следить за собой и, следовательно, антисоциальное поведение, или указание на слишком тяжелый домашний труд (ср. традиционное для перебранок обвинение в бедности), или отсутствие женственности (обвинение в мужеподобии, столь же оскорбительное для женщины, как обвинение в немужественности для мужчины).

Обвинение в немужественности тоже присутствует в ответе Халльгерд – утверждая, что у Ньяля не растет борода, она намекает на его женоподобие. Именно это оскорбление, очевидно, оказывается наиболее чувствительным для Бергторы, высказывающей свое контробвинение, которое кажется современному читателю более суровым, чем то, что она выслушала, – Бергтора винит Халльгерд в убийстве мужа. Отвечая Халльгерд, Бергтора однозначно указывает, что мстит противнице за оскорбление, нанесенное мужу, а не ей самой, – она говорит, что наличие бороды не спасло мужа Халльгерд и он погиб по приказу своей жены. Тем самым Бергтора противопоставляет свою роль – преданной жены и, следовательно, законной хозяйки дома, той незавидной роли, которая уготована Халльгерд в судьбе ее мужей, а создатель саги, возможно, предвосхищает месть Халльгерд Гуннару, приведшую его к гибели. Это обвинение Халльгерд оказывается не в состоянии парировать самостоятельно и пытается прибегнуть к помощи своего мужа Гуннара – она призывает его отомстить. Гуннар не только отказывается встречать в распря двух женщин, но приказывает жене впредь «перебраниться со своими домочадцами» (*at þú sennir víð heimamenn þína*), но не в чу-

жом доме. В словах Гуннара содержится, условно говоря, «жанровое» определение всей сцены – это перебранка (*senna*).

В соответствии с жанровыми канонами перебранки Халльгерд сама заключает разговор с Бергторой с помощью угрозы («мы с тобой еще посчитаемся»). Хотя последнее слово остается за вторым оппонентом, т. е. за Халльгерд, едва ли можно думать, что победа в словесном поединке тоже принадлежит ей, так как создатель саги передает контругрозу Бергторы в косвенной речи. Со свойственной ей мудростью Бергтора предрекает Халльгерд, что той «не станет лучше», даже если она и осуществит свое намерение отомстить.

Распря Халльгерд и Бергторы играет в саге кульминационную роль и имеет важные последствия. В результате их ссоры погибают семь человек, и в том числе воспитатель сыновей Ньяля – Торд. При его убийстве присутствует Траин Сигфуссон – родственник Гуннара и муж дочери Халльгерд от ее второго брака, и этого никогда не смогут забыть сыновья Ньяля. Тем не менее ни ссора жен, ни убийства слуг и домочадцев не могут разрушить дружбы Гуннара и Ньяля, характеры которых взаимно дополняют друг друга: один – сильный, прямой, отважный; другой – мудрый, ученый и осторожный, но обделенный физической силой, на что и намекает Халльгерд во время словесного поединка с Бергторой.

Тем временем Халльгерд замышляет новое зло – она велит украсть съестные припасы у богатого землевладельца Откеля, за что Гуннар дает ей пощечину. Подстрекаемый своим злобным другом Скамкелем, Откель отказывается получить от Гуннара двойную цену за украденное. Благодаря мудрым советам Ньяля, Гуннару удается отстоять свою честь и победить всех врагов (от его руки погибает и Откель), и он становится едва ли не самым знаменитым человеком в Исландии. Слава Гуннара вызывает зависть родичей его погибших врагов и особенно Мёрда, который, злоумышляя за спиной героя и беззастенчиво распоряжаясь судьбами и жизнями других людей, добивается того, что Гуннара объявляют вне закона. Несмотря на уговоры Ньяля, Гуннар отказывается покинуть Исландию, и враги осаждают его в собственном доме. В отместку за полученную когда-то пощечину Халльгерд отказывается сплести ему тетиву для лука из своих волос, и после героической обороны Гуннар погибает. Это событие относят к 990 г. Погибает вместе с Ньялем и его жена Бергтора – противница Халльгерд в словесном поединке.

Гудрун и Брюнхильд

Самый известный пример распри героинь содержится в скандинавском эпическом цикле на сюжет южногерманских сказаний о Нифлунгах (нем. Нибелунгах) и в сагах, излагающих то же сказание (в «Саге о Вэльсунгах» и в «Саге о Тидреке»). В «Песни о Нибелунгах» сцена обмена героинь взаимными оскорблениями обычно называется «сорой королев»¹³³.

Ссора королев, наиболее трудная для интерпретации часть сказания¹³⁴, отражена в пяти источниках: двух несохранившихся эддических песнях, реконструируемых по «Саге о Вэльсунгах» («Древней Песни о Сигурде» – *Sigurðarkviða in forna* и «Большой Песни о Сигурде» – *Sigurðarkviða in meiri*), «Младшей Эдде», «Саге о Тидреке», «Песни о Нибелунгах». Эти памятники сохраняют общую версию сказания, но имеют некоторые различия. И в сагах, и в песнях «Старшей Эдды» речь идет о Сигурде, победителе дракона Фафнира, его обручении с Брюнхильд, забвении Сигурдом брачных обетов, его женитьбе на Гудрун. В эддических песнях, в отличие от «Саги о Вэльсунгах» и «Саги о Тидреке», нет описания ссоры Брюнхильд и Гудрун¹³⁵, однако обстоятельствам их трагической распри посвящена не одна песнь «Старшей Эдды».

Во всех пяти источниках фигурирует Брюнхильд, или Брюнхильда (*Brunhildr*, от *brun-* к *brunja* – «кольчуга, броня», *hildr* – «битва»), чье имя восходит к имени исторического персонажа, известному из истории франков VI в. Брунигильда была женой меровингского короля Сигиберта (ум. 575 г.) и состояла в распре с королевой Фредегундой, умертвившей ее мужа. Исландский эпос придает образу Брюнхильд черты высокого героизма: она показана страдающей от оскорбления, невольно нанесенного ей Сигурдом, яростно ненавидящей Гудрун за ее счастье, жаждущей гибели Сигурда и добровольно принимающей смерть вместе с ним. Изображению ее переживаний уделяется главное внимание в дошедших до нас песнях о гибели Сигурда.

В «Отрывке Песни о Сигурде» (*Brot af Sigurðarkviðu*, представляющем собой часть несохранившейся «Древней Песни о Сигурде» – *Sigurðarkviða in forna*) и «Краткой Песни о Сигурде» (*Sigurðarkviða in skamma*, большая часть которой рассказывается от лица Брюнхильд), героиня подстрекает своего мужа Гуннара убить Сигурда. После гибели Сигурда Брюнхильд объясняет свою месть, вспоминая об обмане, связанном со сватовством Гуннара, и подтверждает, что выполнивший вместо него брачные испытания Сигурд не нарушил данных Гуннару клятв

и не обманул его доверия в проведенные у нее три ночи. В «Краткой Песни о Сигурде» она скорбит о том, что его женой стала Гудрун, а не она сама, «полная злобы» ходит каждый вечер на ледник, представляя себе счастье Гудрун, и решает: «Будет Сигурд в объятьях моих, юный герой, или умрет!» (6, перев. А.И. Корсуна). Месть Брюнхильд состоит не в том, чтобы самой убить Сигурда, но в том, чтобы заставить своего мужа Гуннара сделать это. Она добивается своего, угрожая покинуть его. В «Первой Песни о Гудрун» Брюнхильд изображается как настоящая валькирия, приходящая в сверхъестественную ярость при виде мертвого тела Сигурда: «Став у столба, / собирала силы; / взор Брюнхильд, / дочери Будли, / ярко пылал, / ядом дышала, / глядя на раны / мертвого Сигурда» (27, перев. А.И. Корсуна).

Сложность характера героини раскрывается не только в «Краткой Песни о Сигурде» (30), но и в более раннем «Отрывке Песни о Сигурде» (10; 14–15), где Брюнхильд изображается и смеющейся, когда слышит о гибели Сигурда (она радуется тому, что заставила страдать Гудрун), и плачущей о нем. Все умолкают, так как не могут понять «что с женщиной случилось, / отчего она, плача, / о том говорит, / о чем со смехом / просила героев» (15, перев. А.И. Корсуна). Брюнхильд гневно упрекает Гуннара в убийстве Сигурда, на которое сама же его подстрекала. Сурово отстранив тех, кто пытается ей воспрепятствовать, Брюнхильд вонзает в себя меч и просит положить ее на погребальный костер рядом с Сигурдом. Прощальные слова Брюнхильд содержат пророчество всем участникам драмы. Страшные несчастья предрекает она Гудрун, упрекая ее за нежелание умереть вместе с мужем. Следуя на костер за Сигурдом, Брюнхильд, казалось бы, приносит наибольшую жертву своей любви, однако ее выбор продиктован не столько чувствами, сколько долгом мести: «...не слабой была / жена, если заживо / в могилу идет / за мужем чужим, – / то будет месть / за обиду мою!» (41, перев. А.И. Корсуна).

Если о Брюнхильд рассказывается всего в четырех эддических песнях (в «Краткой Песни о Сигурде», «Отрывке Песни о Сигурде», «Первой Песни о Гудрун», «Поездке Брюнхильд в Хель»), то ее главной противнице Гудрун (Guðrún, от *gunnr*, *guðr* – «битва», *rún* – «тайна, тайное знание, руна») посвящена большая часть героических песней «Старшей Эдды». В «Краткой Песни о Сигурде» Гудрун – дочь конунга Гьюки, правившего бургундами, изображена сначала невестой Сигурда, потом его женой, которую он «обвивает покровом / и в объятья берет» (8, перев. А.И. Корсуна), и, наконец, – его вдовой, оплакивающей гибель мужа и выслушивающей предсказание Брюнхильд о тех горестях,

которые ее ожидают. В «Отрывке Песни о Сигурде» идет речь о том, как Гудрун, узнав об убийстве братьями Гуннарор, Хёгни и Готтормом ее мужа Сигурда (о ее счастливом браке упоминает Хёгни, 3), призывает кару богов на Гуннара и говорит об ожидающей «могильщика Сигурда», т. е. Гуннара, мести. В «Первой Песни о Гудрун» героиня изображена сидящей у мертвого тела своего мужа: «Так было – смерти / желала Гудрун, / над Сигурдом мертвым / горестно сидя; / не голосила, / руки ломая, / не причитала, / как жены другие <...> Не было слез / горючих у Гудрун, – / горе великое / грудь разрывало» (1–2, перев. А.И. Корсуна). В описании реакции Гудрун на гибель Сигурда ритуальное поведение (оплакивание) противопоставлено индивидуальному, отрицающему это поведение. Скорбь героини столь велика, что ее не выразить причитаниями или заламыванием рук – Гудрун в горе окаменеет. О ее любви к мужу вспоминает сестра Гудрун Гульбранд («места себе ты / не находила, / <...> если Сигурда нету с тобою», 17, перев. А.И. Корсуна), когда сдергивает саван с тела Сигурда. Увидев мертвого Сигурда, «вскрикнула, грянулась / оземь Гудрун; / косы рассыпались, вся покраснела, хлынули слезы / дождем на колени» (15, перев. А.И. Корсуна). Гудрун рыдает так громко, что на ее крик отзываются гуси во дворе (16, ср. также «Краткую Песнь о Сигурде», 29).

Гудрун сама рассказывает о пережитых ею несчастьях в интроспективной элегии «Вторая Песнь о Гудрун». Созданный начальными строфами этой песни образ Гудрун, выказывающей ненависть к своим братьям (9; ср. предпочтение, отдаваемое мужу перед братом, в «Песни о Нибелунгах»), отличается от традиционного эддического образа этой героини, до конца сохраняющей верность своим братьям и мстящей за них мужу (ср. «Песнь об Атли»). Хотя Гудрун проклиная убивших ее мужа братьев, она не помышляет о мести им (в отличие от Кримхильды, отомстившей своему брату Гунтеру за смерть своего мужа Зигфрида в «Песни о Нибелунгах»). Как и в «Первой Песни о Гудрун», индивидуальное поведение противопоставляется ритуальному: Гудрун, придя в лес посмотреть, что оставили волки от тела Сигурда, «не голосила, / руки ломая, / не причитала, / как жены другие, / как мертвая, сидя / над телом Сигурда» (11, перев. А.И. Корсуна). Говоря, что не плакала и вела себя не как другие женщины, героиня подчеркивает уникальность своего переживания: ее печаль не избыть в плачах – Гудрун ищет смерти. Пять дней бродит она в горах, пока не находит приюта у Торы, дочери Хакона, где проводит несколько лет. Появление ее матери Гримхильд, настаивающей на том, чтобы Гудрун вступила в новый брак с Атли, пре-

рывает мирную жизнь героини. Гудрун противится этому союзу не только потому, что Атли – брат ненавистной Брюнхильд; она предвидит, что он принесет гибель ее братьям, а она отомстит ему смертью. Даже суровая Гримхильд плачет, когда слышит о страшной участи, ожидающей Гуннара и Хёгни, но Гудрун, как и следует эпическим героям, отправляется навстречу своей судьбе. Во второй части песни вновь появляется мотив верности братьям, в чем можно видеть возвращение к более древней героической традиции. Образ колдуньи Гримхильд с волшебным зельем, которое должно заставить Гудрун забыть Сигурда и помочь ей вступить в новый брак с Атли, возможно, вводится в песни для того, чтобы примирить обе традиции.

В рукописи «Старшей Эдды» есть лакуна – отсутствует рассказ о сватовстве Сигурда к Брюнхильд, о преодолении им в обличье Гуннара, правителя бургундов, брачных испытаний, его женитьбе на Гудрун, о распре Брюнхильд с Гудрун. Этот рассказ восстанавливается на основании «Саги о Вёльсунгах», обычно датируемой ок. 1260–1270 гг. и содержащей изложение героических песней, в том числе и тех, которые известны из рукописи Королевского кодекса «Старшей Эдды».

Первая часть утраченной песни, иногда называемой исследователями «Песню о соколе» (Falkenlied), реконструируется на основании глав 23–24 «Саги о Вёльсунгах». В них рассказывается о том, как Сигурд и разбуженная им валькирия (она же Брюнхильд) обмениваются клятвами верности. Сигурд приезжает к приемному отцу Брюнхильд Хеймиру. Брюнхильд живет в башне и вышивает полотно с изображением подвигов Сигурда. Однажды сокол Сигурда улетает от него и садится на окно высокой башни. Сигурд идет за соколом и видит Брюнхильд. Ее красота так поражает его, что он становится печальным. Сын Хеймира Альсвинн замечает это и дает ему совет расстаться с Брюнхильд, ибо она так увлечена ратными забавами, что не обращает внимания на мужей. Сигурд пренебрегает советом и говорит Брюнхильд о своей любви. Та отклоняет сватовство и предсказывает Сигурду, что он возьмет в жены Гудрун, дочь Гьюки. Сигурд настаивает, тогда Брюнхильд дает согласие. Они обмениваются клятвами верности, и Сигурд уезжает.

Продолжение «Саги о Вёльсунгах» (гл. 25) используется для того, чтобы восстановить отсутствующую в рукописи «Королевского Кодекса» вторую часть песни, называемой исследователями «Песню о снах» (Traumlied), которая рассказывает о конунге Гьюки и его семье: дочери Гудрун, жене колдунье Гримхильд, сыновьях Гуннаре, Хёгни и Готторме. Гудрун однажды видит во сне столь прекрасного сокола с золо-

тыми перьями, что хочет отказаться от всего имущества, только бы не расставаться с ним. Хотя этот сон растолкован как предвещающий жениха, Гудрун отправляется на гору, где живет Брюнхильд, и просит ее объяснить сон. В ходе их разговора выясняется, что Брюнхильд не считает братьев Гудрун (Гуннара и Хёгни) великими конунгами. Она объясняет, что их превосходит отважный герой – Сигурд, сын Сигмунда, который еще ребенком убил сыновей Хундинга и отомстил за своего отца и деда Эйлими. Гудрун расспрашивает Брюнхильд о юности этого героя, а услышав ее рассказ, понимает, что Брюнхильд любит Сигурда. Гудрун рассказывает Брюнхильд свой сон, однако не о соколе, но об олене с золотой шерстью, которого ей удалось поймать во сне. Гудрун вспоминает, что в ее сне Брюнхильд убила оленя и тем причинила ей великое горе, а потом дала ей волчонка, который залил кровью ее братьев. Брюнхильд истолковывает сны Гудрун и одновременно предсказывает будущее: Сигурд, которого она выбрала себе в мужа, придет ко двору Гьюки, Гримхильд даст ему колдовское зелье, он возьмет в жены Гудрун, однако они недолго проживут вместе. После этого Гудрун выйдет замуж за конунга Атли, потеряет своих братьев и убьет Атли. Опечаленная услышанным Гудрун возвращается к своему отцу конунгу Гьюки.

Об исполнении пророчества Брюнхильд рассказывается в последней из реконструируемых песней – «Большой Песни о Сигурде» (*Sigurdarkviða in meiri*), также восстанавливаемой на основании «Саги о Вэльсунгах» (гл. 26–27, 28–29). Сигурд приезжает к конунгу Гьюки, и становится ясно, что он во всем превосходит сыновей конунга, Гуннара и Хёгни. Гримхильд видит, как сильно Сигурд любит Брюнхильд, но хочет завладеть его богатством и использовать его силу. Она решает женить его на своей дочери Гудрун и дает ему напиток забвения. Сигурд забывает о клятвах, которыми обменялся с Брюнхильд, и остается у Гьюки на два с половиной года. Гьюки предлагает Сигурду жениться на Гудрун. Он соглашается и заключает побратимство с ее братьями, Гуннаром и Хёгни. Гримхильд советует Гуннару посвататься к Брюнхильд. Гуннар едет с Сигурдом к Будли, отцу Брюнхильд, просить ее руки. Тот оставляет выбор за Брюнхильд. Герои отправляются к Хеймиру, который рассказывает им о том, что чертог Брюнхильд окружен огненным валом. Хеймир предупреждает их, что Брюнхильд возьмет в мужа только того, кто проскачет через огонь. Гуннар не может преодолеть огненную преграду ни на своем коне, ни на коне Сигурда. Тогда Сигурд меняется с ним обличьями, проезжает на своем коне Грани через огонь, проводит

у Брюнхильд три ночи, положив между нею и собою обнаженный отравленный меч Грам, получает от нее перстень и отдает его своей жене Гудрун. После того как Гуннар женится на Брюнхильд, Сигурд вспоминает о клятвах, которыми обменялся с нею. Купаясь в реке, Гудрун и Брюнхильд спорят из-за места выше по течению и о том, чей муж великий герой. Гудрун показывает полученный от Сигурда перстень и раскрывает связанный со сватовством обман. Разгневанная Брюнхильд требует от Гуннара убить Сигурда, утверждая, что тот обманул его доверие в проведенные у нее три ночи.

Возможно, наиболее ранний из дошедших до нас памятников, в котором сохранился рассказ о распре Гудрун и Брюнхильд, – это «Язык поэзии», третья часть «Младшей Эдды» Снорри Стурлусона (1222–1225). Заметим, что традиционное место действия словесных поединков – «у воды» – упоминается и в сцене ссоры королев. В «Младшей Эдде» распря героинь происходит у реки: «Раз случилось, что Брюнхильд и Гудрун пошли к реке мыть волосы. И когда они подошли к реке, Брюнхильд вошла с берега в воду и сказала, что не желает мыть голову той водой, что стекает с волос Гудрун, ибо у ее мужа больше отваги. Тогда Гудрун вошла в воду вслед за нею и сказала, что это ей подобает мыть волосы выше по течению, ибо ни Гуннар, ни кто другой в мире не сравнится доблестью с ее мужем. Ведь это он сразил Фафнира и Регина и завладел наследством их обоих. Тогда отвечает Брюнхильд: “Более славы в том, что Гуннар проскакал сквозь полымя, а Сигурд не посмел”. Тут засмеялась Гудрун и молвила: “Уж не думаешь ли ты, что это Гуннар проскакал сквозь полымя? Я же думаю, что с тобой в постели был тот, кто дал мне это золотое кольцо. А то кольцо, что ты носишь на руке – ты его приняла как свадебный дар, – зовется кольцо Андвари, и думается мне, что не Гуннар добыл его с Гнитахейд-поля”. Промолчала Брюнхильд и пошла домой. С той поры она стала подговаривать Гуннара и Хёгни убить Сигурда» (перев. О.А. Смирницкой)¹³⁶.

Описание ссоры героинь в «Младшей Эдде» сводится к краткому обмену репликами, частично переданными в косвенной речи. В косвенной речи говорится о том, как Гудрун восхваляет Сигурда и вспоминает о его главном подвиге – убийстве дракона Фафнира (*hon átti þann mann, er eigi Gunnarr ok engi annarr í veröldu var jafnfrækn, þvíat hann vá Fáfni ok Regin ok tók arf eptir báða þá* – букв. «у нее такой муж, что ни Гуннар и никто другой в мире ему не равен, ибо он убил Фафнира и Регина и забрал после них обоих наследство»). В прямой речи сохранен лишь ответ Брюнхильд, которая противопоставляет драконоборчеству Сигурда

мнимое превосходство Гуннара, якобы сумевшего проскакать через пламя (meira var þat vert, er Gunnarr reið vaforlogann, en Sigurðr þorði eigi – букв. «больше стоит то, что Гуннар проскакал через огненный вал, а Сигурд не осмелился»). В прямой речи передан и вопрос Гудрун (Ætlar þú, at Gunnarr riði vafriogann? – букв. «Ты думаешь, что Гуннар проскакал через огонь?»), и ее утверждение, в котором она раскрывает противнице правду (Sá ætlak at gengi í rekkju hjá þér, er mér gaf gullbaug þenna. En sá gullbaugr, er þú hefir á hendi ok þú þátt at línfé, hann er kallaðr Andvaranautr, ok ætlak, at eigi sótti Gunnarr hann á Gnitahéiði – букв. «Я думаю, что взошел на ложе рядом с тобой тот, кто дал мне это золотое кольцо. А то золотое кольцо, которое у тебя на руке и ты его приняла как свадебный дар, оно называется “дань Андвари” (Andvaranautr), и я думаю, что не Гуннар добыл его с Гнитахейд»). Гудрун объясняет сопернице, что та была обманута и Гуннаром, не сумевшим проскакать через огненный вал, и Сигурдом, проводшим с нею ночь и подарившим ей в качестве свадебного дара кольцо карлика Андвари (Andvaranautr)¹³⁷, которое Брюнхильд до сих пор носит на руке. Более того, Гудрун предъявляет противнице другое кольцо – ее собственное, которое Брюнхильд подарила Сигурду, а тот отдал его своей жене Гудрун. После неопровержимых доказательств, предъявленных соперницей, Брюнхильд не остается ничего другого, как постараться избавиться от обманувшего ее Сигурда. Мысль о том, чтобы погубить Сигурда, возникает у Брюнхильд как следствие ссоры с Гудрун, итог которой подводится в косвенной речи: Þá þagnaði Brynhildr ok gekk heim – «тогда замолчала Брюнхильд и пошла домой».

Рассказ о том, как Брюнхильд и Гудрун обмениваются взаимными оскорблениями, значительно распространяется в «Саге о Вельсунгах», которая представляет собой пересказ героических песней, составлявших поэтическую «Эдду». Описание ссоры героинь, очевидно, дает образец следующей ступени развития сцены – она состоит из двух частей и выделена в саге в отдельную главу (гл. 28), которая называется в наиболее древней рукописи (Ny Kgl saml 1824 4 to, ок. 1400 г.) «Распрей королев Брюнхильд и Гудрун» (Deilld drothninganna Brynnhilldar ok Gudrunar¹³⁸). В «Саге о Вельсунгах» первая часть распри героинь происходит, как и в «Младшей Эдде», у реки: «В некий день, когда поехали они обе на реку купаться, зашла тут Брюнхильд дальше в воду» (перев. Б.И. Ярхо)¹³⁹ (табл. 19).

Распря Гудрун и Брюнхильд в «Саге о Вэльсунгах»
(первая часть)

Семантика	Гудрун – Брюнхильд
1. Вопрос.	1. «Гудрун спросила, как ей это удалось».
2. Похвальба, восхваление собственного отца и мужа, обвинение чужого мужа (ссылка на предварительный инцидент).	2. Брюнхильд: «Почему мне в этом равняться с тобою, если ни в чем ином мы не равны. Думается мне, что отец мой могущественнее твоего, и муж совершил много подвигов и проехал сквозь огонь горячий, а твой мужик был рабом у Хьяльпрека-конунга».
3. Критика и восхваление собственного мужа (ссылка на предварительный инцидент).	3. Гудрун отвечает во гневе: «Умнее бы ты была, если бы молчала, чем порочить мужа моего. Все люди говорят, что не бывало на свете людей, подобных ему ни в одном деле. А тебе и вовсе не пристало его чернить, потому что он первый тебя познал; это он убил Фафнира и проехал сквозь полымя то (а ты думала, что это Гуннар-конунг), и спал он с тобой и снял с руки у тебя перстень тот Андваранат («дань Андвари»), – и можешь его, если хочешь узнать».
4. Посрамление противницы.	4. Тут видит Брюнхильд перстень и узнает его... и тут побледнела она, словно мертвая. Пошла Брюнхильд домой и весь вечер не проронила ни слова.

Брюнхильд провоцирует конфликт тем, что заходит в воду дальше, чем Гудрун. На вопрос озадаченной Гудрун она отвечает, что поступила так, ибо они не могут быть равны по следующим причинам: ее отец превосходит отца Гудрун, ее муж (Гуннар) совершил много подвигов и проскакал сквозь пламя, муж же Гудрун (Сигурд), был рабом конунга Хьяльпрека¹⁴⁰. Гудрун защищает своего мужа, утверждая его превосходство во всех отношениях. Она говорит, что Брюнхильд негоже порицать Сигурда, ибо он был ее первым мужем, и он убил Фафнира, и проехал через огненный вал (*ok eigi samir þer vel at lasta hann, þviat hann er þinn frumverr, ok drap hann Fafne ok reid vafrlögn*), а затем взял у самой Брюнхильд кольцо карлика Андвари.

В нарративном заключении подводится итог первой части распри: «Тут видит Брюнхильд перстень и узнает его... и тут побледнела она, словно мертвая. Пошла Брюнхильд домой и весь вечер не проронила ни слова» (перев. Б.И. Ярхо). Посрамление противницы изображено в саге как результат признания разоблачительной ценности вещественного доказательства: Брюнхильд узнает кольцо и надолго замолкает.

Из первого «раунда» распри победительницей безусловно выходит Гудрун. Она открыла противнице печальную истину, рассказав о том, что именно Сигурд, а не Гуннар, проехал через пламя. Затем она вынудила Брюнхильд замолчать тем, что предъявила неоспоримые доказательства своей правоты, прибегнув к вещественным доказательствам. Кольцо, которое Гудрун показывает сопернице, – это кольцо карлика Андвари, то самое кольцо, которое Сигурд берет из клада Фафнира и дарит Брюнхильд во время обручения. Очевидно, уже забыв Брюнхильд и женившись на Гудрун, он вновь забирает у Брюнхильд это кольцо во время тех ночей, которые проводит у нее, проскакав через огненный вал и поменявшись обликом с Гуннаром. Поэтому предъявив столь памятное Брюнхильд кольцо Сигурда, Гудрун удается поразить противницу в самое сердце. Отметим, что если в «Младшей Эдде» в распри героинь фигурируют два кольца: кольцо Андвари, подаренное Сигурдом Брюнхильд, и другое кольцо, которое Брюнхильд дает Сигурду, а тот передаривает Гудрун, то в «Саге о Вэльсунгах» упоминается только об одном кольце – кольце карлика Андвари.

Несмотря на незначительные различия в деталях, первая часть распри героинь, описанной в «Саге о Вэльсунгах», имеет сходство с изображением ссоры Брюнхильд и Гудрун в «Младшей Эдде». В обоих памятниках описание ссоры составляет одну сцену (в «Саге о Вэльсунгах» единую сцену образует первая часть распри). Место ссоры в саге и в прозаической «Эдде» – у реки. Здесь нет упоминания об обручении Сигурда и Брюнхильд, но присутствуют следующие основные мотивы: противницы входят в воду; Брюнхильд заявляет, что Гуннар отважнее Сигурда; Гудрун оспаривает ее утверждение и сообщает, что Сигурд отважнее; Брюнхильд говорит, что Гуннар проехал сквозь пламя; Гудрун вновь оспаривает утверждение противницы, вспоминая, что сквозь пламя проехал не Гуннар, но Сигурд, который стал первым мужем Брюнхильд; Гудрун показывает кольцо; Брюнхильд умолкает и покидает место ссоры. Возможно, эта сцена в том виде, в котором она передана в двух памятниках, отражает древнейшую версию распри героинь. Предполагалось, что ссора королев у реки могла быть включена в несохранившиеся «Древнюю Песнь о Сигурде» и «Большую Песнь о Сигурде»¹⁴¹.

В «Саге о Вэльсунгах» распря героинь имеет продолжение – второй «раунд», который происходит уже не у реки, но в палатах (*skemma*¹⁴²). Связующим звеном двух «раундов» становится диалог Гудрун с Сигурдом, который подводит итог первой части сцены и предваряет вторую. Гудрун знает, что заставила Брюнхильд страдать, но спрашивает о причине ее

печали своего мужа Сигурда («А когда Сигурд лег в постель, спросила Гудрун: “Почему так печальна Брюнхильд?”», перев. Б.И. Ярхо). Сигурд, догадываясь о том, что произошло между женами, отвечает: «Не знаю я точно, но сдаётся мне, что вскоре мы больше узнаем», (перев. Б.И. Ярхо). Тогда Гудрун обвиняет свою противницу: («Почему не радуется она богатству и счастью, и похвалам всех людей, и тому, что получила мужа по своей воле?»), перев. Б.И. Ярхо). Сигурд напоминает Гудрун, что Брюнхильд не отрицала достоинств своего мужа: «А разве она не сказала, что владеет мужем, отменнейшим из всех, кроме того, за которого бы она охотнее всего вышла?» (перев. Б.И. Ярхо). В ответ Гудрун даёт понять Сигурду, что знает о любви к нему Брюнхильд («Завтра утром я спрошу, за кого она пошла бы охотнее всего», перев. Б.И. Ярхо). Сигурд не даёт ей разрешения говорить с Брюнхильд и грозит ей многими бедами, если она не послушает его («Это я тебе запрещаю, и расскаешься ты, если спросишь», перев. Б.И. Ярхо).

На следующий день, увидев Брюнхильд в палатах, Гудрун нарушает волю мужа и, хотя Брюнхильд не хочет с ней разговаривать, вынуждает ее вступить в разговор. Диалог начинает Гудрун, которая призывает Брюнхильд забыть печаль («Развеселись, Брюнхильд!», перев. Б.И. Ярхо) и, выражая притворное участие, спрашивает ее: «Сердишься ты за наш вчерашний разговор, или что другое тебя печалит?», перев. Б.И. Ярхо). На вопрос противницы Брюнхильд отвечает обвинением и наносит ей первое оскорбление: «Одна лишь злоба в тебе говорит, и свирепое у тебя сердце», перев. Б.И. Ярхо). Гудрун не реагирует на оскорбление Брюнхильд, но лишь повторяет обращенную к сопернице просьбу поделиться с ней горем: «Не суди так, а лучше скажи, что у тебя на душе» (перев. Б.И. Ярхо). Просьба Гудрун кажется, по меньшей мере, странной – кому как не ей, открывшей Брюнхильд правду о Сигурде, знать, что именно печалит соперницу.

Брюнхильд отлично видит коварство Гудрун, а потому отвечает ей упреком и максимой: «Одно только скажу тебе: лучше было бы, если бы ты знала, что приличествует знатым женам; и хорошо тогда наслаждаться благом, когда все вершится по вашей воле» (перев. Б.И. Ярхо). Брюнхильд хочет показать противнице, что ее поведение не соответствует принятым нормам, и выражает сомнение в том, что Гудрун была бы счастлива, если бы жизнь не соответствовала ее желаниям. В ответ на прямой упрек Брюнхильд Гудрун продолжает притворяться и спрашивает: «В чем ты нас упрекаешь? Мы не сделали вам никакого зла» (перев. Б.И. Ярхо). Тогда Брюнхильд высказывает ей свое главное обвинение – Гудрун виновата в

том, что завладела Сигурдом, и сопровождает его угрозой: «Заплатишь ты за то, что Сигурд – твой муж; и не потерплю я, чтобы ты владела им и золотом тем великим» (перев. Б.И. Ярхо). Гудрун пытается оправдаться, ссылаясь на свое неведение: «Не знала я о вашей тайности, и властен был отец мой избрать мне мужа, не спросясь у тебя» (перев. Б.И. Ярхо). Однако ей вновь не удается обмануть Брюнхильд, которая без обиняков отвечает сопернице: «Не было у нас никакой тайности, а дали мы друг другу клятву; и вы знаете, что обманули меня, и будет за это месть» (перев. Б.И. Ярхо). Брюнхильд обвиняет Гудрун в том, что она нечестно завладела Сигурдом и, ссылаясь на «предварительный инцидент», грозит ей местью за обман.

После обмена взаимными угрозами и оскорблениями начинается центральная часть сцены – жены сравнивают своих мужей (табл. 20).

Таблица 20

Распря Гудрун и Брюнхильд в «Саге о Вэльсунгах»
(вторая часть)

Семантика	Гудрун – Брюнхильд
1. Критика, восхваление мужа противницы, пророчество.	1. Гудрун: «Лучшего мужа ты добыла, чем тебе подобает; но нелегко будет унять твою гордыню, и многие от нее потерпят».
2. Утверждение превосходства мужа противницы.	2. Брюнхильд: «Была бы я довольна, если бы муж твой не был лучше моего».
3. Сравнение мужей: восхваление мужа противницы (собственного брата Гуннара).	3. Гудрун: «Так хорош твой муж, что неизвестно, кто из двоих больший конунг, и довольно у тебя земли и богатства».
4. Сравнение мужей: восхваление мужа противницы (Сигурда), ссылка на «предварительный инцидент» и унижение брата противницы (собственного мужа Гуннара).	4. Брюнхильд: Сигурд убил Фафнира, а это дороже стоит, чем вся держава Гуннара-конунга, как в песне поется: «Сигурд змея сразил, / И слава об этом / Не может померкнуть / до гибели мира, / А твой родич / слишком был робок, / Чтоб прыгнуть сквозь пламя / иль прямо проехать».
5. Оправдание мужа противницы (собственного брата Гуннара), ссылка на «предварительный инцидент».	5. Гудрун: «Грани не захотел идти в огонь под Гуннаром-конунгом; а сам он не боялся, и нельзя обвинить его в робости».
6. Обвинение матери противницы (Гримхильд), ссылка на «предварительный инцидент».	6. Брюнхильд: «Не скрою, что не желаю я Гримхильд добра».

Семантика	Гудрун – Брюнхильд
7. Критика и оправдание собственной матери (Гримхильд).	7. Гудрун: «Не поноси ее, потому что она обходится с тобой как с родной дочерью».
8. Обвинение матери противницы (Гримхильд).	8. Брюнхильд: «Она – виновница всей скорби, что меня гложет; она поднесла Сигурду коварную брагу, так что позабыл он даже имя мое».
9. Обвинение.	9. Гудрун: «Много недобрых слов говоришь ты, и великая это ложь».
10. Контробвинение и угроза.	10. Брюнхильд: «Наслаждайтесь же с Сигурдом так, будто вы меня не обманули. Брак ваш – нечестен, и да будет с вами, как я замыслила».
11. Похвальба.	11. Гудрун: «Слаще мне будет, чем тебе угодно, и никто не добьется того, чтобы хоть раз кто-нибудь полюбился ему больше меня».
12. Обвинение и угроза.	12. Брюнхильд: «Злобно ты говоришь, и раскаешься ты в том, что вылетает у тебя изо рта, но не будем браниться».
13. Обвинения.	13. Гудрун: «Ты первая бросила в меня бранным словом. Теперь ты прикинулась, будто хочешь уладить дело миром, но под этим кроется злоба».
14. Попытка прекратить разговор, признание в своих чувствах, т. е. ответ на вопрос, заданный в начале распри.	14. Брюнхильд: «Бросим ненужную болтовню. Долго я молчала об обиде, что жила у меня в груди; но люблю я только твоего брата... и давай говорить о другом».
15. Выражение недоверия.	15. Гудрун: «Много дальше идут твои мысли».

Во второй части распри воспроизводятся те же мотивы, что и в первом «раунде», и в «Младшей Эдде»: утверждение превосходства мужей, убийство Сигурдом Фафнира, прыжок через пламя. Однако сравнение мужей в этом «раунде» происходит парадоксальным образом – вместо того чтобы хвалиться доблестью собственных мужей, героини восхваляют мужей друг друга. Брюнхильд говорит о причине своего недовольства – муж Гудрун, т. е. Сигурд, лучше ее собственного, т. е. Гуннара (Una mundu ver <...> ef eigi ettir þu gaufgara manni – «Была бы довольна, если бы ты не имела более выдающегося мужа», перев. Б.И. Ярхо), и восхищается мужеством и подвигами Сигурда. Гудрун пытается доказать ей, что и собственный муж Брюнхильд Гуннар не так робок, как могло показаться сопернице. Гудрун пытается примирить противницу с ее

положением (*Attu sva gaufgan mann, at uvist er, hverr meire konungr er – «У тебя есть такой выдающийся муж, что неизвестно, кто лучший конунг»*) и убедить ее не оспаривать того превосходства, которого благодаря браку с Сигурдом удалось добиться самой Гудрун.

Слова обеих героинь почти повторяют их речи, приведенные в «Младшей Эдде», однако там восхваление Сигурда принадлежит его жене Гудрун, Брюнхильд же, напротив, прославляет своего мужа Гуннара. Если в «Саге о Вёльсунгах» Брюнхильд говорит: *Sigurdr vœ at Fafnne, ok er þat meira vert enn allt ríki Gunnars konungs – «Сигурд убил Фафнира, а это стоит больше, чем все владение Гуннара конунга»*, то в «Младшей Эдде» ее слова воспроизводятся и в речи Гудрун о Сигурде: *hann vá Fafni ok Regin – «он убил Фафнира и Регина»*, и в дополнении Брюнхильд о Гуннаре: *meira var þat vert, er <...> reið vaforlogann, en <...> þorði eigi – «больше стоит то, что <...> проехал через огненный вал, а <...> не осмелился»*). Те же слова (*Sigurdr vœ at orme <...> en hlyre þinn hvarke þordi / elld at ríða – «Сигурд убил змея, <...> а родич твой не осмелился через огонь проскакать»*) воспроизводятся и в поэтической строфе, которую в «Саге о Вёльсунгах» произносит Брюнхильд, но которая была бы более уместна в устах Гудрун¹⁴³. Следует заключить, что «Сага о Вёльсунгах» отражает более позднюю стадию в эволюции этой сцены, чем «Младшая Эдда».

Неудивительно, что сравнение мужей в «Саге о Вёльсунгах» приводит к обвинению той, которая устроила брак Гудрун и тем разлучила Брюнхильд с ее возлюбленным. Брюнхильд заявляет, что «заплатит злом за зло Grimхильд» (*Ok eigum vér Grímhildi illt at launa*), матери Гудрун и Гуннара. Тщетно Гудрун пытается защитить мать, Брюнхильд открыто называет Grimхильд «виновницей ее скорби» и обвиняет в том, что она поднесла Сигурду напиток, заставивший его изменить возлюбленной. Напомним, что о колдунье Grimхильд и ее волшебном зелье говорится и в одной из сохранившихся эддических песней – «Второй Песни о Гудрун» (правда, в этой песни колдовской напиток используется не для того, чтобы заставить Сигурда забыть Брюнхильд, но чтобы помочь Гудрун забыть Сигурда и облегчить ей новый брак с Атли).

В «Саге о Вёльсунгах» Гудрун не остается ничего иного, как выступить с контробвинением и заявить, что Брюнхильд лжет («Много недобрых слов говоришь ты, и великая это ложь», перев. Б.И. Ярхо). Брюнхильд не отвечает на обвинения во лжи, но зловеще велит Гудрун радоваться жизни, как ни в чем не бывало («Наслаждайтесь же с Сигурдом так, будто вы меня не обманули», перев. Б.И. Ярхо), а затем вновь повторяет свое

обвинение («брак ваш нечестен», перев. Б.И. Ярхо) и угрозу («да будет с вами, как я замыслила», перев. Б.И. Ярхо). Тогда Гудрун, наконец, находит самый верный способ уязвить противницу: «Слаще мне будет, чем тебе угодно, и никто не добьется того, чтобы хоть раз кто-нибудь полюбился ему больше меня» (перев. Б.И. Ярхо). В ответ на заявление Гудрун о любви Сигурда, который никогда не полюбит никого, кроме нее, пораженная в самое сердце Брюнхильд, как и обычно, прибегает к угрозам («раскаешься ты в том, что вылетает у тебя изо рта»), но затем выражает готовность закончить разговор и тем признает свое поражение.

Гудрун понимает, что, несмотря на победу в споре, ей не удалось сломить противницу: «ты прикинулась, будто хочешь уладить дело миром, но под этим кроется злоба» (перев. Б.И. Ярхо). Брюнхильд более не в силах выносить присутствие соперницы и заканчивает разговор единственным возможным способом – она объявляет о своей любви к мужу, брату Гудрун: «Бросим ненужную болтовню. Долго я молчала об обиде, что жила у меня в груди; но люблю я только твоего брата» (перев. Б.И. Ярхо). Гудрун, наконец, получает ответ на заданный в начале разговора вопрос о чувствах Брюнхильд, однако выражает совершенно естественное недоверие («Много дальше идут твои мысли», перев. Б.И. Ярхо).

Во второй части распри Брюнхильд обречена на поражение, прежде всего потому, что стремится не столько уязвить противницу, как это делает Гудрун, сколько дать исчерпывающий перечень своих несчастий. Брюнхильд скорбит о том, что: 1) Гудрун владеет Сигурдом и золотом; 2) Сигурд превосходит Гуннара; 3) Гуннар оказался трусом и не смог прыгнуть через пламя; 4) Коварство Гримхильд обрекло Сигурда на измену; 5) Сигурд обманул ее и вступил в «нечестный брак». Гудрун находит ответ на каждое утверждение соперницы, Брюнхильд же лишь бессильно грозит противнице, которая каждой фразой уязвляет ее все сильнее. Наконец, она просит соперницу завершить разговор и умолкает. Последнее слово, таким образом, в обеих частях остается за Гудрун.

Сцена ссоры героинь заканчивается в «Саге о Вэльсунгах» нарративным заключением: «И стряслось великое горе оттого, что поехали они на реку, и узнала Брюнхильд перстень тот, и случилась у них эта распря». О событиях, следующих за «ссорой королев», рассказывается не только в «Саге о Вэльсунгах», но и в эддическом «Отрывке Песни о Сигурде» (Vrot af Sigurdarkviða), от которого сохранилось всего 19 строф в фортюрдислаге. Дошедший до нас фрагмент начинается с того, что Хёгни спрашивает своего брата Гуннара, почему он хочет убить Сигурда. Гуннар винит Сигурда в том, что тот нарушил клятву, когда находился наедине с Брюн-

хильд. Хёгни же высказывает подозрение, что Брюнхильд требует смерти Сигурда из ревности. Гуннар и Хёгни дают мясо волка, змеи и ворона своему младшему брату Готторму, чтобы пробудить в нем боевой дух, и тот убивает Сигурда. Когда братья возвращаются, Гудрун спрашивает их о Сигурде, и они признаются в содеянном: «Надвое Сигурда / мы разрубили, / конь склонился / над конунгом мертвым!» (7, перев. А.И. Корсуна). Брюнхильд поздравляет их и громко смеется, а Гудрун предрекает им гибель. Ворон с дерева тоже пророчит клятвопреступникам смерть от руки Атли. Ту ночь Гуннар проводит без сна, размышляя о страшном пророчестве. Брюнхильд же просыпается до рассвета и плачет. Она видела во сне, что Гуннар едет в оковах среди недругов, а весь их род гибнет. Брюнхильд упрекает Гуннара в том, что он нарушил обет побратимства и берет назад свое обвинение против Сигурда: «меч положил, / убранный золотом, / конунг великий, / меж нами на ложе» (19, перев. А.И. Корсуна). На этом месте песнь обрывается.

В «Отрывке Песни о Сигурде» сжатый, полный драматизма стиль, характерный для древнейших героических песней, сочетается с использованием мотивов (карканье ворона, дурные сны, образ коня, оплакивающего смерть хозяина), заставляющих вспомнить о балладах и фольклорной поэзии. В этой песни, очевидно, сохранился наиболее ранний вариант сказания – в ней рассказывается, что Сигурд погибает «к югу от Рейна» (это единственное южногерманское географическое название в песнях о Сигурде), вероятно, в лесу (ср. также «Вторую Песнь о Гудрун», «Песнь о Нибелунгах», «Сагу о Тидреке»). В прозаическом комментарии к песни сообщается: «немецкие мужи говорят, что он был убит в лесу». В том же комментарии (со ссылкой на «Древнюю Песнь о Гудрун») упоминается, что Сигурд был убит сыновьями Гьюки, когда ехал на тинг. По другой версии, отраженной в «Краткой Песни о Сигурде», «Подстрекательстве Гудрун», «Речах Хамдира», а также в «Младшей Эдде» и «Саге о Вёльсунгах», Сигурд был убит в постели, спящий.

В «Саге о Вёльсунгах» гибель Сигурда мотивируется ссорой королев: «Ты раскаешься, если спросишь» (перев. Б.И. Ярхо), – говорит Сигурд своей жене, запрещая ей вступать в перепалку с Брюнхильд. Его словам вторит в разговоре с Гудрун Брюнхильд: «Злобно ты говоришь и раскаешься» (перев. Б.И. Ярхо). Сходную роль катализатора трагических событий распря героинь играет и в «Саге о Тидреке» (гл. 343), представляющей собой норвежский перевод первой половины XIII в. компиляции эпических сказаний о Дитрихе Бернском (Теодорихе Великом). Как уже упоминалось (см. гл. 1), в прологе саги идет речь о ее устных германских

источниках: немецких сказаниях, рассказах немецких людей и древних песнях¹⁴⁴, поэтому предполагается [Andersson 1986: 352], что сага восходит к немецкому оригиналу (ок. 1190 г.). В числе тех устных источников, о которых говорится в прологе саги, могло быть сказание о Брюнхильд и ее сопернице, восходящее к нижненемецким эпическим песням.

В «Саге о Тидреке» и в немецком эпосе противница Брюнхильд носит то же имя, что и колдунья, мать Гудрун и Гуннара, в героическом эпосе и в «Саге о Вельсунгах» – Гримхильд (ср. в «Песни о Нибелунгах» Кримхильда). В нарративном прологе к сцене ссоры в «Саге о Тидреке» рассказывается о том, как однажды утром королева Брюнхильд вошла в свои палаты и увидела, что перед нею сидит Гримхильд, сестра короля Гуннара. Тогда Брюнхильд подошла к своему престолу и спросила Гримхильд (табл. 21).

Таблица 21

Распря Гримхильд и Брюнхильд в «Саге о Тидреке»

Семантика	Гримхильд– Брюнхильд
1. Вопрос = побуждение к действию.	1. Брюнхильд: «Почему ты так гордишься, что даже не встаешь передо мной, твоей королевой?» ¹⁴⁵
2. Оправдание (ссылка на предварительный инцидент), похвальба.	2. Гримхильд: «Я могу сказать тебе, почему я не встаю перед тобой. Во-первых, ты сидишь на престоле, который принадлежал моей матери, а во-вторых, у меня не меньше прав восседать на нем, чем у тебя».
3. Ссылка на предварительный инцидент, похвальба, унижение противницы.	3. Брюнхильд: «Хотя твоя мать владела этим престолом, а твой отец владел этим замком и этой страной, теперь он принадлежит мне, а не тебе. Тебе лучше было бы отправиться в леса блуждать по оленьим тропам вместе со своим мужем Сигурдом. Вот к чему ты пришла, а не к тому, чтобы быть королевой в стране Нифлунгов».
4. Вопрос = упрек, похвальба, провокационный вопрос.	4. Гримхильд: «Почему ты сейчас обвиняешь меня и обращаешь в укор и позор то, что, я думаю, должно быть к моей чести и славе – а именно то, что мой муж – юный Сигурд? Ты начинаешь игру, в которой можешь захотеть, чтобы мы больше поговорили о том, что подобает, и о том, что зазорно. Ответь же сейчас на первый вопрос, который я тебе задам: кто овладел твоим девством и кто был твоим первым мужем?»

Семантика	Гримхильд– Брюнхильд
5. Похвальба, ссылка на предварительный инцидент.	5. Брюнхильд: «Ты спросила меня о том, что я легко могу тебе рассказать, и в этом нет позора. Могущественный конунг Гуннар приехал в мой замок и с ним много хёвдингов, тогда по совету моих друзей я взяла его в мужья. Тогда я вышла замуж за него, и были всяческие торжества, и мы устроили самый богатый прием с великим множеством мужей, и с ним я возвратилась в страну Нифлунгов. Я не стану скрывать этого ни от тебя, ни от кого другого, кто спросит меня, кто был моим первым мужем».
6. Обвинение во лжи, ссылка на предварительный инцидент.	6. Гримхильд: «Ты лжешь сейчас в ответ на мой вопрос, как я и ожидала. Мужчина, который овладел твоим девством, звался юным Сигурдом».
7. Отрицание обвинения, ссылка на предварительный инцидент.	7. Брюнхильд: «Я никогда не была женой Сигурда, и он никогда не был моим мужем».
8. Повторное утверждение, ссылка на предварительный инцидент.	8. Гримхильд: «Мне стало ясно это, благодаря этому золотому кольцу, которое он взял у тебя, когда овладел твоим девством. Это самое золото он снял с твоей руки и отдал мне».

В нарративном заключении подводятся итоги распри: «И когда Брюнхильд увидела это золото, она тотчас узнала, что владела им, и теперь поняла, что случилось. Тогда она пожалела о том, что позволила всему выйти наружу и стать явным, так что все могли услышать это, потому что немногие знали об этом раньше. Брюнхильд думала об этом так много, что стала багровой, как кровь из свежей раны. Тогда она замолчала и не проронила больше ни слова. Она встала и пошла прочь из замка».

Легко заметить, что в ссоре героинь в «Саге о Тидреке» похвальба играет более важную роль, чем взаимные обвинения и оскорбления. Каждая из королев озабочена преимущественно утверждением собственного превосходства и превосходства своего мужа, и потому силится унижить и соперницу, и ее мужа. Если в «Саге о Вэльсунгах» в распрю первой вступает Гудрун, то в «Саге о Тидреке» ее начинает Брюнхильд. Гримхильд, подобно Гудрун в «Саге о Вэльсунгах», пытается сначала утвердить свое равенство («у меня не меньше прав»). В ответ на попытку противницы отстоять свои права, Брюнхильд переходит в наступление – она утверждает, что наследственные владения Гримхильд принадлежат отныне ей самой. Брюнхильд не только отказывает Гримхильд в праве назы-

ваться «королевой в стране Нифлунгов», но и стремится оспорить социальное положение Сигурда. Ее указание подходящего Сигурду места – «оленьи тропы» в лесу, находит поддержку в «Младшей Эдде», где та же героиня утверждает, что муж Гудрун был рабом у конунга Хьяльпрека. Социальная ущербность героя становится предметом обсуждения и в «Песни о Нибелунгах», где Зигфрид сам объявляет себя вассалом Гуннара, а Брюнхильда настаивает на социальном неравенстве обоих мужей в разговоре с Кримхильдой.

Упоминание о низком социальном статусе Сигурда оказывается переломным моментом распри, оно вызывает гнев Гримхильд, и та задает сопернице провокационный вопрос о том, кто был ее первым мужем. Брюнхильд с гордостью называет имя Гуннара и слышит в ответ от противницы не только обвинение во лжи, но разоблачительную правду. Брюнхильд протестует, но ее соперница в «Саге о Тидреке», как и в «Саге о Вёльсунгах», предъявляет ей свое вещественное доказательство – кольцо.

В изображении ссоры королев «Сага о Тидреке» отличается от первого «раунда» распри в «Саге о Вёльсунгах» и от прозаической «Эдды». Если в первой части распри в «Саге о Вёльсунгах» и в прозаической «Эдде» распря королев происходит у воды – традиционном месте германских перебранок, то в «Саге о Тидреке» королевы ссорятся в палатах Брюнхильд. Сцена распри героинь в «Саге о Тидреке» допускает сравнение лишь со вторым диалогом королев в «Саге о Вёльсунгах» (гл. 28), когда героини сидят в своей комнате (*skemma*), и Брюнхильд выражает зависть по поводу брака противницы и недовольство собственной судьбой. В «Саге о Тидреке» и во второй части распри в «Саге о Вёльсунгах» сохраняются основные мотивы древней ссоры королев: оспаривание первенства каждой из женщин, сравнение мужей, сообщение правды о том, что Сигурд первым провел ночь с Брюнхильд.

Новым мотивом, который появляется в «Саге о Тидреке», оказывается утверждение Гримхильд, что Сигурд «овладел девством» Брюнхильд. Это утверждение мотивируется в контексте саги рассказом о необычном сватовстве Гуннара к деве-воительнице (гл. 225–229). Именно Сигурд, как утверждается в «Саге о Тидреке», посоветовал Гуннару посвататься к Брюнхильд, с которой он прежде обменялся обетами верности. И именно Сигурд уговорил Брюнхильд, которая по-прежнему предпочитала в качестве мужа его самого, согласиться на этот брак. Брюнхильд, однако, дала отпор Гуннару во время трех брачных ночей, связав его по рукам и ногам его же поясом и повесив на крюк. В отчаянии Гуннар обратился

к Сигурду за советом, и Сигурд рассказал Гуннару, что Брюнхильд теряет свою силу, как только лишится девственности. Гуннар попросил Сигурда о помощи, тогда Сигурд, переодевшись в одеяние Гуннара, заменил того на брачном ложе, овладел Брюнхильд, а утром снял с ее руки кольцо и надел ей свое, уступив Гуннару место подле Брюнхильд (гл. 229).

Мотив «овладения девством» воспроизводится, возможно, вслед за немецкими источниками, отраженными в «Саге о Тидреке», лишь в поздних текстах. Например, в фарерской балладе на сюжет цикла Нибелунгов под названием «Песнь о Брюнхильд» (*Brynhildar táttur*)¹⁴⁶, записанной в конце XVIII в., тоже рассказывается о сватовстве Гуннара к деве-воительнице. Брюнхильд отвергает всех женихов, включая Гуннара, и соглашается выйти замуж только за Сигурда. С этой целью она удаляется в неприступный чертог, окруженный огненным валом, с которым может справиться только Сигурд. Сигурд преодолевает пламя, видит спящую в боевом облачении Брюнхильд и рассекает на ней мечом кольчугу. Брюнхильд просыпается и принимает любовь Сигурда, впоследствии у нее рождается от Сигурда дочь Аслауг. Сигурд дарит Брюнхильд двенадцать колец и покидает ее, а затем встречается с Гудрун, которая поит его колдовским зельем. Он забывает Брюнхильд и берет в жены Гудрун, однако Брюнхильд узнает об этом, и эта весть пронзает ей сердце. Брюнхильд встречается с Гудрун во время купания и вступает с ней в распрю (таким образом, их ссора тоже происходит «у воды»). Гордая тем, что заполучила Сигурда, Гудрун отказывается мыться одной водой с Брюнхильд и спрашивает, кто дал ей то кольцо, что красуется на ее руке. Брюнхильд в ответ называет имя Сигурда. Гудрун спрашивает, почему Гуннар не женится на ней, а Брюнхильд воспроизводит традиционные слова о том, что не хочет иметь двух конунгов под одной крышей. Гудрун напоминает, что Сигурд лишил ее девства, тогда Брюнхильд дает обет отомстить ему смертью. Она призывает Гуннара, который, очевидно, все же приходится ей мужем, и грозит ему отлучением от супружеского ложа до тех пор, пока Сигурд не исчезнет. Сигурд является к Брюнхильд и в ответ на ее обвинение в неверности, рассказывает о колдовском зелье. Аслауг появляется на свет, Брюнхильд приказывает отнести ее на реку, а сама решает погубить Сигурда. Узнав о смерти Сигурда, Брюнхильд умирает от горя.

В фарерской балладе воспроизводятся традиционные мотивы древнегерманского сказания о Нифлунгах/Нибелунгах: отращивание Брюнхильд к браку, преодоление Сигурдом огненного вала, нарушение им

брачных обетов, женитьба на Гудрун, подстрекательство Брюнхильд, ее гибель после убийства Сигурда. Тем не менее ссора королей в балладе не следует канонам, известным по более ранним памятникам: Гудрун спрашивает о том, почему Гуннар не женится на Брюнхильд; Брюнхильд говорит, что не Гуннар, но Сигурд дал ей кольцо; Гудрун утверждает, что Сигурд лишил Брюнхильд девства (этот мотив дополнительно удостоверяется рождением дочери).

Напротив, в других памятниках (как ранних, так и поздних), излагающих сказание о Нифлунгах/Нибелунгах, говорится, что Сигурд никогда не посягал на Брюнхильд. Так, в «Саге о Вельсунгах» повествуется: «Оставался он там три ночи, и спали они на одной постели. Он берет меч Грам и кладет его обнаженным между собой и ею. Она спрашивает, почему он так поступает. Он отвечает, что так суждено ему справить свадьбу со своею женой или же принять смерть. В ту пору взял он у нее перстень тот, который подарил ей прежде, и дал ей другой из наследия Фафнира» (гл. 29, перев. Б.И. Ярхо).

Рассказ из «Саги о Вельсунгах» соответствует тому, как помощь Сигурда Гуннару изображается в героических песнях «Старшей Эдды». В «Пророчестве Грипира» Сигурду прорицает будущее его дядя, мудрейший из всех людей: «Ты будешь покоиться, / князь благородный, / с девою рядом, / как сын возле матери» (41, перев. А.И. Корсуна); в «Краткой Песни о Сигурде» рассказывается: «Юноша с юга / меч положил / обнаженный на ложе / меж ней и собой; женщину он / не целовал, / не обнимал / гуннский конунг, / деву сберег он / для сына Гьюки» (4, перев. А.И. Корсуна); в той же песни герой сам перед смертью рассказывает, что «не нанес ущерба» Гуннару (28, перев. А.И. Корсуна); в «Поездке Брюнхильд в Хель» героиня вспоминает: «Ложились мы с ним / на ложе одно, / как если б он был / братом моим; / восемь ночей / вместе мы были – / хотя бы рукой / друг друга коснулись!» (12, перев. А.И. Корсуна); в «Отрывке Песни о Сигурде» Брюнхильд говорит Гуннару: «Когда отправился / смелый герой / сватать меня, / тогда доказал он, / что не по-вашему / клятве он верен / той, что давал / юному конунгу: меч положил, / убранный золотом, конунг великий / меж нами на ложе, – / был клинок / в огне закален, / капли яда / таил он в себе» (19, перев. А.И. Корсуна). Можно предположить, что мотив лишения девства, встречающийся в описании и распри героинь в «Саге о Тидреке», и ссоры королей в фарерской балладе о Брюнхильд, относится к поздним, так как отсутствует в типологически ранних памятниках (героических песнях «Старшей Эдды»).

По-разному используется в «Саге о Тидреке» и в других памятниках мотив обручения Брюнхильд с Сигурдом, предшествовавшего его женитьбе на Гудрун. О взаимных обетах, которыми обменялись Сигурд и Брюнхильд, говорится только во второй части распри в «Саге о Вэльсунгах». В «Саге о Тидреке» этот мотив тоже присутствует, но упоминается до сцены ссоры королей (II.38.20–40.4). В памятниках, отражающих более раннюю версию распри, – в «Младшей Эдде» и в первой части сцены в «Саге о Вэльсунгах», этот мотив отсутствует.

Не сохраняется мотив обручения и в «Песни о Нибелунгах». В немецком эпосе о нем напоминает лишь реакция Брюнхильды на сватовство Зигфрида к Кримхильде (618–624): увидев золовку, сидящую рядом с Зигфридом, Брюнхильда плачет, а затем объясняет свои слезы тем, что страдает от унижения Кримхильды, отданной за вассала, т. е. Зигфрида. В немецком эпосе распря героиня наиболее близка к тому, как она изображается в «Саге о Тидреке» и во втором «раунде» в «Саге о Вэльсунгах» – здесь присутствуют основные мотивы ссоры королей: оспаривание первенства, сравнение мужей, сообщение правды. Как и в «Саге о Вэльсунгах» (и в отличие от остальных скандинавских памятников), описание распри в «Песни о Нибелунгах» занимает две сцены, но значительно более пространственные, чем в саге.

Существенные изменения претерпевают в немецком варианте эпоса и образы участниц ссоры королей. В «Песни о Нибелунгах», Брюнхильда изображена девой-воительницей, правящей в Исландии «на острове морском». Подобно сказочной великанше¹⁴⁷, она облачена в тяжелый панцирь и подлатник, который ни разу не прорубал ничей клинок (429); четыре сильных мужа с натугой поднимают ее щит, с которым она играючи справляется одной рукой (437); три воина с трудом несут ее копье, которое она кидает без промаха (440). Брюнхильда способна победить всех, кроме Зигфрида, не только на поле боя, но и на брачном ложе. От нее терпит унижительное поражение ее муж Гунтер (в брачную ночь Брюнхильда связывает его и вешает на крюк), однако Зигфрид укрощает деву-воительницу, снимает с нее пояс и кольцо, которые отдает своей жене.

Соперница Брюнхильды носит в немецком эпосе не имя Гудрун, как в скандинавской традиции, но имя Кримхильды, как в «Саге о Тидреке», восходящей к устным германским источникам (см. выше). В начале поэмы Кримхильда изображается нежной бургундской принцессой (ein vil edel magedin – «весьма благородной девушкой», minneclîch – «достойной любви», âne mâzen schoene – «безмерно прекрасной», 3). Красота

ее привлекает много поклонников, однако предвещает грядущие беды (si wart ein scoene wîp. Dar umbe muosen degene vil verliesen den lîp – «она была красивой женщиной. По этой причине позднее многие рыцари лишились жизни», 2.3–4). До встречи с Зигфридом Кримхильда не чувствуется склонности ни к одному из искателей ее руки: «Но между тех, кто б с нею охотно в брак вступил, / никто Кримхильде не был настолько люб и мил, / чтоб в сердце королевны мог воцариться он»¹⁴⁸ (46, перев. Ю.Б. Корнеева).

Нежелание вступить в брак несвойственно скандинавской Гудрун, чей образ соответствует немецкой Кримхильде. Во всяком случае в «Старшей Эдде» этот мотив в связи с Гудрун не встречается – в «Краткой Песни о Сигурде» говорится лишь: «Сигурду дали / казну и невесту – / юную Гудрун, / Гьюки дочь» (перев. А.И. Корсуна). Однако о ненависти к супружеству не раз упоминается в скандинавской традиции в связи с Брюнхильд (ср., например, в «Краткой Песни о Сигурде»: «И замуж я / идти не хотела, / куда вы, Гьюкунги, / к нам не приехали», 35. 1–2, перев. А.И. Корсуна). Отвращение к брачным узам как отличительная черта Брюнхильд сохраняется и в «Саге о Вельсунгах»: Один приказывает ей выйти замуж в отместку за то, что она погубила Хьяльм-Гуннара в бою, она же в ответ дает клятву: не выходить замуж за того, кому ведом страх (гл. 31). Мотив отвращения к супружеству в образе немецкой Кримхильды (авентюра 3) мог появиться под влиянием того, как изображался в скандинавской традиции образ ее соперницы¹⁴⁹.

О скандинавской героине заставляет вспомнить и то, что Кримхильда, подобно Брюнхильд, хочет вступить в брак с самым доблестным мужем. Еще до брака с Зигфридом она выражает желание узнать, кто был лучшим в сражении (226.3), и радуется, когда слышит, что этим героем был Зигфрид (238.4). Любовь Кримхильды в большой степени основана на гордости от того, что ее муж самый великий герой в мире. Став женой величайшего героя, Кримхильда получает преувеличенное представление и о собственной значимости. Ее заносчивость особенно ярко проявляется в сцене «ссоры королей» (авентюра 14), свидетельствующей о том, насколько важно для героини постоянное самоутверждение.

В «Песни о Нибелунгах» сцену распри открывает, согласно германской традиции, введение. В нем рассказывается о реальном поединке мужей, затеянном ради развлечения: «В тот день, перед вечерней, потехой ратной вновь / Погорячить решили себе герои кровь. / От топота и кликов гудел дворцовый двор, / А из дворца на витязей бросали дамы взор» (814, перев. Ю.Б. Корнеева). Может показаться, что и распря героинь, подобно

турниру мужей, затеяна со скуки и будет носить развлекательный характер – Кримхильда и Брюнхильда смотрят на состязание в доблести и начинают сравнивать своих мужей (перев. Ю.Б. Корнеева) (табл. 22).

Таблица 22

Распря Кримхильды и Брюнхильды
в «Песни о Нибелунгах»
(первая часть)

Семантика	Кримхильда – Брюнхильда
1. Восхваление собственного мужа.	1. Кримхильда: «Супруг мой так силен, Что мог бы подчинить себе и вашу землю он» (815).
2. Унижение мужа соперницы, восхваление собственного мужа.	2. Брюнхильда: «Напрасные мечты! Вот если б пережили всех нас твой муж да ты, Наш край и впрямь достался б супругу твоему, Но раз мой Гунтер здравствует, вовек не быть тому» (816).
3. Сравнение мужей (утверждение превосходства собственного мужа), похвальба.	3. Кримхильда: «Ты лучше посмотри, Насколько Зигфрид краше, чем все богатыри. Меж ними он – как месяц меж звезд порой ночной. Горжусь я тем, что он меня назвал своей женой» (817).
4. Сравнение мужей (утверждение превосходства собственного мужа).	4. Брюнхильда: «Как Зигфрид ни хорош, Ни храбр, ни прям душою, признать должна ты все ж, Что Гунтер, брат твой смелый, – знатней и удалей. С ним не идет в сравнение никто из королей» (818).
5. Утверждение равенства обоих мужей.	5. Кримхильда: «Поверь, сестра моя, Превозношу супруга не без причины я: Себя он так прославил в дни мира и войны, Что Зигфрид с Гунтером твоим величием равны» (819).
6. Унижение мужа соперницы (утверждение низкого социального статуса мужа соперницы), ссылка на «предварительный инцидент».	6. Брюнхильда: «Тебя я не хотела, Кримхильда, оскорбить, Но с Гунтером не может супруг твой ровней быть. Об этом я узнала от них самих в те дни, Когда искать моей руки приехали они. Тогда твой брат отвагой любовь мою стяжал, И Зигфрид мне признался, что он – простой вассал. А коли так, вассалом он должен и считаться» (820–821).
7. Сомнение в правдивости соперницы (просьба замолчать).	7. Красавица Кримхильда ей: «Как это может статься? Не верю я, чтоб братья и вся моя родня За подданного выдать осмелились меня, А потому покорно прошу тебя, подруга, Не говорить подобных слов про моего супруга» (821–822).

Семантика	Кримхильда – Брюнхильда
8. Отказ замолчать (повторное унижение соперницы).	8. Брюнхильда: «Я говорить их буду, – Брюнхильда ей в ответ. – Мне с мужем отречься от подданных не след: Пускай и впредь нам служат, как долг и честь велют» (823).
9. Обвинение соперницы в произнесении лживого высказывания. Утверждение превосходства собственного мужа. Требование замолчать.	9. Кримхильда: «Придется все ж отречься тебе от одного: Мой муж слугою не был вовек ни у кого. Знатнее, чем твой Гунтер, его отважный зять, И ты должна свои слова назад немедля взять. Вот что еще мне странно: коль впрямь он ленник твой И ты повелеваешь по праву им и мной, Как он посмел так долго вам дани не платить? Тебе надменный свой язык пора б укоротить» (824–825).
10. Требование замолчать (императив), сравнение жен.	10. Воскликнула Брюнхильда: «Свой чванный нрав уйми! Ведь мы еще посмотрим, кто больше чтим людьми – Ты или я, чьей воле покорен каждый здесь». И тут уж вовсе королев объяли злость и спесь (826).
11. Угроза, утверждение собственного превосходства и превосходства мужа.	11. Кримхильда: «Пусть будет так, Брюнхильда, как ты сейчас сказала. Ты моего супруга считаешь за вассала, А я при всех, кто службой обязан вам и нам, Перед тобою, первая, войду сегодня в храм. Сегодня ж ты увидишь, что выше родом я И что славней, чем Гунтер, тот, кто мне дан в мужья. Отучишься ты думать, что я – твоя раба. А коль воображаешь ты, что это похвальба, Я повторяю снова, что первой в храм войду У всех твоих вассалов и женщин на виду, Чтоб моему величию дивился вормсский двор» (827–829).
12. Ответная угроза.	12. Брюнхильда заключила: «Коль ты убеждена, Что верностью вассальной пренебрегать вольна, Ты от меня отдельно со свитой в храм пойдешь» (830).

Ссора королев начинается с похвал Кримхильды в адрес своего мужа Зигфрида, которые на первый взгляд кажутся вполне безобидными. Однако существенно, что свои неумеренные хвалы Зигфриду Кримхильда расточает в присутствии Брюнхильды. После того как Зигфрид объявил себя вассалом Гунтера, притязания Кримхильды на то, что ее муж мог бы править «всеми этими» (вероятно, бургундскими) землями (815. 3–4) свидетельствуют о ее крайней заносчивости и кажутся намеренно провокационными.

В ответ Брюнхильда утверждает превосходство Гунтера и отвечает противнице: *die wile lebt Gunther, sô kundez nimmer ergân* – «пока жив Гунтер, этого не может произойти» (816.4). Кримхильда не удостаивает соперницу ответом, но продолжает превозносить Зигфрида, сравнивая его с луной, а всех прочих рыцарей – со звездами (817). Эти сравнения не только говорят о ее непомерной гордыне, но и, несомненно, вызваны желанием задеть соперницу. У Брюнхильды есть все основания думать, что именно ее муж Гунтер – величайший герой, потому что он единственный смог дважды победить ее (и на поле боя, и на брачном ложе).

Можно подумать, что Кримхильда знает или, получив от Зигфрида кольцо и пояс соперницы, догадывается о том, как была обманута Брюнхильда. Во всяком случае она не сомневается в том, что ее муж Зигфрид по меньшей мере равен Гунтеру по своему положению и намного превосходит его своею доблестью: *geloubestu des, Prünhilt, er ist wol Gunthers genôz* – «Поверь мне, Брюнхильда, он конечно же равен Гунтеру» (819.4).

Хотя Брюнхильда подозревает, что отношения бургундского монарха и Зигфрида не похожи на отношения господина и вассала, утверждение Кримхильды о равенстве (*genôz*, 819.4) мужей, очевидно, усиливает ее замешательство. Она напоминает противнице, что Зигфрид сам объявил себя вассалом Гунтера. Однако самая мысль о том, что Зигфрид может быть чьим-либо вассалом, кажется Кримхильде непереносимой, и она утверждает, что Зигфрид уже не просто равен Гунтеру, но и имеет более высокое положение (*tiwert*, 828.2). Услышав, что Зигфрид превосходит Гунтера, Брюнхильда приходит в ярость и не может скрыть ненависти к сопернице: *Du ziuhest dich ze hôhe*, 826 – «Ты вознеслась слишком высоко» (826.1). В этот момент Брюнхильда как будто забывает о том, что хотела выяснить правду об отношениях Зигфрида и Гунтера, и хочет лишь одного – осадить Кримхильду.

Однако Кримхильда уже не может удовлетвориться тем, что утверждает превосходство Зигфрида над Гунтером, ей нужно показать и собственную исключительность. Тогда она объявляет, что и сама тоже превосходит всех королей (*ich wil selbe wesen tiwert, danne iemen habe bekant / deheine küneginne, diu krône ie her getruoc* – «Я сама превосхожу любую королеву, которая когда-либо носила корону», 829.2–3). Таким образом, по инициативе Кримхильды сравнение мужей сменяется сравнением жен.

Разрушив миф о превосходстве Гунтера, на котором зиждился шаткий мир между Зигфридом и бургундами, Кримхильда совершает по отношению к своей семье еще более вызывающий проступок, чем тот,

что делает Зигфрид, когда прибывает в Вормс. Зигфрид объявляет, что намерен затеять бой с бургундами и отобрать у Гунтера и Хагена «их земли с замками» (110.4), но никогда не говорит, что превосходит любого, кто когда-либо носил оружие. Утверждая свое превосходство по отношению к любой королеве, «которая когда-либо носила корону», Кримхильда задевает честь не только Брюнхильды, но и всех бургундов. Чем более напряженными становятся ее отношения с соперницей, тем более враждебные чувства она, очевидно, вызывает у своих родных и всего бургундского двора.

Бургундский двор оказывается вовлеченным во вторую сцену распри королей, симметричную первой и состоящую из того же числа реплик, что и первая. Место, где она происходит, символично – героиням суждено помериться силами у собора, и именно здесь их ненависть друг к другу достигает кульминации. Происходящее вне собора, т. е. спор о том, кто первой войдет в храм, очевидно, значит для соперниц неизмеримо больше, чем то, ради чего они так стремятся войти в него (табл. 23, перев. Ю.Б. Корнеева).

Таблица 23

Распря Кримхильды и Брюнхильды
в «Песни о Нибелунгах»
(вторая часть)

Семантика	Кримхильда – Брюнхильда
1. Угроза.	1. И ей вдогонку бросила Кримхильда: «Ну, так что ж?». Затем велела дамам: «Оденьтесь сей же час. Пускай в восторг бургунды придут, увидев вас, И знают, что не в меру их госпожа горда, И я от чванства отучу Брюнхильду навсегда» (830–831).
2. Вызов.	2. И так, столкнулись свиты обеих королей, И тут хозяйка госте, от злобы побелев, Надменно приказала не преграждать пути: «Пускай супруга ленника даст госпоже пройти» (838).
3. Требование замолчать (императив), оскорбление в форме риторического вопроса (ссылка на предварительный инцидент).	3. Разгневанно Кримхильда воскликнула в ответ: «Молчи! Твое злоречье тебе самой во вред. Как саном королевским кичиться может та, Кто подданным своим была в наложницы взята?» (839)

Семантика	Кримхильда – Брюнхильда
4. Вопрос.	4. «Кого же ты, Кримхильда, наложницей зовешь?» (840).
5. Оскорбление, требование замолчать (императив), ссылка на предварительный инцидент.	5. «Тебя, и ты не смеешь сказать, что это ложь. Впервые наслаждался твоею красотой Не Гунтер, твой законный муж, а милый Зигфрид мой. Ужель тебе рассудок в ту ночь не подсказал, Что, к хитрости прибегнув, возлег с тобой вассал? Уймись и грех свой тайный не ставь себе в заслугу» (840–841).
6. Угроза.	6. Брюнхильда ей: «Твои слова я передам супругу» (841).
7. Упрек, угроза. Констатация победы Кримхильды.	7. «Изволь! Ты не уронишь меня во мнение брата. Сама ты возгордилась, сама и виновата. Коль подданной своею ты смела счесть меня, Меж нами больше дружбы нет с сегодняшнего дня» (842). Заплакала Брюнхильда, и первой, перед ней, Вошла в собор Кримхильда со свитою своей (843).
8. Угроза мужу соперницы, оскорбление, сомнение в истинности высказывания в форме риторического вопроса.	8. Из церкви Божьей выйдя, подумала она: «Бранчливая гордячка мне объяснить должна, За что меня дерзнула наложницей назвать. Коль Зигфрид впрямь расхвастался, ему несдобровать!» (845). Тут вышла и Кримхильда с толпою удальцов. Брюнхильда ей: «Постойте! Из ваших бранных слов Мне видно, что назвали наложницей меня вы. Кто, дерзкая обидчица, вам дал на это право?» (846).
9. Доказательство истинности обвинения, ссылка на предварительный инцидент. Констатация поражения Брюнхильды.	9. Кримхильда ей: «Дорогу! Ответ на ваш вопрос Дает вот этот перстень, что Зигфрид мне принес В ту ночь, когда на ложе вы с ним взошли вдвоем». Да, для Брюнхильды этот день стал самым черным днем (847).
10. Контробвинение (обвинение в воровстве).	10. Она в ответ сказала: «Не спорю, перстень – мой, Но у меня украден он чьей-то злой рукой, И кем он был похищен, теперь я вижу ясно». Тут обуял обеих гнев, безмерный и ужасный (848).
11. Оспаривание истинности обвинения, требование замолчать, повторное оскорбление.	11. Воскликнула Кримхильда: «Нет, не воровка я. Умолкни, иль навеки погибла честь твоя. Да, ты принадлежала супругу моему, И пояс, что на мне надет, – порукою тому» (849).

Семантика	Кримхильда – Брюнхильда
12. Переформулировка оскорбления = признание поражения.	12. Заплакала Брюнхильда при взгляде на него И так сказала подданным супруга своего: «Пускай властитель рейнский сюда придет сейчас И от меня услышит, как я вот здесь, при вас, Его родной сестрою была оскорблена. Наложницею Зигфрида я ею названа» (850–851).

Трудно с уверенностью утверждать, что именно движет Кримхильдой – желание утвердить превосходство Зигфрида или свое собственное, когда она объявляет в присутствии двух бургундских воинов о своем намерении войти в собор первой, т. е. опередить Брюнхильду. Свиты обеих королев сталкиваются у входа в собор, и Брюнхильда, побелев от злости, надменно приказывает Кримхильде уступить дорогу. Брюнхильда просит Кримхильду остановиться, потому что женщине, несущей службу (*eigen diu*, 838), не подобает входить прежде королевы. Услышав, что ее именуют супругой вассала, Кримхильда приходит в такой гнев, что называет противницу «наложницей» (*kebse*) вассала, – она утверждает, что наложница подданного не может быть королевой (839). Оскорбление Кримхильды, пусть и смягченное риторичностью вопроса, содержит ссылку на «предварительный инцидент» – событие из прошлой жизни противницы.

Потрясенная Брюнхильда спрашивает о том, что может значить нанесенное ей оскорбление, тогда Кримхильда бросает ей в лицо свое главное обвинение – Зигфрид первым обладал ею. Кримхильда повторяет свое обвинение уже не в форме вопроса, но утверждения и, вновь ссылаясь на «предварительный инцидент», требует от соперницы умолкнуть (840–841). Брюнхильда грозит сообщить о происшедшем своему мужу Гунтеру, однако Кримхильда упрекает ее в гордыне. Доведя противницу до слез, Кримхильда заставляет ее замолчать. В заключение этой части распри создатель «Песни о Нибелунгах» констатирует победу Кримхильды: «Заплакала Брюнхильда, и первой, перед ней, / Вошла в собор Кримхильда со свитою своей» (843, перев. Ю.Б. Корнеева).

Распря продолжается, когда героини выходят из собора. Размыслив над словами Кримхильды, Брюнхильда высказывает сомнение в истинности утверждения соперницы, а затем связывает нанесенное ей оскорбление с Зигфридом и мысленно угрожает ему (845). Увидев вышедшую из собора Кримхильду, Брюнхильда обращается к ней с требованием разъяснить смысл ее слов (846). В ответ на вопрос Брюнхильды Кримхильда приводит доказательство истинности обвинения, ссылаясь

на «предварительный инцидент», и показывает сопернице перстень, подаренный ей Зигфридом.

Поражение Брюнхильды вторично констатируется в поэме: «для Брюнхильды этот день стал самым черным днем» (847, перев. Ю.Б. Корнеева). Однако она не сдается и находит силы для контробвинения (848). Обвиненная в воровстве, Кримхильда чувствует необходимость оправдаться и предъявляет сопернице ее пояс, также подаренный Зигфридом (849). Кримхильда успешно оспаривает истинность обвинения соперницы, затем требует, чтобы та замолчала, и, наконец, наносит повторное оскорбление.

Создатель «Песни о Нибелунгах» в третий раз констатирует поражение Брюнхильды, которая признает, что не в состоянии совладать с соперницей («Заплакала Брюнхильда при взгляде на него», перев. Ю.Б. Корнеева), а затем, угрожая пожаловаться мужу, сама повторяет оскорбительное слово, брошенное ей в лицо противницей (850–851).

Оскорбление, которое Кримхильда бросает Брюнхильде в «Песни о Нибелунгах», традиционно для перебранок – это обвинение в распутстве. Задевающее честь слово, которым Кримхильда навсегда уничтожит соперницу, – «наложница» (*kebse*) – становится ключевым в этой сцене (839–840). Это слово воспроизводится здесь четыре раза, причем не только в речи Кримхильды, но и повторенное самой Брюнхильдой. Оно не дает покоя Брюнхильде, которая после службы вновь спрашивает о том, почему Кримхильда назвала ее наложницей. Как и во всех вариантах распри, Кримхильда предъявляет Брюнхильде кольцо, отобранное у нее Зигфридом во время брачной ночи.

В отличие от скандинавских версий распри, в которых кольцо оказывается неоспоримым доказательством, в «Песни о Нибелунгах» Кримхильда прибегает еще к одному свидетельству справедливости своих обвинений. Услышав, что Брюнхильда винит ее в воровстве, Кримхильда в подтверждение своих слов показывает сопернице пояс, добытый Зигфридом на брачном ложе, и тем вторично доводит противницу до слез¹⁵⁰. Открывая Брюнхильде, что та принадлежала Зигфриду (839. 3–4, 840. 2–4), а затем предъявляя сопернице ее кольцо и пояс, отобранные у нее Зигфридом в брачную ночь, Кримхильда, согласно средневековой этике, вторично воспроизводит унижающее противницу действие. Тем самым она становится столь же опасной для своих братьев, как и Зигфрид, который, как будто провидя катастрофические последствия ссоры королев, призывает Гунтера образумить жену: «Мой шурина, обязанность мужчины – / Укоротить супруге язык не в меру длинный. / Ты дай урок

Брюнхильде, а я Кримхильде дам. / Из-за ее бесчинств меня постигли стыд и срам» (862, перев. Ю.Б. Корнеева). Однако ему не удается предотвратить фатальный исход: «И Зигфрида бургунды решили погубить, / Пока он все не вызнал и не убил их сам. / Да, много славных витязей унес раздор двух дам!» (876, перев. Ю.Б. Корнеева).

Трагедия Кримхильды в немецком эпосе состоит в ее неспособности понять, в какой степени она компрометирует бургундов, раскрывая тайну укрощения Брюнхильды. Проявив трагическую несдержанность в сцене распри у собора, она создает ситуацию катастрофическую и для своей семьи, и для Зигфрида, и для себя самой. Даже если бы она не сообщила Хагену об уязвимом месте Зигфрида, она и без того несла бы не меньшую ответственность за его убийство, чем ее братья.

* * *

В заключение следует сказать, что ссора королев по-разному изображается в «Песни о Нибелунгах» и в скандинавской традиции. В «Младшей Эдде» и в первой части распри в «Саге о Вэльсунгах» героини вступают в разговор во время купания в реке по инициативе Брюнхильд, которая высокомерно отказывается встать ниже по течению реки и мыть голову в воде, стекающей с волос Гудрун. В «Саге о Тидреке» распря происходит в королевских палатах, причем тоже по инициативе Брюнхильд, требующей, чтобы золовка встала перед ней со своего места, и заставляет вспомнить о ссоре героинь в «Саге о Ньяле» (гл. 35), в которой жена Гуннара Халльгерд и жена Ньяля Бергтора вступают в конфликт из-за почетного места (см. выше). В «Песни о Нибелунгах» распря начинается в дворцовых палатах, в то время как дамы смотрят на состязание мужей, но достигает кульминации перед собором в присутствии всего двора. Создатель песни описывает постепенное разрастание ссоры, нагнетание враждебности и заключает изображением взаимной ненависти и уязвленной гордости обеих героинь. Во всех памятниках Гудрун (или Кримхильда в немецкой словесности) играет более важную роль, чем ее соперница. Однако если в скандинавской традиции Гудрун не только отстаивает свои права, но и пытается примириться с Брюнхильд, то в «Песни о Нибелунгах» Кримхильда намеренно наносит оскорбление Брюнхильде, называя ее «наложницей» и предъявляя ей кольцо и пояс в доказательство своей правоты. Оскорбительное слово «наложница», а возможно, и вещественные доказательства, скорее всего, принадлежат к поздним мотивам сказания.

Ссора героинь имеет сходную организацию во всех дошедших до нас текстах: героини встречаются у реки, в палатах, у собора, Брюнхильд претендует на превосходство, они обсуждают достоинства мужей, Гудрун (Кримхильда) разоблачает обман и показывает кольцо. В текстах, сохранивших мотив обручения (в «Саге о Тидреке», во втором «раунде» распри в «Саге о Вёльсунгах»), ссоре предшествуют жалобы Брюнхильд на свою судьбу, мотивирующие ее враждебность по отношению к противнице.

Содержание распри также сходно в тех текстах, в которых присутствует мотив обручения Брюнхильд и Сигурда: оспаривание равенства, сравнение мужей, утверждение превосходства. В «Саге о Вёльсунгах» оспаривание равенства и утверждение превосходства ограничивается первой частью распри (у реки). В «Песни о Нибелунгах» порядок следования мотивов незначительно изменяется: сравнение мужей (сцена в палатах) предшествует оспариванию равенства и утверждению превосходства (сцена у собора).

Более всего отличается от той версии сцены, которую отражают дошедшие до нас тексты, второй «раунд» распри в «Саге о Вёльсунгах». Остающиеся неизменными составные мотивы, унаследованные из древней версии сказания: оспаривание равенства («была бы я довольна, если бы у тебя не было лучшего мужа»), воспоминание о главном подвиге Сигурда (убийстве Фафнира) и прыжке через огонь, – помещаются здесь в необычный контекст. Гудрун не оспаривает превосходства мужа Брюнхильд, но, напротив, пытается примирить соперницу с ее положением, поэтому она восхваляет Гуннара вместо того, чтобы сказать правду о его трусости. К числу новых мотивов нужно отнести и упоминание о матери Гудрун Гримхильд как о главной виновнице обмана.

Во всех сохранившихся памятниках Гудрун (или Кримхильда) одерживает победу в ссоре, обрушивая на соперницу всю правду о двойном обмане. В «Песни о Нибелунгах» она с торжеством входит в собор, оставив соперницу униженной и потрясенной раскрывшейся ей истиной. В скандинавской и немецкой традиции сцена распри героинь служит мотивацией для гибели Сигурда / Зигфрида, ибо Брюнхильд (Брюнхильда) решает отомстить за публично перенесенное ею унижение. Так как мотив обручения Зигфрида с Брюнхильдой в «Песни о Нибелунгах» (в отличие от «Саги о Тидреке» и второго «раунда» распри в «Саге о Вёльсунгах») отсутствует, то у Брюнхильды нет иной причины для мести, кроме уязвленной гордости¹⁵¹. Нельзя не отметить, что в «Песни о Нибелунгах» обе героини изображены с менее привлекательной стороны, чем в скан-

динавской традиции. В «Песни о Нибелунгах» роль Брюнхильды оканчивается после убийства Зигфрида, и она исчезает из поля зрения слушателей. В эддических песнях и в сагах Брюнхильд не может пережить измену Сигурда и решает погубить его, чтобы не быть женой двух мужей. После гибели Сигурда она не хочет больше жить и восходит на погребальный костер, чтобы умереть с любимым.

Эддическая поэзия сохраняет рассказ о еще одной расправе, в которую Брюнхильд вступает, отправляясь в загробный мир после гибели на погребальном костре. В наиболее поздней эддической песни на сюжеты южногерманских сказаний – «Поездке Брюнхильд в Хель» – описана ссора героини с великаншей, мимо двора которой она проезжает в своей повозке. Великанша преграждает Брюнхильд дорогу и высказывает ей несколько обвинений. Она обвиняет Брюнхильд в связи с чужим мужем («Ты не дерзнешь / через двор мой ехать, – / из камня ограда / его окружает; / ткать бы тебе / больше пристало, / чем ехать следом / за мужем чужим!», 1, перев. А.И. Корсуна), в неверности («Зачем из Валланда / ты явилась? / Зачем, неверная, / в дом мой проникла?», 2, 1–4, перев. А.И. Корсуна), в том, что из-за нее пролилась кровь многих воинов («руки твои / в крови человечьей», 2, 5–6, перев. А.И. Корсуна).

Брюнхильд отвечает на обвинения великанши похвальбой, напоминая ей о своих былых подвигах – бранных походах, и заявляет о своем превосходстве: «Меня не кори, / в камне живущая, / за то, что бывала я / в бранных походах! / Из нас двоих лучшей / я бы казалась, / если бы люди / меня постигли» (3, перев. А.И. Корсуна). Тогда великанша конкретизирует свое обвинение, утверждая, что Брюнхильд погубила Гьёкунгов, к которым, очевидно, причисляет, помимо сыновей Гьёки – Гуннара и Хёгни, также и Сигурда: «Брюнхильд, дочь Будли, для бед великих / тебе довелось / на свет родиться: / ты погубила / Гьёки сынов, / ты разорила / дома их и земли» (4, перев. А.И. Корсуна). Брюнхильд в свою очередь оскорбляет великаншу, называя ее «совсем лишенной ума» (*vitlauss mjök* 5, 3), и рассказывает ей о своей жизни, отождествляя себя с валькирией, погруженной в сон Одином и разбуженной Сигурдом, а затем испытавшей «горький обман / брачного выбора» (13. 7–8, перев. А.И. Корсуна). В конце монолога Брюнхильд выражает свою радость от того, что никогда больше не расстанется с Сигурдом: «Долго придется / в горькой печали / рождаться на свет / мужам и женам! / С Сигурдом я / теперь не расстанусь! / Сгинь, пропади, / великанши отродье!» (14, перев. А.И. Корсуна). Свою речь Брюнхильд заключает почти проклятием – она приказывает великанше сгинуть.

Распря Брюнхильд с великаншей (на три строфы обвинений великанши приходится одиннадцать строф ответа Брюнхильд), очевидно, принадлежит к жанру перебранки (*senna*), примеры которой встречаются и в других песнях «Старшей Эдды» (см. выше). Похвальба и оскорбления, высказанные оппонентами в «Поездке Брюнхильд в Хель», имеют характер, традиционный для германских перебранок. Похвальба состоит в утверждении собственного превосходства, напоминаниях о проявленной доблести, об участии в бранных походах. Оскорбления включают обвинения в трусости, распутстве, убийствах. В обвинениях великанши в этой песни традиционное занятие женщины – ткачество, и подобающая ей домашняя жизнь противопоставляется характерно мужским деяниям – сражениям и битвам. Великанша упрекает Брюнхильд в том, что та не желает отдаться женским занятиям и посвящает себя неподобающим ей мужским деяниям, намеренно искажая распространенное в перебранках обвинение в том, что противник пытается отсидеться дома и избежать походов и боев. Тем самым инвертируется семантика типичного для перебранки противопоставления – легкой (домашней) жизни, всегда представляемой негативно, и тяжелой (походной), не только осмысляемой позитивно, но и служащей в перебранке предметом похвальбы. Несмотря на краткость обмена репликами в «Поездке Брюнхильд в Хель», в этой песни можно заметить присутствие и других черт, характерных для словесных поединков. Помимо противопоставления «женских» и «мужских» занятий, взаимных обвинений и похвальбы, здесь есть и апелляции к «предварительному инциденту» – событию из прошлой жизни, и, наконец, заключительное проклятие, обычно завершающее перебранки.

Традиционно для германских перебранок и то место, где разворачивается распря Брюнхильд с великаншей, – на границе двух миров. В качестве границы миров в германских перебранках может выступать и водораздел, водная преграда, пролив, река. Оппоненты находятся по разные стороны водного пространства (реки, пролива) в англосаксонской «Битве при Мэлдоне», в нескольких эддических песнях: «Первой Песни о Хельги Убийце Хундинга», «Песни о Харбарде» и в «Песни о Нибелунгах» (авентюра 25).

Однако у реки, у водного пространства, вступают в распря и героини первого «раунда» ссоры королей в «Саге о Вёльсунгах» и в «Младшей Эдде». В «Песни о Нибелунгах» ссора королей происходит у ворот собора, т. е. тоже, условно говоря, на границе миров, как и перебранка Брюнхильд с великаншей, которая разворачивается на пути из мира живых в мир мертвых. В «Саге о Тидреке» и во второй части распри в «Саге

о Вёльсунгах» королевы, подобно героиням «Саги о Ньяле», Халльгерд и Бергторе (см. выше), обмениваются оскорблениями внутри помещения, пределами которого ограничивалась социальная роль женщины. Однако в помещении (в палатах, на пиру) происходит и большинство мужских перебранок (ср. перебранку в «Беовульфе» между Унфертом и Беовульфом, эддическую «Перебранку Локи», сравнение мужей в «Гнилой коже» и в «Саге о сыновьях Магнуса Голоногого» из «Круга Земного» Снорри Стурлусона).

Хотя участниками словесных поединков обычно бывают мужи, в скандинавской традиции женщины тоже могут принимать участие в перебранках. В эддических песнях, в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика, в сагах о древних временах герой иногда состязается в искусстве поношения со сверхъестественным существом женского пола (нередко с великаншей, см. выше). Вступив в спор с мужчинами, женщины неизменно обрекают себя на проигрыш и, следовательно, на гибель. Очевидно, незавидная роль участниц скандинавских перебранок обусловлена тем, что на словесный поединок с мужчинами отваживались лишь сверхъестественные и/или изначально враждебные существа, которые нуждались в обуздании и заслуживали кары. Так, великанша Хримгерд, изображенная в «Песни о Хельги сыне Хьёрварда» «жадным до трупов» чудовищем, жаждущим отомстить за смерть своего отца, вовлекает в перебранку Атли, который задерживает ее до рассвета и тем обращает в камень. Другая великанша в «Саге о Хьялмтере и Алвире» бранится с героем саги Хьялмтером, который отсекает ей руку и убивает ее сестер. В «Саге о Гриме Бородатом» великанши Фейма и Клейма тоже жаждут погубить героя, пытаясь разбить его лодку, однако вступив с ним в словесный поединок, погибают от его стрел.

Великанша принимает участие в перебранке и в «Поездке Брюнхильд в Хель». Однако, в отличие от германских перебранок, второй участницей здесь тоже оказывается существо женского пола, отождествленное в этой песни с валькирией, которую усыпил Óдин, т. е. в каком-то смысле еще одно сверхъестественное существо. Таким образом, в «Поездке Брюнхильд в Хель» перебранка происходит между двумя существами женского пола, что действительно встречается в германской словесности крайне редко. Помимо перебранки Брюнхильд с великаншей в уже упомянутой эддической песни, перебранка между женщинами происходит в «Саге о Ньяле» – это распря Халльгерд и Бергторы. Возможно, наиболее раннее упоминание о распре между женщинами приводится в «Войне с готами» Прокопия Кесарийского (ок. 540 г.). Здесь рассказывается о том,

как знатная готская женщина нанесла оскорбление королеве во время купания, та со слезами потребовала от своего супруга отомстить, король возвел на мужа обидчицы ложное обвинение и убил его [Прокопий из Кесарии 3.1: 264–265]¹⁵². Обстоятельства женской распри, описанной Прокопием, напоминают рассмотренную нами сцену ссоры королев, находящую отражение в «Младшей Эдде», «Саге о Вёльсунгах», «Саге о Тидреке», «Песни о Нибелунгах» и, вероятно, в недошедших до нас героических песнях.

Сцена ссоры королев в сохранившихся памятниках не только происходит в месте, традиционном для германских перебранок, и опирается на прецеденты в том, что касается ее участников, но и имеет стилистику, сходную со стилистической организацией перебранки.

а) *Фразеология*

В германских перебранках широко используются формулы. Формульное требование замолчать присутствует, например, в «Перебранке Локи», и в сцене ссоры королев (ср., например, в «Саге о Вёльсунгах»: «Умнее бы ты была, если бы молчала», перев. Б.И. Ярхо; в «Песни о Нибелунгах»: «Молчи! Твое злоречье тебе самой во вред», 839, перев. Ю.Б. Корнеева).

Формулы, употребляемые в вербальных состязаниях, нередко представляют их как основанные на устной традиции, например, формула «я слышал» в «Беовульфе» или в «Перебранке Локи» (ср. в ссоре королев в «Саге о Вёльсунгах»: «Все люди говорят», перев. Б.И. Ярхо).

Участницы ссоры королев применяют в своих высказываниях максимы или формульные отсылки говорящего к коллективной мудрости, обычно обеспечивающие победу в перебранке (ср. в «Саге о Вёльсунгах»: «хорошо тогда наслаждаться благом, когда все вершится по нашей воле», перев. Б.И. Ярхо).

б) *Лексика*

В германской перебранке эмфатически противопоставляются местоимения «я» – «ты». Противопоставление местоимений присутствует и в сцене ссоры королев в «Младшей Эдде» («Уж не думаешь ли ты..? Я же думаю...», перев. О.А. Смирницкой), в «Саге о Вёльсунгах» («Заплатишь ты за то, что Сигурд – твой муж; и не потерплю я», перев. Б.И. Ярхо), в «Саге о Тидреке» («Я могу сказать тебе, почему я не встаю перед тобой. Во-первых, ты сидишь на престоле, который принадлежал моей матери, а во-вторых, у меня не меньше прав восседать на нем, чем у тебя»).

с) *Морфология*

В угрозах в германской перебранке преобладает восклицательная форма предложения, сослагательное или повелительное наклонение, настоящее или будущее время (ср. в «Младшей Эдде»: «Заплатишь ты за то, что Сигурд — твой муж; и не потерплю я, чтобы ты владела им и золотом тем великим», «и будет за это месть», перев. О.А. Смирницкой; в «Саге о Вёльсунгах»: «да будет с вами, как я замыслила», перев. Б.И. Ярхо). В обвинениях, напротив, применяются предложения в повествовательной или вопросительной форме, изъявительное наклонение, прошедшее время (ср. в «Саге о Вёльсунгах»: «Ты первая бросила в меня бранным словом», перев. Б.И. Ярхо; в «Песни о Нибелунгах»: «Из ваших бранных слов / Мне видно, что назвали наложницей меня вы. / Кто, дерзкая обидчица, вам дал на это право?», 846, перев. Ю.Б. Корнеева).

В уступительных предложениях, употребляемых в защите, возможно использование сарказма. В описании ссоры королей в «Саге о Тидреке» Брюнхильд саркастически говорит противнице: «Хотя твоя мать владела этим престолом, а твой отец владел этим замком и этой страной, теперь он принадлежит мне, а не тебе».

d) *Синтаксис*

Применение синтаксических параллелизмов и словесных повторов поддерживает в германской перебранке логический параллелизм. В сцене ссоры королей реплики тоже построены на прямом повторении или зеркальном отражении основных речевых структур оппонентов (ср. в «Саге о Вёльсунгах»: «Не знала я о вашей тайности...» — «Не было у нас никакой тайности»; «Лучшего мужа ты добыла, чем тебе подобает» — «Была бы я довольна, если бы муж твой не был лучше моего», перев. Б.И. Ярхо; в «Песни о Нибелунгах»: «...прошу тебя... / не говорить подобных слов» — «я говорить их буду», 821–822, перев. Ю.Б. Корнеева).

Ссору королей сближают с германской перебранкой не только ее стилистические и языковые особенности, место проведения, число участников, но и ее структура. Сцена распри героинь организована по тем же законам, что и германская перебранка, для которой, как правило, характерна трехчастная структура: введение — основная часть — заключение.

(а) *Введение*

Древнегерманскую перебранку обычно предваряет сравнение родословных. В ссоре королей героини тоже похваляются знатным про-

исхождением (ср. в «Саге о Вёльсунгах»: «Думается мне, что отец мой могущественнее твоего», «властен был отец мой избрать мне мужа, не спросясь у тебя», перев. Б.И. Ярхо; в «Саге о Тидреке»: «Хотя твоя мать владела этим престолом, а твой отец владел этим замком и этой страной, теперь он принадлежит мне, а не тебе»).

Подобно германской перебранке, женская распря начинается с вопросов, тональность которых может варьировать от притворно-участливых (ср. в «Саге о Вёльсунгах»: «Сердишься ты за наш вчерашний разговор, или что другое тебя печалит?», «В чем ты нас упрекаешь?», перев. Б.И. Ярхо) до индифферентно-враждебных (ср. в «Младшей Эдде»: «Уж не думаешь ли ты, что это Гуннар проскакал сквозь польмя?», перев. О.А. Смирницкой) и откровенно агрессивных (ср. в «Саге о Вёльсунгах»: «Почему мне в этом равняться с тобою, если ни в чем ином мы не равны?»), перев. Б.И. Ярхо).

(b) *Основная часть*

Сравнение мужей неизменно включается в германскую перебранку так же, как и похвальба, оскорбления, угрозы, предсказание поражения. Основное содержание ссоры королей тоже составляет сравнение мужей. Героини наносят друг другу обиду, оскорбляя мужа соперницы и восхваляя своего мужа (ссора королей во всех памятниках, кроме «Саги о Вёльсунгах») или превознося мужа противницы (Гудрун и Брюнхильд во втором «раунде» перебранки из «Саги о Вёльсунгах»). Сравнивая мужей, женщины ссылаются на «предварительный инцидент» и тем утверждают свое превосходство и оспаривают равенство соперницы. Главным обвинением в ссоре королей, наносящим наибольший урон чести соперницы, становится обвинение в неверности, супружеской измене, нарушении брачных уз.

(c) *Заключение*

Вызвать гнев оппонента, вынудить его умолкнуть значит победить в словесном поединке. Цель, которую преследуют обе противницы в описании ссоры королей во всех сохранившихся памятниках, состоит в том, чтобы заставить свою соперницу замолчать (Брюнхильд говорит в «Саге о Вёльсунгах»: «Бросим ненужную болтовню. Долго я молчала об обиде», перев. Б.И. Ярхо; Кримхильда восклицает в «Песни о Нибелунгах»: «Умолкни, иль навеки погибла честь твоя», 849; «Молчи! Твое злоречье тебе самой во вред», 839, перев. Ю.Б. Корнеева). Поражение Брюнхильд, которая вынуждена умолкнуть, тоже констати-

руется во всех дошедших до нас текстах (ср. в «Младшей Эдде»: «промолчала Брюнхильд и пошла домой», перев. О.А. Смирницкой; в «Саге о Тидреке»: «тогда она замолчала и не проронила больше ни слова»).

Древнегерманская перебранка нередко имеет трагический исход. В ссоре королев одна из противниц (Гудрун, Гримхильд, Кримхильда) своими оскорблениями тоже, условно говоря, убивает противницу (в «Саге о Вельсунгах» о Брюнхильд говорится: «...побледнела она, словно мертвая», перев. Б.И. Ярхо; ср. в «Саге о Тидреке»: «Брюнхильд <...> стала багровой, как кровь из свежей раны»). Женская перебранка с ее сравнением мужей неизменно ведет к кровопролитию (так, в «Саге о Ньяле» погибает Гуннар; в цикле Нифлунгов первым гибнет Сигурд, а потом и Гуннар) и сулит гибель по крайней мере одной из участниц (вместе с Ньялем погибает и Бергтора, а вместе с Сигурдом – Брюнхильд).

Итак, для описания распри Брюнхильд и Гудрун характерны все главные черты древнегерманской перебранки: публичность, антифонный характер, упоминание имен противниц, позволяющее придать оскорблениям более личный характер, трехчленная структура, характерная семантика и стилистика. Центральную часть перебранки составляет обмен враждебными речами и похвальба. Большая часть оскорблений связана с нарушениями родственных связей, прелюбодеянием. Как и в древнегерманских перебранках, в ссоре королев побеждает тот, кто, опираясь на «предварительный инцидент», вызовет гнев и заставит замолчать оппонента.

Глава 5 Судьба перебранки в позднесредневековой германской словесности (XIV–XV вв.)

Перебранка во время битвы: король Артур и Луций

В позднесредневековой германской словесности перебранки в собственном смысле слова встречаются крайне редко. Создается впечатление, что они разделяют судьбу восходящих к устной традиции памятников, неотъемлемой частью которых были на протяжении нескольких веков. Знаменательно, что один из наиболее ярких примеров словесного поединка на поле битвы содержится в среднеанглийской аллитеративной поэме «Смерть Артура» (XIV в.), ориентированной на древнегерманские эпические каноны¹⁵³. Поэма основана на хронике Галльфрида

Монмутского «История королей Британии» (кн. IX и X); дополнительными источниками ее создателю, очевидно, послужили «Роман о Бруте» Васа и поэма Лаямона «Брут». Сюжет поэмы строится вокруг победоносной войны короля Артура с римским императором Луцием и того трагического конфликта британского правителя с Мордредом, который привел его к гибели. Оба конфликта сопровождаются сражениями, и оба включают речи противников, предшествующие действительным битвам. Один из поединков (с Луцием) происходит до поворотного эпизода в поэме – сна короля Артура о колесе фортуны (3218–3393), второй (с Мордредом) – после.

Мордред оказывается объектом двух инвектив, сначала Гавейна («Ложью вскормленный потомок, да возьмет лукавый твои кости! / Проклятие на тебя, преступник, и на твои лживые дела! / Ты умрешь и сгинешь за свои злодеяния, / Или я погибну сегодня, если заслужу такую судьбу!» – *Fals fosterde foode, the Fende haue thy bonys! / Fy one the, felone, and thy false werkys! / Thow sall be dede and vndon for thy derfe dedys, / Or I sall dy this daye, gif destanye worthe! 3776–3779*), затем самого короля Артура («Обернись, вероломный предатель, – ты не заслуживаешь ничего лучшего, / Великий Господь, ты погибнешь от силы рук моих, / Тебя не спасет ни человек, ни богатства земли» – *Turne, traytoure vntrewe – þe tydes no bettyre; / By gret Gode, thow sall dy with dynt of my handys! / The schall rescowe no renke, ne reches in erthe, 4227–4229*).

В обоих случаях речь зачинщиков соответствует древнегерманским канонам перебранки. Здесь присутствуют оскорбления («преступник», «вероломный предатель», «ложью вскормленный потомок»), угрозы, адресованные к противнику, и обращения во втором лице («ты умрешь и сгинешь», «ты погибнешь»), противопоставления оппонентов («или я погибну», «от силы рук моих»), ссылка на родословную, упоминание о судьбе, предсказание гибели врага, проклятие. Однако сам Мордред ничем не отвечает на обращенные к нему оскорбления, если не считать его восхваления Гавейна (3875–3885), тем самым, возможно, соглашаясь со справедливостью возведенных на него обвинений. Как было показано выше, участие по меньшей мере двух противников составляет необходимый структурный признак словесных поединков. Следовательно, приходится признать, что инвективы Артура и Гавейна против Мордреда, пусть и близкие каноническим речам оппонентов, не могут быть отнесены к составным частям перебранки.

Основной словесный поединок в поэме начинается до объявления войны королем Артуром римскому императору Луцию и завершается

вместе с ее окончанием. Главные участники перебранки – король Артур и Луций, однако в их поединок вовлечено несколько дополнительных персонажей. Один из этих персонажей – сенатор, которого Луций в канун Нового года посылает ко двору короля Артура. Представление участников вербального поединка приобретает необычный характер – сенатор говорит от лица своего императора. Он объявляет, что император Рима Луций приветствует короля Артура как своего непокорного вассала (*sugget, 87*)¹⁵⁴ посланием, скрепленным «его великой печатью» (*vndyre his sele guche, 87*), которое должно быть предъявлено на всеобщее обозрение. Это послание императора, публично произнесенное сенатором от первого лица, и открывает начальный «раунд» словесного поединка.

В соответствии с канонами перебранок речь сенатора содержит «жесткие слова» (*cruell wordez, 88*), угрозы и похвальбу. Устами своего сенатора Луций требует, чтобы Артур явился на суд в Рим отчитаться в удержанной им дани. Более того он повелевает, чтобы британский правитель дал отчет в том, почему он убил родичей Луция (102) и восстал против Рима (103). Если Артур откажется явиться на суд, то Луций изловит его, а если тот попытается скрыться в своей норе, то Луций доставит его в Рим, подобно пойманному «зверю, принужденному к послушанию» (*boixsomly as a beste, 107*). Сенатор заключает свою речь, напоминая об отношениях вассала и феодала, существующих между Артуром и Луцием: в римских документах записано, что отец Артура принес присягу верности еще во времена Юлия Цезаря, а потому римляне вправе потребовать от него дань.

Послание Луция составлено в выражениях более оскорбительных, чем в тех текстах, которые послужили источниками для аллитеративной поэмы. Так, хотя в поэме Васа император называет Артура врагом (*son enemí*) и выражает удивление по поводу того, что Артур в своем высокомерии (*sorfet*) и гордыне (*orguel*) отваживается противостоять мощи Рима, в аллитеративной поэме император обращается к британскому правителю не как к равному, но как к непокорному вассалу (*sugget*). Речь сенатора унижает Артура, низводя его до положения подчиненного, и, обвиняя его в нарушении вассальной присяги, данной его отцом (112), формулирует выбор: сдаться на милость Рима или сражаться. Ничего похожего на феодальные отношения, связывающие господина и вассала, нет в германских перебранках.

Ответы на императорское послание тоже различны в аллитеративной поэме и в ее источниках. В поэме Васа, например, гнев выражает

не сам король, а его рыцари, которые угрожают убить посланников, Артур же успокаивает их и тем спасает посланникам жизнь. В аллитеративной поэме ответ Артура начинается с «невербальной коммуникации» – сначала он краснеет от гнева, затем бледнеет, «смотрит как лев и кусает губы» (*luked as a lyon and on his lyppe bytes*, 119). Он обращает на римлян такой огненный взор, что они падают к его ногам и молят о прощении. Римские посланники отказываются от своей роли представитель Луция, напоминая королю Артуру, что говорили не от себя, но лишь выполняли возложенную на них миссию (120–131). Таким образом, еще до начала «вербальной коммуникации» королю Артуру обеспечена победа в перебранке.

Должным образом устранив римских послов, Артур переходит к словесному выражению своего гнева. Он оскорбляет сенатора, называя его *scawaunde knyghte* – «малодушным рыцарем» и *cowarde* – «трусом» (133). Сенатор еще раз признает себя полностью побежденным, говоря, что Артур – «самый великий господин, которого он видел» (*lordlyeste lede þat euer I on lukyde*) и настоящий «лев» (*a lyon*, 138–139). Как только Артур снисходит до вербального поединка с сенатором, тем соблюдая правило социального равенства оппонентов – необходимое условие перебранки, его противник капитулирует.

После того как посланники Луция сдаются на милость победителя, Артур объявляет им, что отныне считает их своими гостями (152–155). Однако он сообщает им, что не может дать окончательного ответа, не посоветовавшись со своими рыцарями (140–151). Чтобы развлечь посланников, Артур задает пир, подробно описанный в поэме (166–230), а затем проводит военный совет. На совете противники Артура отсутствуют, однако король продолжает произносить гневные речи против Луция. Он рассказывает рыцарям, что посол Луция оскорбил его «презрительно» в его же палатах «злобными словами, своею речью он унизил» его и «мало пощадил» (*hethely in my hall, with heinous wordes / In speche despised me and spared me little*, 268–269). Артур не скрывает, что речь римского посла разгневала его в такой степени, что он не мог говорить (270). Требование платить дань Риму Артур называет тираническим (279), а потому, заключает Артур, это не он, а сам Луций должен платить ему дань (275). В ответ на королевскую речь рыцари один за другим клянутся в верности и поддерживают Артура в его желании объявить Луцию войну (288–410), Ланселот же дает обет сбить римского императора с лошади (376). Король грозит врагам «достойно отомстить за тот урон, который был нанесен его предкам» (*wreke full wele þe wrethe*

of oure elders, 321) и благодарит своих дружинников за поддержку его «чести и мужества» (my mensk and my manhed, 399).

Проходит семь дней, и словесный поединок короля Артура и императора Луция возобновляется. Артур дает Луцию намеренно провокационный ответ на его оскорбительное послание, тоже скрепленный печатью (under my sele rich, 439) и содержащий угрозы и похвальбу. В своем ответе Артур изъясняет намерение не только управлять своими землями, как ему заблагорассудится (423), несмотря на угрозы врага (426), но и отправиться в Милан, завоевать Рим и предлагает Луцию встретиться в честном бою на франкских полях.

Ответная речь Артура построена как зеркальное отражение угроз Луция. Если Луций грозит Артуру: «Ты будешь приведен силой и твои земли навечно конфискованы» (þou sall be fechede with force / and forfeite fore euer, 111), то Артур заключает свои угрозы в те же выражения: «если я буду приведен силой, или земли мои будут конфискованы» (Are I be fechyde with force / or forfeite my landes, 437). Оба оппонента считают необходимым упомянуть в своих наихудших оскорблениях о королевской печати: Луций говорит, что приветствует Артура как своего вассала в послании, скрепленном «своей великой печатью» (undyre his sele ryche, 87), а Артур сопровождает угрозу осадить Рим «своей великой печатью» (vndyre my seele ryche, 439). Требуя, чтобы Артур предстал в Капитолии перед императором и один дал ему ответ (To ansuere anely, 98) за свои дела, Луций упоминает о своих сенаторах, которые будут сидеть так, как захотят (When he and his senatours / bez sette as them likes, 97), Артур же грозит Луцию, что заставит «вздыхать многих сенаторов», из-за него одного (That many a senatour sall syghe / for sake of me one, 442). Если Луций высказывает Артуру формальное требование предстать перед судом (91, 104), то Артур бросает ему вызов и требует, чтобы враг предстал перед ним на франкском поле (443).

В заключение своей речи Артур дает послам семь дней на то, чтобы они покинули земли Британии под страхом смерти (443–466), и обещает, что снабдит их верительными грамотами (credence 444). Уместно вспомнить, что словесный поединок между Артуром и Луцием, представленным его сенатором, тоже начинался с вручения королю Британии «верительных грамот <...> с жестокими словами» (credens <...> with cruell wordez, 88) римским послом императора Луция. Оба документа, и римский, и британский, не только носят одинаковое название (credence), но и имеют оскорбительное для адресатов содержание. В ответ на речь Артура устрешенный сенатор просит его гарантировать ему безопасность, и

тот выражает согласие. Этот «раунд» заканчивается полной победой Артура, который устрашает оппонента, добивается поддержки как своих сторонников, так и своих противников, и изгоняет врага из страны.

Действие следующего «раунда» вербального поединка переносится к римскому императору, который спрашивает вернувшегося из Британии сенатора, утвердил ли тот могущество Рима, отобрав у Артура его скипетр и заняв более высокое место, чем король бриттов (511–514). Сенатор, восхваляя Артура, сообщает о его отказе повиноваться римскому императору (515–553). В ответ Луций подтверждает свое намерение вступить в войну с Артуром. Он похвастается, что пошлет войско к франкам, возьмет Артура в плен и захватит его земли (554–569). Этот «раунд», в котором Луций остается в полном одиночестве и лишается поддержки даже своих сенаторов, выражающих открытое восхищение Артуром, приносит римскому императору еще большее унижение, чем первый.

В третьем «раунде» вызов римскому императору бросает сам король Артур, к которому послы от франкского маршала обращаются с жалобой на Луция. Услышав от послов, что Луций сжигает их города и убивает людей (1235–1262), Артур велит Гавейну с рыцарями объявить римскому императору, что тот поступает незаконно и должен или покинуть земли франков, или вступить с Артуром в бой (1263–1278). Гавейн с послами отправляется к римлянам и держит речь, в которой несколько раз оскорбляет императора, называя его «вероломным еретиком» (*fals heretyke*, 1307), «по ошибке занимающим Римскую империю» (1308), и «рогоносцем» (*sukewalde*, 1312). Речь Гавейна построена как зеркальное отражение речи сенатора, обращенной к Артуру. Так, если сенатор называл Артура «самым могущественным господином, которого» он «когда-либо видел» (*Thow arte þe lordlyeste lede þat euer I one lukyde*, 138), то Гавейн обращается к Луцию как к «самому немощественному господину, которого» он «когда-либо видел» (*the vnlordlyeste lede þat I on lukede euer*, 1313). На оскорбления Луций отвечает, что «из почтения к гостям, сидящим за его богато накрытым столом» он не заставит Гавейна раскаяться в его грубых словах (*gyude wordes*, 1331), но просит передать Артуру, что будет продолжать разорять франкские земли и уничтожать замки (1335–1341). Так, речи обоих королей, и Артура, и Луция, содержат как ответ, адресованный гонцам, так и ответ, предназначенный для пославшего их правителя.

Гавейн, однако, не желает прекратить перебранку и наносит еще одно оскорбление императору – он выражает удивление, что такой бездарь (*alfyn* – букв. шахматная фигура «слон», в переносном значении

«бездарный военачальник»), как Луций, осмеливается разговаривать с ним в таком тоне (1343), и выражает желание встретиться с Луцием в единоборстве (1344–1345). Бросая вызов императору, Гавейн нарушает сословные границы и предлагает Луцию потягаться с ним личной доблестью. Оскорбления Гавейна вынуждают вступить в перебранку дядю Луция, который называет британского рыцаря «мальчишкой» (1351) и «хвастуном» (1348). Оказавшись лицом к лицу с противником, близким к нему по социальному статусу, Гавейн переходит от слов к делу и отрубает римлянину голову, а затем прыгает в седло и уносится прочь. Этот «раунд» перебранки между двумя правителями по-прежнему ведется при участии их представителей, однако в отличие от первого «раунда», в котором посланец Луция был наголову разбит и утрачен Артуром, Гавейн в нем проявляет инициативу, которой был лишен римский сенатор, и переходит от слов к ударам, тем обеспечивая своему королю окончательную победу.

Кульминация перебранки приходится на встречу Артура и Луция (2242–2260), которой предшествует хвастливая речь римского императора, вновь обращенная к Гавейну: «Так что ты, Гавейн, будешь делать с твоим оружием? / Я знаю по тому, как ты двигаешься, что тебя ждет горе. / Теперь-то я буду отомщен за твою гневливость, за все твои хвастливые речи» (2223–2225). На эту речь, адресованную своему представителю, король Артур отвечает лишь боевым кличем «Arthure!» (2245), после чего противники немедленно переходят к поединку, не тратя более времени на слова. Луций наносит Артуру удар мечом по носу, однако король бриттов пронзает ему грудь. Одержав победу, Артур подводит в своей речи итог вербальному и актуальному поединку. Он обещает вернуть Риму тела погибших, сопроводив их сокровищами, и высказывает требование, чтобы римляне навсегда отказались от своих притязаний (2290–2351). Хотя это требование может быть истолковано как еще одно оскорбление римлянам, в нем можно увидеть и желание дать вербальное выражение своей победе.

Если сравнить перебранку в аллитеративной «Смерти Артура» с германскими перебранками, то следует заметить несколько важных различий. Вместо напряженного обмена репликами двух противников, как было обычно принято в германских перебранках, в «Смерти Артура» вводятся дополнительные реплики второстепенных персонажей. Перебранка правителей в поэме происходит посредством обмена посланниками, хотя и при участии хотя бы одного из героев. Речи героев и их посланников перемежаются длинными интерлюдиями в сотни стихов и поездками от одно-

го королевского дома к другому. Таким образом, сценическое единство перебранки нарушается из-за пространственных и временных перерывов.

Локальное и темпоральное распространение перебранки в позднесредневековую эпоху, введение всяческих посредников, представителей, секундантов заставляет предположить, что перебранка, генетически восходящая к сцене, для которой характерно единство времени, действия и места, превращается в тему, состоящую из целого ряда сцен, разворачивающихся на протяжении действия всей поэмы, как это происходит в «Смерти Артура».

Перебранка как развлечение: Данбар и Кеннеди

Едва ли не самый известный образец словесного поединка, затеянного с целью развлечения аудитории, дает «Перебранка Данбара и Кеннеди» (*The Flyting of Dunbar and Kennedie*, между 1490–1503 гг.), приписываемая шотландским поэтам Уильяму Данбару и Уолтеру Кеннеди. Об участниках этой перебранки сохранилось немного сведений, даже годы их жизни реконструируются весьма приблизительно¹⁵⁵. Предполагается, что Данбар был магистром, имел сан священника, принадлежал к ордену францисканцев, несколько лет служил при дворе, получал пенсию от шотландского короля Якова IV¹⁵⁶. Его собрат по перу Уолтер Кеннеди, возможно, имел еще более высокое социальное положение, чем Данбар. Считается, что его предки принадлежали к королевской семье¹⁵⁷, а сам он закончил университет Глазго, работал там в качестве экзаменатора, имел немало академических заслуг, снискал всеобщее восхищение как поэт, владел поместьями и земельными угодьями, был видным церковным деятелем и личным чиновником (*speciall clerk*) короля Якова IV¹⁵⁸.

«Перебранка Данбара и Кеннеди» имеет строгую композицию. Она состоит из четырех частей: две кратких вводных части предшествуют двум пространственным инвективам. Каждый из оппонентов упоминает о «комиссаре» (*commissar*) – секунданте, ответственном за передачу вызова на состязание в искусстве вербальной хулы. Комиссар Данбара именуется сэром Джоном Росом (*Schir Johne the Ros*) и обычно отождествляется с сэром Джоном Россом из Хаукхеда (ум. ок. 1500 г.)¹⁵⁹, а комиссар Кеннеди называется его кузеном Квентином Шоу (*Quintene Shaw*), который тоже был поэтом. После того как комиссары передают оппонентам вызов, а те соглашаются принять его, начинается традиционный для перебранок обмен оскорблениями, угрозами и проклятиями.

В первом «раунде» перебранки Данбар объявляет, что вынужден выступить в свою защиту, ибо и Кеннеди, и Квентин возгордились, подобно Люциферу. Данбар грозит им самыми страшными карами, если они доведут его до необходимости принять участие в словесном поединке: «земля содрогнется, твердь закачается, / и весь воздух внезапно ядом провоняет, / и все бесы в аду от страха затрясутся, / когда услышат то, что я напишу пером и чернилами; / если начну браниться, люди провалятся со стыда, / море загорится, луна затмится, / скалы расколуются» (The erd sould trymbill, the firmament sould schaik / And all the air in vennaum sud-dane stink, / And all the devillis of hell for redour quaik, / To heir quhat I sould wryt with pen and ynk; / For and I flyt, sum sege for schame sould sink, / The se sould birn, the mone sould thoill ecclipsis, / Rochis sould ryfe, 9–15)¹⁶⁰. Если Кеннеди с Квентином откажутся отступить, то Данбар своей перебранкой вызовет самого беса и заставит все страны проклинать его врагов (23–24). Однако Кеннеди с Квентином и не собираются сдаваться. В своем ответе, завершающем первый «раунд» перебранки, Кеннеди называет Данбара «грязным» (dirty Dunbar), «невежественным чудовищем, обезьяной, искореженной совой, волком-оборотнем, скорпионом» и тоже угрожает «уничтожить его своими словами», если тот не попросит пощады (25–38).

Вслед за первым обменом краткими речами (каждый из оппонентов произносит по три восьмистрочных строфы ямбического пентаметра с рифмой ababbcb, ср. Данбар: 1–24, Кеннеди: 25–48) следует второй «раунд» с такой же сложной метрической организацией. Он начинается с пространныго монолога Данбара (49–248), состоящего из 25 восьмистрочных строф того же ямбического пентаметра, а завершается еще более пространным ответом Кеннеди (38 строф: 249–552). Во втором «раунде» оба оппонента используют более регулярную аллитерацию, частые внутренние рифмы, вариативные схемы рифмовки, среди которых преобладает схема ababbcb. В заключительных строках и Данбар, и Кеннеди обрушивают друг на друга целые каскады внутренних рифм и аллитераций (241–248 и 545–552), как будто стремясь включить в звуковые повторы каждый слог.

Второй «раунд» знаменитой перебранки позволяет почерпнуть то небольшое, что считается известным о внешности и личности поэтов. Кеннеди, очевидно, не очень интересуется внешностью Данбара. Он лишь называет своего оппонента карликом (33, 395, 408), грозит «изжарить его вместо пулярки» (516), упоминает о его крючковатом носе, «дикой гриве», и о том, что тот постоянно страдает морской болезнью.

Разумеется, не следует забывать, что сам избранный поэтами жанр не позволяет слишком доверять их свидетельствам. Так, описывая родословную своего врага, Кеннеди упоминает и о том, что среди его предков была медведица и сам нечистый.

Данбар более детально изображает своего противника. Кеннеди, как утверждает Данбар, питается крестьянской пищей (128) и просит на мельнице объедков и шелухи (147), поэтому ноги у него тощие, как «соломинки» (*ony treis*, 182), а цвет лица – такого же изжелта-зеленого цвета, как «лук-порей» (*ane leik*). Он носит грубую одежду, которая вся «не стоит и пары старых серых носков» (*nocht worth ane pair of auld gray sox*, 144). Ужасающая худоба Кеннеди позволяет Данбару изобразить его бедняком, «попрошайкой, живущим в жалкой лачуге вместе с прокаженными» (153–154). Предметом особого интереса становятся для Данбара физические изъяны оппонента. Демонстрируя незаурядное мастерство карикатуриста, он замечает любые недостатки Кеннеди, все, что было в нем «плохо скроено» (*mismaid*, 53). Особенный интерес у Данбара вызывает «извращенная физиономия» (*frawart phisnomy*, 81) врага, его «ужасное лицо» (*perrelus face*, 150), «отвратительный лоб» (*fowl front*, 126), нос, к которому он применяет самые разоблачительные синонимы («свиное рыло» – *snowt*, 52; *grune*, 123, «лишенное изящества рыло» – *graceless gruntill*, 127). Данбар, условно говоря, снимает со своего оппонента кожу (122), а потом постепенно «расчленяет» его, подобно анатому или мяснику, начиная со скул (165–166), затем спускаясь все ниже от шеи (169), плеч, ребер, хребта, до бедер, ног (180–182). Ребра Кеннеди и его хребет настолько лишены плоти, что они гремят, соприкасаясь друг с другом, а кости протыкают кожу (186). Данбар обращается к Кеннеди так, как будто того уже нет в живых, изображая его как «труп» (*carionn*, 139; *tramort*, 161), ужасное воплощение самой смерти. Данбар рассказывает о пустых глазницах своего врага, о его черепе, который едва держится на лишенных плоти костях, являя всему миру страшный пример, заставляющий презирать плотские утехы (161–172). Данбар изображает Кеннеди как преступника, повешенного на виселице (174–176), называя его одновременно и палачом, вешающим преступников (*loikman*, 174), и самим повешенным (*hangit man*, 187).

Уместно вспомнить о том, что римские таблички с проклятиями (*defixiones*) тоже содержат подробный список частей тела того, кому его враг желает нанести вред, например: «Прозерпина Сальвиа, я отдаю тебе голову Плотия... его лоб и брови, веки и зрачки; я отдаю тебе его уши,

нос, ноздри, язык, губы и зубы, чтобы он не мог высказать свою боль; его шею, плечи, руки и пальцы, чтобы он не мог себе помочь; его грудь, печень, сердце и легкие, чтобы он не мог определить, где ему больно; его кишки, брюхо, пупок и бока, чтобы он не спал спокойным сном»¹⁶¹. Однако если проклятия, подобные приведенному, обращены к божеству, призываемому по имени для того, чтобы сотворить зло реципиенту действия, то инвективы в перебранке обращены к оппоненту, принимающему равное с адресатом участие в состязании в поэтическом мастерстве, и направлены на его высмеивание.

Данбар обращается к своему оппоненту не только по имени, но и метафорически, применяя к нему названия самых разных животных: «безобразная старая кляча» (*ugly averill*), еж (*hurcheoun*, 179, 212), стервятник (*raggit ruke*, 57), голодный коршун (*gredy gled*, 146), сука, сучья морда (*tyke, tykis face*, 235, 238). Кеннеди изображается и как охотник – голодный стервятник, жадный до наживы вор и пожирающий все паразит, и как жертва – добыча вшей, испуганная сова, спасающаяся от погони (219), скелет с выклеваным коршунами носом (52). В двух строках Кеннеди уподобляется одновременно и виселице, и коршуну: «Виселица разевает рот на твоё страшное свиное рыло, / Так же, как ты сам (*разевашь рот*) на телячьи рубцы, жадный коршун» (*The gallowis gaipis eftir thy graceles gruntill / As thow wald for ane haggeis, hungry gled*, 128). Подобно виселице и коршуну, враг Данбара жаден до наживы; подобно им, он разевает рот, чтобы проглотить пищу (его оскал – «свиное рыло» ужасает всех); подобно им, он и настигает добычу, и сам оказывается добычей смерти; подобно им, он и пожирает, и оказывается пожранным тлением.

В заключительных строфах инвективы Данбар описывает зрелище, пусть до сих пор не тешащее его взор, но, как ему кажется, возможное и желанное, – Кеннеди, улетающего от погони, подобно испуганной сове, позорно изгоняют из Эдинбурга под улюлюканье сорванцов, проклятия горожан, визг уличных торговков. Звукопись стиха воссоздает и гвалт уличной ребятни (*than runis **thow down** the **gait** with **gild** of boyis* – «ты бежишь вниз к воротам под визг мальчишек», 225), и лай преследующих Кеннеди собак (*and all the **toun tykis hingand** in the **heilis*** – «и все городские собаки висят на твоих пятках», 226), и брань сварливых женщин (***Fische wuvvis cryis, Fy!** And **castis doun skillis** and **skeilis*** – «Рыбные торговки визжат: Фи! И швыряют корзины и ведра», 231), и крики старух (*than **carlingis cryis*** – «тогда старухи кричат», 221), и грохот падающих корзин и бочек (*and **caigir aviris castis baith coillis** and **creilis*** – «и телега горшечника разбрасывает и угли, и корзины», 229), и даже drobный стук

башмаков улепетывающего Кеннеди (for *rerd* of *the* and *rattling* of *thy* *butis* – «от твоих воплей и стука твоих башмаков», 230). Аллитерация помогает передать и звуки ударов, наносимых Кеннеди разъяренной толпой (*Sum clachis* the, *sum cloddis* the on the *cutis* – «Одни с шумом ударяют тебя, другие швыряют камни, метя в твои лодыжки», 232). Данбар и сам принимает участие в этой травле своего врага – он неприметно переключается с третьего лица на первое и говорит об участниках погони «мы» («Мы забросаем тебя камнями на улице, где ты пойдешь» – We sall <...> stane the up the calsay quhair thow gais, 215–216).

Заключительные строки инвективы: «Погонщик баранов, потрошитель сундуков, развратник – да падет на тебя проклятие; / Еретик, лунастик, несчастная деревяшка, любимец старушек, / Гниющая старая овца, грязный зад (или корма корабля) – кричи петухом (*m. e. сдавайся*) или я тебя уничтожу!» (Muttoun dryver, girnall ryver, adswyvar – fowll fell the; / Herretyk, lunatyk, purspyk, carlingis pet, / Rottin crok, dirtin dok – cry cok, or I sall quell the! 246–248), – в которых Данбар бросает свой последний вызов оппоненту, состоят почти исключительно из аллитерирующих (fowll – fell, purspyk – pet, dirtin – dok, crok – cry – cok) и рифмующихся слогов (dryver – ryver, herretyk – lunatyk, rottin – dirtin, crok – dok – cok). Своими рифмами Данбар как будто до смерти «зарифмовывает» своего врага, отправляя его прямо в ад. Эти вдохновенные строки, исполненные необычайной эмоциональной силы, близки к заклинанию.

Ответ Кеннеди отличается от речи Данбара и по семантике, и по тону, и по звуковой инструментровке стиха. В его строках меньше аллитераций на согласные, чем у Данбара, возможно, поэтому он воспринимает стихи оппонента как чересчур «громкие» («ты оглушаешь беса, своего дядюшку, своим шумом» – thow devis the deuill, thyne eme, with dyn, 360). Цель Кеннеди – вынудить Данбара замолчать, поэтому он не только приказывает своему оппоненту придержать язык (359), но и грозит ему физической расправой – язык Данбара или отрежут (393), или выключат вороны (374). Если Данбар описывает шумное изгнание Кеннеди из Эдинбурга, то Кеннеди стремится изгнать своего врага из всего христианского мира. Он подробно доказывает, что место Данбара в аду, именно там он по праву будет «законным жителем» (induellar, 551), когда провалится в тартарары (ad Tertara Termagorum, 552).

Инвективы Кеннеди носят более ученый характер, чем стихи Данбара, непревзойденного мастера обиходного стиля. Кеннеди нередко включает в свою речь латинские слова и выражения, «призывая к милосердию у дверей Божественной любви» – Criant caritas at duris amore

Dei, 383, или проклиная своего врага как «главного язычника» – *primas raganorum*, 549, именуя его самым «дьяволом» – *Tu es dyabolus*, 544, желая ему провалиться в тартарары (552, см. выше). Строфы Кеннеди пронизаны аллюзиями на Библию и ссылками на древнюю и новую историю, особенно английскую и шотландскую. Он вспоминает римских императоров, сенаторов, проконсулов, префектов: Веспасиана (532), Марциана (538), Максенция (538), Олибрия (540), Аврелия Евбула (541), ссылается на авторитеты («книги делают меня просвещенным» – *the writ makis me war*, 258, «как показывают хроники» – *as the carnicle schawis*, 272), «Эклогу Феодула» (IX в.), в которой оппонентами в споре выступают пастушка Алития («Правда»), представляющая истинную веру, и пастух Псевстий («Обманщик»), разоблачающий ложность язычества (своего врага Кеннеди изображает наследником «лживого Юстаса», т. е. Псевстия, а себя самого приверженцем Алитии, т. е. истинной веры, 321–322). Кеннеди говорит с Данбаром от лица церкви, называя его еретиком, грозит ему смертью на костре (334–336) и призывает к покаянию (328).

Враг Кеннеди изображается как несправедливый продавец индульгенций, злоупотребляющий церковными бенефициями (505). Сначала он надоедает своим попрошайничеством жителям Шотландии, а затем отправляется на корабле в Париж, чтобы в обличье паломника приняться за грабежи. Упомянув о бесславных поездках Данбара, Кеннеди утверждает, что его враг слишком много путешествует. Вместо того чтобы заниматься делом у себя дома в Шотландии, он то стремится в Англию, то плывет по морю в Данию, то переходит через Альпы, то живет в Париже, то отправляется в Рим (437–438). Для Кеннеди Данбар бродяга, лишенный корней, странствующий клирик из голиардов (*ordo vagozum*), от которого можно ждать любых непристойностей¹⁶².

Описание морского путешествия Данбара, в продолжение которого, как утверждает Кеннеди, тот жестоко страдал от морской болезни, позволяет ввести в перебранку скатологические мотивы («грязь пристаёт к твоему заду все двадцать лет» – *Thy dirt clevis till hir towis this twenty yere*, 452, «твой зад сочтётся грязью и никогда не высыхает, десять старух пытались опорожнить твой зад» – *Thy dok of dirt dreipis and will never dry, / To tume thy tone it has tyrit carlings ten*, 519–520). Упоминания о грязи¹⁶³, расстроенных кишках, вшах, блохах служат свидетельством бедности, нищеты врага, позволяя еще больше очернить его. Вместе с тем о всяческой грязи говорится, очевидно, не только в прямом смысле, но и в переносном – именно в этом смысле следует понимать и первое обра-

щение Кеннеди «Грязный Данбар» (*Dirtin Dunbar*), и заключительную строку Данбара, в котором его враг метафорически именуется «грязным задом» – *dirtin dok* (*dok* – букв. «корма корабля»).

Каждый из оппонентов яростно стремится унижить другого не только с помощью оскорбительных обращений, подобных приведенным. Главный предмет насмешек и издевок – поэтическое мастерство противника, главный предмет похвалы – собственный поэтический дар. Кеннеди похваляется, что расхаживал по горе Парнас, черпал вдохновение, созерцая золотую сферу Меркурия и «сладко пил из источника красноречия, / когда тот был очищен морозом и чисто протекал» – *dulcely drank of eloquence the fontayne / Quhen it was purifit with frost and flow-it clere*, 339–440. Данбар же, утверждает Кеннеди, явился туда поздно, в марте или в феврале, и пил из лужи лягушачью икру, а потому вынужден всю жизнь рифмовать всякую чепуху в самом извращенном стиле, которую никто не желает слушать (341–344). Кеннеди высмеивает то образование, которое получил Данбар, говоря, что тот заслужил ученую степень только по шутковству («сделан магистром лишь по шуткам» – *maid maister bot in mows*, 29). Называя Данбара «скальдом, хулителем» (*scald*, 322) и менестрелем (*minstrel*), Кеннеди предлагает ему взять «скрипку или флейту и играть» (507), потешая простой люд.

Сам Данбар, напротив, ни разу не называет себя «скальдом», но говорит о себе как о «творце, создателе» (*the maskar*); Кеннеди же именует его «мастером Уильямом» (*Maister Gilliam*, 497). Отрицательные коннотации в поэме приобретает слово бард (*baird*), которое преимущественно используется Данбаром применительно к его оппоненту Кеннеди, причем обычно в соединении с другими оскорблениями (*Iersch brybour bard* – «ирский (гаэльский) бард попрошайка», 49, *bard blasphemar* – «бард богохульник», 63, *fals bard* – «лживый бард», 96, *beg the ane club for, bard* – «выпрашивай себе посох, бард», 120, *theif bard* – «бард вор», 183, *berdless baird* – «безбородый бард», 208, *baird rehator* – «бард громила», 244)¹⁶⁴. Данбар издевается над Кеннеди за то, что тот высокопарно именуется «оратором с золотыми устами» (*rethory with golden lippis*, 97), и, подхватывая его рифмы (*lippis* – *hippis*) и аллитерации (*golden* – *giltin*), обзывает своего врага «горцем с испачканным задом» (*bot gluntoch with thy giltin hippis*, 99).

Данбар считает, что Кеннеди не умеет говорить по-английски, и называя его «ирским (гаэльским) вором» (*ersche katherene*, 145), открыто провозглашает свою непричастность к одной поэтической традиции – гаэльской и приверженность к другой поэтической школе – английской.

В ответ на обвинение Данбара в том, что «такое красноречие, как его, в ходу лишь в Ирландии» (*sic eloquence as thay in Erschry use*, 107), Кеннеди отвечает, что ирский (гаэльский – Erse) был когда-то «добрым языком всей страны» (*it was the gud language of this land*, 347) и должен быть языком всех настоящих шотландцев (*it suld be all trew Scottis mennis lede*, 346). Создается впечатление, что Данбар говорит с позиций горожанина, снисходящего к деревенщине, насмехаясь над провинциальностью и нищетой своего врага¹⁶⁵, а Кеннеди, напротив, отстаивает свое право на национальную идентичность, в том числе и языковую. Таким образом, с одной стороны, оппоненты в перебранке выступают как представители определенных социальных и региональных групп – низин Шотландии и ее высокогорной части¹⁶⁶, с другой – каждый из них критикует поэтическое мастерство другого (*eloquence, rethory*, 97, 107, 339) и защищает свою приверженность определенной поэтической школе. Выбор диалекта и поэтическое искусство оказываются тесно взаимосвязанными.

Прославлению собственного поэтического мастерства и развенчанию искусства противника служит апелляция к генеалогии. Особенно часто этим приемом пользуется Кеннеди, похваляющийся своими родственными связями и очерняющий весь род противника. Кеннеди придает огромное значение собственному происхождению и своим родным, упоминая отца (*fader*), мать (*dame*), дядю (*eme*), племянника (*nephew*). Его похвальба состоит в возвеличивании собственной семьи («мои родные и мои предки всегда были верными» королю – *My linage and forebearis war ay lele*, 402) и своего родства («во мне есть королевская кровь» – *I am the kingis blude*, 417).

Желая очернить семью и родных Данбара, Кеннеди говорит не только о реальных, но и о вымышленных злодействах предков (*elderis*, 327, 311, 315) своего оппонента. С этой целью он не раз вспоминает имя Патрика Данбара (*Corspatrik*), поддержавшего в первой войне за независимость Шотландии английского короля Эдуарда I Длинного и сражавшегося против соотечественников, во главе которых стоял Роберт Уоллес. Кеннеди отказывает своему оппоненту в праве находиться в родстве с прославленными членами его семьи, так как считает, что тот способен лишь навлечь на них позор (312). Кеннеди утверждает, что Данбар принадлежит к «проклятому роду» (*curst kyn*, 324) и в стремлении опозорить род своего врага не гнушается самыми фантастическими этимологиями. Он выдумывает собственную этимологию имени Данбара (*Dunbar*), возводя его к «медведице дьявола» (*dewlbeir*, из *dewl, deill + beir*, 259–260) и изобретает для своего оппонента целую семью мифических «родствен-

ников», состоящую из бесов, язычников, мучителей святых, в числе которых и Нерон, якобы «племянник» Данбара, и Голиаф, его «дедушка», и Вельзевул, его «брат», и сам Плутон («глава рода и покровитель» – *thy hede of kyn and protectour, 535*), ожидающий своего «потомка» в аду.

С такой родословной Данбар не может не быть никем иным, как самим сатаной (*tu es dyabolus, 544*), что и позволяет Кеннеди логически завершить свою инвективу проклятием: «Вон, вон отсюда, кричу я этому шмыгающему носу, / Рассказчик сплетен, супротивник, сожигатель бесов, / Ты, зяблик, провались с вонью в тартарары» (*Out, out, I shout, apon the snowt that snevillis. / Tale tellare, rebellare, induellar wyth the devillis, / Spynk, sink wyth stynk ad Tertara Termagorum, 550–552*). Последние строки Кеннеди не уступают заключительной строфе Данбара и по выразительности, и по числу рифм и аллитераций. Более того, Кеннеди удалось подхватить и заключительную строку Данбара (*Rottin crok, dirtin dok..., 248*), обыграть ее, включив ее слова, рифмы и аллитерации в свою систему рифм (*Scot – crok – dok*) и аллитераций (*Nevir – nane, sik – Scot, dok – doune*): «Никогда никто тебя не назовет шотландцем / Гниющая старая овца, вошь зада (*или кормы корабля*) там внизу», т. е. в Англии (*That nevir nane sik ane be callit a Scot, / A rottyn crok, louse of the dok, thare doune, 483–484*), и тем лишить инвективной силы.

Трудно сказать, кто побеждает в словесном поединке двух поэтов. Стихи Данбара более эмоциональны и выразительны, однако последнее слово остается не за ним. Ответ Кеннеди превосходит речь Данбара и протяженностью (ему принадлежат 38 строф, а Данбару – 25), и количеством ругательств и непристойностей. Возможно, что, как в поединке Гётвары и Эрика, в состязании Данбара и Кеннеди побеждает тот, кто решится на наибольшую хулу и тем заставит замолчать своего противника.

«Перебранка Данбара и Кеннеди» оказала несомненное влияние на шотландскую словесность. По ее образцу сочинены «Перебранка башмачника и портного» (*Flyting betuix the Soutar and the Tailyour, 1527 г.*), приписываемая Уильяму Стюарту, «Ответ на королевскую перебранку» сэра Дейвида Линдсея (*An Answer quhilk Schir David Lyndsay maid to the Kingis Flyting, 1536 г.*), «Перебранка Монтгомери и Полварта» (*The Flyting of Montgomerie and Polwart, ок. 1580 г.*). Возможно, «Перебранка Данбара и Кеннеди» и последовавшие за ней шотландские перебранки послужили примером для англо-шотландских словесных поединков, например для перебранки английского поэта Скелтона и его шотландского оппонента Дандаса. Во всяком случае некоторые из перечисленных произведений восходят к одним и тем же источникам, пись-

менным или устным. Так, в своей перебранке и Данбар, и Кеннеди ссылаются на одни и те же легенды и предания, в частности, на известный рассказ о миссии св. Августина на Британских островах в 597 г. Данбар утверждает в своей инвективе, что «у того, кто ударил святого Августина хвостом, был твой отвратительный лоб» (he that dang Sanct Augustine with ane *rumple* Thy fowll front had, 126), Кеннеди же, подхватывая слово *rumple* – «хвост, ягодицы», добавляет: «Корспатрик, которого мы обвиняем в измене, твой предок, уменьшил численность ирландцев, его предательство привело к нам английские хвосты» (Corspatrik that we of tressoun reid / Thy forefader, maid Irisch and Irischmen thin, / Throw his tressoun broght Inglise *rumplis* in, 349–351).

Приведенные стихи Данбара и Кеннеди основаны на распространенной легенде об *anglicus caudatus* или о том, что у англичан растут хвосты¹⁶⁷. Первое известное упоминание об этой легенде засвидетельствовано Уильямом Мальмсберийским, который в «Деяниях понтификов» (*Gesta Pontificum*, ок. 1143 г.) рассказывает о проповеди св. Августина в Дорсете. Во время проповеди некоторые грешники стали глумиться над святым и даже дошли до того, что привязали к его одеянию рыбы хвосты, однако потом покаялись и приняли крещение. В этой ранней версии легенды нет упоминания о мести грешникам, однако в ее более поздних вариантах, нашедших отражение в романе Роберта Васа «Брут» (1205 г.), говорится о том, что грешникам было послано наказание за их глумление над святым – их дети стали рождаться с хвостами: «И все, кто его обидел, / Стали хвостатыми и получили хвосты, / И не могут больше избавиться от них, / Все они с тех пор стали хвостатыми, / Те, кто был из этого рода, / Хвосты у них есть из плоти, / В воспоминание о том позоре, / Который они учинили, другу Господа, / Когда они возложили на него хвосты» – Et qui les keues li pendirent / Furent coe et coes orent, / Ne onques puis perdre ne's porent. / Tot cil ont puis este coe, / Qui furent de tel parente; / Keues ont de tries en la car, / En ramanbrance de l'escar / Qu'il firent al Deu ami / Qui des keues l'orent laid¹⁶⁸.

Та же легенда с некоторыми вариациями присутствует и в одноименном романе Лаямона (строки 29587–29600), где рассказывается о том, как святой Августин, которому грешники из города Дорчестера на ризы навесили рыбьих хвостов (хвостов скатов), обратился к Господу с молитвой о наказании грешников. Эта молитва была услышана, и Господь «послал кару этим скверным людям, / которые рыбы хвосты повесили на клирика, / эти хвосты пристали к ним самим, за это их можно осмеивать, / посрамлен стал весь народ, они все получили хвостики (*muggles*), /

и во всех хозяйствах люди стали их называть хвостатиками (*muglinges*), / и все свободные люди плохо говорят про них. / И английские люди в чужих странах / из-за этого дела ходят с красными лицами (*and his wreche sende; an wræstliche þan folke. / þa þe riht en tailes; hangede a þan clarkes. / Ða tailes heom comen on. þer-uoren heo ma en iteled beon. / Iscend wes þat mon-cun. muggles heo hafden. / and inne hirede ælches; men cleopeð heom muglinges. / and euer-elc freo mon; ful telleð heom on. / & Englisce freomen; in uncuðe london. / for þan ilke dede; heo habbeoð neb rede, 14763–14770*)¹⁶⁹. Излагая распространенную легенду, Лаямон вводит дополнение о наказании грешников, впервые упоминая слово *Mugglings*. Он утверждает, что наказание послано не только жителям одного города (обычно Дорчестера, в единичной рукописи – Рочестера) или одной местности (Дорсета или Кента), но всему народу, над которым смеются в других странах.

Упоминания об этой легенде унаследованы и более поздними шотландскими и англо-шотландскими перебранками. В анонимной шотландской поэме, возможно, сочиненной в то же время, что и перебранка Данбара и Кеннеди, англичанин обвиняет шотландца в том, что у него грубая обувь («грубоногий шотландец, что ты теперь скажешь?» – *Rochtfuttit Scot, quhat sayis thow?*), а шотландец вспоминает про английские «хвосты» и называет англичанина «хвостатой собакой» (*Talyt tyk*)¹⁹⁰.

Несколько позднее эта легенда послужила основой для словесного поединка Джона Скелтона (1460–1529), английского поэта, прославленного при дворе Генриха VIII, и некоего Джорджа Дандаса, предположительно, шотландского профессора из Абердинского университета. После того как Скелтон восхвалял победу английского войска в битве при Флоддене, Дандас сочинил ему в отместку остроумные стихи на латыни:

<i>Anglicus a tergo</i>	Англичанин сзади
<i>Caudam gerit;</i>	Тащит хвост;
<i>Est canis ergo.</i>	Значит, он собака.
<i>Anglice caudate</i>	Англичанин хвостатый,
<i>Cape caudam</i>	Береги свой хвост,
<i>Ne cadat a te</i>	Чтобы он не отпал,
<i>Ex causa caudae</i>	По причине хвоста
<i>Manet Anglica</i>	Остается английский
<i>Gens sine laude.</i>	Народ без славы.

Если Дандас обращается в своих стихах к легенде об английских хвостах, то Скелтон на его шуточные выпады отвечает макароническими стихами в защиту своих сограждан, значительно более оскорбительными по содержанию. Основная тема стихов Скелтона «Против Дандаса»

(“Against Dundas”) – похвала своей родине, «лучше которой», по его мнению, «нет нигде», проклятие стране Дандаса и публичное посрамление своего врага, осмеливавшегося бросить тень на англичан, вспомнив о старинной легенде:

<p>Diffamas patriam qua non Est melior usquam. Cum cauda plaudis dum Possis ad ostia pultas Mendicans; mendicus eris Mendaxque bilinguis Scabidus horribilis quem Vermes sesquipedales Corrodunt misere; miseris Genus est maledictum Skelton nobilis poeta. Gup Scot ye blot Laudate Caudate Set in better Thy pentameter. This Dundas, This Scottishe as, He rymes and railes That Englishmen have tailles. Skeltonus laureatus Anglicus natus Provocat musas Contra Dundas Mordacissimum Scotum Undique notum Rustice fotum Vapide potum. Skelton Laureat After this rate Defendeth with his pen All Englishmen Agayn Dundas The Scottish asse. Shake thy tayle Scot like a cur, For thou beggest at every mannes dur. Tut Scot I sey, Go shake thy dog hey! Dundas of Galaway With thy versyfyeng rayles How they have tayles.</p>	<p>Ты порочишь страну, Лучше которой нет нигде. Хвостом ты виляешь, Пока можешь, у дверей овсянку Выпрашивая; нищим останешься И двуязычным лжецом, Ужасный оборванец, которого Черви в фут с половиной длиной Жалко гложат; из-за негодяев Твой народ проклят, Скелтон – благородный поэт. Выметайся, шотландец, ты, грязное пятно, Хвалите хвостатого, Сочиний-ка получше Свой пентаметр. Этот Дандас, Этот шотландский осел, Он рифмует и бранится, Что у англичан есть хвосты. Скелтон, поэт-лауреат, Урожденный англичанин, Вызывает муз Против Дандаса, Злословящего шотландца. Всюду известно, Что домашнее вино – Безвкусный напиток. Скелтон, поэт-лауреат, Таким образом Защищает своим пером Всех англичан От Дандаса, Шотландского осла. Тряси своим хвостом, шотландец, как дворняга, Ибо ты попрошайничаешь у двери каждого человека. Замолчи, шотландец, я говорю, Иди потрясай свою собаку, эй, Дандас из Галавей, Своей рифмоплетской бранью о том, Как у них растут хвосты.</p>
--	---

На изящную шутку Дандаса, избегающего каких-либо личных выпадов, Скелтон отвечает неистовой бранью, полной индивидуализированных оскорблений. Он не только обзывает своего оппонента «лжецом, нищим, оборванцем, негодяем, ослом, собакой», но и утверждает, что Дандас запятнал себя своими делами («выпрашивает овсянку», «рифмуется и бранится», «попрошайничает у каждой двери»). Обвинение Дандаса он обращает против него самого, утверждая, что хвосты растут не у англичан, а у самих шотландцев, т. е. вновь обвиняя своего оппонента во лжи. Обыгрывая двусмысленность прилагательного *bilinguis* – «лживый» и «двуязычный», Скелтон одновременно и уличает Дандаса, и отдает дань его билингвизму. Однако Скелтон и сам использует двуязычие как осознанный прием, перемежая в своих стихах латинские и английские строфы. Создается впечатление, что Скелтон прибегает к латыни для того, чтобы сравняться с Дандасом в искусстве слагать латинские стихи, однако сочиняет большую часть своего ответа по-английски для того, чтобы его превзойти. Так как для защиты соотечественников Скелтону больше подходит родной язык, он намеренно меняет традиционное положение обоих языков, наделяя английский тем статусом, который более подобает латыни.

Латинские стихи Скелтон называет «пентаметрами» и призывает Дандаса «получше их слагать», тем выражая сомнение в поэтическом мастерстве своего оппонента. Он отказывает своему врагу в праве считаться стихотворцем, ни разу не называя его произведений «стихами», но лишь «рифмоплетской (букв. версифицированной) бранью» (*versufyeng rayles*). Уместно вспомнить, что и Кеннеди называл стихи Данбара «рифмовкой, рифмоплетством», требуя, чтобы тот оставил свое бесплодное занятие (*leif thy ryming, ribald, 32* – «прекрати свое рифмоплетство, клеветник»). Подобно Данбару и Кеннеди, Скелтон создает два противоположных образа – своего бездарного врага, награждаемого самыми нелестными прозвищами, и самого себя, великого поэта. Скелтон несколько раз называет себя «поэтом», «поэтом знатных» (*nobilis poeta*), «поэтом, увенчанным лавровым венком», «лауреатом»¹⁷¹, сначала на латыни (*Skeltonus laureatus*), а затем и по-английски (*Skelton Laureat*), тем утверждая свое всеми признанное превосходство в искусстве слагать стихи. Таким образом, подобно Данбару и Кеннеди (последний тоже считает свои стихи достойными лаврового венка – *laureat letters, 28*), Скелтон превращает перебранку в состязание в поэтическом мастерстве. По сравнению с безобидной строфой Дандаса ответ Скелтона настолько пространен и оскорбителен, что заставляет задуматься о том, не самому

ли «поэту-лауреату» принадлежало сочинение спровоцировавшей его строфы. Если бы это предположение оказалось верным, то можно было бы утверждать, что в поэзии Скелтона перебранка превращается в литературную форму, подобную провансальским тенсонам или партиме (джок-партит).

Время и место действия в перебранке Данбара и Кеннеди, возможно, тоже повлияло на более поздние словесные поединки. Так, Данбар говорит о позорном бегстве Кеннеди «сейчас зимой» (*now in winter* 118), а Кеннеди прерывает перебранку прямым обращением к «суверенному господину» королю Якову IV, умоляя его избавить нацию от позорящего ее грешника, т. е. Данбара (481–482). В «Перебранке Монтгомери и Полварта» тоже упоминается о зимних ночах и королевском очаге, за место у которого состязаются оппоненты¹⁷². Предполагалось, что перебранки происходили на людях в зимние вечера в присутствии обоих оппонентов и короля¹⁷³. Наличие аудитории позволяло участникам словесного поединка достигнуть цели – подвергнуть врага всеобщему поношению. Так, Данбар во всеуслышание объявляет, что хочет, чтобы его врага «проклинали все страны и все королевства» – *throw all cuntreis and kinrikis thame proclame*, 23–24. Если считать, что перебранка предназначалась для устного исполнения перед аудиторией и была сочинена для ее развлечения, то публичность исполнения, очевидно, усиливала радость победившего и разочарование проигравшего.

Вместе с тем в шотландских перебранках есть свидетельства их письменного происхождения. Кеннеди упоминает о «письменах скальда», т. е. Данбара (*skaldit skrowis*, 26), и утверждает, что послал ему формальное письмо (*this cedull*, 48). Когда Кеннеди хочет опровергнуть обвинение Данбара, то ссылается на письменный текст: «где ты пишешь, что датчане напали на ряды воинов, датчане из Дании принадлежат к королевскому роду» (*Quhare thow writis Densemen dryit apou the rattis / Densmen of Denmark ar of the kingis kyn*, 355). Данбар тоже говорит о том, что свою брань он «напишет пером и чернилами» (*sould wryt with pen and ynk*, 12). Линдсей, обращаясь к королю Якову V, упоминает, что прочитал его указания (*your ragment I haif red*). Письменный характер перебранок, направленных на выявление превосходства каждого из оппонентов в поэтическом мастерстве, подтверждает и их изощренная поэтическая организация и, в частности, строгая схема аллитерационных повторов и рифм. Возможно, вызов одного оппонента (*this cedull*, 48, как его называет Кеннеди) и ответ другого передавались в рукописном виде из рук в руки. «Хулительные письма» (*skaldit skrowis*, 26) могли выве-

шиваться в каком-либо людном месте, на воротах церкви, на двери дома оппонентов¹⁷⁴, и публично зачитываться. Не исключено, что тексты словесных поединков, таких как «Перебранка Данбара и Кеннеди», первоначально состояли из отдельных хулильных стихов и были сведены воедино в более позднее время. Может быть, в окончательной форме они исполнялись перед королем как стилизованные словесные дуэли и ставили своей целью развлечение королевского двора. Уже при жизни ее участников «Перебранка Данбара и Кеннеди» нашла еще более широкую аудиторию и была опубликована.

Письменный характер инвектив осознавался английскими поэтами и в более позднюю эпоху, как о том свидетельствуют стихи Бена Джонсона: «I could doe worse, / Arm'd with ARCHILOCHVS fury, write Iambicks, / Should make the desperate lashers hang themselves. / Rime 'hem to death, as they doe Irish rats / In drumming tunes» [Johnson 1981] – «Я мог бы нанести еще худший вред, / вооружившись яростью Архилоха, писать ямбы, / Заставить отчаявшихся врагов повеситься. / Зарифмовать их до смерти, как это делают с ирландскими крысами / Своим барабанным боем». В этих стихах хорошо переданы основные особенности перебранки: ее индивидуальный характер («я мог бы нанести еще худший вред»), эмоциональность взаимных обличений и угроз («вооружившись яростью Архилоха»), метафорическое исключение противника из рода людей («как это делают с ирландскими крысами»), цель инвективы («заставить отчаявшихся врагов повеситься»), ритмическая организация (уподобление «барабанному бою») и, наконец, едва ли не самое главное – представление о магическом воздействии бранного слова («до смерти зарифмовать» врагов), уходящее в глубокую древность.

Заключение

В древнегерманской культуре словесные поединки распространены преимущественно в памятниках, восходящих к устной традиции. Таковы образцы немецкого и англосаксонского героического эпоса: «Песнь о Хильдебранде», «Беовульф», «Вальдере», «Битва при Мэлдоне». В скандинавской словесности перебранки присутствуют в эддических песнях (в «Песни о Харбарде», «Перебранке Локи», «Песни о Хельги сыне Хьёрварда», «Первой Песни о Хельги Убийце Хундинга», «Второй Песни о Хельги Убийце Хундинга»), в сочинении Саксона Грамматика «Деяния датчан» и в сагах. В сагах о древних временах, основанных на

древних героических сказаниях и избыливающих фольклорными мотивами, словесные поединки встречаются чаще, чем в других типах саг. Мы находим их по крайней мере в шести сагах о древних временах (в «Саге о Кетиле Лососе», «Саге о Гримере Бородатом», «Саге о Хальве и воинах Хальва», «Саге о Хьялмтере и Алвире», «Саге об Одде Стреле», «Саге о Вельсунгах») ¹⁷⁵, и только в двух сагах об исландцах (в «Саге о Ньяле» и «Саге о союзниках») и одной пряди («Пряди о Пивном Капюшоне»), в трех королевских сагах (в «Саге о сыновьях Магнуса Голоногого» из «Круга Земного», в «Гнилой коже» и в «Саге о Сверрире»), а также в «Саге о Тидреке», причисляемой как к сагам о древних временах, так и к рыцарским сагам, но основанной на устных источниках, как о том сказано в ее прологе (см. выше, гл. 1). Напротив, в сагах о современности, описывающих события, которые получили письменную фиксацию непосредственно вслед за тем, как были сочинены, т. е. не существовали в устной традиции, примеры словесных поединков в собственном смысле отсутствуют, хотя о перебранках на пиру упоминается не раз. Можно предположить, что словесные поединки, отраженные письменными памятниками, связаны с устной традицией отношениями преемственности.

Главной чертой словесных поединков в древнегерманской культуре следует признать их «антифонный» характер. Для того чтобы считать угрозу или инвективу составной частью словесного поединка, необходимо участие (пусть потенциальное, как в сохранившихся фрагментах «Вальдере») по меньшей мере двух оппонентов. По составу участников, месту проведения и функциям можно выделить два основных вида словесных поединков. С одной стороны, это перебранки, имеющие функцию развлечения и позволяющие заменить обмен ударами обменом словами, с другой – словесные поединки, ведущие к насилию и лишь предваряющие кровопролитие.

1. Начнем с описания возможных участников словесных поединков. Оппоненты в перебранках, имеющих функцию развлечения, обычно принадлежат одной группе людей или дружественным группам (племенам, нациям и т. д.), связанным отношениями гостеприимства. Участники обмениваются речами в помещении (в палатах, на пиру и т. д.). Таковы перебранка в «Беовульфе» между Унфертом и Беовульфом, состязание в искусстве хулы в «Саге об Одде Стреле» между Оддом – Сигурдом и Съэльвом, сравнение мужей в «Гнилой коже» и в «Саге о сыновьях Магнуса Голоногого», эддическая «Перебранка Локи». Аудитория играет в развлекательных перебранках важную, хотя и пассивную, роль – это свидетель не только развлечений, но и клятв и проклятий.

Напротив, участники словесных поединков, ведущих к насилию, принадлежат к враждующим группам (племенам, народам и т. д.), как в англосаксонских памятниках (например, в «Битве при Мэлдоне», «Вальдере») или в «Песни о Хильдебранде», где Хадубранд принимает своего отца за «старого гунна». Обмен речами происходит обычно на поле боя и заканчивается битвой. Возможность мирной развязки здесь почти всегда исключена.

Словесные поединки на поле боя обычно происходят «один на один». Напротив, в перебранках, не ведущих к действительной битве и имеющих функцию развлечения, могут участвовать и три персонажа, как в «Саге об Одде Стреле» (гл. 27), где герой один выступает против Сигурда и Съёльва, и более, например, в «Пряди о Пивном Капюшоне» (гл. 3–4), где Бродди пререкается с шестью годи. Число оппонентов в словесных поединках на пиру, очевидно, неограниченно: в «Перебранке Локи» помимо главного героя принимают участие еще шестнадцать асов, асиний и их слуг (Эльдир, Браги, Видар, Один, Идун, Гевьон, Фригг, Фрейя, Ньёрд, Тюр, Фрейр, Бюгвир, Хеймдалль, Скади, Бейла, Тор). Участники пиршественных перебранок, как правило, хорошо знают друг друга и потому могут задавать вопросы о прошлом оппонента.

В описании участников в перебранках, имеющих функцию развлечения, обычно упоминается их вербальное мастерство, превосходство в искусстве красноречия и поношения. Саксон Грамматик не раз говорит о словесном даре Эрика и дает ему прозвище Красноречивый (Ericus Disertus). Эрик описывается, как человек, говорящий лучше других, превосходящий всех словами, «сильный на язык». Его главный противник Грп тоже владеет словесным искусством, однако его речи не столько остры, сколько дерзки и наглы. В «Беовульфе» героя вызывает на поединок «тул» (þyle), чье словесное мастерство самоочевидно, – сам Беовульф отдает дань красноречию Унферта: «...если бы твой дух и намерения были так же остры, как твои слова» (589). Главный герой «Перебранки Локи» «богат ответами» (auðígr í andsvogum, Ls., 5). В «Первой Песни о Хельги Убийце Хундинга» об одном из участников перебранки (Синфьётли) говорится, что он «знал, как отвечать и как обмениваться речами с конунгами» (svara kunni / oc við æðlinga orðom skipta, НН I, 32).

Участники словесного поединка – обычно мужи. Женщины не принимают участие в перебранках ни в одной древнегерманской традиции, кроме скандинавской¹⁷⁶. В эддической «Песни о Хельги сыне Хьёрварда», в сагах о древних временах («Сага о Хьялмтере и Алвире», «Сага о Гриме Бордатом») герой вступает в спор со сверхъестественным су-

ществом женского пола (нередко с великаншей) и неизменно побеждает. В «Деяниях датчан» Саксона Грамматика женщина по имени Гётвара, так искусно «использующая свое жало, что оно было весьма действенным, куда бы ни было обращено» [Saxonis Gesta Danorum, V, 104], оказывается, подобно другим существам женского пола, побежденной героем в словесном поединке, на который сама же вызвала его, желая отомстить за гибель своих сыновей.

Перебранки, в которых участвуют только женщины, встречаются в германской традиции крайне редко. Основное содержание женских распрей составляет сравнение мужей, с помощью которого женщины утверждают свое превосходство и оспаривают равенство соперницы. Героини могут наносить обиду, оскорбляя мужа соперницы (Халльгерд и Бергтора в «Саге о Ньяле»), превознося своего мужа и унижая чужого (ссора королев во всех памятниках, кроме «Саги о Вэльсунгах»), превознося мужа противницы (Гудрун и Брюнхильд во втором «раунде» перебранки из «Саги о Вэльсунгах»). Сравнение мужей в женской перебранке ведет к насилию (в «Саге о Ньяле» и в цикле Нифлунгов) и к гибели одной из участниц.

2. Средством различения двух типов словесных поединков может служить и то место, где они разыгрываются. Как правило, словесные поединки мужей происходят на поле битвы или на пиру, причем во втором случае сопровождаются винопитием.

Древнегерманские словесные поединки на поле боя (перед, во время или после битвы) функционально подобны единоборствам, предваряющим (или заменяющим) в архаическом обществе общее сражение и подробно описанным Тацитом, Прокопием, Павлом Диаконом (см. выше). Они происходят перед лицом обеих враждующих сторон, подчиняются строгим канонам и определяют исход битвы. В древнегерманской традиции поединки происходят на поле боя в «Песни о Хильдебранде», «Битве при Мэлдоне», «Вальдере», «Песни о Хельги сыне Хьёрварда», «Первой Песни о Хельги Убийце Хундинга».

Напротив, словесные поединки на пиру, как правило, не ведут к насилию, за исключением «Саги об Эгиле» и «Саги о людях с Песчаного Берега». В древнегерманской традиции такие поединки происходят в присутствии множества людей, как высокого социального статуса (правителей, их жен), так и низкого (слуг, виночерпиев), и обычно сопровождаются винопитием. О винопитии (ср. дисл. *ölsidigr* – «пивные обычаи», *ölteiti* – «пивная забава») рассказывается в описании словесного поединка на пиру в «Саге о людях с Песчаного Берега»: «Там было большое винопитие, говорили о сравнении мужей, о том, кто мог бы быть самым

лучшим в этом месте или наибольшим хёвдингом, и люди не соглашались, как это обычно бывает, когда идет речь о сравнении мужей» [Eugbyggja saga, гл. 37]. В эддической «Перебранке Локи» (строфа 47) тоже идет речь о винопитии (Хеймдаль говорит Локи: «Ты, Локи, от пива / рассудка лишился; / замолкнешь ли, Локи? / Язык свой не в силах / тот обуздать, / кто не в меру напьется», перев. А.И. Корсуна). В перебранке, описанной в «Саге об Одде Стреле» (гл. 27), каждый из трех состязающихся (Одд, Сигурд и Съэльв) должен выпить полный рог вина перед тем, как сказать очередную хулительную строфу. Из этого состязания, включающего 24 строфы, Одд выходит победителем и в искусстве винопития, и в поэтическом ремесле, и в мастерстве словесной хулы.

Участники перебранки могут встречаться «у водной преграды», на границе двух миров (ср., например, «ссору королев» у ворот собора в «Песни о Нибелунгах»). Женская перебранка обычно происходит или внутри помещения, пределами которого ограничивалась социальная роль женщины (ср. распрю Халльгерд и Бергторы в «Саге о Ньяле», вторую часть словесного поединка Гудрун и Брюнхильд в «Саге о Вёльсунгах», перебранку героинь в «Саге о Тидреке»), или в традиционном месте германских перебранок – у реки (ср. распрю героинь в «Младшей Эдде» и первую часть словесного поединка в «Саге о Вёльсунгах»). Оппоненты находятся по разные стороны реки, пролива в «Битве при Мэлдоне» и в нескольких эддических песнях: «Первой Песни о Хельги Убийце Хундинга», «Песни о Харбарде». В тех случаях, когда перебранка происходит у водной преграды или на границе миров, участники диалога могут быть не знакомы друг с другом. Путешественник, неизвестный или неузнанный, может оказаться на незнакомой ему территории и стать объектом более или менее агрессивных расспросов (ср., например, диалог стража данов и Беовульфа).

У водораздела происходит краткая перебранка и в «Песни о Нибелунгах» (авентюра 25), причем один из ее участников – перевозчик, как и в эддической «Песни о Харбарде». В обеих песнях странствующий герой (в «Песни о Нибелунгах» Хаген, в «Песни о Харбарде» Тор) просит перевезти его на другой берег и обещает награду (Хаген предлагает золотой браслет, в «Песни о Харбарде» Тор предлагает «селедку и овсянку»). Один из участников перебранки называется чужим именем (Хаген по совету сестер-провидиц присваивает имя Амелъриха, брата перевозчика, в «Песни о Харбарде» Один называется Харбардом). Первозчик отказывается перевезти героя, ссылаясь на того, кому он служит (в «Песни о Харбарде» Хильдольв, в «Песни о Нибелунгах» имеется в

виду Гельфрат). Содержание словесного поединка в «Песни о Нибелунгах» тоже соответствует канонам древнегерманских перебранок – он состоит из угроз и обвинений («Живее, перевозчик, мне лодку подавай», «...а вы солгали мне. Сидите в наказанье на этой стороне», «Коль жизнь твоя тебе мила, прочь с судна моего!», перев. Ю.Б. Корнеева, и т. д.). Завершается эта перебранка гибелью одного из участников от руки другого и потому относится к тому типу выделенных нами словесных поединков, которые ведут к насилию и обычно происходят на поле боя.

В редких случаях и только в исландской словесности перебранка происходит на альтинге (ср. «Сагу о Ньяле», «Прядь о Пивном Капюшоне» и «Сагу о союзниках»). Из всех саг об исландцах, в которых нами были рассмотрены четыре словесных поединка, обмен оскорбительными репликами ведет к насилию только в «Саге о Ньяле» (это диалог между Скарпхеდიном и Флоси). Если перебранки на альтинге по самоочевидным причинам не встречаются вне Исландии, то обмен речами «у водной преграды» ограничен англосаксонской и скандинавской словесностью (ср. мотив морского путешествия в культуре викингов и англосаксов). Можно предположить, следовательно, что в частных случаях место словесного поединка обусловлено локальной культурной традицией.

3. Суммируем основные структурные и семантические особенности обоих типов словесных поединков. Как правило, словесный поединок имеет трехчастную структуру и состоит из введения, основной части и заключения.

(а) *Введение*

Словесный поединок начинается с представления участников (вопросов и ответов об имени – роде), так как имена и генеалогия героев дает возможность определить степень их значимости. Кроме того, функция сообщаемых генеалогических сведений состоит в том, чтобы показать собственное превосходство и унижить противника. Сравнение родословных всегда предвещает словесный поединок, ведущий к реальной битве, в которой неизвестно, кому достанется победа. Представление участников может начинаться как с вполне дружелюбных вопросов («Песнь о Хильдебранде», «Песнь о Хельги сыне Хьёрварда», «Первая Песнь о Хельги Убийце Хундинга»), так и с крайне враждебных («Песнь о Харбарде», «Сага о Ньяле», поединок Грепа и Эрика у Саксона Грамматика). Очевидно, тональность введения никак не определяет исхода словесного поединка, так как, в отличие от «Песни о Харбарде» и сочинения Саксона Грамматика, в «Песни о Хильдебранде», «Песни о Хельги сыне Хьёрвар-

да» и в «Первой Песни о Хельги Убийце Хундинга» за перебранкой следует битва. В сравнении мужей представление участников может отсутствовать, так как их равенство, заранее известное, служит необходимым условием того, чтобы словесный поединок мог состояться.

(b) *Основная часть*

Главную часть словесного поединка составляет сравнение оппонентов, в котором используется похвальба, оскорбления, угрозы, обещания применить физическое насилие, предсказание поражения. Похвальба обычно состоит в провозглашении оппонентами собственных положительных качеств, таких как доблесть, сила, мощь, отвага, преданность роду. Во взаимных обвинениях родословная тоже играет большую роль: упоминается о неспособности отомстить за убийство сородича, предательстве родных, инцесте, для женщин – о сожительстве с убийцей сородича (ср. «Перебранку Локи»). Так, Беовульф высказывает обвинение, традиционное для германских перебранок, говоря Унферту, что он «убил братьев» (ср. также «Первую Песнь о Хельги», где Гудмунд обвиняет Синфьётли в том, что тот жил как волк и убил братьев, 36).

Обвинения включают обращение к конкретным событиям индивидуальной жизни, публичное объявление о сомнительных или постыдных поступках (о пьянстве, братоубийстве, женоподобии, исполнении женских функций и т. д.) и их негативную «реконструкцию», допускаемую моральной многосмысленностью прошлого, возможностью разнообразного освещения одного и того же события. Характер обвинений в словесных поединках женщины с мужчиной не существенно отличается от оскорблений в традиционных мужских распрах. Если мужчину в перебранках оскорбляют, называя его трусом и женовидным существом, то женщину обвиняют в распутстве, извращенности, нимфомании¹⁷⁷.

Большая часть оскорблений строится на противопоставлении воинов и домоседов, трудной и легкой жизни, действия и болтовни. Легкая жизнь описывается как сидение дома, в изобилии и в тепле, когда оппонент волен сколько угодно спать, болтать, пьянствовать, объедаться, предаваться излишествам, в том числе половым. Напротив, трудная жизнь включает странствия, приключения, военные походы. Это противопоставление присутствует и в обмене речами между Беовульфом и Унфертом, и в перебранке из «Саги об Одде Стреле», и в «Первой Песни о Хельги Убийце Хундинга» («нередко в битвах / орлов насыщал он, / пока ты дома / рабынь целовал», 35; «Не лучше ли было б / тебе, Синфьётли, / битву вести / орлам на радость, / чем попусту речи / бросать на ветер...», 45). В редуцирован-

ном виде как контраст действия и пустых речей то же противопоставление включается в словесный поединок из «Саги о Ньяле» (гл. 119–120).

В словесном поединке обвинение обычно основывается на «предварительном инциденте» – определенном событии из жизни оппонентов, снабженном детальной информацией о месте, длительности, именах других участников. Наиболее характерная черта словесных поединков состоит в том, что оспаривается не истинность «предварительного инцидента», а только его интерпретация. Тем самым снимается вопрос, преимущественно обсуждавшийся исследователями, о том, заключена ли во взаимообвинениях оппонентов доля истины. Вне зависимости от того, как он решается, т. е. признаются ли справедливыми взаимные оскорбления (сцена словесного поединка тогда рассматривается как источник сведений о предыстории сюжета и его основное событийное ядро [Clover 1980: 457–459]) или, напротив, вся сцена трактуется как не имеющее отношения к действительности развлекательное отступление, дающее представление об особенностях германского этикета [Chambers 1921: 28–29], торжествует в словесном поединке не истина, а искусство вербальной хулы и похвалы. Победа в споре зависит от того, насколько удачно одному из оппонентов удастся создать наихудшую из возможных версий определенных событий (хула) и наилучшую из возможных интерпретаций тех же событий (похвальба).

(с) *Заключение* словесного поединка менее регламентировано, чем его начало и основная часть. Даже если за словесной битвой и не следует настоящего сражения, противники обычно расстаются в самых враждебных отношениях, иногда лишь для того, чтобы приготовиться к бою. Вызвать гнев оппонента, вывести его из себя, заставить замолчать или нанести невербальный, но реальный удар, значит обеспечить себе победу в словесном поединке. Справедливо также и обратное утверждение – победа в споре предвещает и победу в единоборстве. Чаще всего молчание одного из участников говорит о том, что он признает себя побежденным – в «Беовульфе», например, сказано: «Унферт, сын Эгглафа, стал тогда более молчаливым, у него не было больше насмешек по поводу доблести в сражениях» (980–981). В «Саге о союзниках», «Пряди о Пивном Капюшоне», «Саге о Ньяле» одерживает победу тот, кто говорит последним. Нередко окончание словесного поединка следует после вмешательства другого лица (ср., например, «Сагу о Хьялмтере и Алвире»). Наиболее каноническое завершение перебранки – проклятие одного из противников (ср. восклицание Харбарда: «Да возьмут тебя тролли!»).

4. Формальная организация словесных поединков так же регламентирована, как и их семантика.

а) *Фразеология*

Формульности вопросов в перебранках соответствует формульность ответов (ср. «ты знаешь» – *veitstu* Ls. 4, 5, 23, 27, 43, 51 и т. д. – «молчи ты» – *regi þú* Ls. 17, 20, 22, 26, 30, 34, 40, 46 и т. д.).

Формулы, используемые в вербальных состязаниях, нередко представляют их как основанные на устной традиции (ср., например, формулу «я слышал» в «Беовульфе» или в «Перебранке Локи»).

б) *Лексика*

Для словесных поединков характерна специфическая лексика – метафоры битвы. Ср. употребление «военных» глаголов в «Первой Песни о Хельги Убийце Хундинга» и в «Перебранке Локи»: «биться словами» (*orðom bregðask*, НН I. 45, 6) и «сражаться словами» (*sakask sárguðom*, Ls. 5, 3)¹⁷⁸.

Эмфатически противопоставляются местоимения «я» – «ты»; в прямом обращении широко используются имена (ср., например, «Перебранку Локи», сравнение мужей в «Гнилой коже», «Саге о сыновьях Магнуса Голоногого», «Саге об Одде Стреле»).

с) *Морфология*

В угрозах преобладает восклицательная форма предложения, сослагательное или повелительное наклонение, настоящее или будущее время. В обвинениях, напротив, применяются предложения в повествовательной форме, изъявительное наклонение, прошедшее время.

В уступительных предложениях, употребляемых в защите, возможно использование сарказма (ср. в «Саге о сыновьях Магнуса Голоногого» или в «Беовульфе»: «хотя ты и был всегда удачлив в свирепых схватках» или «хоть ты и умен, тебя ожидает ад...»).

д) *Синтаксис*

Применение синтаксических параллелизмов и словесных повторов поддерживает логический параллелизм (ср., например, в «Саге о Ньяле», гл. 119–120, и в «Саге о союзниках», гл. 10).

е) *Стихосложение*

Использование гальдралага (размера заклятий) позволяет подчеркнуть семантику (проклятие, угроза) с помощью метрической организации

(например, в «Речах Скирнира» и в «Перебранке Локи»). Независимость и выделимость словесного поединка проявляется в изменении метрики (размера) (ср. «Песнь о Хельги сыне Хьёрварда»).

К автоматизму в словесных поединках тяготеют оба плана – выражения и содержания: заданности первого, на вербальном уровне воплощенной в прямом повторении или зеркальном отражении основных речевых структур, соответствует мотивированность второго, обусловленная клишированностью содержания обвинений и насмешек. В случае поединков, имеющих функцию развлечения, можно предположить, что используемые в них взаимные обвинения и угрозы до некоторой степени асемантичны (заявления, оскорбительные по смыслу, ни говорящим, ни слушающим как таковые не воспринимаются). В сущности, в этом типе словесных поединков лишь создается иллюзия спора, так как большинство аргументов противников имеют вполне риторический характер: их нельзя ни опровергнуть, ни защитить, ибо они выражают различные точки зрения на предмет спора. Освобождение от смысловой нагрузки укрепляет синтагматические связи. Ритуальный вызов на вербальный поединок сопровождается строго определенной последовательностью обвинений и контробвинений (возможные вариации основной структуры: заявление – отрицание – вопрос – переформулировка – утверждение иррелевантности заявления – сохраняют неизменной базовую модель [Вах, Padmos 1983]), в которой пропустить очередь и не ответить оппоненту значит признать себя побежденным. Как правило, победу в споре и, следовательно, его окончание обеспечивает употребление формулы или пословицы, иначе говоря, автокоммуникационный текст-штамп [Лотман 1973]. Очевидно, такой текст-клише выступает здесь в функции своего рода культурного символа, отсылающего к коллективной памяти и к разделяемому всей культурной общностью знанию. С его помощью победитель раз и навсегда оправдывает свое поведение и утверждает превосходство, апеллируя к тому набору культурных норм, которые изначально полагаются как истинные всеми членами социального коллектива [Taylor 1975: 80–128]. Таким образом, словесный поединок оказывается сценой, всецело ориентированной на следование освященному традицией канону.

Выделенные нами характерные черты можно заметить и в словесных поединках в средневековой европейской литературе. Если обратиться к традициям, наиболее близким германской словесности, то следует упомянуть кельтские распри, примеры которых содержатся в «Пире

Брикрена» и в «Повести о кабане Мак Дато». Распря в «Пире Брикрена», напоминает «Перебранку Локи» – это перебранка на пиру, не ведущая к насилию. Напротив, в «Повести о кабане Мак Дато» обмен речами между людьми из Улада и Коннахта, которые одновременно являются гостями на пиру Мак Дато, короля Лейнстера, завершается физическим насилием, так как улады и коннахты нападают друг на друга.

Примеры словесных поединков есть и в средневековом японском романе «Хэйке моногатари», где описывается обмен хулительными речами между представителями враждующих кланов хэйке и гэндзи, и в древнеиндийском эпосе «Махабхарата», где изображается не только обмен оскорбительными репликами пандавов (сыновей царя Панду) и их двоюродных братьев кауравов, но и поединок, с которого начинается долгая вражда одного из братьев пандавов Арджуны и Карны, внебрачного сына матери пандавов.

В античном эпосе преобладают словесные поединки, предваряющие битву, примеры которых есть и в «Илиаде» (ср. распрю Ахилла и Агамемнона, 1.233–244, Диомеда и Главка, 6.119–236, Гектора и Аякса, 7.242–243, Ахилла и Энея, 20.160–352, Ахилла и Гектора, 22), и в «Одиссее» (ср. диалоги Одиссея с Эвриалом, Полифемом, Антиноем, 8.158–233). Сходство между словесным поединком Унферта с Беовульфом и диалогом Эвриала с Одиссеем в восьмой книге «Одиссеи» обычно объясняется тем, что оба встречаются в контексте героического эпоса [Lord 1965: 86–91].

О словесных поединках на поле боя в русских былинах уже шла речь в связи с «Песнью о Хильдебранде». К словесным поединкам, ведущим к насилию и предваряющим кровопролитие, можно отнести обмен речами не только между Ильей Муромцем и Сокольниковым, но и между Василием Буслаевым и идолицем, и между Иваном Грозным и его сыном. Встречаются в былинах и поединки на пиру, обычно сопровождаемые угрозами и похвальбой. Так, Ставр Годинович хвалится мудростью своей жены Василисы и угрожает, что она перехитрит всех бояр князя Владимира, «Иван “гостиный сын” хвастает конем и доказывает князю Владимиру превосходство своего “Бурушки” над конем Владимира. Дунай Иванович хвастает силой и, реализуя хвастовство, нечаянно убивает свою невесту. Дюк Степанович похваляется своим городом Галичем и его преимуществом перед Киевом и выигрывает соревнование» [Мелетинский 2003: 349]. Преобладание в обмене речами похвальбы над хулой, очевидно, может рассматриваться как характерная черта поединков на пиру.

Ситуация пира связывает словесные поединки с праздничными действиями, что позволяет провести аналогию с обычаями устраивать словесные состязания в поношении в тех культурных традициях, которые дожили до наших дней («барабанные состязания» у эскимосов, «дюжины» у американских негров, соперничество в хуле у индейцев юго-восточной Аляски и северной Америки, у западноафриканских племен ашанти и др. [Labov 1975; Elton 1950: 230–233; Elliot 1960: 49–99]). Роль этих ритуалов в находящихся на разных стадиях развития современных обществах, где они, без сомнения, включены в реальную социальную практику, может быть уподоблена функции интересующей нас сцены в культуре, недоступной непосредственному наблюдению. Изначальная цель состязаний в поношении во всех традициях состояла в том, чтобы обнаружить и изгнать зло, восстановив мир в коллективе. Возможно, что они служили средством и развлечения, и обучения певцов и поэтов, и передачи устного знания и устного предания [Davidson 1983: 39].

Вербальные поединки, отраженные в современном фольклоре, хорошо изучены [Labov 1975]. Исследованы и словесные дуэли, распространенные, например, среди турецких юношей и эскимосов [Dundes, Leach, Özkök 1972: 133–160], и словесные игры, включающие осмеяние и поношение [Levy 1945]. Так, игра под названием пассателла, распространенная среди крестьян южной Италии, сопровождается состязанием в искусстве хулы, винопитием и игрой в карты. Монологи «короля», которым становится всякий выигравший игру в карты, и его помощника направлены против других участников. По мере того как выпивается все больше вина и произносится все больше обидных речей, страсти накаляются. Скрытое поношение делается явным, в речах соперников сквозит озлобление, мстительность и даже ненависть. Несмотря на то что обмен оскорблениями может оканчиваться дракой [Levy 1947: 177], состязания в пассателлах допускают сравнение с древнегерманскими словесными поединками, имеющими функцию развлечения.

Состязания в искусстве поношения распространены в ирландских поминальных обычаях, включающих, помимо винопития и разнообразных игр, и словесные поединки [O'Suilleabhain 1967]. Их участники высмеивают друг друга, причем несколько человек, обычно двое, могут нападать на одного. Цель насмешек состоит в том, чтобы смутить оппонента и развлечь слушателей. Заведомая фиктивность обвинений подтверждает их ритуальный, игровой характер [Labov 1972: 331–334]. Хотя насмешки изначально призваны позабавить аудиторию, в них часто присутствует и откровенная хула, и оскорбления. Негодование жертвы

только ухудшает положение, наилучшей реакцией считается полное спокойствие. Когда участники грозят перейти границы дозволенного и нарушить мир, приходится вмешиваться родственникам покойного. Предполагается, что сходные поминальные обычаи, включающие игры и словесные поединки, могли быть распространены и за пределами Ирландии [O'Suilleabhain 1967: 56–74].

Словесный поединок лежит в основе обычая, встречающегося в отдаленных областях Ньюфаундленда, в Северной Америке и на Британских островах [Halpert, Story 1969], который, как считается, восходит к глубокой древности [Ibid: 35–61]. Ряженым в масках, переодетым в самые причудливые наряды из шкур животных, перьев птиц, мешков для сахара, мучных бочонков, клеенки и т. д. и изменившим свой голос, нередко удается ввести в заблуждение даже знакомых людей и скрыть свой пол и возраст [Ibid: 147–164]. Поведение ряженных обратно общепринятому, они позволяют себе остроты и оскорбления, обычно недопустимые [Ibid: 37]. Хозяйева, к которым приходят ряженные, пытаются угадать, кто к ним пришел, с помощью загадок, которые, как и отгадки, нередко бывают обценными.

Обсценность, сокрытие облика участников, обмен оскорбительными речами характерны и для валлийских календарных и свадебных обычаев. Так, перед Рождеством в Уэльсе принято проводить словесные поединки, в которых две группы участников состязаются в искусстве поношения. Одни обносят вокруг дома лошадиный череп, насаженный на палку (возможно, реликт древнейшей ритуальной практики, см. выше), а другие, находящиеся внутри дома, не позволяют им войти. Обе группы обмениваются импровизированными оскорбительными или угрожающими стихами, пока стоящие на улице, наконец, не допускаются в помещение [Owen 1959: 51–54]. Другой валлийский обычай, свадебный, тоже может включать своеобразный словесный поединок между друзьями жениха и невесты. Такой поединок был засвидетельствован в Уэльсе в Кардинганшире в прошлом веке [Ibid]. Люди из окружения невесты обвинили друзей жениха, оставшихся на улице, в том, что они или нищие попрошайки, или сборщики налога. Когда друзья жениха сказали, что пришли за невестой, им ответили, что невеста согласится выйти замуж только за ученого, но не за шахтера, а может быть, и вообще не пожелает вступать в брак. Наконец, друзья невесты впустили жениха, но он должен был найти невесту, которая спряталась, скрыв свое лицо под маской и переодевшись [Ibid: 163–166]. Напомним, что и в древнегерманской культуре словесные поединки тоже могут сопровождаться переодевани-

ем (например, в «Саге об Одде Стреле» герой накрывается берестяным покровом, у Саксона Грамматика Грам облачается в козы шкуры и изображает великана).

Можно заключить, что, в отличие от средневековых письменных памятников, в которых мы находим оба типа словесных поединков, в фольклоре распространены перебранки, не ведущие к насилию. Возможно, этот тип словесных поединков, преобладающий в фольклоре, был отражен в германской традиции в сценах перебранок на пиру. Перебранка как потеха на пиру в большой степени ритуальна, победа в споре значит здесь не более чем победа в состязании. Реликты очистительных ритуалов (в которых нравственное очищение сопровождается физическим – опьянением, вкушением) заметны в словесном поединке, дающей вербализованное воплощение агрессивности и заменяющей действенный поединок словесным.

Уместно заметить, что родство словесных поединков с битвой отражается в кеннингах, где последняя называется «перебранкой мечей» (*sverða senna*), «перебранкой оружия» (*várna senna*), «перебранкой копий» (*geira senna*). О том, что словесный поединок был вербальным эквивалентом битвы, свидетельствует не только употребление метафорических выражений, но и вполне ритуальная реакция на хулу ее участников. Мирное окончание состязания в поношении описывается, например, в уже упоминавшейся «Саге о сыновьях Магнуса Голоногого» (гл. 21): «После этого они оба замолчали, и оба были в большом гневе, <...> видно было, что каждый из них хотел выдвинуться вперед и превзойти другого. Но мир между ними сохранился до самой их смерти» (перев. М.И. Стеблин-Каменского).

В других сагах, а также в «Эдде» перебранка, имеющая функцию развлечения, тоже, как правило, не становится прелюдией к насилию, ибо устраняет конфликт с помощью ритуала. Перебранка на пиру, носившая в генезисе ритуально-безличный характер, представляет собой ненаправленный смех (с чем, вероятно, связано и отсутствие ограничений, накладываемых на число ее участников). Следует согласиться с мнением М.И. Стеблин-Каменского о том, что смысл инсценировок взаимного поношения состоит не столько в разоблачении тех, кто поносит друг друга, сколько в увеселении присутствующих; «ненаправленный смех заключается, таким образом, в данном случае в том, что инсценируется направленный смех» [Стеблин-Каменский 1978: 169]. Воспроизведение особенностей антиповедения очевидно связано здесь с выражением ритуально-бытового комизма, восходящего к срамословию культов плодород-

дия. Этот тип словесных поединков, имеющий параллели в фольклоре, тяготеет к мифологическому эпосу.

В героическом эпосе появляются сцены словесных поединков, имеющих трагический исход. Слово в них означает начало смертельной вражды и делает примирение невозможным, т. е. условно говоря, имеет «хтоническую функцию» [Фрейденберг 1978: 59]. Словесный поединок на поле боя основан на вере в магию слова. Оскорбительные речи неизменно производят сильное впечатление на адресата, требуют немедленного и столь же яростного ответа. В поединке на поле боя обвинения могут быть заведомо фиктивны (хтоническая функция слова), а в перебранке на пиру более важной становится опора на предварительный инцидент (сальвационная функция слова). Таким образом, различие в двух типах словесных поединков связано не только с тем, в какой драматической ситуации они происходят, какое окончание и какую роль играют, но и с различиями в функции слова.

Оба типа перебранки, как ведущей к насилию, так и имеющей функцию развлечения, представлены и в позднесредневековой традиции, например в аллитеративной поэме «Смерть Артура» и в «Перебранке Данбара и Кеннеди». Перебранка женщин тоже сохраняется и в более позднюю эпоху. Ее пример дает поэма Уильяма Данбара «Трактат о двух замужних женщинах и о вдове» (*The Tretis of the Tua Mariit Wemen and the Wedo*), посвященная вербальному состязанию трех женщин. В этой откровенно мизогинической поэме участницы, стремясь превзойти других в непристойности своего рассказа и умении владеть обценной лексикой, похваляются своими победами и говорят о своей власти над мужчинами. Как и «Перебранка Данбара и Кеннеди» (*The Flyting of Dunbar and Kennedie*), «Трактат о двух замужних женщинах и о вдове» представляет собой словесный поединок, затеянный с целью развлечения аудитории.

В поздних перебранках сохраняются характерные черты древнегерманских словесных поединков: публичность, антифонный характер, предполагающий «подхват» ритма, схемы рифм или аллитераций, упоминание имен противников, позволяющее придать оскорблениям более личный характер. Центральную часть перебранки по-прежнему составляет обмен враждебными речами. Большая часть оскорблений (и похвальбы) связана с преступлениями против рода, нарушениями родственных связей: инцестом, обманом родных, неспособностью отомстить за сородича. Присутствуют в поздних перебранках и типичные для германских словесных поединков замечания о внешнем облике оппонента (его уродстве, нищете), обвинения в трусости, бесчестном по-

ведении, несдержанных обещаниях, невыполненном долге, нарушенных табу. Как и в древнегерманских перебранках, здесь побеждает тот, опираясь на «предварительный инцидент», вызовет гнев и заставит замолчать оппонента.

Тем не менее в поздних словесных поединках происходят изменения, ведущие к разрушению их структурного единства. В речах оппонентов исчезает напряженность, происходит расширение диалогов за счет введения дополнительных реплик и распространения реплик основных участников. Помимо главных противников, в перебранке начинают принимать участие их представители (секунданты или эмиссары), речи которых перемежаются пространными интерлюдиями. Перебранка, восходящая к сцене, для которой было характерно пространственно-временное единство, разрастается до размеров темы, включающей несколько сцен и пронизывающей действие всей поэмы, что можно наблюдать на примере эпической среднеанглийской поэмы «Смерть Артура».

Традиционности содержания в поздних перебранках перестает соответствовать каноничность формы, которая становится здесь предельно вариативной – разные виды аллитераций и орнаментальных рифмовых созвучий используются ради усиления риторической действенности. В отличие от древнегерманской перебранки, сохранившейся в «Старшей Эдде» и в англосаксонской поэзии, комический эффект в поздних словесных поединках достигается противоречием, создаваемым оскорбительностью обвинений и изощренностью формы, свидетельствующей о том, что основные усилия оппонентов направлены на совершенствование языка и стиля. Как и в сравнении мужей, в поздней перебранке усиливается элемент игры, состязания, поэтому можно сказать, что в ней продолжается традиция не столько фатальных словесных поединков, сколько развлекательных перебранок. Основной целью поздней перебранки становится завоевание сочувствия аудитории, а не уничтожение противника словами. В этом отношении поздняя перебранка как будто возвращается к той фольклорной традиции, к которой в генезисе восходит.

Итак, можно предположить, что перебранка в древнегерманской культуре, унаследованная из фольклорной традиции, восходит к краткому обмену репликами двух оппонентов, распространяется до строго регламентированных словесных поединков, требующих участия многих героев, как в «Перебранке Локи», однако сохраняющих сценическое единство, затем разбухает до пронизывающей всю поэму темы, как в «Смерти Артура». Женская перебранка (или ссора королев) не только имеет сходство с германской перебранкой в синхронии, но и подчиня-

ется законам ее эволюции: краткий обмен репликами двух оппонентов отражен в «Младшей Эдде», распря, для которой характерно сценическое единство, сохраняется в «Саге о Тидреке», но разбивается на два «раунда», образующих две сцены, в «Саге о Вэльсунгах», и, наконец, разрастается до нескольких сцен в «Песни о Нибелунгах». Наконец, в еще более поздней поэзии, например Джона Скелтона, перебранка, имеющая функцию развлечения, превращается в литературную форму, подобную провансальским тенсонам или партиме (джок-партит). Именно этот тип перебранки допускает сравнение с напряженными диалогами в «Кентерберийских рассказах» Чосера, со среднеанглийской поэмой «Сова и соловей», со средневерхненемецкой «Вартбургской войной», со средневековыми дебатами и многочисленными состязаниями в поэтическом мастерстве миннезингеров и трубадууров.

Примечания

- ¹ Здесь и далее примеры древнеанглийской поэзии за исключением специально оговоренных случаев приводятся по [The Anglo-Saxon Poetic Records].
- ² Здесь и далее все цитаты из эддических песней приводятся в переводе А.И. Корсуна [Беовульф 1975]. Исландский текст цит. по [Edda 1962]. В цитатах песней «Старшей Эдды» в скобках указывается сначала номер строфы, а затем номер строки в строфе.
- ³ Германскую традицию устраивать поединки, позволяющие испытать счастье и узнать, к какой стороне будет благосклонна удача в предстоящей битве, описывает Тацит: «Существует у них и другой способ изыскивать для себя знамения, к которому они прибегают, когда хотят предузнать исход тяжелой войны. В этом случае они сталкивают в единоборстве захваченного ими в любых обстоятельствах пленника из числа тех, с кем ведется война, с каким-нибудь избранным ради этого соплеменником, и те сражаются, каждый применяя отечественное оружие. Победа того или иного воспринимается ими как предуказание будущего» [Корнелий Тацит, гл. 10]. За побежденной стороной, тем не менее, оставалось право выбора: она могла или вступить в бой, или уладить конфликт, заплатив выкуп.
- ⁴ О единоборстве готского и римского воина перед решающей битвой у реки рассказывает в третьей книге «Войны с готами» (гл. 4) Прокопий Кесарийский. Предводитель готского войска Тотила «велел тремстам из своей свиты, перейдя реку <...> оказаться позади неприятельского войска и, когда начнется рукопашный бой, зайти им в тыл и со всей силой ударить по ним <...> Сам же, перейдя

тотчас с остальным войском реку, двинулся прямо на врагов. Римляне немедленно стали двигаться им навстречу. Когда оба войска, двигаясь своим путем, оказались близко одно от другого, один гот, по имени Валарис, огромный ростом и видом несказанно страшный, смелый и воинственный, одетый в панцирь и со шлемом на голове, выехав на коне перед войском и став посередине между двух войск, начал вызывать всех римлян, не хочет ли кто вступить с ним в единоборство. Все в страхе не двигались с места, один только Артабаз выступил против него на состязание. Оба погнались коней друг на друга и, когда были близко один от другого, столкнулись копьями; но Артабаз предупредил противника и поразил Валариса в правый бок. Получив смертельную рану, варвар готов был уже упасть навзничь на землю, но его копье, упершись сзади его в землю в какой-то камень, не давало ему упасть. Артабаз еще сильнее налег на свое копье, стараясь вонзить его во внутренности врага: он думал, что Валарис получил еще не смертельную рану. Тут случилось, что железный наконечник копья Валариса, стоявшего почти прямо, коснулся панциря Артабаза и, вонзаясь все глубже и глубже, прошел через весь панцирь и, выступив оттуда, коснулся кожи Артабаза около шеи. Случайно этот острый наконечник, вонзаясь глубже, рассек проходившую там артерию, и кровь полилась сильной струей, причем Артабаз не испытывал никакого чувства боли, так что он сам погнал своего коня назад к римскому войску, а Валарис трупом упал на месте. Так как кровь никак не останавливалась, то Артабаз спустя три дня скончался и тем отнял у римлян всякую надежду на успех, так как даже в этом сражении из-за того, что он был уже небоеспособен, немало пострадало все дело римлян» [Прокопий из Кесарии, кн. III, гл. 4].

⁵ О единоборстве воина лангобардов и воина неизвестного из других источников племени ассипиттов, преградившего лангобардам дорогу, говорит Павел Диакон в «Истории лангобардов» (Кн. I, гл. 11–12), описывая, как предполагается, события VI–VII вв. Войско лангобардов уступало в численности войску ассипиттов, поэтому они не решались вступать с ними в сражение. У ассипиттов, однако, был «необычно сильный муж. И они считали, что благодаря его силе смогут добиться того, чего хотели. И они его одного вместо всех выставили на бой. Лангобардам они сказали, тоже выбрать, кого те пожелают, чтобы он схватился с их мужем в поединке, и если их воин одержит победу, то лангобарды вернутся на старый путь, а если, наоборот, победит лангобард, то они не будут препятствовать прохождению через их область. Когда лангобарды не знали, кого выставить против этого могучего мужа, выступил один из рабов. Он пообещал сразиться с врагом при условии, что если он выйдет победителем, то и он, и его потомки будут освобождены от рабства. Они охотно обещали исполнить это условие. Он выступил против врага, сразился и победил. Так он добыл лангобардам позволение пройти, а себе и своим потомкам – свободу, как и желал» [Павел Диакон 2008: 47–48].

- ⁶ Здесь и далее текст Диодора Сицилийского цитируется по [Diodorus of Sicily 1939]. В ссылке указывается номер книги, главы, предложения.
- ⁷ О сравнении мужей (*mannjafnaðr*) говорится в следующих сагах и прядях: в «Саге о Гуннлауге Змеином Языке» (*Gunnlaugs saga ormstunga*, гл. 5), в «Саге о людях с Песчаного берега» (*Eyrbyggja saga*, гл. 37), в «Саге о людях из Флой» (*Flóamanna saga*, гл. 25), в «Саге о битве на пустоши» (*Heiðarvíga saga*, гл. 36–37), в «Саге об оркнейцах» (*Orkneyinga saga*, гл. 61), в «Пряди о гренландцах» (*Grœnlendinga þáttr*, гл. 6), а также в нескольких сагах из «Круга Земного»: в «Саге о сыновьях Магнуса Голоногого», гл. 21 – «*Magnússona saga*» (та же сцена сравнения мужей в рукописи «Гнилая кожа» – *Morkinskinna* – включена в «Сагу о Сигурде Крестоносце» – *Sigurðar saga Jónsalafara*) и в «Саге о Харальде Серая Шкура» (*Haralds saga Gráfeldar*, гл. 9).
- ⁸ Перебранка (*senna*) и однокоренной глагол (*senna* – «перебраниваться, болтать») упоминаются в следующих эддических песнях: «Речи Высокого» (*Hávamál* 125, 6), «Подстрекательство Гудрун» (*Guðrúnarhvöt* 1, 1), «Песнь о Хюмире» (*Hymiskviða* 28, 4), «Песнь о Хюндле» (*Hundluljóð* 8, 1), в «Перебранке Локи» (*Lokasenna*). О перебранке Локи идет речь также и в «Младшей Эдде» («Язык поэзии» – *Skáldskaparmál*, гл. 33: *þá sennti Loki þar við öll goð, ok drap þræl Ægis* – «тогда Локи перебранивался там со всеми богами и убил слугу Эгира»). В «Младшей Эдде» существительное *senna* используется также в составе скальдических кеннингов «битвы» (*Skáldskaparmál*, гл. 72). Кроме того, однокоренной глагол (*senna*) употребляется в «Саге о Ньяле» (гл. 35), в которой Гуннар приказывает своей жене Халльгерд перебраниваться только с домочадцами (*at þú sennir við heimamenn þína*, см. гл. 4).
- ⁹ О скальдическом ниде (*níð*) см. [Матюшина 1994b; Гуревич, Матюшина 2000: 447–497]. Следует заметить, что о ниде упоминается также в одной из эддических песней «Старшей Эдды» – в «Песни об Атли» (*Atlakviða in grœnlenska*), героиня которой Гудрун перед тем как убить своего мужа Атли и сжечь палаты со всеми обитателями, «говорит нид» (*en níð sagði*, *Akv.* 35, 6).
- ¹⁰ Для начальной стадии развития эпического сказания, как считал Андреас Хойслер, характерны определенные морфологические признаки: краткость песни, объясняемая тем, что дружинный певец исполняет ее на пиру; малое число сцен и персонажей; выделение главных вершин действия; отсутствие экспозиции; внезапный зачин, вводящий непосредственно в крайне напряженное положение; драматический диалог, продвигающий действие [Хойслер 1960: 304–341; Heusler 1902: 189–284].
- ¹¹ Здесь и далее перевод «Песни о Хильдебранде» на русский язык Т.Я. Сулиной цит. по: Зарубежная литература средних веков. Немецкая, испанская, итальянская, английская, чешская, польская, сербская, болгарская литературы. Учебное пособие для студентов филологических специальностей пед. ин-тов / Сост. И.Б. Пуришев. Изд-е 2-е, исправл. и доп. М.: Просвещение, 1975. С. 10–

14. Оригинал цит. по [Das Hildebrandslied 1945]. В скобках здесь и далее (за исключением песней «Старшей Эдды», при цитировании которых приводятся также номера строк) указаны номера строк памятника.
- ¹² В одном из вариантов былины (сказителей Рябининых), записанном А.Ф. Гильфердингом, богатырь, с которым бьется Илья, – его дочь, богатырша (или поляница) (см. [Илья Муромец 1958: 207–217]). С поляницами или «поляничими удалыми» встречается в бою и Добрыня Никитич (поляница Настасья Микулична становится его женой), и Дунай Иванович, который женится на полянице Настасье, а потом убивает ее, и сам Илья Муромец (именно поляница оказывается в большинстве былин матерью сына Ильи).
- ¹³ Предполагается, что те единичные былины, в которых соперник Ильи не связан с ним кровным родством, отражают не позднюю переработку сюжета о битве отца с сыном, но параллельно развивающийся вариант (см. комментарий А.М. Астаховой к былинам об Илье Муромце и чужеземном богатыре-нахваляшке [Илья Муромец 1958: 474]).
- ¹⁴ О характерных чертах двух типов былин см. комментарий А.М. Астаховой [Илья Муромец 1958: 475].
- ¹⁵ [Былины Мезени 2003: № 42].
- ¹⁶ [Былины Мезени 2003: № 78, 87].
- ¹⁷ Илья Муромец и Сокольник. Приложение V: Повторные, отрывочные записи былин (1982–1986), № 4 // Былины: В 25 т. (Свод рус. фольклора). Т. 2. Былины Печоры: Север Европейской России. РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. С. 408.
- ¹⁸ Там же. С. 408.
- ¹⁹ Там же. Т. 1, № 68.
- ²⁰ Там же. № 96.
- ²¹ Илья Муромец и Сокольник // Былины Печоры и Зимнего Берега (Новые записи) / Исполн. Ф.А. Чупров. АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 208–210 (Памятники русского фольклора).
- ²² Там же. № 76.
- ²³ [Буслаев 2003: 242–243].
- ²⁴ Предполагалось [Марков 1901; Соколов 1918], что имя матери Сокольника восходит к древнему названию латышского племени Латыгора. Возможно также, что имя женщины-богатырши назовет о Святогоре и обозначает жительницу горной страны.
- ²⁵ [Былины Печоры 2001/1: 378], ср. также С. 381, 432. № 71, 72, 86.
- ²⁶ [Былины Печоры 2001/1: 355–375, 381–400, 402–431, 433–462. № 67–70, 73–76, 79–85, 87–91].
- ²⁷ [Былины Печоры 2001/1: 364].
- ²⁸ Насколько известно, первым, кто соотнес былинку об Илье Муромце и Сокольнике с универсально распространенным сюжетом битвы отца с сыном

и показал ее близость к германскому эпосу, был Ф.И. Буслаев [Буслаев 2003: 242–244]. Не раз возвращался к этому сюжету и А.Н. Веселовский. Сравнивая былину и германские варианты того же сюжета, он реконструировал «первооснову» былины [Веселовский 2004: 309–331] и объяснил сюжетное сходство различных памятников тем, что они отражают как «реальные факты» «эпохи грандиозных смещений и переселений, разлучавших родичей на далекие пространства» [Веселовский 1940: 69], так и матриархальные отношения, когда «отец принадлежит другому роду, чем сын» [Веселовский 1940: 546]. Дополнительные параллели этому сюжету были приведены В.М. Жирмунским, опровергшим гипотезы и общего происхождения, и миграции сюжета, однако не исключавшим возможности заимствования в русской былине и в немецкой песни о Хильдебранде [Жирмунский 1979: 29].

²⁹ [Potter 1902; Жирмунский 1979: 29].

³⁰ [Рустам и Сухраб 1972: 139].

³¹ [Рустам и Сухраб 1972: 140].

³² [Илья Муромец 1958: 184].

³³ [Рустам и Сухраб 1972: 204].

³⁴ В нартском эпосе сюжет битвы отца с сыном переосмыслен как битва дяди и племянника. Юноша здесь тоже сначала побеждает, но затем погибает от руки старшего сородича. Юный племянник обращает в бегство нарта Сосрыко, однако нарт спасает свою жизнь, прибегнув к обману. Он делает вид, что единоборство происходит в праздничный день, когда кровопролития запрещены. Во время второго поединка Сосрыко побеждает хитростью – он пугает коня своего противника. Упав на землю, юноша напоминает Сосрыко о его обещании уступить, но нарт отрубает племяннику голову. Предполагалось, что соперничество дяди и племянника, восходящее к матрилокальному браку, типологически предшествует соперничеству отца и сына, восходящему к патрилокальному браку. Об антагонизме, присущем отношениям дяди и племянника в архаических памятниках, и роли дяди по матери в инициационных испытаниях см. [Мелетинский 1993: 24].

³⁵ [Рустам и Сухраб 1972: 221].

³⁶ [de Vries 1953/3: 257–274].

³⁷ Эстонский и иранский варианты, например, совпадают в мотиве отдачи героем его чрезмерной силы на хранение до поединка (см. [Жирмунский 1979: 29]).

³⁸ [Неклюдов 2004].

³⁹ [Potter 1902: 112–113]; см. также [Авижанская 1947: 142–144].

⁴⁰ [Potter 1902: 112–113; Авижанская 1947: 142–144; Пропп 2006: 269].

⁴¹ [Буслаев 2003: 242–245; Веселовский 2004: 309–331; Пропп 2006: 268–271; Жирмунский 1979: 29].

⁴² Цит. по [Буслаев 2003: 242].

⁴³ Помимо песней о Хильдебранде (см. выше, гл. 1), поединок отца с сыном изображается также еще в двух германских поэмах: «Битерольф и Дитлип» и «Ортнит». Подобно песням о Хильдебранде, поэма «Битерольф и Дитлип» (Biterolf und Dietleip, 1260–1270 гг.) связана с одним из самых известных циклов германских сказаний – о Дитрихе Бернском (Теодорихе Великом), однако его роль здесь пока невелика (Дитрих находится в изгнании и выступает в роли союзника Этцеля). В поэме идет речь о том, как Битерольф, правитель Испании, тайно покидает свою жену Дитлинду и двухлетнего сына Дитлипа и отправляется ко двору короля Этцеля (Аттилы), желая найти там истинное рыцарство (ritterschaft, 405). Битерольф отсутствует так долго, что его жена начинает сомневаться в том, жив ли он. Дитлип узнает от матери о своем отце (2032–2038) и, как подобает эпическому герою, решает отправиться на поиски. Он берет оставленные отцом доспехи, с тремя спутниками пускается в путь и наконец прибывает к гуннскому двору, где его отец Битерольф живет под чужим именем. Во время военного похода отец и сын встречаются и, не поняв, что они выступают как союзники, начинают сражаться друг с другом. Их жестокая битва прерывается благодаря вмешательству Рюдигера (3632–3681), однако отцу и сыну еще далеко до взаимного узнавания. Судьба так часто их сталкивает, что Рюдигер начинает подозревать неладное (4083). Он заставляет обоих рассказать правду об их родословной, а поняв, со сколь близкими людьми он имеет дело, помогает им признать друг друга. Поэма заканчивается возвращением Битерольфа домой к Дитлинде. Помимо поэмы «Битерольф и Дитлип», поединок отца с сыном описывается также в эпической поэме об Ортните, связанной с циклом сказаний о Вольфдитрихе. В поэме «Ортнит» (Ortnit, XIII в.) повествуется о подвигах правителя Гардов (Garðar – Руси?), который, отправляясь на поиски приключений, получает от матери в дар кольцо с драгоценным камнем. Она велит сыну никому не отдавать кольца и начать странствия с липового дерева. Под деревом Ортнит видит крошечное существо в богатых нарядах, которое кажется ему малым ребенком. Ортнит вступает с ним в поединок и почти побеждает его, так как ребенок, который оказывается карликом Альберихом, изнемогает от смеха. Карлик обещает Ортниту золото и драгоценности, если тот снимет свое кольцо и даст ему посмотреть. Ортнит протягивает карлику кольцо с условием, что тот, посмотрев, немедленно вернет его владельцу. Однако Альберих, получив кольцо, мгновенно исчезает и начинает дразнить Ортнита. Наконец, карлик соглашается вернуть Ортниту кольцо, заручившись обещанием юноши без гнева выслушать то, что он намерен ему сказать. Альберих сообщает Ортниту, что у его матери было одновременно два мужа, и, желая смягчить удар, добавляет, что король и королева долгое время оставались бездетными. Альберих дает своему сыну золотые доспехи и волшебный меч Рос, рассекающий камни и драконью чешую. В дальнейшем в продолжение действия поэмы Альберих выступает как добро-

вольный помощник Ортнита и помогает ему добыть в жены дочь языческого царя Махорея (см. также примеч. 65). Так как в упомянутых памятниках отсутствует сцена перебранки, они не рассматриваются в этой книге, несмотря на то что их сюжет строится вокруг битвы отца с сыном.

- ⁴⁴ О битве отца с сыном рассказывается в двух сагах. Одна из них – это сага о древних временах под названием «Сага об Ане Лучнике» (*Áns saga boggsveigis*), связанная с циклом людей из Хравниста так же, как и саги, о которых идет речь в третьей главе: «Сага о Кетиле Лососе», «Сага о Гримере Бордатом», «Сага об Одде Стреле». Герой саги Ан Лучник, внук знаменитого Кетилия Лосося, вынужден скрываться в лесах от гнева конунга Ингъяльда. Он встречает красавицу по имени Дрива, остается с нею и ее отцом всю зиму, а уезжая, дает им кольцо для еще не родившегося ребенка. Он просит отца Дривы оставить ребенка у себя, если родится дочь, но прислать его к нему, если родится сын (гл. 4). Проходит 18 лет, и однажды Ан замечает огонь на близлежащем острове. Приплыв туда на лодке, он видит юношу, который сидит у огня и ест. Ан выпускает три стрелы: первая выбивает из рук юноши кусок мяса, вторая надвое раскалывает серебряную тарелку, стоящую перед юношей, третья разбивает рукоять ножа, который юноша держит в руке. Рассердившись на обидчика, юноша тоже трижды стреляет в него из лука, и Ану только чудом удается спасти свою жизнь, укрывшись за дубом. Юноша вызывает Ана на бой, они сражаются врукопашную, но Ан устает быстрее, чем его молодой противник, и предлагает передохнуть. Во время передышки Ан просит юношу назвать себя, тот говорит ему свое имя (Торир) и имя своего отца (Ан). Тогда Ан сообщает свое имя, и юноша наносит ему скрытое оскорбление, упоминая о валухе, однако Ан не отвечает на оскорбительные речи, а призывает к примирению. Он просит юношу показать ему опознавательный предмет, который сам когда-то оставил его матери. Юноша протягивает отцу кольцо, после чего Ан отводит его домой к своей жене Йорунн, которая гостеприимно встречает пасынка и дает ему прозвище «Длинноногий» (*háleggr*, гл. 7). Битва отца с сыном изображается также в одной из саг об исландцах – в «Саге о людях с Кьяларнеса» (*Kjalnesinga saga*), герой которой Буи, сын ирландца Андрида, должен бежать из Исландии в Норвегию, где в то время правит Харальд Прекрасноволосый. Желая погубить Буи, Харальд дает ему задание, которое принесло гибель многим отважным мужам, – он посылает Буи к королю великанов Доври отобрать у того игральную доску. Буи находит скалу, в которой живет великан, знакомится с его дочерью Фрид и проводит у них зиму. Фрид открывает Буи, что ждет ребенка, и обещает, если родится дочь, оставить ее при себе, а если родится сын, послать его к Буи. Фрид велит Буи хорошо обойтись с сыном, иначе ему несдобровать. Буи уезжает, увозя с собой игральную доску и золотое кольцо, полученные в дар от короля Доври (гл. 12–14). Двенадцать лет спустя, когда Буи уже живет в

Исландии, из Трондхейма приезжает юноша по имени Йокуль. Юноша сообщает Буи, что приходится ему сыном, и называет имя своей матери Фрид, дочери короля Доври. Буи выражает сомнение в правдивости юноши, добавляя, что его сын от Фрид должен быть сильным парнем, а Йокуль кажется ему слабаком. Йокуль отвечает, что ему всего двенадцать лет, и напоминает прощальные слова матери о том, что Буи несдобровать, если он не почитит своего сородича. Буи отказывается верить юноше и вызывает его на бой. Йокуль пытается предотвратить поединок и напоминает Буи о том, что ему, сильному воину, негоже биться с двенадцатилетним юнцом. Поединок отца с сыном продолжается так долго, что Буи сильно устаёт. Йокуль предлагает ему прекратить бой, но Буи требует, чтобы они сражались до тех пор, пока один из них не упадет. Когда силы Йокуля начинают иссякать, у Буи внезапно подкашиваются ноги, он падает на камень и ломает ребра. Буи высказывает подозрение, что к его поражению причастна мать Йокуля Фрид, а через три дня умирает (гл. 18). Хотя в «Саге о людях с Кьяларнеса» и в «Саге об Ане Лучнике» рассказывается о битве отца с сыном, они не рассматриваются в основном тексте предлагаемой книги, так как не содержат вербальных поединков.

⁴⁵ В германских эпических сказаниях повествование о возвращении Дитриха Бернского (Берн – средневековое немецкое название Вероны, одного из центров остготского владычества в Италии) в свою наследственную вотчину изображает завоевание Теодорихом Италии. Остготский король Теодорих Великий, который царствовал в Италии с 493–526 г., победил Одоакра, вождя германского племени герулов, и объявил себя королем Италии после падения Римской империи (476). Эпос изменяет исторические отношения Одоакра и Теодориха, описывая Одоакра как злодея, который заставил Теодориха отправиться в изгнание к гуннскому королю Атилле. Согласно историческим источникам при гуннском дворе жил не Теодорих, но его отец Теодемир. Теодорих же родился уже после смерти Атиллы и находился в качестве заложника у императора Византии Льва I.

⁴⁶ Исторический прототип Хильдебранда видели в Гензимунде, воспитателе и опекуне трех королевичей из остготской династии Амалов: Тиодемира, отца Теодориха, и его двух братьев. По словам Кассиодора (480–565), секретаря Теодориха, имя воспитателя Гензимунда осталось жить в памяти готов и его прославляли в песнях.

⁴⁷ Здесь и далее примеры из «Саги об Асмунде» цит. по [Ásmundarsaga Karþarana, 383–408].

⁴⁸ [Ciklamini 1966: 269–273, 370–379; Reuschel 1933: 71].

⁴⁹ Как женское имя Дротт встречается также в «Саге об Инглингах», где этим именем называется дочь Данпа и сестра конунга Дана Гордого, «по которому названа Дания» (Сага об Инглингах, 19).

- ⁵⁰ Здесь и далее примеры из «Деяний датчан» Саксона Грамматика цит. по [Saxonis Gesta Danorum], перевод на русский язык сделан по тому же изданию. В ссылках на текст в скобках указывается номер книги и страница.
- ⁵¹ Традиция украшать щиты картинами на мифологические или героические сюжеты, восходящая к Гомеру и Вергилию, отражена как в скальдическом жанре щитовых драп (ср. «Драпу о Рагнаре» Браги Боддасона, «Хаустлёнг» Тьодольва из Хвинира), так и в сочинении самого Саксона Грамматика, рассказывающего, как Амлет повелел изготовить щит с изображением его собственных подвигов (Кн. IV, с. 87). Возможно, в приведенных строках тоже идет речь о щите героя, на котором выгравированы сцены героических деяний, нарисованы побежденные им противники, изображен убитый им сын.
- ⁵² Трудно согласиться с теми исследователями, которые считают текст этой песни «бесполезным» для реконструкции скандинавской версии сюжета о битве отца с сыном: «In any case, the Snjólvskvæði contains no details that have been lost in the extant form of the saga, and as a source of information about the Old Scandinavian Hildebrand legend, it is quite worthless” [Halvorsen 1951].
- ⁵³ Текст баллады приводится по [de Boor 1923: 149–172; 1924: 186–199].
- ⁵⁴ Детальный анализ фарерской «Песни о Снёльве» в соотношении со скандинавскими и немецкими памятниками о Хильдебранде содержится в докладе, опубликованном в материалах 14-й Международной конференции по сагам: Yelena Sesselja Helgadóttir-Yershova. Hildibrandr húnakappi and Ásmundr karþabani in Icelandic sagas and Faroese ballads / Preprint Papers of the 14 International Saga Conference, Uppsala, 2009. P. 1064–1071.
- ⁵⁵ Текст «Младшей Песни о Хильдебранде» цит. по [Das deutsche Volkslied 1935: 35–38].
- ⁵⁶ Род Вольфингов (Wölfinger, от нем. Wölf – «волк»), как он именуется в немецких источниках, или англосаксонский род Вульфингов (Wulfing, Wylfing, от англосакс. – wulf, wylf), скандинавский род Ильвингов (Ylfing от сканд. ylfr – «волк»), упоминается, помимо немецких песней о Хильдебранде, в «Беовульфе» (из рода Вульфингов происходит Веальхтеов, жена конунга данов Хродгара), в «Видсиде» (Helm Wulfingum, 39 – «Хельм из рода вульфингов»), в эддических песнях о Хельги Убийце Хундинга, в которых Ильвингами называются Сигмунд и его сыновья Хельги и Сигурд Убийца Фафнира, в «Саге о Вельсунгах» (Хельги Убийца Хундинга), «Пряди о Норна-Гесте» (к роду Ильвингов принадлежит конунг Хальвдан – герой «Саги о Хальве и воинах Хальва»), в «Саге об Инглингах» (конунг Хьёрвард), в эддической «Песни о Хюндле» (Эрик Мудрый), в «Младшей Эдде» («Язык поэзии» – Эрик Мудрый), в «Саге о Тидреке» (Хильдибранд именуется себя «господином Ильвингов», гл. 404, а затем предлагает своему сыну Алибранду пощадить его, если он происходит из рода Ильвингов, гл. 408). В нескольких скандинавских источниках датский род Ильвингов, по происхождению связанный с восточ-

ными гаутами, отождествляется с южногерманским родом Вэльсунгов (ср., например, эддические песни о Хельги).

⁵⁷ Здесь и далее примеры из «Саги о Тидреке» приводятся по: *Þiðreks Saga af Bern / Guðni Jónsson gáf út. Reykjavík, 1954.* Перевод на русский язык сделан по тому же изданию.

⁵⁸ На эту деталь обратил внимание еще А.Н. Веселовский [Веселовский 2004: 325].

⁵⁹ В некоторых традициях роль мстительницы отводится матери юного героя. Так, в кельтской версии сюжета о поединке отца с сыном богатырша Айфе, узнав о женитьбе Кухулина на Эмер, обучает своего сына от Кухулина Конлу всем боевым искусствам, а потом посылает его в Ирландию искать отца («Сва-товство к Эмер», «Смерть единственного сына Айфе»).

⁶⁰ Илья Муромец объясняет сыну: «Мы с твоей матушкой Златыгоркой / Спали-ночевали в одном шатре, / И тут мы тебя, видно, прижили». В былинах рассказывается и о детстве героя: «У того у моря у холодного, / У того у камня у Латыря, / Тут живет един сын с родной матушкой. / Молода юность, десяти годов», «От того от морюшка от синего, / От того от камешка от серого, / От той от мамки от Владимирки / Был у ей сын, маленький воробушек» [Былины Печоры 2001/1: № 74, 76].

⁶¹ О мести сына матери рассказывается в большинстве сохранившихся былин, ср., например: «Он взял у матери да голову смахнул», «Берет он во свою руку правую, / Берет свою саблю вострую, / Новую саблю, необновлену, / И ссек у ей со плеч голову» [Былины Печоры 2001/1: № 76, 74].

⁶² Ср. [Былины Печоры 2001/1: № 71, № 72; Былины Мезени 2003: № 84, № 85], причем в печорских былинах сохранен эпизод с крестом, спасающим Илью от гибели, который передвинут из финала в середину былины.

⁶³ [Andersson 1986: 347–377].

⁶⁴ [Þiðreks Saga af Bern, Bl. 5].

⁶⁵ В «Саге о Тидреке» Илиас – сын правителя Гертнита, владевшего Русью, Польшей, Венгрией, землей вилькинов (балтийских славян) и частью Греции: «У конунга Гертнита было два сына от жены, старшего звали Озантриксом, младшего – Вальдимаром. Третий сын у него был от наложницы. Его звали Илиасом» (гл. 25). Перед смертью, как сказано в саге, Гертнит разделил свои владения между сыновьями: старший, Озантрикс, стал конунгом вилькинов (одного из западнославянских племен), младший, Вальдимар – конунгом Руси и Польши и всей восточной части королевства, Илиас – ярлом греческим, «он был большим хёвдингом и могучим бойцом» (гл. 26). В саге говорится, что после смерти Гертнита его сыновья вступили в войну с гуннами Аттилы и явившимся ему на помощь Тидреком. Война, шедшая с переменным успехом, закончилась неудачно для Озантрикса и Вальдимара, которые погибли в бою; ярл Илиас вынужден был сложить оружие. Аттила, как рассказывает сага, сохранил Илиасу жизнь и принял его в число своих мужей, сделав правителем

Руси. Очевидно, в «Саге о Тидреке» излагается то же сказание, которое нашло отражение в южнонемецкой поэме ломбардского цикла «Ортнит», записанной в первой половине XIII в. (см. также примеч. 43). В этой поэме тоже упоминается имя Илиаса (Yluas, Elias), которому отведена роль дяди и наставника короля Ортнита, правителя Гардов (Garðar – Руси?). Вместе с Ортнитом и его отцом, карликом Альберихом, Илиас отправляется в поход в Сирию, чтобы помочь Ортниту получить в жены дочь языческого царя Махорея. «Сага о Тидреке», в которой имя Гертнит носит и отец (гл. 25–26), и сын (гл. 31) ярла Илиаса, правителя Руси, уже становилась объектом внимания компаративистов и фольклористов в связи со сказанием о Тетлейфе Датчанине, верхненемецкой эпической поэмой «Битерольф и Дитлип» и былинами об Илье Муромце. Немецкие исследователи пришли к заключению о влиянии русского эпоса об Илье на северонемецкое сказание, в то время как слависты утверждали, что Ильа Муромец представляет собой «первоначально русское подражание, копировку эпического образа Тетлейфа Датского и в то же время русское толкование этого типа» [Халанский 1893–1894: 124].

⁶⁶ Термин «рутении», обозначающий восточнославянские племена, впервые появляется в словосочетании *rex Rutenorum* в Аугсбургских анналах (конец XI – начало XII в.). В латинских географических сочинениях дается объяснение, что Русь также называется Рутенией (*Ruthenia*): «Польша одним своим краем граничит с Русью, которая (называется) Рутения, о которой Лукан (писал)...» (*Polonia in uno sui capite contingit Russiam, quae et Ruthenia, de qua Lucanus...*). К концу XII в. *Ruthenia* используется наряду с альтернативными написаниями *Ruscia* и *Russia* в латинских католических документах, для обозначения земель, которые были объединены вокруг Киева, а в XIII в. вытесняет в латинских документах все прочие.

⁶⁷ Сюжет былины о Сауре Леванидовиче (ср. № 25 сборника Кириши Данилова) или Сауре Ванидовиче (ср. «Песни» Киреевского, вып. III, с. 113–116) тоже строится вокруг битвы отца с сыном. У Киреевского Саур Ванидович, князь царства Астраханского (Альберского), отправляется в поход на три царства – Латынское, Литвинское и Сорочинское, оставив дома жену. В его отсутствие рождается сын-богатырь. Жена Саура на девятый год посылает сына на помощь к отцу. Он палит огнем царство Латынское, берет в полон Литвинское и идет на царство Сорочинское (сарацинское). Сарацины высылают Саура, попавшего в плен, на поединок с юным богатырем. Саур седлает коня и едет биться с иноземным юношей. Поединок заканчивается победой отца. Высадив сына из седла, Саур падает ему на грудь, спрашивает о роде-племени, узнает своего сына и плачет от радости. Сын освобождает отца из сарацинского плена и шлет с гонцом письмо матери о том, что он встретился с отцом и помог ему. Сравнение былин об Илье и Сокольнике с былинами о Сауре Леванидовиче см. [Пропп 2006: 271].

- ⁶⁸ Ср.: «черты сходства между героическим эпосом разных народов имеют почти всегда типологический характер» [Жирмунский 1958: 144].
- ⁶⁹ [Неклюдов 2004].
- ⁷⁰ Перевод на русский язык В.Г. Тихомирова цит. по [Беовульф 1975] и [Древнеанглийская поэзия 1982]. В скобках указывается номер строки.
- ⁷¹ Обмен речами, предваряющий в «Вальтарии» последнюю битву героев, имеет немного общего с германской перебранкой. О германском словесном поединке заставляет вспомнить только вызов Гунтария, обращенный к Вальтарию: «Дикий враг, бесполезным окажется теперь твой труд. Смотри! Твоя берлога спрятана далеко, то место, откуда ты, как волчица, яростно скрежетал зубами и лаял. Гляди же! Сражайся, если хочешь в открытом поле, тогда узнаешь, будет ли тебе сопутствовать до конца такая же удача, как и в начале. Я знаю, ты заручился поддержкой фортуны, вот почему ты пренебрегаешь тем, чтобы бежать или сдаться» 1230–1236). Однако Вальтарий не отвечает на эти нападки Гунтария, но обращает свой монолог к Хагано, напоминая ему об обетах дружбы и убеждая его не вступать в бой (1237–1263). Хагано в ответ заявляет, что после гибели племянника считает себя не связанным узами дружбы с Вальтарием (1264–1280). Перевод на русский язык сделан по изданию [Waltharius and Ruodlieb 1984].
- ⁷² В русском переводе В.Г. Тихомирова значение этой фразы передано более традиционным образом: «...без добычи он уберется, / господин, в свои владения / или здесь погибнет» [Древнеанглийская поэзия 1982: 9].
- ⁷³ Обычно предполагается, что англосаксонская поэма изображает врагами героя не франков, как «Вальтарий», но бургундов (так считается, поскольку Вальдере называет своего противника «другом бургундов»). В латинской поэме, где Гунтер назван не бургундом, но франком, переосмысление германского сказания, вероятно, последовало за присоединением бургундов к франкскому государству Меровингов в 534 г. [Смирницкая 1982: 245; Dronke 1969: 41]. Однако если согласиться с теми исследователями, которые считают Гудхере посланцем правителя гуннов Атиллы, то нельзя исключать, что в англосаксонской поэме, как и в скандинавской «Саге о Тидреке», письменную фиксацию получает древнейший вариант сказания о Вальтере. Об отражении сюжета англосаксонской поэмы о Вальдере в различных национальных традициях см. подробнее: *Матюшина И.Г.* Сказание о Вальтере Аквитанском в средневековой Европе // *Donum Paulum. Studia Poetica et Orientalia. К 80-летию П.А. Гринцера / Отв. ред. Н.Р. Лидова, С.Д. Серебряный. М.: Наука, 2008. С. 115–153.*
- ⁷⁴ Предполагаемое место битвы было исследовано в работах Лаборда [Lalonde 1925].
- ⁷⁵ Здесь и далее текст поэмы «Битва при Мэлдоне» цит. по [The Battle of Maldon].
- ⁷⁶ Здесь и далее текст поэмы «Беовульф» цит. по [Beowulf and the Fight at Finnsburg].

- ⁷⁷ Сравнивая словесные поединки в «Беовульфе» и в «Одиссее» (8.401–8.411), У. Паркс упоминает, что в последней Эвриал тоже предлагает Одиссею меч (8.413–8.415) [Parks 1990: 76–77].
- ⁷⁸ О символике пира в древнеанглийской поэзии см. [Magennis 1996; Pollington 2003].
- ⁷⁹ «Песнь о Харбарде» рассматривалась как пародия на традиционную перебранку (см. [Clover 1979: 124–145]).
- ⁸⁰ В перебранке Тора и Óдина некоторые исследователи выделяют шесть «раундов» и считают, что в первых трех «раундах» побеждает Óдин, а в четвертом и пятом – Тор, окончательная победа остается за Óдином, благодаря шестому «раунду» [Вах, Padmos 1983: 155–158].
- ⁸¹ В «Младшей Эдде» рассказывается о том, как Тор уехал на восток бить великанов, а Óдин отправился на своем коне Слейпнире в Йотунхейм к великану Хрунгниру, у которого была голова из камня, а сердце – тоже из камня с тремя острыми выступами, и сказал тому, что во всем Йотунхейме нет коня лучше, чем Слейпнир. Хрунгнир ответил, что его конь Золотая Грива лучше Слейпнира, погнался за Óдином и, не заметив того, оказался в Асгарде. Там Хрунгнир выпил много пива и похвалялся поубивать всех асов. Асам надоела его похвальба, и они позвали Тора. Хрунгнир бросил в Тора точило, и кусок его возился Тору в голову. Тор же раскрошил Хрунгниру голову своим молотом. Хрунгнир повалился на Тора, и его нога придавила Тору шею, так что тот не мог встать, и никто не мог ему помочь. Тогда сын Тора Магни спихнул ногу Хрунгнира со своего отца. См. [Младшая Эдда: 64–66].
- ⁸² «Тор поднялся на ноги и поздоровался с сыном, говоря, что, верно, вырастет тот могучим богатырем. “И я хочу, – сказал, – отдать тебе коня Золотая Грива, которым владел Хрунгнир”. Тут вмешался Óдин и сказал, что Тор поступает нехорошо...» (перев. О.А. Смирницкой. Там же. С. 66).
- ⁸³ Основываясь на несоответствии тона повествования тому событию, о котором рассказывается, исследователи предполагали присутствие комизма в этой строфе [Clover 1979: 132].
- ⁸⁴ В «Перебранке Локи» тоже говорится о том, что Тор с помощью Локи убил Тьяци. Однако в «Младшей Эдде» история победы над великаном Тьяци (в «Младшей Эдде» он зовется Тьяци) излагается несколько иначе – его убивает не один Тор, но все асы, причем глаза Тьяци в небо забрасывает тоже не Тор, но Óдин [Младшая Эдда: 67].
- ⁸⁵ В «Младшей Эдде» рассказывается, что встреча со Скрюмиром (Утгардом-Локи) отнюдь не обернулась для Тора позором. Напротив, несмотря на кажущиеся поражения, он проявил великое геройство, пытаясь выпить море, приподнять мирового змея и победить старость (с. 41–46).
- ⁸⁶ Попытка проникнуть в скрытый смысл оскорбления, упоминающего кольцо, сделана в статье [Clunies Ross 1973: 75–92].

- ⁸⁷ Помимо Идун («руки твои / того обнимали, / кем брат твой убит», т. е. самого Локи, перев. А.И. Корсуна, 16–18) и Гевьон («о юнце я напомним, тебя совратившем», 19–20), Локи обвиняет в распутстве Фригг («хоть муж тебе Видрир (Один), / ты Вили и Ве (братья Одина) / обнимала обоих», перев. А.И. Корсуна, 25–28), Фрейю («ты тоже порочна: / всем ты любовь / свою отдавала – / всем асам и альвам», «ты, злобная ведьма, / погрязла в разврате: / не тебе ли пришлось – / пойманной с братом – / визжать с перепугу!», перев. А.И. Корсуна, 29–32) и Сив (в том, что она изменяла с ним своему мужу Тору, 53–54). Исключение составляют только богиня Скади, которой Локи напоминает, что именно он повинен в гибели ее отца (Тьяци, 49–52), и служанка Фрейра Бейла, жена Бюггвира, которую Локи оскорбляет, называя ее «мрази вместилищем; выродком <...> скотницей грязной» (перев. А.И. Корсуна, 55–56).
- ⁸⁸ Локи обвиняет в трусости Браги («ты самый трусливый», «в битве беспомощен», перев. А.И. Корсуна, 11–15), Тюра (его правую руку отгрыз волк Фенрир – сын Локи, «от меня родила / жена твоя сына», перев. А.И. Корсуна, 37), Фрейра (он отдал свой меч за Герд, дочь Гюмира, 41–42), Бюггвира (он пресмыкается перед сильными, просит подачек у Фрейра, скрывается в соломе при каждом сражении, 43–46), Хеймдалля (он «с мокрой спиной / на страже богов / неустанно» стоит, перев. А.И. Корсуна, 48), Тора (в том, что он со страху прятался в рукавице (у великана Скрюмира) и погибал там от голода, 57–64).
- ⁸⁹ Так, Браги грозит Локи («своею рукой / твою голову снял бы / в отплату за ложь», перев. А.И. Корсуна, 14). Фригг грозит Локи мстью («Будь тут со мной / у Эгира в доме / Бальдру подобный, / ты б не покинул / пиршество асов / без схватки жестокой», перев. А.И. Корсуна, 27). Фрейя грозит Локи гневом асов («Лжив твой язык; / тебя он, я знаю, / к беде приведет: / разгневаны асы / и асиньи тоже, / понурым вернешься ты», перев. А.И. Корсуна, 31). Фрейр грозит Локи, что его закуют в цепи, если он не замолчит (41). Бюггвир грозит растерзать Локи, разорвать его в клочья (43). Скади произносит две угрозы: она грозит Локи, что ему недолго осталось быть веселым – он будет привязан к скале кишками своего сына (Нарви) (49), а затем добавляет, что в ее доме ему всегда будут готовить гибель (51). Тор четырежды грозит Локи смертью: «Скалу твоих плеч / с плеч я снесу, – / конец твой настанет» (перев. А.И. Корсуна, 57); «Вверх я заброшу тебя на восток, – сгинешь совсем ты» (перев. А.И. Корсуна, 59); «Правой рукой / на тебя я обрушу / Хрунгнира гибель (= молот Тора» (перев. А.И. Корсуна, 61); «Хрунгнира гибель / швырнет тебя в Хель / к воротам смерти» (перев. А.И. Корсуна, 63).
- ⁹⁰ Veit ek – «знаю я», 14. Þegi þú, Idunn – «Молчи ты, Идун», 17. Þegi þú, Gefjon – «Молчи ты, Гевьон», 20. Þegi þú, Óðinn – «Молчи ты, Один», 22. Veiztu – «Ты знаешь», 23. Þegi þú, Frigg – «Молчи ты, Фригг», 26. Veiztu – «Ты знаешь», 27. Þegi þú, Freyia – «Молчи ты, Фрейя», 32. Þegi þú, Niörðr – «Молчи ты, Ньёрд», 32. Ættu nú, Niörðr – «Перестань сейчас же, Ньёрд», 32. Þegi þú, Týr – «Молчи

ты, Тюр», 38, 40. nema þú nú þegir – «если ты не замолчишь сейчас», 41. Veizta þú þa, vesall – «не будешь ты знать, несчастный», 42. Veiztu – «ты знаешь», 43. Þegi þú, Byggvir – «Молчи ты, Бюггвир», 46. Þegi þú, Heimdallr – «Молчи ты, Хеймдалль», 48. Veiztu – «ты знаешь», 50, 51. Heill ver þú nú, Loki – «Будь здоров, Локи», 53. Þegi þú, Veyla – «Молчи ты, Вейла», 56. Þegi þú, rög vættr – «Молчи ты, извращенное существо», 57, 59, 61, 63.

⁹¹ В «Песни о Харбарде» тоже говорится о том, что Сив, жена Тора, изменила мужу – Один, скрывающийся под маской Харбарда, советует Тору проследить за женой, у которой есть любовник: «С любовником Сив / повстречайся в доме, – важнее тебе / свершить этот подвиг!» (перев. А.И. Корсуна, 48).

⁹² Предполагалось, что «Перебранка Локи» по жанру ближе к сравнению мужей, чем к перебранке [Вах, Radmos 1983: 155–158], однако отсутствие похвалы, преобладающей в сравнении мужей, и то, что обвинения превалируют над угрозами, опровергают это предположение.

⁹³ См. [Гуревич, Матюшина 2000: 456–458].

⁹⁴ Сага о Вэльсунгах. Гл. 6–8.

⁹⁵ О роде Ильвингов см. примечание 56.

⁹⁶ Здесь и далее перевод «Саги о Вэльсунгах» на русский язык Б.И. Ярхо цит. по [Сага о Вэльсунгах].

⁹⁷ Исследование семантики, ассоциативной сферы и контекстов, в которых встречается др.-исл. слово *seiðr*, см. [Strömbäck 1935].

⁹⁸ Сопоставление стихотворного диалога Хаддинга и его жены Рагнхильд в «Деяниях датчан» с обменом репликами Скади и Ньёрда в «Младшей Эдде» показало, что Саксон Грамматик, создавший свой труд примерно в 1208–1218 гг., имел в распоряжении те же источники, что и Снорри Стурлусон в XIII в. Возможно, этими источниками были несохранившиеся скандинавские песни, устное исполнение которых он слышал [Davidson 1983: 33–34].

⁹⁹ Ссылки на текст Саксона Грамматика даются по изданию [Saxonis Gesta Danorum 1931]. Римскими цифрами обозначены номера книг «Деяний датчан», арабскими – страницы.

¹⁰⁰ С высказыванием Бесса можно сравнить исландскую поговорку: *Byst er brúður að fyrstu biðli, en viknar síðan* – «Невеста сердится на первого ухажера, но потом сдается» [Stephanius 1978].

¹⁰¹ В песни «Закливание Гроа» (*Grógaldr*), включенной вместе с «Речами Фьельсвинна» только в поздние рукописи XVII в., Гроа – имя умершей матери героя, которая учит его заклинаниям, когда он приходит за советом к ней на могилу. Юноша ищет защиты у матери, потому что на него наложено заклятье, и он должен отправиться в опасное путешествие за невестой. В ответ на его призыв мать встает из могилы и поет девять заклинаний, чтобы защитить сына. В «Младшей Эдде» (в «Языке поэзии») говорится, что провидица, носящая то же самое имя, поет заклинания над Тором, чтобы вынуть кусок

точила, застрявший у него в голове после схватки с Хрунгниром [Младшая Эдда: 66].

¹⁰² В «Саге о Кетиле» имя противника героя встречается в двух вариантах: Гусир – в прозе и Гуси – в скальдических стихах.

¹⁰³ Здесь и далее текст «Саги о Кетиле Лососе» цит. по [Ketils saga hængs]. Перевод на русский язык сделан по тому же изданию.

¹⁰⁴ Здесь и далее текст «Саги о Гриме Бородатом» цит. по [Gríms saga loðinkinna]. Перевод на русский язык сделан по тому же изданию.

¹⁰⁵ Здесь и далее текст «Саги о Хьялмтере и Алвире» цит. по [Hjálmþés saga ok Ölvis]. Перевод на русский язык сделан по тому же изданию.

¹⁰⁶ Здесь и далее текст «Саги о Хальве и воинах Хальва» цит. по [Hálfs saga ok Hálfsrekka]. Перевод на русский язык сделан по тому же изданию.

¹⁰⁷ Пример сцены сравнения мужей в «Саге об Одде Стреле», в которой герой принимает участие в развлечении на пиру, позволил Ларсу Лённроту ввести понятие «двойной сцены» (*den dubbla scenen*), определив ее как сцену, предназначенную для устного исполнения, так как «она возникала в процессе устного исполнения всякий раз, когда повествовательный фрагмент разыгрывался исполнителем или его аудиторией на том самом месте, где происходило развлечение» (Р. 95), см.: *Lönroth L. The Double Scene of Arrow-Odd's Drinking Contest / In Medieval Narrative: A Symposium (Proceedings of the Third International Symposium Organized by the Center for the Study of Vernacular Literature, Held at Odense University on 21–22 November, 1978) / Ed. H. Bekker-Nielsen et al. Odense: Odense Univ. Press, 1979. P. 94–119.*

¹⁰⁸ Здесь и далее текст «Саги об Одде Стреле» цит. по [Örvar-Odds saga II: 199–363]. Перевод на русский язык сделан по тому же изданию.

¹⁰⁹ Здесь и далее текст «Саги о людях с Песчаного Берега» цит. по [Eyrbyggja saga]. Перевод на русский язык сделан по тому же изданию.

¹¹⁰ Здесь и далее текст «Саги о людях из Флои» цит. по [Flóamannasaga]. Перевод на русский язык сделан по тому же изданию.

¹¹¹ Сходный эпизод содержится в «Саге о Гудмунде» (*Guðmundar saga dýra*), входящей в «Сагу о Стурлунгах», которая повествует о распри между хёвдингами в Северной Исландии (*Eyjafjörður*), в особенности между Гудмундом Торвальдссоном (ум. 1212 г.) и Энундом Торкельсоном, погибшим при пожаре 1197 г.

¹¹² Здесь и далее перевод «Саги об Эгиле» на русский язык С.С. Масловой-Лашанской, стихи в переводе А.И. Корсуна цит. по [Сага об Эгиле].

¹¹³ Германская этимология *sannr* и *senna* связывает их с германским корнем **sanþ-* «истинный». Исследование юридических коннотаций прилагательного *sannr* и существительного *sannendi* позволило показать изменение значения *sannr* – от «истинный» к «виновный», а *sannendi* – от «истина» к «улика или доказательство вины» [See 1964: 228–235].

- ¹¹⁴ Здесь и далее перевод «Пряди о Пивном Капюшоне» на русский язык Е.А. Гуревича цит. по [Гуревич 2004].
- ¹¹⁵ О том, что сочинение любовных стихов преследовалось законами, говорит раздел под заголовком «О поэзии», включенный в древнеисландское собрание законов «Серый Гусь» (рукопись *Konungsbók*, Gks 1157 fol. §258): «если человек сочиняет мансёнг о женщине, то объявляется вне закона» [Grágás 1974: 390]. Исландские законы преследовали сочинение любовных стихов, так как считалось, что они обладали магической силой, т. е. действовали как приворот [Матюшина 1994b]. Контексты саг об исландцах тоже отрицательно оценивают сочинение любовной поэзии. Например, в «Саге об Эгиле» сказано: «Эльвир Хнува увидел Сольвейг, и она сделалась для него желанной. <...> Тогда Эльвир сочинил много песней мансёнга. Так сильно Эльвир любил Сольвейг, что забросил походы». Вскоре после этого «брatья Сольвейг напали на Эльвира Хнуву в его доме и хотели убить» [Сага об Эгиле. Гл. 2]. В главе «Саги об Эгиле», из которой взяты приведенные строки, предположительно повествуется о событиях 868 г. Следовательно, не исключено, что здесь упоминается о наиболее ранних из известных нам по древнескандинавским текстам любовных стихах, «повинность смерти» создателя которых не оставляет сомнений.
- ¹¹⁶ Заклячая описание словесного поединка между Эриком и Грепом, о котором шла речь выше, Саксон Грамматик описывает месть побежденного Грепа своему удачливому противнику. Грeп идет на берег моря и приносит лошадь в жертву богам, а затем насаживает ее голову на жердь. Он подпирает ей рот палками, так чтобы он был раскрыт, надеясь, что это испугает Эрика. Однако Эрику удается предотвратить магическое действие жерди с лошадиной головой при помощи проклятия, отомстить за себя и остаться невредимым [Saxonis Gesta Danorum: V.114].
- ¹¹⁷ В «Саге о людях из Озерной долины» (*Vatnsdœla saga*) говорится о том, что Йокуль сначала вызывает на бой своего врага следующим образом: «...и приходи на место боя, если в тебе дух человека, а не кобылы; а если кто-то из нас не придет, тогда должен быть нид поднят против него с условием, что он будет нидингом для всех людей, и нигде не будет в обществе достойных людей, и будет вызван на него гнев богов, и имя ему будет гридниндинг (= *нарушитель соглашения*)» [Vatnsdœla saga 1987: 1884]. Когда вызванный на поединок не является, Йокуль убивает кобылу и разрезает ей грудь; затем он берет деревянную жердь, вырезает на ней сверху человеческую голову и наносит на жердь произнесенное им заклятие рунами. После этого он вставляет жердь в грудь кобылы и направляет голову лошади в сторону жилища отсутствующего. Можно предположить, что перед нами пример считавшейся наиболее эффективной изобразительной магии, в которой культ лошади, генетически связанный с тотемизмом, играет важную роль. В рассказе о действиях, про-

изводимых с лошадей, явственно прослеживаются следы культового расчленения тотема.

- ¹¹⁸ В «Саге об Эгиле» рассказывается, как Эгиль взял орешниковую жердь, взобрался с ней на скалистый мыс, обращенный к материку, насадил на нее лошадиный череп и произнес заклятье: «Я воздвигаю здесь эту нид-жердь и посылаю этот нид Эйрику конунгу и его жене Гуннхильд, – он повернул лошадиный череп к материку, – посылаю я этот нид духам-покровителям страны, которые населяют эту страну, чтобы они все блуждали без дороги и не нашли покоя, пока не изгонят конунга Эйрика и Гуннхильд из страны». Затем он всадил жердь в расщелину скалы и оставил ее стоять; он повернул и лошадиный череп в сторону материка и вырезал рунами на жерди все заклятье, которое сказал» [Сага об Эгиле. Гл. 57]. Вскоре после этого, как говорится в саге, Эйрик и Гуннхильд действительно были вынуждены бежать из Норвегии в Нортумбрию, а Норвегией стал править Хакон Добрый» [Сага об Эгиле. Гл. 59]. Это случилось в 947 г.
- ¹¹⁹ Текст «Саги о союзниках» цит. по [Bandamanna saga 1981]. Перевод на русский язык сделан по тому же изданию.
- ¹²⁰ Здесь и далее перевод «Саги о Ньяле» на русский язык В.Я. Беркова цит. по [Исландские саги 1999/II: 47–370].
- ¹²¹ Текст «Саги о Торгильсе и Хавлиди» цит. по [Þorgils saga ok Hafliða I: X].
- ¹²² Здесь и далее перевод «Саги о Сверрире» на русский язык М.И. Стеблин-Каменского цит. по [Сага о Сверрире 1988].
- ¹²³ Здесь и далее перевод «Саги об Олаве Святом» на русский язык Ю.К. Кузьменко цит. по [Снорри Стурлусон 1980: 300].
- ¹²⁴ Здесь и далее перевод «Саги о сыновьях Магнуса Голоногого» на русский язык М.И. Стеблин-Каменского цит. по [Снорри Стурлусон 1980: 490–492]. Текст оригинала цит. по: Sigurðar saga Jónsalafara [Heimskringla 1981: 186].
- ¹²⁵ Исследователи отмечали, что красноречие характерно как для побежденных (Греп, Унферт, конунг Сигурд и т. д.), так и для победителей в вербальных поединках (см. [Clover 1979: 127]).
- ¹²⁶ Предполагалось, что в эпизоде сравнения мужей представлены два идеала правителя, которые сосуществуют в «Круге Земном»: это, с одной стороны, правдолюбец, миротворец, справедливо правящий страной и любимый своим народом, и с другой стороны, воинственный правитель, навязывающий свою волю и склонный к агрессии [Bagge 1991: 156–157].
- ¹²⁷ «Гнилая кожа» (Morkinskinna) сохранилась в рукописи (Gks 1009 fol.), написанной ок. 1275 г. двумя исландскими писцами. В рукописи есть лакуны и отсутствует заключение. В ней содержатся саги о королях Норвегии с 1035 г. по вторую половину XII в. Предполагается, что сохранившаяся рукопись основана на более древнем сочинении, которое датируется 1217–1222 гг. Эта древняя версия «Гнилой кожи», как считается, была использована Снор-

ри Стурлусоном в последней трети его «Круга Земного» [Louis-Jensen 1977: 62–108].

¹²⁸ Эпизод сравнения мужей в «Гнилой коже» позволяет предположить, что древняя скандинавская настольная игра, сходная с шашками и называемая *tafl* или *hneftafl* (от *hnefi* – «король», подобный шахматному королю, и *tafl*, от лат. *tabula* – «игра», ср. русск. «тавлеи»), была распространена еще в начале XII в. (ок. 1130 г.). Эта настольная игра, предшествовавшая у скандинавов шахматам (*skák*) и, возможно, восходившая к тому же источнику, часто упоминается в сагах и описывается в «Саге о Фритьофе» и в одной из загадок из «Саги о Хервёре»: «Кто те девы, что сражаются вокруг своего безоружного господина, темные весь день защищают, а светлые убивают?». Как и в шахматах, и в шашках, в этой игре принимали участие два игрока, причем король (*hnefi* – «безоружный господин») был на доске только один, а другие фигуры, называемые ед. ч. *tafla*, мн. ч. *töflur*, белого и красного цвета, которые делались из золота (ср. в «Прорицании вельвы»: *gullnar töflur*), серебра, китового уса, или нападали на короля (белые), или защищали его (красные).

¹²⁹ Выражение «скакать на турнире» (*at gíða í turniment*), очевидно, представляет собой анахронизм для Скандинавии начала XII в. [Morkinskinna 2000: 457].

¹³⁰ «И я завязал тебе узел» (*ok knýtta ek þér knút*) – возможно, идиоматическое выражение со значением «превозмоги кого-то» [Morkinskinna 2000: 457]. Упоминается также, по-видимому, в прямом смысле, в «Саге об оркнейцах» в связи с поездкой ярла Рёгнвальда Кали на Святую Землю. В гл. 95 «Саги об оркнейцах» рассказывается о том, как ярл Рёгнвальд со своим спутником Сигмундом, омывшись в Иордане, взбираются на берег, заходят в рощу, завязывают узлы на ветках и произносят при этом скальдические висы, в которых говорят, что завязали узлы для тех ленивых и сонливых домоседов, которые остались дома (*Orkneyinga saga / Finnbogi Guðmundsson gaf út. Bd. 34. Reykjavík, Hið Íslenska fornritafélag, 1965. Bls. 231–232*).

¹³¹ Здесь и далее тексты скальдических стихов цит. по: Den norsk-islandske Skjaldedigting. A I–II (Text efter håndskrifterne). B I–II (Rettet text) / Udg. Finnur Jónsson. København, 1912–1915 (Rpt.: København, 1967–1973): римская цифра обозначает том, первая арабская цифра – страницу, вторая арабская цифра – строфу.

¹³² О различиях мужских и женских ролей в героической поэзии см. [Стеблин-Каменский 2003: 851–865].

¹³³ Наиболее близкую параллель споре королей в «Песни о Нибелунгах» можно найти в кельтской словесности. В «Пире Брикрена» рассказывается о словесной битве женщин, сравнивающих своих мужей и борющихся, подобно Брюнхильде и Кримхильде в «Песни о Нибелунгах», за право первой войти в пиршественные палаты. Их перебранка называется «словесной битвой» и противопоставляется реальному поединку: «Угомонитесь, – сказал Сенха. –

Нас ждет словесная битва, а не битва мечей. После этого три жены под защитой своих мужей начали знаменитую битву слов прекрасных жен Улада» (перев. Н. Чехонадской). Первые реплики женщин связаны с самовосхвалением, оспариванием равенства, утверждением собственного превосходства. Перебранку начинает Федел Чистое Сердце, жена Лой-гайре: «Мать, носившая меня под сердцем, была свободной и знатной женой, ровней моему отцу, и в жилах у меня течет кровь королей, отчего воспитывали меня, как королевскую дочь. Я красива лицом и телом, благо нравна, учтива и храбростью не уступаю доблестному воину» (перев. Н. Чехонадской). Самовосхваление продолжает Лендабайр, жена Конала: «Я тоже красива, мудра и учтива, и это я должна первой войти в пиршественную залу» (перев. Н. Чехонадской). Жена Кухулина Эммер заключает первый «раунд» обмена репликами: «Ни одна из жен не сравнится со мной в красоте и мудрости. Ни одна не сравнится со мной в блеске глаз, доброте, благо нравии и здравомыслии. Никто не умеет радоваться и любить сильнее, поэтому все мужи Улада желают меня и все держат меня в своих сердцах. Будь я доступна им, завтра их жены остались бы без мужей» (перев. Н. Чехонадской). Оспорив равенство и утвердив собственное превосходство, женщины в «Пире Брикрена» переходят, подобно героиням «Песни о Нибелунгах», к сравнению мужей и начинают с их восхваления. Первой вновь говорит Федел Чистое Сердце: «Посмотрите на моего мужа Лой-гайре! Разве мало его красные руки сделали для Улада? Он один стережет границы от врагов. Он – наша защита. Он – первый из первых. Его победы славнее побед других героев» (перев. Н. Чехонадской). Продолжает, как и в первом «раунде», Лендабайр: «Мой муж – непобедимый Конал. Гордо поднята его голова, когда он идет в бой. И гордо поднята его голова, когда он возвращается победителем с головами своих врагов. Он всегда готов биться за Улад. Все броды под его защитой. Он – герой из героев» (перев. Н. Чехонадской). Заключает восхваление мужей Эммер: «Кухулин – мой муж. Если он пес, то сильный пес. Кровь на его копье, кровь на его мече, его белое тело черно от крови, его нежная кожа вся в шрамах от мечей и копий. На запад устремлен его огненный взор. Нет защитника у Улада надежнее его! Повозка у него красная, и подушки в повозке тоже красные. Как лосось, прыгает он, совершая геройский прыжок. И черный подвиг, и слепой подвиг, и подвиг девятерых на его счету. Если выходит против него воинство, он его побеждает. И спасает гордые воинства от гибели. И находит радость в страхе врагов» (перев. Н. Чехонадской). Третий «раунд» состоит из риторических вопросов, первый из которых задает Федел Чистое Сердце: «Почему же мне, прекрасной и веселой Федел, не вступить сегодня первой в пиршественную залу?» (перев. Н. Чехонадской). Лендабайр задает второй вопрос-утверждение: «Кто посмеет оспорить храбрость сына благородного Амергина? Конал ведет за собой храбрых мужей Улада. Все взгляды устремлены на славную Лендабайр! Так почему бы мне не переступить первой порог

королевской залы?» (перев. Н. Чехонадской). Однако Эммер не опускается до отстаивания своих прав и сразу же переходит к хуле, нанося оскорбления не только мужам, но и их женам: «Ваши героини не стоят и травинки под ногами моего мужа Кухулина. И жены отворачиваются, едва завидя их. Мой муж – алая чистая кровь, а они – нечистоты, для которых жалко пучка травы. Прекрасные жены Улада похожи на коров, когда стоят рядом с женой Кухулина» (перев. Н. Чехонадской). Вскоре, однако, вновь поднялся шум. Это жены принялись расхваливать своих мужей. Не дожидаясь, пока их спор перейдет в ссору, встал со своего места Сенха, сын Айлиля, потряс веткой с колокольчиками и сказал так: «Хватит с вас одной битвы слов, а не то ваши мужья побелеют от ярости и тоже накинута друг на друга. По вине жен разбиваются щиты мужей, и они идут сражаться и убивать друг друга. По вине жен мужья творят несообразное, рушат то, что не составят вновь, сносят с лица земли то, чего не вернуть. Уймись, жены героев! А не то накличете беду на свою голову!» (перев. Н. Чехонадской). Эмер отвечает ему, вновь утверждая превосходство, как собственное, так и своего мужа: «Сенха, есть у меня право говорить, потому что я – жена первого из первых героев, который всех превосходит красотой, мудростью, красноречием, ибо он многому учился у многих! Никто не в силах превзойти его в подвигах, ни в нагрудном подвиге, ни в яблочном подвиге, ни в призрачном подвиге, ни в кошачьем подвиге, ни в красно-вихревом подвиге, ни в копийном подвиге, а еще в быстром ударе, и в огненном дыхании, и в геройском крике, и в колесном подвиге, и никто не бросается так на острые шипы, как он. Никто не сравнится с ним в юных летах, в красоте, в уме, в знатности, в сладкоречии, в храбрости, в доблести, в живости, в ловкости. Никто не сравнится с ним в охоте и в беге, в силе, в победах и в величии. Нет на всей земле мужа, который стоял бы вровень с Кухулином». «Эмер, если то, что ты говоришь, правда, – сказал Конал Кернах, – пусть поднимется твой герой, и мы все поглядим, на что он способен». «Ну уж нет, – вздохнул Кухулин. – Я устал. Вот наемся и выплюсь, а там посмотрим» <...> «Шутка слишком затянулась, – сказал Брикрен. – Пусть несут мясо и вино, а битву жен отложим на потом» (перев. Н. Чехонадской). «Так они и сделали. Три дня и три ночи мужья и жены Улада ели, пили и веселились до упаду» (перев. Н. Чехонадской). Следует заметить, что перебранка в «Пире Брикрена» имеет совсем иные функции, чем «ссора королей» в «Песни о Нибелунгах» и в скандинавской традиции. Если последняя предвещает гибель главного героя, то в «Пире Брикрена» перебранка жен затеяна ради развлечения на пиру (цит. по [Пир Брикрена]).

¹³⁴ Различные истолкования ссоры королей в «Песни о Нибелунгах» см. [Nauermann 1927/1: 8; Lintzel 1934: 245; Grégoire 1935: 223–224; Winstedt 1952; Stroheker 1958; de Vries 1961: 268].

¹³⁵ Предполагалось, что Брюнхильд, какой она изображена в сохранившихся героических песнях «Старшей Эдды», была в состоянии потребовать от му-

жа смерти Сигурда и без такого внешнего стимула, как ссора с золовкой, которая раскрыла ей обман [Хойслер 1960: 191]. Некоторые исследователи [Neckel 1907: 293–330] исключали ссору королев и из «Большой Песни о Сигурде», реконструируемой на основании «Саги о Вэльсунгах», другие [Schneider 1929: 5; Wieselgren 1935: 334–335], напротив, предполагали, что ссора королев в ней присутствовала.

¹³⁶ Здесь и далее перевод «Младшей Эдды» на русский язык О.А. Смирницкой цит. по [Младшая Эдда]. Текст оригинала цит. по: Edda Snorra Sturlusonar / Udg. Finnur Jónsson. København: Gyldendal, 1931.

¹³⁷ О происхождении клада и кольца карлика Андвари рассказывается в прозаическом вступлении к эддическим «Речам Регина»: Локи, Один и Хёнир заночевали у Хрейдмара; Локи убил камнем Отра, который в образе выдры сидел на берегу реки и ел лосося; Отр оказался сыном Хрейдмара, который потребовал заплатить выкуп за сына; посланный добывать золото Локи поймал сеть карлика Андвари, жившего в водопаде в образе щуки, и отнял у него все золото, и в том числе золотое кольцо, которое карлик хотел утаить; тогда Андвари наложил проклятие на сокровище, и оно погубило впоследствии и самого Хрейдмара и его сыновей – Фафнира и Регина, а затем и воспитанника Регина – Сигурда и Нифлунгов (Нибелунгов). О том, как Сигурд добыл клад и кольцо Андвари, которым завладел Фафнир, рассказывается в «Речах Фафнира». Сигурд засел в яме, а когда Фафнир проползал над ней, вонзил ему в сердце меч. Умиравший Фафнир предрек, что сокровище погубит героя. Регин велел Сигурду поджарить сердце Фафнира; обжегшись, герой поднес ко рту палец, на который капнула кровь Фафнира, и стал понимать птичью речь. Птицы предостерегли его против коварного Регина, решившего отомстить за брата, и посоветовали срубить ему голову и завладеть всем золотом Фафнира. Сигурд последовал их совету, после чего птицы рассказали ему о погруженной Одинем в сон валькирии, которая отождествляется с Брюнхильд в эддической «Поездке Брюнхильд в Хель» и в «Саге о Вэльсунгах».

¹³⁸ Употребленное в рукописи дисл. слово *Deilld* имеет значение «вражда, ссора, распря».

¹³⁹ Здесь и далее перевод «Саги о Вэльсунгах» на русский язык Б.И. Ярхо цит. по: Корни Иггдрасилля // Сост. и отв. ред. О.А. Смирницкой. М.: Terra, 1997. Текст оригинала цит. по: *Völsunga saga ok Ragnars saga loðbrókar* // Udg. M. Olsen. Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur. Bd. 36. København: Møller, 1906–1908.

¹⁴⁰ Хьяльпрек, конунг в Тьоде (Тю, в Ютландии), упоминается в прозаическом фрагменте эддических «Речей Регина»: «Конунг Хьяльпрек дал Сигурду дружину на кораблях, чтобы отомстить за отца», в «Младшей Эдде» о Хьяльпреке говорится тоже в связи с Регином, воспитателем Сигурда. Регин нанялся к Хьяльпреку кузнецом, выковал для Сигурда меч Грам, которым тот убил дракона Фафнира, а потом и самого Регина.

- ¹⁴¹ Высказывалось предположение, что сцена ссоры королев у реки (в «Младшей Эдде» и в первой части в «Саге о Вёльсунгах») основана на «Древней Песни о Сигурде», а вторая часть распри в «Саге о Вёльсунгах» восходит к несохранившейся «Большой Песни о Сигурде», где ссора королев происходит в палатах [Andersson 1986: 186–187]. Это предположение противоречит гипотезе Хойслера, который считал, что сцена распри в «Младшей Эдде» могла быть основана на «Большой Песни о Сигурде» [Heusler 1969]. Гипотеза Хойслера разделяется еще несколькими учеными [Wieselgren 1935: 272–275, 333–338; von Kralik 1941; Bumke 1960].
- ¹⁴² Дисл. слово skemma определяется как небольшая, изолированно стоящая постройка, используемая в качестве спальни или «женской половины» [Cleasby 1962: 544].
- ¹⁴³ Предполагалось, что в несохранившихся песнях эта строфа принадлежала Гудрун, тогда местоимение второго лица þinn – «твой» в словосочетании hlýge þinn – «родич твой» следует заменить на местоимение первого лица minn – «мой» [de Boog 1918: 94–95]. Можно высказать и другое предположение, не требующее конъектуры, что первая полустрофа, восхваляющая Сигурда, могла быть произнесена Гудрун, а вторая, унижающая Гуннара, – Брюнхильд. В поддержку высказанного предположения можно добавить, что в «Младшей Эдде» речи героинь распределяются именно таким образом: Гудрун говорит: hann vá Fafni ok Regin – «он убил Фафнира и Регина», а Брюнхильд: en <...> þogði eigi – «а <...> не осмелился».
- ¹⁴⁴ «Эта сага составлена из рассказов немецких мужей, часть ее восходит к их песням, которые были сочинены, чтобы развлечь великих людей, и были сочинены давно, вскоре после событий, о которых здесь рассказывается» [Þidriks Saga 1954, 5].
- ¹⁴⁵ Здесь и далее перевод «Саги о Тидреке» автора приводится по изданию [Þidriks Saga 1954].
- ¹⁴⁶ [Brynhildar táttur]. Предполагалось, что эта баллада основана на «Большой Песни о Сигурде» (см. [de Boog 1918]).
- ¹⁴⁷ [Хойслер 1960: 77].
- ¹⁴⁸ Здесь и далее перевод «Песни о Нибелунгах» на русский язык Ю.Б. Корнеева цит. по: Западноевропейский эпос. СПб., 2002. С. 331–606. Текст оригинала цит. по [Das Nibelungenlied 1971].
- ¹⁴⁹ Высказывалось также предположение, что мотив трудного сватовства (ср. сопротивление братьев Кримхильды, которое Зигфрид вынужден преодолеть, а также опасения, которые высказывают Зигфриду его родители, пытающиеся отговорить его от сватовства и страшющиеся враждебности Гунтера и его людей, 50–60) тоже появляется в «Песни о Нибелунгах» под влиянием скандинавской традиции (ср. трудности, связанные с проникновением в крепость Брюнхильд, битва с ее защитниками, см. [Andersson 1986: 159–160]).

- ¹⁵⁰ Существует и принципиально иная интерпретация поведения Брюнхильды в споре королев. Так, Андреас Хойслер считал, что Брюнхильда в «Песни о Нибелунгах» не подозревает об обмане, т. е. о том, что во время испытаний жениха Гунтер был только подставным лицом, и твердо стоит на том, что потеряла пояс, а кольцо у нее было украдено [Хойслер 1960: 188].
- ¹⁵¹ М.И. Стеблин-Каменский предполагает, что Брюнхильд в «Песни о Нибелунгах», в отличие он скандинавских памятников, мстит из чисто сословных побуждений [Стеблин-Каменский 2003: 862–863].
- ¹⁵² См. также о женской расправе у Прокопия [Хойслер 1960: 58].
- ¹⁵³ [Матюшина 1994а: 175–229].
- ¹⁵⁴ Здесь и далее текст аллитеративной поэмы «Смерть Артура» цит. по [Morte Arthure 1984]. Перевод поэмы на русский язык сделан по тому же изданию.
- ¹⁵⁵ Предположительные даты жизни Данбара: ок. 1460 – ок. 1515 гг. (см. [Bawcutt 1992: 6–7]).
- ¹⁵⁶ [Bawcutt 1992: 6–8, 228].
- ¹⁵⁷ Предполагается, что дед Кеннеди был женат на дочери Роберта III [The Poems of William Dunbar 1950: 201].
- ¹⁵⁸ [Ibid: 49, 228; Ross 1981: 184–185].
- ¹⁵⁹ [Lyll 1976: 99–109].
- ¹⁶⁰ Здесь и далее текст перебранки Данбара и Кеннеди цит. по [The Poems of William Dunbar 1950: 5–20]. Перевод на русский язык сделан по тому же изданию.
- ¹⁶¹ Перевод сделан по тексту, цитируемому [Fox 1919].
- ¹⁶² [Bawcutt 1983: 5–21]. На основании обвинений Кеннеди, высказанных в знаменитой перебранке, делались предположения о том что, подобно многим шотландским студентам, Данбар много путешествовал по Европе [Bawcutt 1992: 8].
- ¹⁶³ Существительное *dirt* и его производные в средневековом шотландском диалекте употреблялось в более конкретном значении, чем в современном языке (ср. *dirt n.* Also: *dyrt*, *deirt*. [ME. *dirt*, *dyrt* (15th c.), for earlier *drit n.*] *Dirt*; excrement. Dictionary of the Older Scottish Tongue – DOST).
- ¹⁶⁴ Большая часть цитат, приведенных в Словаре Древнего Шотландского языка (Dictionary of the Older Scottish Tongue – DOST), определяющих значение слова *baird* как «странствующий певец, бродячий музыкант, шут, оскорбитель», тоже сопряжены с отрицательными значениями и связывают бардов с хулителями (*scolds*), перебранщиками (*flyters*). Так, в конце XV–XVI вв. засвидетельствованы только употребления с негативной семантикой: «барды, искусные попрошайки» (*bardis*, *maisterfull beggaris*), «...приказал всем бездельникам, таким как жонглеры, менестрели, барды <...> и другие, покинуть королевство или же найти какое-нибудь ремесло, чтобы заработать себе на жизнь» (...*commandit all idill pepil, as juglaris, menstralis, bardis, and <...> othir*

to pas out of the realme, or ellis to find sum craft to win their leiffing), «рвякая или лая нагло, как барды, против Святого Таинства» (barkcand bauldly like bardis, aganis the blissit sacrament), «все обычные хулители, перебранщики и барды должны быть изгнаны из города» (all commoun skoldis, flyttaris, and bardis to be baneist the toun), «нахальный бард» (ane impudent bard), «хулители и барды» (scallis and bardis), «барды и попрошайки» (bairdis and beggaris), «бесстыжие барды» (schameles bairdis), «попрошайки состоят в основном из воров, бардов» (beggaris being for the maist pairt theiffis, bairdis), «все хулители, барды, клеветники и люди, обижающие своею речью соседей» (all scaldis, bairdis, slanderers, and persons offensive to their neighbours be speiche).

¹⁶⁵ Современники Данбара, например Джон Майор, тоже замечали, что жители горных местностей Шотландии отличаются от обитателей ее низин, первых он называл «дикими» (wild), вторых – «домовитыми» (householding) [Wawcutt 1992: 256].

¹⁶⁶ Различия между обитателями горных и низинных частей Шотландии находили отражение в письменных документах и в более раннюю эпоху. Так, в тексте XIV в. жители низин описаны «домашними и культурными, заслуживающими доверия, терпеливыми и склонными к городской жизни, прилично одетыми, законопослушными и миролюбивыми», напротив, жители горных районов называются «дикими и неприрученными людьми, грубыми и несговорчивыми, приверженными к грабежам <...> с приятной внешностью, но неприглядно одетыми» [Scottish Historical Documents 1970: 101–102].

¹⁶⁷ Подробное изложение этой легенды см. [Neilson 1896].

¹⁶⁸ [Wace's Brut/ii: 251–3, строки 14182–14190].

¹⁶⁹ Цит. по [Layamon 1963, 1978].

¹⁷⁰ Цит. по [Wawcutt 1988: 441–444].

¹⁷¹ «Лауреатство», о котором идет речь, очевидно, подразумевает, ученую степень по риторике, которую Скелтон получил сначала в Оксфорде, а затем в 1493 г. и в Кембридже. В 1490 г. Уильям Кэкстон упоминает о лауреатстве Скелтона в своем предисловии к переводу «Энеиды»: «Но я прошу мастера Джона Скелтона, недавно произведенного в лауреаты в университете Оксфорда, посмотреть и исправить эту книгу» [Caxton Eneydos].

¹⁷² [The Flyting of Montgomerie and Polwart 1920: 130–189].

¹⁷³ [The Poems of William Dunbar 1979: 287].

¹⁷⁴ В 1418 г. хулительные стихи против мэра Кембриджа были прикреплены к воротам его собственного дома, они тоже именовались с помощью слов, использованных Кеннеди в перебранке с Данбаром: schedule – «формальное письмо» и scrowe – «письмена» [Wilson 1952: 191–194].

¹⁷⁵ Реликты словесного поединка героев сохранились в поэтических вставках в еще одной саге о древних временах – «Саге об Асмунде» (см. подробнее

в гл. 1), которую с некоторыми оговорками тоже можно добавить к перечисленным шести сагам. Кроме того, не исключено, что словесный поединок присутствовал и в несохранившейся «Саге о Скьёльдунгах», которую по содержанию можно было бы отнести к сагам о древних временах, а по замыслу создателя – к королевским сагам. «Сага о Скьёльдунгах» (Skjöldunga saga), очевидно, была самой ранней сагой о древних временах, т. е. о временах до заселения Исландии, и первым исландским историческим сочинением, повествующим о датских королях. Предполагается, что к этой саге восходит дошедший до нас «Отрывок саги о древних конунгах» (Sögubrot af fornkonungum), в котором содержится сцена, напоминающая словесный поединок (гл. 3). Конунг Ивар просит своего приемного отца Хорда, в облике которого, возможно, скрывается Один, истолковать его сон. Конунг находится на корабле, а Хорд стоит на скале, таким образом, их разделяет водная преграда. Конунг несколько раз обращается к Хорду с просьбой взойти на корабль, но неизменно получает отказ. Хорд говорит, что сон Ивара не нуждается в истолковании, ибо он предвещает смену правителей в Швеции и Дании: «А теперь могила жаждет тебя, это означает для человека кончину, хотя ты и думаешь о том, чтобы подчинить себе все страны. Но вот чего ты не знаешь, так это того, что все кончится твоей смертью, и того, что враги получат твое королевство». Ивар задает Хорду вопросы об умерших конунгах и получает ответы, которые содержат сравнение этих конунгов с богами: Бальдром, Хёниром, Хеймдаллем – и заканчиваются формулами, выражающими их отрицательное отношение к самому Ивару («хотя он к тебе плохо относился», «хотя он был с тобой нехорош»). Наконец, Ивар спрашивает о себе: «Кем был бы я среди асов?» и слышит в ответ: «Ты должен быть змеем, наихудшим на свете, которого они зовут Мидгардским Змеем». Конунга Ивара охватывает гнев: «Если ты предрекаешь мою судьбу, то и я скажу, что тебе больше не жить, ибо я знаю, как ты ко мне относишься, огромный турс! Сам отправляйся к Мидгардскому Змею! Мы еще посмотрим, кто из нас лучше, если его толкнуть изо всей силы!». С этими словами конунг спрыгнул с кормы, а Хорд упал со скалы, и обоим больше никогда не видели. В приведенной сцене о древнегерманских перебранках заставляет вспомнить и место действия (водная преграда, разделяющая противников), и семантика реплик оппонентов (хула, оскорбления, угрозы, похвальба), и заключительная реплика (почти проклятие – «Сам отправляйся к Мидгардскому Змею!»), и традиционное окончание (гибель по крайней мере одного из участников).

¹⁷⁶ Исключение составляет лишь тесно связанная со скандинавской традицией ссора королей в «Песни о Нибелунгах», которая рассматривается в гл. V.

¹⁷⁷ В оскорбительных речах, адресованных женщинам, применяется то же существительное *ergi* (и однокоренное прилагательное *argr*), что традиционно используется в оскорблениях мужчин. Значение этого слова, как предполагается,

связано с «извращенностью или распутством» [Sörensen 1983: 18–19] и «почти синонимично нимфомании, которая, очевидно, так же презиралась в женщине, как немужественность в мужчине» [Ström 1973: 4].

¹⁷⁸ О сходстве языка перебранок с языком битвы см. статью [Clover 1979: 125], содержащую также словосочетание «враждебные руны» (beadurune 501), которые «развязал» (onband) Унферт, начав перебранку с Беовульфом на пиру у Хродгара. В формуле «развязал враждебные руны» видели также проявление «контрадикторности» Унферта по отношению к Беовульфу, чья прямая речь вводится формулой «раскрыл сокровищницу слов» (wordhord onleas) [Смирницкая 2008: 164].

Литература

Издания текстов, переводы, словари

- Беовульф – Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975 (Библиотека всемирной литературы).
- Былины Печоры 2001 – Свод русского фольклора. Былины в 25 томах. Т. 1–2. Север Европейской России. СПб.: Наука; М.: ИЦ «Классика», 2001.
- Былины Мезени – Свод русского фольклора. Былины в 25 томах. Т. 3–5. Север Европейской России. СПб.: Наука; М.: ИЦ «Классика», 2003–2006.
- Древнеанглийская поэзия – Древнеанглийская поэзия / Изд. подгот. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М.: Наука, 1982.
- Илья Муромец – Илья Муромец / Подгот. текстов, статья и коммент. А.М. Астаховой. М.: Л., 1958 (Литературные памятники).
- Исландские саги – Исландские саги: В 2-х томах // Под общ. редакцией О.А. Смирницкой. СПб., 1999.
- Корнелий Тацит – *Корнелий Тацит*. О происхождении германцев и местоположении Германии // *Корнелий Тацит*. Сочинения в двух томах. Том первый. Анналы. Малые произведения / Перев. А.С. Бобовича. Л.: Наука, 1969. Гл. 10.
- Младшая Эдда – Младшая Эдда / Изд. подгот. О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. Л.: Наука, 1970 (Литературные памятники).
- Павел Диакон – *Павел Диакон*. История лангобардов / Перев. Ю.Б. Циркина. СПб., 2008.
- Песнь о Нибелунгах // Западноевропейский эпос / Перев. Ю.Б. Корнеева. СПб., 2002. С. 331–606.
- Песнь о Хильдебранде. Цит. по: Зарубежная литература средних веков. Немецкая, испанская, итальянская, английская, чешская, польская, сербская, болгарская литературы. Учебное пособие для студентов филологических специальностей пед. ин-тов / Составитель И.Б. Пуришев. Издание 2-е, исправленное и дополненное. М.: Просвещение, 1975. С. 10–14.

- Пир Брикрена – Пир Брикрена // Саги об уладах / Сост. Т.А. Михайлова. Перев. Н. Чехонадской. М., 2004 (Наследие кельтов. Источники).
- Прокопий из Кесарии – *Прокопий из Кесарии*. Война с готами / Отв. ред. Е.А. Косминский. Перев. с греч. С.П. Кондратьева. М.: Изд. АН СССР, 1950.
- Прядь о Пивном Капюшоне – см. [Исландские саги. Т. II: 437–446].
- Рустам и Сухраб – Рустам и Сухраб // *Фирдоуси*. Шах-Наме / Подгот. текста Н. Османова. Перев. В.В. Державина. М., 1972 (Библиотека всемирной литературы).
- Сага о Вэльсунгах – Сага о Вэльсунгах / Перев. Б.И. Ярхо // Корни Иггдрасилля / Под ред. О.А. Смирницкой. М.: Терра, 1997 (Эдда. Скальды. Саги).
- Сага о Гисли – см. [Исландские саги 1999/I: 501–568].
- Сага об Инглингах – см. [Снорри Стурлусон 1980: 11–37].
- Сага об Олаве Святом – см. [Снорри Стурлусон 1980: 167–377].
- Сага об Эгиле – см. [Исландские саги 1999/I: 21–216].
- Сага о сыновьях Магнуса Голоногого – см. [Снорри Стурлусон 1980: 481–499].
- Сага о Сверрире – Сага о Сверрире / Под ред. О.А. Смирницкой. М.: Наука, 1988.
- Сага о Ньяле – см. [Исландские саги 1999/II: 47–370].
- Сага о Харальде Серая Шкура – см. [Снорри Стурлусон 1980: 87–96].
- Снорри Стурлусон – Снорри Стурлусон «Круг Земной» / Изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1980.
- Старшая Эдда – Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975 (Библиотека всемирной литературы).
- The Anglo-Saxon Poetic Records – The Anglo-Saxon Poetic Records: a collective edition. Vol. I–VI / Ed. G.Ph. Krapp and E. van K. Dobbie. New York; London, 1936–1954.
- Ásmundarsaga Kappabana – Ásmundarsaga Kappabana // Fornaldar sögur Norðurlanda. 1 Bd. / Guðni Jónsson gáf út. Reykjavík, 1954. Bls. 383–408.
- Bandamanna saga – Bandamanna saga / Ed. H. Magerøy. London; Oslo, 1981.
- The Battle of Maldon – The Battle of Maldon / Ed. D.G. Scragg. Manchester, 1981. Перев. на русский язык В.Г. Тихомирова приводится по [Древнеанглийская поэзия 1982].
- Beowulf and the Fight at Finnsburg – Beowulf and the Fight at Finnsburg / Ed. Fr. Klaeber. Boston, 1950. Перевод на русский язык В.Г. Тихомирова цит. по [Беовульф 1975].
- Brynhildar táttur – Brynhildar táttur // Föroya kvæði (Corpus Carminum Færoensium). Bd. I / Udg. ved Chr. Matras. København, 1951.
- Caxton Eneydos – Caxton Eneydos // Early English Text Society / Ed. W.T. Culley, F.J. Furnivall. London: Oxford Univ. Press, 1962.
- Cleasby 1962 – *Cleasby R., Guðbrandur Vigfússon*. An Icelandic-English Dictionary. 2-nd ed. London: Oxford Univ. Press. 1962.

- Das deutsche Volkslied – Das deutsche Volkslied. Bd. I: Balladen // Deutsche Literatur. Sammlung literarischer Kunst- und Kulturdenkmäler in Entwicklungsreihen / Hrsg. von John Meier. Leipzig, 1935. S. 35–38.
- A Dictionary of the Older Scottish Tongue from the twelfth century to the end of the seventeenth / Ed. Sir William Craigie, A.J. Aitken, J.A.C. Stevenson. 12 volumes. Oxford Univ. Press, 1937–2002.
- Diodorus – Diodorus of Sicily. The Library of History // Loeb Classical Library / Ed. and transl. C.H. Oldfather. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1939. Vol. 3.
- Edda – Edda: Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. von G. Neckel. 4-te umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn. Heidelberg, 1962.
- Edda Snorra Sturlusonar / Udg. Finnur Jónsson. København: Gyldendal, 1931.
- Eyrbyggja saga – Eyrbyggja saga / Einar Ól. Sveinsson, Miðthías Þórðarsson gafu út. Reykjavík, 1935 (Íslenzk Fornrit. Bd. IV).
- The Flyting of Montgomerie and Polwart – The Flyting of Montgomerie and Polwart // Poems of Alexander Montgomerie. Supplementary Volume / Ed. G. Stevenson. Edinburgh and London, 1920. P. 130–189.
- Flóamannasaga – Flóamannasaga // Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur / Udg. ved Finnur Jónsson. Bd. 56. København: Jørgensen, 1932.
- Gísla saga Súrssonar – Gísla saga Súrssonar // Vestfirðinga sögur (Íslenzk Fornrit. VI) / K. Björn. Þórólfsson gaf út. Reykjavík, 1943. Bls. 1–118. Kap. II. Kap. XV.
- Grágás – Grágás. Islændernes Lovbog i Fristatens Tid / Udg. efter det kongelige Bibliotheks Haandskrift og overs. af Vilhjalmur Finsen. 2. København, 1852; repr. Odense, 1974.
- Gríms saga loðinkinna – Gríms saga loðinkinna // Fornaldar sögur Norðurlanda. Bd. 2 / Guðni Jónsson gaf út. Akureyri: Íslendingasagnaútgáfan, 1954. Bls. 183–198.
- Hálfs saga ok Hálfsrekka – Hálfs saga ok Hálfsrekka / H. Seelow gaf út. Reykjavík: Stofnun Árna Magnússonar, 1981.
- Heimskringla – Heimskringla Snorra Sturlusonar. Konungasögur. Bd. 3 / Páll Eggert Ólason um prentun sá. Reykjavík, 1981.
- Das Hildebrandslied – Das Hildebrandslied / Hrsg. von G. Baesecke. Halle (Saale), 1945.
- Hjálmþés saga ok Ölvis – Hjálmpés saga ok Ölvis / Guðni Jónsson gaf út // Fornaldar sögur Norðurlanda. Bd. IV. Akureyri: Íslendingasagnaútgáfan, 1954.
- Hrafnkels saga – Hrafnkels saga Freysgoða / Jón Jóhannesson gaf út. Reykjavík, 1950 (Íslenzk Fornrit. XI).
- Johnson 181 – Ben Johnson. Poetaster. Complete plays. Vol. II / Ed. G.A. Wilkes. Oxford: Clarendon Press, 1981. P. 125–228.
- Jón Egilsson 1856 – *Jón Egilsson*. Biskupa-annalar Jóns Egilssonar með formála at hugagreinum og fylgiskjölum eptir Jón Sigurðsson. Kaupmannahöfn, 1856. Bls. 15–136 (Safn til söger Islands og islenzkra bókmenta. I).
- Ketils saga hængs – Ketils saga hængs // Fornaldar sögur Norðurlanda. Bd. 2 / Guðni Jónsson gaf út. Bls. 149–181. Akureyri: Íslendingasagnaútgáfan, 1954.

- Kristnisaga – Kristnisaga. Þátr Þorvalds ens víðförla. Þátr Ísleifs biskups Gizurarsonar. Hungrvaka / Hrsg. von B. Kahle. (Altnordische Saga-Bibliothek. XI). Halle/Saale, 1905.
- Króka-Refs saga – Króka-Refs saga / Jóhannes Halldórsson gaf út. Reykjavík, 1959 (Íslensk Fornrit. XIV).
- Layamon. Brut 1978 – Layamon. Brut / Eds. G.L. Brook, R.F. Leslie. London, 1963, 1978. Vol. I: Text lines 1–8020, 1963. Vol II: Text (lines 8021–end), 1978 (Early English Text Society).
- Morkinskinna. Pergamentsbog fra første halvdel af det trettende aarhundrede / Ed. C.R. Unger. Oslo, 1867.
- Morkinskinna: The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings (1030–1157). Ed. and transl. Th.M. Andersson, K.E. Gade. *Islandica* 51. New York: Cornell Univ. Press, 2000.
- Morte Arthure 1984 – Morte Arthure. A Critical Edition / Ed. M. Hamel. New York; London, 1984.
- Das Nibelungenlied 1971 – Das Nibelungenlied / Ed. M.S. Batts. Critical edition. Tübingen: M. Niemeyer, 1971.
- Njáls saga // Íslendinga Sögur. Rangainga Sögur / Guðni Jónsson gaf út. Íslendinga-sagnaútgáfan. Reykjavík, 1947.
- Norges gamle love 1846 – Norges gamle love indtil 1387. 1 / Udg. R. Keyser, P.A. Munch, G. Storm, E. Herzberg. Christiania, 1846.
- Den norsk-islandske Skjaldedigtning. A I–II (Text efter håndskrifterne). B I–II (Rettet text) / Udg. Finnur Jónsson. København, 1912–1915 (Rpt.: København, 1967–1973).
- Orkneyinga saga / Finnboði Guðmundsson gaf út. Bd. 34. Reykjavík, Hið Íslenska fornritafélag, 1965.
- The Poems of William Dunbar 1950 – The Poems of William Dunbar / Ed. W.M. Mackenzie. London, 1950.
- The Poems of William Dunbar 1979 – The Poems of William Dunbar / Ed. J. Kinsley. Oxford, 1979.
- The Poetic Edda. Vol. I: Heroic Poems / Ed. and transl. U. Dronke. Oxford, 1969.
- Saxonis Gesta Danorum – Saxonis Gesta Danorum // Tomus I. Textus continens, 1931 / Primum a C. Knabe & P. Herrmann recensita. Recognoverunt et ediderunt J. Olrik & H. Ræder. Haunia (København): Levin and Munksgaard, 1931.
- Scottish Historical Documents 1970 – Scottish Historical Documents / Ed. G. Donaldson. 1970. P. 101–102.
- Sigurðar saga Jórsalafara / Heimskringla Snorra Sturlusonar. Konungasögur. Bd. 3 // Páll Eggert Ólason um prentun sá. Reykjavík, 1981. Bls. 171–200.
- Þátr Þorvalds ens víðförla – Þátr Þorvalds ens víðförla // Kristnisaga. Þátr Þorvalds ens víðförla. Þátr Ísleifs biskups Gizurarsonar. Hungrvaka / Hrsg. von B. Kahle (Altnordische Saga-Bibliothek. XI). Halle/Saale, 1905.

- Þidriks Saga – Þidriks Saga af Bern. 2 Bd. / Guðni Jónsson gáf út. Reykjavík: Íslendingasagnaútgáfan, 1954.
- Þorgils saga ok Hafliða – Þorgils saga ok Hafliða // Sturlunga saga. Bd. I–II / Udg. Kristian Kálund. København; Kristiania, 1906–1911. Bd. I.
- Þorvalds þáttur víðförla – Þorvalds þáttur víðförla // Íslendinga Sögur og Þættir / Ritstjórar: Bragi Halldórsson et al. (Svart á Hvítu). Reykjavík, 1987. Bd. III.
- Vatnsdæla saga – Vatnsdæla saga // Íslendinga Sögur og Þættir / Ritstjórar: Bragi Halldórsson et al. (Svart á Hvítu). Reykjavík, 1987. Bd. III.
- Völsunga saga – Völsunga saga ok Ragnars saga loðbrókar // Udg. M. Olsen. Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur. Bd. 36. København: Møller, 1906–1908.
- Wace's Brut 1836–1838 – Wace's Brut / Ed. Le Roux de Lincy. Rouen, 1836–1838.
- Waldere – Waldere / Ed. F. Norman. London, 1949.
- Waltharius and Ruodlieb – Waltharius and Ruodlieb / Ed. D.M. Kratz. New York, 1984.
- Öllkofra þáttur – Öllkofra þáttur // Austfirðinga sögur. Íslezk fornrit. Bd. 11 / Jón Jóhannesson gáf út. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1950. Bls. 81–94.
- Örvar-Odds saga – Örvar-Odds saga // Íslendinga Sögur. Fornaldar sögur Norðurlanda. Bd. II / Guðni Jónsson gaf út. Íslendingasagnaútgáfan, Akureyri, 1954.

Исследования

- Авижанская 1947 – *Авижанская С.А.* Бой отца с сыном в русском эпосе // Вестник ЛГУ. 1947. № 3. С. 142–144.
- Буслаев 2003 – *Буслаев Ф.И.* Народный эпос и мифология. М., 2003.
- Веселовский 2004 – *Веселовский А.Н.* Новые исследования в области русской народной поэзии. Статья вторая. Немецкий труд о русских былинах // *Веселовский А.Н.* Работы о фольклоре на немецком языке. 1873–1894. М., 2004. С. 309–331.
- Веселовский 1940 – *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. Л., 1940.
- Гуревич 2004 – *Гуревич Е.А.* От обвинения к повествованию: особенности жанра перебранки в «прядях об исландцах» // Слово в перспективе литературной эволюции. К 100-летию М.И. Стеблин-Каменского. М.: 2004. С. 43–70.
- Гуревич, Матюшина 2000 – *Гуревич Е.А., Матюшина И.Г.* Поэзия скальдов. М., 2000.
- Жирмунский 1958 – *Жирмунский В.М.* Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М.: Изд-во АН, 1958.
- Жирмунский 1979 – *Жирмунский В.М.* Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения // *Жирмунский В.М.* Избранные труды. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л., 1979.

- Лотман 1973 – *Лотман Ю.М.* О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Т. 6. С. 227–243.
- Макаев 1965 – *Макаев Э.А.* Язык древнейших рунических надписей. М., 1965.
- Марков 1901 – Беломорские былины / Зап. А.В. Марковым. Предисл. проф. В.Ф. Миллера. М., 1901.
- Матюшина 1994а – *Матюшина И. Г.* Возрождение аллитерационной поэзии в английской литературе XIV в. // Проблемы жанра в средневековой литературе / Отв. ред. А.Д. Михайлов. М.: ИМЛИ РАН. 1994. С. 175–229.
- Матюшина 1994б – *Матюшина И. Г.* Магия слова. Скальдические хулительные стихи и любовная поэзия. М., 1994. М.: РГГУ, 1994.
- Мелетинский 1968 – *Мелетинский Е. М.* Эдда и ранние формы эпоса. М., 1968.
- Мелетинский 1986 – *Мелетинский Е. М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986.
- Мелетинский 1993 – *Мелетинский Е.М.* О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов // *Arbor Mundi*. М., 1993.
- Мелетинский 2003 – *Мелетинский Е.М.* О былинных мотивах // Б.Н. Путилов. Фольклор и народная культура. In *Memoriam*. Санкт-Петербург, 2003.
- Неклюдов 2004 – *Неклюдов С. Ю.* Почему сказки одинаковые? // Живая Старина. 2004. № 1 (41). С. 7–10.
- Пропф 2006 – *Пропф В.Я.* Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 2006.
- Смирницкая 1982 – *Смирницкая О.А.* Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия / Изд. подгот. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М., 1982. С. 171–232 (Литературные памятники).
- Смирницкая 2008 – *Смирницкая О.А.* *Sīð Vēowulfes*: границы «культурной лексики» в древнеанглийском эпосе // *Смирницкая О.А.* Избранные статьи по германской филологии. М.: МГУ, 2008. С. 161–170.
- Соколов 1918 – *Соколов Б.М.* Былины. Исторический очерк, тексты и комментарии. М., 1918.
- Стеблин-Каменский 1978 – *Стеблин-Каменский М.И.* Апология смеха // Стеблин-Каменский М.И. Историческая поэтика. Л., 1978.
- Стеблин-Каменский 2003 – *Стеблин-Каменский М.И.* «Валькирии и герои» // *Стеблин-Каменский М.И.* Труды по филологии. СПб., 2003.
- Фрейденберг 1978 – *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. М., 1978.
- Халанский 1893–1894 – *Халанский М.Г.* Южнославянские сказания о Кралевице Марке, в связи с произведениями русского былевого эпоса. Сравнительные наблюдения в области героического эпоса южных славян и русского народа. Варшава, 1893–1894.
- Хойслер 1960 – *Хойслер А.* Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах / Перев. Д.Е. Бергельса. М., 1960.

- Almqvist 1974 – *Almqvist B.* Nid mot missionärer. Senmedeltida nidtraditioner. Bd. II // Norrön niddiktning. Traditionshistoriska studier i versmagi. Uppsala, 1974.
- Andersen 1977 – *Andersen P.S.* Samlingen av Norge og kristningen av landet, 800–1130. Bergen, Oslo, Tromsø, 1977.
- Andersson 1980 – *Andersson Th.M.* The Legend of Brynhild. *Islandica* XLIII. Cornell Univ. Press, Ithaca and London, 1980.
- Andersson 1986 – *Andersson Th.M.* An Interpretation of *Pidreks Saga* // Structure and Meaning in Old Norse Literature: New Approaches to Textual Analysis and Literary Criticism / Ed. J. Lindow et al. 1986. P. 347–377 (Viking Collection. 3 Odense).
- Bagge S. Society and Politics in Snorri Sturluson's *Heimskringla*. Berkley, 1991.
- Bawcutt 1983 – *Bawcutt Pr.* The Art of Flyting // *Scottish Literary Journal*. Vol. 10. N° 2, 1983. P. 5–21.
- Bawcutt 1988 – *Bawcutt Pr.* A Miniature Anglo-Scottish Flyting // *Notes and Queries*. N° 233, 1988. P. 441–444.
- Bawcutt 1992 – *Bawcutt Pr.* *Dunbar the Makar*. Oxford, 1992.
- Bax, Padmos 1983 – *Bax M., Padmos T.* Two Types of Verbal Duelling in Old Icelandic: The Interactional Structure of the *senna* and the *mannjafnaðr* in *Hárbarðsljóð* // *Scandinavian Studies*. 55. 1983. P. 149–174.
- de Boor 1918 – *Boor H. de.* Die färöischen Lieder des Nibelungenzyklus. *Germanische Bibliothek: Untersuchungen und Texte*, 12. Heidelberg, 1918.
- de Boor 1923 – *Boor H. de.* Die Nordische und die deutsche Hildebrandsage // *Zeitschrift für deutsche Philologie*. Bd. 49. 1923.
- de Boor 1924 – *Boor H. de.* Die Nordische und die deutsche Hildebrandsage // *Zeitschrift für deutsche Philologie*. Bd. 50. 1924.
- Bumke 1960 – *Bumke J.* Die Quellen der Brünhildfabel im Nibelungenlied // *Euphorion*. Bd. 54. 1960. S. 1–38.
- Chadwick H.M., Chadwick N.K. 1940 – *Chadwick H.M., Chadwick N.K.* *Growth of Literature*. Vol. III. Cambridge, 1940.
- Chambers 1921 – *Chambers R.W.* *Beowulf: An Introduction to the Study of the Poem*. Cambridge, 1921.
- Ciklamini 1966 – *Ciklamini M.* The Combat between Two Half-Brothers; A Literary Study of the Motif in *Ásmundarsaga Kappabana* and *Saxonis Gesta Danorum* // *Neophilologus*. Vol. 50, 1966. P. 269–279, 370–379.
- Clover 1979 – *Clover C. J.* *Hárbarðsljóð* as Generic Farce // *Scandinavian Studies* 51. 1979. P. 124–145.
- Clover 1980 – *Clover C. J.* The Germanic Context of the Unferþ Episode // *Speculum* 55. Vol. 3. 1980. P. 444–468.
- Clunies Ross 1973 – *Clunies Ross M.* Hildir's Ring: a problem in *Rágnarsdrápa* // *Medieval Scandinavia*. 1973. Vol. VI. P. 75–92.

- Davidson 1983 – *Davidson H.R.E.* Insults and Riddles in the Edda Poems // Edda. A Collection of Essays / Ed. R.J. Glendinning, Haraldur Bessason. Manitoba, 1983. P. 25–46.
- Davidson 1998 – *Davidson H.R.E.* Commentary to Saxo Grammaticus. The History of the Danes // Saxo Grammaticus. The History of the Danes / Ed. H.R.E. Davidson. Transl. P. Fisher. Cambridge, 1998.
- Dronke 1969 – The Poetic Edda. Vol. I: Heroic Poems / Ed. and transl. U. Dronke. Oxford, 1969.
- Dundes, Leach, Özkök 1972 – *Dundes A., Leach J. W., Özkök B.* The Strategy of Turkish Boys' Dueling Rhymes // Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication / Ed. John J. Gumperz, Dell Hymes. New York, 1972. P. 133–160.
- Dumézil 1924. – *Dumézil G.* Le Festin d'immortalité: Étude de mythologie comparée indo-européenne. Annales du Musée Guimet, Bibliothèque d'Études, 34. Paris, 1924. P. 1–80.
- Elliot 1960 – *Elliot R.C.* The Power of Satire: Magic, Ritual, Art. Princeton, 1960.
- Elton 1950 – *Elton W.* Playing the Dozens // American Speech. Vol. 25. 1950.
- Fox 1919 – *Fox W. Sherwood.* Cursing as a Fine Art // Sewanee Review. 1919. Vol. XXVII. P. 467–468.
- Grégoire 1935 – *Grégoire H.* Où en est la question des Nibelungen? // Byzantion. Vol. 10. 1935. P. 223–224.
- Halpert, Story 1969 – *Halpert H., Story G.M.* Christmas Mumming in Newfoundland. Essays in Anthropology, Folklore, and History. Toronto, 1969.
- Halvorsen 1951 – *Halvorsen E.F.* On the Sources of the Ásmundarsaga kappabana // Studia Norvegica. N° 5. Oslo, 1951.
- Harris 1979 – *Harris J.* The Senna: From Description to Literary Theory // Michigan Germanic Studies. Vol. 5. 1979. P. 65–74.
- Heusler 1902 – *Heusler A.* Der Dialog in der altgermanischen erzählenden Dichtung // Zeitschrift für deutschen Altertum. 1902. Bd. 46. S. 189–284.
- Heusler 1969 – *Heusler A.* Die Lieder der Lücke im Codex Regius der Edda // Germanistische Abhandlungen Hermann Paul dargebracht. Strassbourg, 1902. S. 63–78 (Rpt. in: Kleine Schriften. Bd. II. Hrsg. Stefan Sonderegger. Berlin, 1969. S. 264–271).
- Holtmark 1951 – *Holtmark A.* Studies in Gísla saga. Oslo, 1951 (Studia Norvegica. Ethnologica et Folkloristica, II, 6).
- Huisinga 1949 – *Huisinga J.* Homo Ludens / Transl. R.F.C. Hull. London, 1949.
- Koht 1921 – *Koht H.* Sagaens opfatning av vår gamle historie // *Koht H.* Innhog og utsyn i norsk historie. Kristiania, 1921.
- von Kralik 1941 – *Kralik D. von.* Die Sigfridtrilogie im Nibelungenlied und in der Thidrekssaga. Bd. I. Halle a.d. Saale, 1941.
- Laborde 1925 – *Laborde E.D.* The site of the Battle of Maldon // English Historical Review. Vol. 40. 1925. P. 161–173.

- Labov 1975 – *Labov W.* Rules for Ritual Insults // *Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania, 1975. P. 297–353.
- Levy 1947 – *Levy C.* Christo si è fermato a Eboli. Turin, 1945. Christ Stopped at Eboli. Trans. by F. Frenaye. London, 1947.
- Lintzel 1934 – *Lintzel M.* Der historische Kern der Siegfriedsage. Historische Studien. Berlin, 1934.
- Lord 1965 – *Lord A. B.* Beowulf and Odysseus // *Franciplegius: Medieval and Linguistic Studies in Honour of Francis Peabody Magoun* / Ed. Jess B. Bessinger and Robert Creed. New York, 1965. P. 86–91.
- Lönnroth 1979 – *Lönnroth L.* The Double Scene of Arrow-Odd's Drinking Contest // *Medieval Narrative. A Symposium (Proceedings of the Third International Symposium Organized by the Center for the Study of Vernacular Literature, Held at Odense University on 21–22 November, 1978)* / Ed. Hans Bekker-Nielsen et al. Odense Univ. Press, 1979. P. 94–119.
- Louis-Jensen 1977 – *Louis-Jensen J.* Kongesagastudier: Kompilationen Hulda-Hrokkinskinna. Bibliotheka Arnamagnæana, 32. København: Retzel, 1977.
- Lyall 1976 – *Lyall R.J.* Two of Dunbar's Makars: James Affleck and Sir John the Ross // *Innes Review*, № 27. 1976. P. 99–109.
- Magennis 1996 – *Magennis H.* Images of Community in Old English Poetry. Cambridge, 1996.
- Magoun, Smyser 1950 – *Magoun Fr.P., Smyser H.M.* Walther of Aquitaine: Materials for the Study of his Legend. New York, 1950.
- Naumann 1927/1 – *Naumann H.* Stand der Nibelungenforschung // *Zeitschrift für Deutschkunde*. Leipzig, 1927. Bd. 1. S. 1–17.
- Neckel 1907 – *Neckel G.* Zu den Eddaliedern der Lücke // *Zeitschrift für deutsche Philologie*. 1907. Bd. 39. S. 293–330.
- Neilson 1896 – *Neilson G.* Caudatus Anglicus. A Medieval Slander. Edinburgh, Glasgow, 1896.
- Norman 1949 – *Waldere* / Ed. F. Norman. London, 1949.
- Owen 1959 – *Owen T.* Welsh Folk Customs. Cardiff, 1959.
- Parks 1990 – *Parks W.* Verbal Dueling in Heroic Narrative. The Homeric and Old English Traditions. Princeton, New Jersey, 1990.
- Pheifer 1960 – *Pheifer J.D.* Waldere I. 29–31 // *The Review of English Studies*. New Series. 1960. Vol. 11. № 42. P. 183–186.
- Pollington 2003 – *Pollington St.* The Mead-Hall. The Feasting Tradition in Anglo-Saxon England. Hockwold-cum-Wilton, 2003.
- Potter 1902 – *Potter M.A.* Sohrab and Rustem. London, 1902.
- Reuschel 1933 – *Reuschel H.* Untersuchungen über Stoff und Stil der Fornaldarsaga // *Bausteine zur Volkskunde und Religionswissenschaft*. Bühl-Baden, 1933. № 7.
- Ross 1981 – *Ross I.S.* William Dunbar. Leiden, 1981. P. 184–185.

- O'Súilleabháin 1967 – *O'Súilleabháin S.* Irish Wake Amusements. Cork, 1967.
- Schneider 1929 – *Schneider H.* Verlorene Sigurddichtung // Arkiv för nordisk filologie. Bd. 45. 1929.
- von See 1964 – *See Kl. von.* Altnordische Rechtswörter: philologische Studien zur Rechtsauffassung und Rechtsgesinnung der Germanen. Hermaea 16. Tübingen, 1964. S. 228–235.
- Sörensen 1983 – *Sörensen P.M.* The Unmanly Man. Concepts of Sexual Defamation in Early Northern Society. Odense, 1983.
- Stephanius 1978 – *Stephanius J.S.* Notae uberiores in Historiam Danicam Saxonis Grammatici. Sorö, 1645. Facsimile ed. Danish Humanist Texts and Studies. Royal Library. Copenhagen, 1978.
- Stroheker 1958 – *Stroheker K.F.* Studien zu den historisch-geographischen Grundlagen der Nibelungendichtung // Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. Bd. 32. 1958. S. 216–240.
- Ström 1973 – *Ström F.* Nið, ergi and Old Norse Moral Attitudes. London, 1973.
- Strömbäck 1935 – *Strömbäck D.* Sejd. Textstudier i nordisk religionshistoria. Stockholm, 1935 (Nordiska texter och undersökningar. V).
- Surles 1987 – *Surles R.L.* Roots and Branches. Germanic Epic // Romanic Legend. American University Studies. Series I. Germanic Languages and Literature. Vol. 58. New York; Bern; Frankfurt; Paris, 1987.
- Taylor 1975 – *Taylor P. W.* Normative Discourse. Westport, Connecticut, 1975.
- de Vries 1961 – *Vries Jan de.* Heldenlied und Heldensage. Bern und Munich, 1961.
- de Vries 1953 – *Vries Jan de.* Das Motiv des Vater-Sohn-Kampfes im Hildebrandslied // Germanisch-Romanische Monatschrift XXXIV, 1953. S. 257–274.
- Weibull 1913 – *Weibull L.* Historisk-kritisk metod och nordisk medeltidsforskning. Lund, 1913.
- Wieselgren 1935 – *Wieselgren P.* Quellenstudien zur Völsungasaga // Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis. B. XXXIV. 3. Tartu, 1935. S. 272–275, 333–338.
- Winstedt 1952 – *Winstedt E.O.* Siegfried // Medium Aevum. 1952. Bd. 21. S. 25.
- Wilson 1952 – *Wilson R.M.* The Lost literature of Medieval England. London: Methuen, 1952.
- Yelena Sesselja Helgadóttir-Yershova 2009 – *Yelena Sesselja Helgadóttir-Yershova.* Hildibrandr húnakappi and Ásmundr kappabani in Icelandic sagas and Faroese ballads // Preprint Papers of the 14 International Saga-conference, Uppsala, 2009. P. 1064–1071.

Указатель имен

- Авижанская С.А. 227
Астахова А.М. 120–122, 226
Берков В.Я. 117, 120, 122, 240
Бобович А.С. 223
Буслаев Ф.И. 10, 226–228
Вас Роберт 202
Веселовский А.Н. 227, 228, 232
Галльфрид Монмутский 187
Гильфердинг А.Ф. 226
Гисли Вигфуссон 141
Гринцер П.А. 234
Гуревич Е.А. 109, 112, 225, 237, 239
Данбар Патрик (Corpatrick) 200
Данбар Уильям 87, 193–203, 205–
207, 246, 247
Дандас Джордж 201, 203–205
Державин В. В. 14–16, 227, 228
Джонсон Бен 207
Диодор Сицилийский 5, 225
Жирмунский В.М. 227, 234
Йонсон Карл 123
Йоун Эгильссон 141
Кацнельсон С.Д. 146
Кеннеди Уолтер 193–203, 205–207,
246, 247
Кондратьев С.П. 224
Корнеев Ю.Б. 170, 171, 174, 176–
178, 183–185, 212, 245
Корнелий Тацит 5, 210, 223
Корсун А.И. 5, 54–59, 61–74, 107,
108, 111, 150, 151, 163, 168, 170,
180, 181, 211, 223, 236, 237, 238
Косминский Е.А. 250
Кузьменко Ю.К. 126, 137, 240
Кэкстон Уильям 247
Лаямон 187, 202, 203
Линдсей Дейвид 201
Лотман Ю.М. 216
Макаев Э.А. 76
Марков А.В. 226, 254
Маслова-Лашанская С.С. 109, 238
Матюшина И.Г. 67, 225, 234, 237,
239, 246
Мелетинский Е.М. 50, 54, 217, 227
Миллер В.Ф. 254
Михайлов А.Д. 254
Михайлова Т.А. 250
Неклюдов С.Ю. 227, 234
Османов Н. 250
Павел Диакон 5, 210, 224, 225
Паркс У. (Parks W.) 6, 235, 257
Педер Ресен 141
Прокопий Кесарийский (Прокопий из
Кесарии) 5, 183, 210, 223, 224,
246
Пропп В.Я. 227, 233
Пуришев И.Б. 226
Путилов Б.Н. 254
Роберт III, король Шотландии (1357–
1406) 246
Рябинины, сказители 226
Саксон Грамматик 6, 19, 22–26,
41, 77–86, 97, 105, 111, 144, 182,
208–210, 212, 220, 231, 237, 239

- Сёренсен П.М. 140
Скелтон Джон 203–206, 223, 247
Смирницкая О.А. 82, 143, 154, 183–186, 234, 235, 244, 249
Снорри Стурлусон 123, 126, 130–133, 135–137, 154, 182, 208, 225, 240, 241
Соколов Б.М. 227
Стеблин-Каменский М.И. 76, 124–129, 131, 132, 135, 137, 220, 240, 241, 246
Стурла Тордарсон 138
Стюарт Уильям 201
Сулина Т.Я. 8, 9, 10, 35, 225
Тацит, см. Корнелий Тацит 5, 210, 223, 249
Тихомиров В.Г. 43, 45–52, 73, 223, 234
Уильям Мальмсберийский 202
Уоллес Роберт 200
Фирдоуси 250
Фрейденберг О.М. 221
Халанский М. Г. 233
Халлур Магнуссон 141
Хойслер А. 8, 225, 244–246
Циркин Ю.Б. 225
Чехонадская Н. 242, 243
Чупров Ф. А. 226
Эдуард I Длинноногий 200
Эйстейн Асгримссон 141, 142
Яков V, король Шотландии (1512–1542) 206
Яков IV, король Шотландии (1473–1513) 193, 206
Ярхо Б.И. 71–74, 155, 156, 158–163, 168, 183–186, 237, 244
- Aitken A.J. 251
Almqvist B. 139
Andersen P.S. 123
Andersson Th.M. 164, 232, 245
- Baesecke G. 251
Bagge S. 240
Batts M.S. 252
Bawcutt Pr. 246, 247
Bax M., Padmos T. 56, 58, 216, 235, 237
Ben Johnson 207
Bessinger J.B. 257
Björn K. Þórólfsson 251
Boor H. de. 231, 245
Bragi Halldórsson 253
Brook G. L. 245, 252
Bumke J. 245
Chadwick H.M. 85
Chadwick N.K. 85
Chambers R.W. 214
Ciklamini M. 230
Cleasby R. 245, 251
Clover C. J. 6, 57–59, 77, 214, 235, 240, 249
Clunies Ross M. 236
Craigie W. 251
Creed R. 257
Culley W.T. 251
Davidson H.R.E. 6, 81, 82, 218, 237, 238
Diodorus of Sicily 5, 6, 225
Dobbie E. van K. 250
Donaldson G. 253
Dronke U. 234, 256
Dumézil G. 60
Dunbar William 87, 193–203, 205–207, 246, 247
Dundes A. 218, 256
Egilsson Jón 141, 252
Einar Ól. Sveinsson 251
Elliot R.C. 218, 256
Elton W. 218, 256
Finnur Jónsson 241, 244
Fisher P. 256
Fox W. Sherwood 246

- Furnivall F.J. 251
 Glendinning R.J. 256
 Grégoire H. 243
 Guðbrandur Vigfússon 251
 Guðni Jónsson 232, 250–253
 Gumperz J.J. 256
 Halpert H. 52, 87, 105, 219, 256
 Halvorsen E.F. 231, 256
 Hamel M. 252
 Haraldur Bessason 256
 Harris J. 6, 256
 Herrmann P. 252
 Herzberg E. 252
 Heusler A. 225, 245, 246, 256
 Holtsmark A. 143, 256
 Huisinga J. 144, 256
 Jóhannes Halldórsson 252
 Jón Jóhannesson 251
 Jón Sigurðsson 252
 Kahle B. 252
 Kålund K. 253
 Keyser R. 252
 Kinsley J. 252
 Klaeber Fr. 250
 Knabe C. 252
 Koht H. 123, 256
 Kralik D. von. 245, 256
 Krapp G. Ph. 250
 Kratz D.M. 253
 Kuhn H. 251
 Laborde E.D. 234, 257
 Labov W. 218, 257
 Layamon 187, 202, 203, 247
 Le Roux de Lincy 253
 Leach J.W. 218, 256
 Leslie R.F. 252
 Levy C. 218, 257
 Lindow J. 255
 Lintzel M. 243, 257
 Lönnroth L. 6, 238, 257
 Lord A.B. 217, 257
 Louis-Jensen J. 240, 257
 Lyall R.J. 246, 257
 Mackenzie W.M. 252
 Magennis H. 235, 257
 Magerøy H. 250
 Magoun Fr.P. 42, 257
 Matras Chr. 251
 Meier J. 247, 251
 Mitthías Þórðarsson 251
 Montgomerie Alexander 251
 Munch P.A. 252
 Naumann H. 243, 257
 Neckel G. 244, 257
 Neilson G. 247, 257
 Norman F. 42, 253
 O'Súilleabháin S. 218, 219
 Oldfather C.H. 251
 Orlík J. 252
 Olsen M. 253
 Owen T. 219
 Özkök B. 218, 256
 Páll Eggert Ólason 251, 253
 Parks W. 6, 235, 257
 Pheifer J.D. 44, 257
 Pollington St. 235, 257
 Potter M.A. 227, 257
 Ræder H. 252
 Reuschel H. 231, 257
 Ross I.S. 193, 246, 258
 Saxo Grammaticus 6, 19, 23–26, 41,
 77, 81–83, 85, 97, 111, 144, 182,
 207–210, 212, 220, 231, 237, 239,
 258
 Schneider H. 244, 258
 Scragg D.G. 250
 See von Kl. 258
 Seelow H. 251
 Skelton John 206, 223
 Smyser H.M. 42, 257
 Sörensen P.M. 140, 248, 258
 Stephanus J.S. 237, 258

Stevenson G. 251
Stevenson J.A.C. 251
Storm G. 252
Story G.M. 52, 87, 105, 219, 256
Stroheker K.F. 243, 258
Ström F. 249, 258
Strömbäck D. 237, 258
Surles R.L. 42, 258
Taylor P.W. 216, 258
Vilhjalmur Finsen 251
Vries, Jan de 227, 243, 258
Wace, Robert 202, 247
Weibull L. 123, 258
Wieselgren P. 244, 245, 258
Wilson R.M. 247, 258
Winstedt E.O. 244, 258

Указатель произведений

- «Антар» 13
«Беовульф» – Beowulf 6, 41, 42, 47, 91, 182, 183, 207–209, 214–216, 223, 231, 234, 235
«Битва при Мэлдоне» – The Battle of Maldon 41, 43–47, 52, 53, 181, 207, 209–211, 235
«Битва при Финнсбурге» – The Fight at Finnsburg 43
«Битерольф и Дитлип» – Biterolf und Dietleip 228, 233
«Большая Песнь о Сигурде» – Sigurðarkviða in meiri 149, 153, 157, 244, 245
«Брут» Васа – Wace's Brut 202, 247
«Брут» Лаямона – Layamon's Brut 187, 202, 252
«Былины Мезени» 15, 226, 232
«Былины Печоры» 18, 34–39, 226, 227, 232
«Вальдере» – Waldere 41, 44, 46, 52, 53, 207, 209–211, 234, 253, 257
«Вальтарий мощный дланью» – Waltarius manu fortis 42, 43, 234
«Вартбургская война» 223
«Видсид» – Widsið 231
«Война с готами» Прокопия из Кесарии 182, 223
«Вторая Песнь о Гудрун» – Guðrúnarkviða II 151, 161, 163
«Вторая Песнь о Хельги Убийце Хундинга» – Helgakviða Hundingsbana II 69, 70–72, 77, 207, 231
«Гнилая кожа» – Morkinskinna 53, 54, 123, 130–137, 182, 208, 209, 215, 225, 240, 241
«Гномические стихи» – Maxims 5
«Дарования людские» – The Fortunes of Men 6
«Деяния датчан» Саксона Грамматика – Saxonis Gesta Danorum 6, 19, 23, 77–80, 82, 83, 144, 182, 207, 237
«Деяния понтификов» или «Деяния английских епископов» Уильяма Мальмсберийского – Gesta Pontificum Anglorum 202
«Драпа о Рагнаре» Браги Боддасона – Ragnarsdrápa 231
«Древняя Песнь о Сигурде» – Sigurðarkviða in forna 149, 157, 245
«Епископские анналы» Йоуна Эгильссона – Biskupa-annalar Jóns Egilssonar 141, 252

- «Закливание Гроа» – Grógaldr 237
«Законы Гулатинга» – Gulaþingslög 74, 75
«Законы Фростатинга» – Frostuþingslög 75
«Илиада» 217
«Илья Муромец и Сокольник» 14–18, 32–41, 226
«История лангобардов» Павла Диакона 224
«История королей Британии» Галльфрида Монмутского 187
«Кентерберийские рассказы» Чосера 223
«Книга Хаука» – Hauksbók 138
«Краткая Песнь о Сигурде» – Sigurðarkviða in skamma 149–151, 163, 168, 170
«Круг Земной» Снорри Стурлусона – Heimskringla Snorra Sturlusonar 123, 126, 130–133, 135–137, 182, 208, 225, 240, 241
«Лилия» Эйстейна Асгримссона 141
«Личный спор» – Sjalfdeilur Халлура Магнуссона 141
«Махабхарата» 217
«Младшая Песнь о Хильдебранде» – Das Jüngere Hildebrandslied 19, 27, 29, 32–36, 38–40, 231
«Младшая Эдда» 58, 59, 78, 82, 94, 145, 149, 154, 155, 157, 159–161, 163, 166, 169, 178, 181, 183–186, 211, 223, 225, 231, 235–238, 244, 245
«Одиссея» 217, 235
«О происхождении германцев и местоположении Германии» Корнелия Тацита 249
«Ортнит» 228, 233
«Ответ на королевскую перебранку» Дейвида Линдсея 201
«Отрывок Песни о Сигурде» – Brot af Sigurðarkviðu 1749–151, 162, 163, 168
«Отрывок саги о древних конунгах» – Sögubrot af fornkonungum 248
«Первая Песнь о Хельги Убийце Хундинга» – Helgakviða Hundingsbana I 44, 69–72, 74, 111, 139, 140, 181, 207, 209–215, 231
«Перебранка Данбара и Кеннеди» – The Flyting of Dunbar and Kennedie 193, 202, 207, 221
«Перебранка Локи» – Lokasenna 53, 54, 60–69, 77, 112, 115, 119, 182, 183, 207–211, 213, 215–217, 222, 225, 235, 237
«Перебранка Монтгомери и Полварта» – The Flyting of Montgomerie and Polwart 202, 206
«Песни» Киреевского 233
«Первая Песнь о Гудрун» – Guðrúnarkviða I 150, 151
«Песнь о Брюнхильд» – Brynhildar táttur 167
«Песнь о Нибелунгах» – Das Niebelungenlied 19, 43, 144, 145, 149, 151, 163, 164, 166, 169–181, 183–185, 211, 212, 223, 241–246, 248
«Песнь о Риге» – Rígsþula 5
«Песнь о снах» – Traumlied 152

- «Песнь о соколе» – Falkenlied 152
«Песнь о Снъельве» – Snjólv kvæði 19, 26, 231
«Песнь о старом Хильдебранте» – Das Lied vom alten Hildebrandt 19
«Песнь о Трюме» – Þrymskvíða 60
«Песнь о Харбарде» – Hárbardsljóð 54, 55, 60, 69, 77, 181, 207, 211–213, 235, 237
«Песнь о Хельги сыне Хьёрварда» – Helgakvíða Hjörvarðssonar 44, 69, 70, 94, 144, 182, 207, 209, 211–213, 216
«Песнь о Хильдебранде» – Hildebrandslied 6, 8, 10, 16–19, 26, 27, 29, 33, 35–38, 44, 46, 52, 53, 97, 207–210, 212, 213, 217, 225
«Песнь о Хюмире» – Hymiskvíða 225
«Песнь о Хюндле» – Hynndluljóð 225, 231
«Песнь об Атли» – Atlakvíða in grœnlenska 44, 151, 225
«Пир Брикрена» 217, 241–244
«Повесть о кабане Мак Дато» 217
«Подстрекательство Гудрун» – Guðrúnarhvöt 163, 225
«Поездка Брюнхильд в Хель» – Helreið Brynhildar 145, 150, 168, 180–182, 244
«Поездка Скирнира» – Skírnismál (см. также «Речи Скирнира») 67, 144, 216
«Предсмертная Песнь Хильдибранда» 19, 20, 22, 23, 26, 27
«Прорицание вельвы» – Völuspá 139, 241
«Пророчество Грипира» – Grípisspá 168
«Против Дандаса» Джона Скелтона – «Against Dundas» 204
«Прядь о гренландцах» – Grœnlendinga þáttur 225
«Прядь о епископе Ислейве сыне Гищура» – Þáttur Ísleifs biskups Gizurarsonar 252, 253
«Прядь о Норна-Гесте» – Nornagests þáttur 231
«Прядь о Пивном Капюшоне» – Ölkofra þáttur 109–113, 116, 119, 208, 209, 212, 214, 215, 239
«Прядь о Торвальде Бывалом» – Þorvalds þáttur víðförla 138–140
«Речи Высокого» – Hávamál 225
«Речи Регина» – Reginsmál 244, 245
«Речи Скирнира» – Skírnismál (см. также «Поездка Скирнира») 67, 144, 216
«Речи Фафнира» – Fáfnismál 244
«Речи Фьельсвинна» – Fjölsvinnsmál 237
«Речи Хамдира» – Hamðismál in fornu 163
«Роман о Бруте» Васа 187
«Руодлиб» – Ruodlieb 234, 253
«Рустам и Сухраб» 13–15, 227, 228, 250
«Сага о битве на пустоши» – Heiðarvíga saga 225
«Сага о Вельсунгах» – Völsunga saga 70–74, 145, 149, 152, 153, 155–157, 159, 161–166, 168–170, 178, 179, 181–186, 208, 210, 211, 223, 231, 232, 237, 244, 245

- «Сага о Гисли» – Gísla saga Súrssonar 142, 143
«Сага о Гриме Бородатом» – Gríms saga loðinkinna 90–92, 94, 97, 144, 182, 208–210, 229, 238
«Сага о Гудмунде» – Guðmundar saga dýra 238
«Сага о Гуннлауге Змеином Языке» – Gunnlaugs saga ormstunga 225
«Сага о Кетиле Лососе» – Ketils saga hængs 87–91, 97, 208, 229, 238
«Сага о крещении» – Kristnisaga 138–140
«Сага о людях с Кьяларнеса» – Kjalnesinga saga 229, 230
«Сага о людях из Лососьей Долины» – Laxdæla saga 145
«Сага о людях из Озерной долины» – Vatnsdœla saga 111, 239
«Сага о людях из Флой» – Flóamanna saga 54, 106, 107, 225, 238
«Сага о людях с Песчаного Берега» – Eyrbyggja saga 54, 106–108, 210–212, 225, 238
«Сага о Ньяле» – Njáls saga 109, 116–122, 145, 146, 178, 182, 208, 210–216, 225, 240
«Сага о Сверрире» – Sverris saga 123–126, 208, 240
«Сага о Сигурде Крестоносце» – Sigurðarsaga Jórsalafara 225, 240
«Сага о Скъёльдунгах» – Skjöldunga saga 248
«Сага о союзниках» – Bandamanna saga 109, 112–116, 119, 208, 212, 214–216, 240
«Сага о Стурлунгах» – Sturlunga saga 122, 123, 238
«Сага о сыновьях Магнуса Голоногого» – Magnússona saga 53, 54, 123, 126, 127, 129, 137, 181, 208, 209, 215, 216, 220, 225, 240
«Сага о Тидреке» – Þiðreks Saga af Bern 10, 32–41, 145, 149, 163–169, 178, 179, 182–186, 208, 211, 223, 231–234, 245
«Сага о Торгильсе и Хавлиди» – Þorgils saga ok Hafliða 122, 123, 240
«Сага о Фриттьофе» – Friðþjófs saga ins frækna 241
«Сага о Хальве и воинах Хальва» – Hálf saga ok Hálfrekka 97, 98, 208, 232, 239
«Сага о Харальде Серая Шкура» – Haralds saga Gráfeldar 137, 225
«Сага о Хервёр и Хейдреке Конунге» – Hervarar saga ok Heiðreks konungs 241
«Сага о Хитром Рэве» – Króka-Refs saga 76
«Сага о Храфнкеле» – Hrafnkels saga Freysgoða 75
«Сага о Хьялмтере и Алвире» – Hjálmpés saga ok Ölvis 55, 93–100, 144, 182, 208–210, 214, 215, 238
«Сага об Ане Лучнике» – Áns saga bogsveigis 229, 230
«Сага об Асмунде Убийце Воителей» – Ásmundarsaga Kappabana 19, 20, 22, 23, 25, 26, 230, 247
«Сага об Инглингах» – Ynglinga saga 76, 230, 231
«Сага об Одде Стреле» – Örvar-Odds saga 90, 100–105, 208, 209, 211, 213, 214, 215, 220, 229, 238

- «Сага об Олаве Святом» – Óláfs saga Helga 126, 137, 240
«Сага об оркнейцах» – Orkneyinga saga 225, 241
«Сага об Эгиле» – Egils saga 20, 106–109, 111, 210, 211, 238–240
«Сватовство к Эмер» 232
«Серый Гусь» – Grágás 75, 239
«Смерть Артура» – Morte Arthure 186, 192, 193, 221, 222, 246
«Смерть единственного сына Айфе» 232
«Сова и соловей» 223
«Старшая Эдда» 6, 7, 42, 54, 69, 76, 77, 85, 97, 100, 105, 107, 112, 149, 150, 152, 155, 157, 168, 170, 181, 220, 222, 223, 225, 226, 243
«Трактат о двух замужних женщинах и о вдове» (The Tretis of the Tua Mariit Wemen and the Wedo) Уильяма Данбара 221
«Тщеславие» – Vainglory 6
«Хаустлэнг» Тьодольва из Хвинира – Haustlöng (Þjóðólfr ór Hvinir) 231
«Хэйке моногатари» 217
«Шах-Наме» 13–15, 227, 228, 250
«Язык поэзии», третья часть «Младшей Эдды» Снорри Стурлусона – Skáldskaparmál 82, 94, 154, 225, 237, 238
- Against Dundas – «Против Дандаса» Джона Скелтона 204
Áns saga bogsveigis – «Сага об Ане Лучнике» 229, 230
Ásmundarsaga Kappabana – «Сага об Асмунде Убийце Воителей» 19, 20, 22, 23, 25, 26, 230, 247
Atlakviða in grœnlenska – «Песнь об Атли» 44, 151, 225
Bandamanna saga – «Сага о союзниках» 109, 112–116, 119, 208, 212, 214–216, 240
The Battle of Maldon – «Битва при Мэлдоне» 41, 43–47, 52, 53, 181, 207, 209–211, 235
Beowulf – «Беовульф» 6, 41, 42, 47, 91, 182, 183, 207–209, 214–216, 223, 231, 234, 235
Biskupa-annalar Jóns Egilssonar – «Епископские анналы» Йоуна Эгильссона 141, 252
Biterolf und Dietleip – «Битерольф и Дитлип» 228, 233
Brot af Sigurðarkviðu – «Отрывок Песни о Сигурде» 149–151, 162, 163, 168
Brynhildar táttur – «Песнь о Брюнхильд» 167
Saxton Eneydos – перевод «Энеиды» Уильяма Кэкстона 247
Edda Snorra Sturlusonar – «Младшая Эдда» 58, 59, 78, 82, 94, 145, 149, 154, 155, 157, 159–161, 163, 166, 169, 178, 181, 183–186, 211, 223, 225, 231, 235–238, 244, 245
Egils saga – «Сага об Эгиле» 20, 106–109, 111, 210, 211, 238–240

- Eyrbyggja saga – «Сага о людях с Песчаного Берега» 54, 106–108, 210, 210–212, 225, 238–240
- Fáfnismál – «Речи Фафнира» 244
- The Fight at Finnsburg – «Битва при Финнсбурге» 43
- Fjölsvinnsmál – «Речи Фьёльсвинна» 237
- Flóamanna saga – «Сага о людях из Флои» 54, 106, 107, 225, 238
- The Flyting of Dunbar and Kennedie – «Перебранка Данбара и Кеннеди» 193, 202, 207, 221
- The Flyting of Montgomerie and Polwart – «Перебранка Монтгомери и Полварта» 202, 206
- The Fortunes of Men – «Дарования людские» 6
- Gesta Pontificum Anglorum – «Деяния понтификов» или «Деяния английских епископов» Уильяма Мальмсберийского 202
- Gísla saga Súrssonar – «Сага о Гисли» 142, 143
- Grágás – «Серый Гусь» 75, 239
- Gríms saga loðinkinna – «Сага о Гриме Бородатом» 90–92, 94, 97, 144, 182, 208–210, 229, 238
- Grípisspá – «Пророчество Грипира» 168
- Grógaldr – «Закливание Гроа» 237
- Grœnlendinga þáttur – «Прядь о гренландцах» 225
- Guðmundar saga dýra – «Сага о Гудмунде» 238
- Gunnlaugs saga ormstunga – «Сага о Гуннлауге Змеином Языке» 225
- Hálfs saga ok Hálfsrekka – «Сага о Хальве и воинах Хальва» 97, 98, 208, 232, 239
- Hamðismál in fornu – «Речи Хамдира» 163
- Hárbarðsljóð – «Песнь о Харбарде» 54, 55, 60, 69, 77, 181, 207, 211–213, 235, 237
- Haralds saga Gráfeldar – «Сага о Харальде Серая Шкура» 137, 225
- Hávamál – «Речи Высокого» 225
- Heimskringla Snorra Sturlusonar – «Круг Земной» Снорри Стурлусона 123, 126, 130–133, 135–137, 182, 208, 225, 240, 241
- Heiðarvíga saga – «Сага о битве на пустоши» 225
- Helgakviða Hjörvarðssonar – «Песнь о Хельги сыне Хьёрварда» 44, 69, 70, 94, 144, 182, 207, 209, 211–213, 216
- Helgakviða Hundingsbana I – «Первая Песнь о Хельги Убийце Хундинга» 44, 69–72, 74, 111, 139, 140, 181, 207, 209–215, 231
- Helgakviða Hundingsbana II – «Вторая Песнь о Хельги Убийце Хундинга» 69–72, 77, 207, 231
- Hervarar saga ok Heiðreks konungs – «Сага о Хервёре и Хейдреке Конунге» 241
- Das Hildebrandslied – «Песнь о Хильдебранде» 6, 8, 10, 16–19, 26, 27, 29, 33, 35–38, 44, 46, 52, 53, 97, 207–210, 212, 213, 217, 225

- Hjálmþés saga ok Ölvis – «Сага о Хьялмтере и Алвире» 55, 93–100, 144, 182, 208–210, 214, 215, 238
- Hrafnkels saga Freysgoða – «Сага о Храфнкеле» 75
- Hymiskviða – «Песнь о Хюмире» 225
- Hyndluljóð – «Песнь о Хюндле» 225, 231
- Das Jüngere Hildebrandslied – «Младшая Песнь о Хильдебранде» 19, 27, 29, 32–36, 38–40, 231
- Ketils saga hængs – «Сага о Кетиле Лососе» 87–91, 97, 208, 229, 238
- Kjalnesinga saga – «Сага о людях с Кьяларнеса» 229, 230
- Kristnisaga – «Сага о крещении» 138–140
- Króka-Refs saga – «Сага о Хитром Рэве» 76
- Laxdæla saga – «Сага о людях из Лососьей Долины» 145
- Layamon's Brut – «Брут» Лаямона 187, 202, 252
- Das Lied vom alten Hildebrandt – «Песнь о старом Хильдебранте» 19
- Lokasenna – «Перебранка Локи» 53, 54, 60–69, 77, 112, 115, 119, 182, 183, 207–211, 213, 215–217, 222, 225, 235, 237
- Magnússona saga – «Сага о сыновьях Магнуса Голоногого» 53, 54, 123, 126, 127, 129, 137, 181, 208, 209, 215, 216, 220, 225, 240
- Maxims – «Гномические стихи» 5
- Morkinskinna – «Гнилая кожа» 53, 54, 123, 130–137, 182, 208, 209, 215, 225, 240, 241
- Morte Arthure – «Смерть Артура» 186, 192, 193, 221, 222, 246
- Nibelungenlied – «Песнь об Нибелунгах» 19, 43, 144, 145, 149, 151, 163, 164, 166, 169–181, 183–185, 211, 212, 223, 241–246, 248
- Njáls saga – «Сага о Ньяле» 109, 116–122, 145, 146, 178, 182, 208, 210–214, 215, 225, 240
- Nornagests þáttr – «Прядь о Норна-Гесте» 231
- Orkneyinga saga – «Сага об оркнейцах» 225, 241
- Poetaster (Ben Johnson) 207, 252
- Rágnarsdrápa – «Драпа о Рагнаре» 231
- Reginsmál – «Речи Регина» 244, 245
- Ruodlieb – «Руодлиб» 234, 253
- Saxonis Gesta Danorum – «Деяния датчан» Саксона Грамматика 6, 19, 23, 77, 78–80, 82, 83, 144, 182, 207, 237
- Sigurðarkviða in forna – «Древняя Песнь о Сигурде» 149, 157, 245
- Sigurðarkviða in meiri – «Большая Песнь о Сигурде» 149, 153, 157, 244, 245
- Sigurðarkviða in skamma – «Краткая Песнь о Сигурде» 149–151, 163, 168, 170
- Sigurðarsaga Jónsalafara – «Сага о Сигурде Крестоносце» 225, 240
- Sjalfdeilur – «Личный спор» Халлур Магнуссона 141
- Skáldskaparmál – «Язык поэзии», третья часть «Младшей Эдды» Снорри Стурлусона 82, 94, 154, 225, 231, 237, 238

- Skírnismál – «Речи Скирнира» (или «Поездка Скирнира») 67, 144, 216
- Skjöldunga saga – «Сага о Скъёльдунгах» 248
- Snjólv kvæði – «Песнь о Сньёльве» 19, 26, 231
- Sögubrot af fornkonungum – «Отрывок саги о древних конунгах» 248
- Sturlunga saga – «Сага о Стурлунгах» 122, 123, 238
- Sverris saga – «Сага о Сверрире» 123–126, 208, 240
- The Tretis of the Tua Mariit Wemen and the Wedo – «Трактат о двух замужних женщинах и о вдове» Уильяма Данбара 221
- Þátrr Ísleifs biskups Gizurarsonar – «Прядь о епископе Ислейве сыне Гицура» 252, 253
- Þátrr Þorvalds ens víðförla – «Прядь о Торвальде Бывалом» 138–140
- Þiðreks Saga af Bern – «Сага о Тидреке» 10, 32–41, 145, 149, 163–169, 178, 179, 182–186, 208, 211, 223, 231–234, 245
- Þorgils saga ok Hafliða – «Сага о Торгильсе и Хавлиди» 123, 240
- Þrymskvíða – «Песнь о Трюме» 60
- Vainglory – «Тщеславие» 6
- Vatnsdæla saga – «Сага о людях из Озерной долины» 111, 239
- Völsunga saga – «Сага о Вёльсунгах» 70–74, 145, 149, 152, 153, 155–157, 159, 161–166, 168–170, 178, 179, 181–186, 208, 210, 211, 223, 231, 232, 237, 244, 245
- Völuspá – «Прорицание вёльвы» 139, 241
- Wace's Brut – «Брут» Васа 202, 247
- Waldere – «Вальдере» 41, 44, 46, 52, 53, 207, 209–211, 234, 253, 257
- Waltarius manu fortis – «Вальтарий мощный дланью» 42, 43, 234
- Ynglinga saga – «Сага об Инглингах» 76, 230, 231
- Ölkofra þátrr – «Прядь о Пивном Капюшоне» 109–113, 116, 119, 208, 209, 212, 214, 215, 239
- Örvar-Odds saga – «Сага об Одде Стреле» 90, 100–105, 208, 209, 211, 213, 214, 215, 220, 229, 238

Summary

I.G. Matyushina

The Tradition of Flyting in Germanic Culture

Introduction

In archaic society battles were often preceded by single combat (as testified by Tacitus, Procopius, Paul the Deacon) which enabled the conflicting parties to determine the outcome without too much bloodshed. According to Diodorus of Sicily the combatants used to sing boastful songs about their own heroic feats and those of their ancestors, at the same time insulting the adversary with the aim of undermining his courage before the battle. Thus single combat before battle could be accompanied by boasts and insults, the main constituents of flyting. Diodorus describes another occupation important in heroic society, the feasts at which it was common to use an ordinary event or remark as the starting point for a weighty argument and summons to combat. The Old English poem *Vainglory* 40–44 describes a feasting man as proud, giving vent to false words, provoking quarrels, swollen with anger, spite, boastfulness, cruelty, deceit. Another Anglo-Saxon poem, *The Fates of Men* 51–57, also describes the traditional attributes of feasts as heavy drinking, leading to over-excitement with mead and inability to govern one's tongue reasonably, culminating in death.

Scenes of flyting similar to those described in the Anglo-Saxon poems and Diodorus occur in Germanic epic (*Hildebrandslied*, *Beowulf*, *Poetic Edda*), in Old Norse sagas, in Saxo's *Gesta Danorum*. The heroes insult and accuse each other and boast of their own valour. In Old Norse there are special terms used to describe various kinds of insulting speech acts: *senna* (flyting), *mannjafnaðr* (comparison of men), *niðr* (skaldic libel). While some scholars thought that the main distinction between these speech acts is purely formal (cf. *mannjafnaðr* constitutes "a somewhat more formalized version" of the *senna*, L. Lönnroth 1979, P. 97), others suggested that "we have not two classes but one, itself a distinct category which English scholarship long ago labelled a flyting" (C. Clover 1980, P. 445) and applied to any kind of denigrating speeches aimed at insulting the opponent. This functional approach would have been adequate if we had not possessed the testimony of laws prohibiting libellous composition under the strictest penalties. It is hard to imagine that speeches at feasts, however libellous they may seem, could have led to the penalties required by law. Moreover, terms designating insulting speeches are usually restricted to different genres: *mannjafnaðr* is usually limited to sagas and *senna* to epic verse, whereas *niðr* is used of skaldic verses.

In what follows we shall try not only to analyse the texts in which these terms occur but also to give the fullest possible comparative-typological description of all the kinds of flyting which occur in Medieval German, Anglo-Saxon and Old Norse traditions. This comparative analysis will enable us to decide whether we can agree with the common inclusion of all these speech acts within the general concept of flyting, or whether we shall have to single out different types of verbal combat in Germanic culture. We shall also try to specify the main features and functions of Germanic verbal combats in relation to other kinds of libel, to determine in what kind of texts they usually occur and to establish their relation to oral tradition.

Chapter 1 Old High German epic and Russian bylinas

The main text analysed in the first chapter is the fragment of the Old High German *Hildebrandslied*, the most archaic of the Germanic epic lays (in Heusler's terminology "doppelseitiges Ereignislied", Heusler A. 1902. S. 189–284). The flyting between father and son starts with questions aimed at establishing their identities. If there is an element of boast in their answers, it is very mild. The only insult is from the son, who disbelieves his opponent's claim to be his father and suspects him of treachery. This insult makes his adversary accept the challenge and turns the verbal combat into a physical one. The surviving fragment of *Hildebrandslied* does not include the end of the battle between Hildebrand and his son, but the outcome can be reconstructed on the basis of other texts. In the later variants of this plot, preserved in *Piðreks saga* and in German ballads written in the 16th century, the fight ends either with the victory of the father or with the reconciliation of father and son, who return to the deserted wife and mother.

The plot of nearly seventy variants of Russian bylinas concerns the battle of Ilya Murometz with a warrior who is threatening to capture Kiev. As in *Hildebrandslied*, Ilya's adversary in the bylinas proves in the course of the combat to be his son, who in most cases is called Sokolnik (from sokol – "falcon"; the son's name is motivated in the majority of the lays by the fact that the hero has a falcon sitting on his right hand). The actual combat is preceded by a flyting, which in turn is preceded by verbal and physical bouts with Ilya's hirthmen. After defeating all the warriors Sokolnik demands an encounter with Ilya himself. On seeing his father he calls him "an old dog" and threatens to cut off his head. Ilya replies in a similarly abusive style, telling his yet unrecognised son to stop boasting and calling him a "crow" and a "magpie". After the exchange of insults and threats the son achieves temporary victory over his father: Ilya stumbles and falls over, Sokolnik mounts himself on his father's breast and taunts him, calling him a "grey-haired old dog" and telling him that he should have stayed in his village looking after swine. At this direst moment of the battle Ilya says a prayer, remembers his good deeds and regains his strength. In some bylinas the Antheus-motive is introduced ("while lying on the earth Ilya gets three times his strength"). Ilya throws

his enemy to the ground, sits on him and demands his name. The son refuses to reply but continues to insult Ilya, calling him a “deceitful old dog” and saying that if he had been sitting on an enemy’s breast he would have killed him immediately without asking for his name. But Ilya insists and keeps demanding his enemy’s name and kin a second and third time, till the young warrior tells him the name of his mother. Ilya understands that he has been fighting with his own son and seeks reconciliation. He kisses his former enemy and tells him that he is in fact his own father. In most of the bylinas the narrative continues beyond the reconciliation. The son returns to his mother, kills her and then returns in order to take revenge on his father. He tries to inflict a treacherous blow on the sleeping father, but the latter wakes up and severely punishes the son. He throws him up into the sky and allows him to fall to the earth to die.

Apart from Russian bylinas and *Hildebrandslied* the battle of father and son is the main theme of several epic traditions, in nearly all of which the father kills his son before he recognises their kinship. Thus in Osetian epic Uryzmag kills the boy and only after that understands that it was his own son; in Persian epic Rustem deals a mortal blow and then recognises in the dying enemy his own son Sohrab; in Irish epic Cuchulainn kills his son Conlaoch and then regrets it; in Celtic legends Clezamore kills his son Carton and on the fourth day dies himself; the Estonian hero Kivvi-al presses with his knee against his son’s breast so hard that the son dies, then the father jumps from a high rock. If the son gains victory over the father, then they both die: thus in Kirgiz epic Saidilda defeats his father Gali and runs into an abyss to kill himself.

Parallels to this plot have been found in numerous epics – Odysseus and Telegonus, Armenian – David of Sassoon and Mger, Azerbaijanian – Korogly and Hassan-Bek as well as later literary works – German heroic poems and French romances, *lais* (cf. *Milun*, *Doon*). In most of these traditions there occur the same images and motives as in the Russian bylinas of Ilya and Sokolnik:

a deserted wife, usually of noble origin (Kirgiz epic tells us the story of the warrior-queen Dariga, Persian tells of Tehmineh, the only daughter of the King of Semengan, Celtic tells of Moina, daughter of Revtamir, Cuchulainn wins a warrior-queen Aoife through deceit and demands that she bears him a son, and in some variants of bylinas Ilya’s shield-maiden adversary is a queen of Zadonsk and her son from Ilya is called young prince Zbut or Boris or Peter from the realm of the North or the Golden Hoard;

an object which the father gives the wife to identify the child (Kivvi-al leaves a wolf’s tooth for his future son, Cuchulainn leaves Aoife a golden ring, Rustem gives Tehmineh an onyx to bind upon the arm of her son when he is born, and in bylinas Ilya leaves a cross if a boy is born and a precious ring if it is a girl);

the heroic childhood of the son, performing his first heroic feats at a very early age (at the age of seven Cuchulainn’s son Conlaoch defeats the strongest warriors of Ireland and then his father, at the age of fifteen David’s son Mger tears a lion, at the age of ten Sohrab is the strongest of all and nobody dares to fight him, in bylinas Sokolnik grows not in months but in hours, so that at seven he is like others are at seventeen and at twelve he goes to capture Kiev);

crossing the border (“warriors on watch”) – the heroes usually belong to different, sometimes adverse nations (in the Estonian epic father and son are the leaders of armies during the war between the Ests and the Finns; when Conlaoch, born in Scotland, arrives at Ulster to find his father, the best warriors are trying to prevent him from crossing the borders; Cleezamore of the Irs stays with the Brits, his son Carton goes to the war with the Irs, and they meet during the war; Rustem is in Zabulistan at the border of the country when Sohrab arrives in Iran; Russian north-western bylinas start with the description of the warriors on watch);

the unsuccessful journey of some warriors preceding the fight between father and son (arriving at his father’s home in Dundalk, Conlaoch fights with the warrior Conall; before fighting with Rustem Sohrab defeats the strongest Iranian warrior, Tus; in the Russian north-western bylinas Sokolnik has to deal with Alesha Popovich, then Dobrynya Nikitich and only after his first victories does he meet his father Ilya, who sees that there is “nobody to substitute” for him).

The culmination of the father-son fight is the flyting between the two adversaries. The son insults and mocks the father, referring especially to his old age and frailty: Carton calls Cleezamor “grey-haired warrior” and asks whether he has no one younger to send to battle, saying that he does not need luck to make the old man fall. Sohrab advises Rustem to give up fighting a young warrior, saying that he should not pretend to be younger than he really is. Sokolnik mocks Ilya’s grey hair.

The flyting is followed by the actual battle, in which the victory nearly always belongs to the father, sometimes after the temporary victory of the son. Thus the son of Kivvi-al wins over the father but takes mercy on him, then Kivvi-al takes his strength from the stone where he had put it earlier, returns to the battle, throws the son on the earth and crushes his breast with his knee. Conlaoch shaves his father’s hair with his sword, three times throws him to the earth and twice drowns him, but the father throws the spear, which he had received from Aoife, under the water and kills the boy. Rustem manages to win the battle only because he is dying of shame as Sohrab twice gained victory over his father. Rustem saves his own life through cunning, pretending that according to ancient laws of heroic conduct the adversary cannot be killed after the first victory. Sokolnik also first throws his father to the earth and Ilya manages to conquer his son only after his son’s temporary victory. In *Hildebrandslied* it is likely that the victory also belonged to the father.

The similarity of features between several epic traditions is likely to be accounted for by typology rather than genetics. Among these typological characteristics it is easy to discern features inherited from folklore: the battle with a warrior-queen, marriage with a princess, a magical token, a quest for a bride or for a father, heroic childhood.

The ubiquitous nature of the plot is most likely to be accounted for by the typological proximity of the epic traditions, which constitute the most archaic semantic layer of the oral tradition. The plot of the father-son battle can reflect the conflict between patriarchal and matriarchal society, in which the marriage is exogamic, matrilineal, matrilineal and temporary, and none of these characteristics meets with social

disapproval. If in a matriarchal society the child stays with the mother, whose husbands can change, in a patriarchal society the child born outside the laws of marriage is considered to be illegitimate. The epic traditions built round the plot of father-son battle are characterised by the features of matriarchal marriage (exogamic, matrilineal, matrilineal and temporary) but the illegitimate origin of the son stressed in Russian bylinas conflicts with the norms of patriarchy. Thus the plot of father-son battle could have originated in the transitional epoch. The son, inheriting the strength of both mother and father and thus turning out to be stronger than both of them, leaves the mother in search of the father, but sees him as an enemy of the mother's kin and thus tries to take revenge (as in north-eastern Russian bylinas) but is killed by the father.

The general model described above allows deviations in the main plot. Thus bylinas reflect the variant of the plot in which the father does not know that he is fighting with his own son, whereas in the *Hildebrandslied* the father knows the son's identity and is trying to avoid the battle. Moreover in the *Hildebrandslied* we do not find all the motives and images characteristic of the plot. Although the motive of crossing the border and the image of the deserted wife are present, we are not told anything about the heroic childhood of the son, nor about the token left by the father for the son, nor about other warriors fighting with the son before the father, nor about attempts to intimidate the father. As far as we can judge on the basis of the fragment that has come down to us, *Hildebrandslied* reflects the most archaic variant of the plot of the father-son battle.

The tragic fate of Hildebrand is reflected in several other German and Scandinavian texts, whose similarity with Russian bylinas cannot always be accounted for typologically. Usually the battle between father and son is connected with the cycle of Dietrich of Bern (Theodoric the Great) in which Hildebrand is shown in charge of Dietrich's retainers.

In Scandinavia, Hildebrand becomes the hero of *Ásmundarsaga Kappabana*, in which he fights not his son but his half-brother. Prior to the fight of the two half-brothers the younger brother kills all the 44 warriors of the older brother. When Hildebrand gets to know of the death of his warriors he becomes as furious as a berserk (Ok er Hildibrandr frá þetta, at kappar hans váru drepnir, þá kom á hann berserksgangr, ch. 9). In describing Hildebrand's rage the compiler of the saga adds an inadequately motivated phrase about the killing of the son: "and in this fury that rose in him, he set off on his way and then saw his son and immediately killed him" (En í vanstilli þessu, er á honum var ok hann var á ferðina kominn, þá sá hann son sinn ok drap hann þegar, ch. 9). It is possible that this phrase was added by the compiler of the saga to motivate the lines about the murder of the son by the father in the poetic *Hildebrand's Death-Song*, in which it is mentioned. In his *Death-song* Hildebrand describes his broken shield on which eight score men he had killed are enumerated, and he adds "there lies my beloved son at the head, my descendant whom I have born and unwittingly deprived of life". *Hildebrand's Death-Song* could initially have constituted part of a flyting as it contains threat ("one is born for the murder of the other") and boast ("eight score men I have killed"). Hildebrand's adversary, Asmund, also performs a poem in which he boasts that before he met

Hildebrand in battle, disir promised him victory over all enemies, and he conquered first one, then two, four and lastly eight warriors. After that the grey-haired Hildebrand, champion of the Huns (inn hári Hiltibrandr Húnakappi), appeared, and Asmund had to start fighting this much stronger enemy, but he succeeded in inflicting dire wounds and gained the victory promised by disir. The poetic speech of Asmundr, full of boasts, could also have belonged to part of the initial, unpreserved flyting.

Hildebrand's Death-Song is also preserved in the Latin rendering of Saxo Grammaticus, where the same fratricidal story is told, though the names of the characters are changed (instead of Hildebrand we have Hildiger and his half-brother is called Halfdan). Although Saxo's poem is even further from Germanic flyting than the poetic insertions in *Ásmundarsaga Kappabana*, the killing of the son by the father is again preserved (as in *Hildebrand's Death-Song*) in connection with the hero's shield: "In the middle stands a likeness of my son, the relief beautifully adorned, whose course of life this hand brought to its end. He was my only heir, the only care on his father's soul, given from Above to the joy of his mother". Not only is the motive of filicide mentioned, but also the sorrow of the father and even of the mother, whose image is usually present in other traditions centred round the battle of the father and son, but who is never mentioned in the prose texts of Saxo Grammaticus or the saga of Asmund. In contrast with the saga, where Hildibrand's son is killed by the father just before the fight between the two brothers, the poetic rendering by Saxo Grammaticus, describing the image of the murdered son on the shield, permits us to suggest that this filicide took place long before the battle of the two brothers. Hildiger, like Hildibrand, mourns the killing of his son but boasts about "the wondrous deed of his right hand", leaving princes killed and victorious champions lying low. This boast is the only memory of flyting preserved in the rendering of Saxo Grammaticus.

Gesta Danorum shares common motives and images with *Ásmundarsaga*: two swords inherited from the mother's kin, a weak king unable to rule adequately, the plot of a battle between the two brothers united with the motive of bridal quest. Both have poetic versions of the hero's death-song, undoubtedly going back to the same source, and both poetic texts mention the filicidal motive, though in the prose text accompanying the verse there is no mention of the son. This similarity shows the stability of the tradition, which has retained the plot of the combat between the two blood-relatives as well as fragments of the flyting accompanying the fight.

In the reconstruction of the plot of the combat between father and son and the flyting between them, another text is used, the Faroese ballad *Snjólvs kvæði*. This ballad, which is supposedly based on a more ancient tradition than the saga, sheds light on the relation between the Scandinavian and the German traditions. In the ballad the same characters are present as in the saga, but as in the German tradition the plot centres round the battle of father and son, not round the two brothers as in the Scandinavian texts (*Ásmundarsaga* and *Gesta Danorum*). It is likely that the plot of the father-son battle is more archaic than the fratricidal combat, as it occurs in more numerous and more ancient texts. The fragment of the Old High German *Hildebrandslied* undoubtedly

reflects the most archaic version of the plot. It is from this archaic version that other poetic texts could have borrowed individual expressions like *inn svási sonr* in *Hildebrand's Death-Song* (cf. *suasat chund* in the Old High German *Hildebrandslied*). Initially the filicidal motif must have been present only in poetic texts: in the Old High German *Hildebrandslied*, the Faroese ballad and in *Hildebrand's Death-Song*, which goes back to a more ancient tradition than the prose context in which it occurs. In the prose of the saga the mention of the father killing his son must have been added later to motivate the poetic stanza relating this event.

Late Medieval German renderings such as *Das Jüngere Hildebrandslied* return to the archaic variant of the plot, where the father and the son exchange first insults and threats and then blows. After the temporary victory of the son, the father accuses him of learning from a woman to deal a treacherous blow, defeats him and then demands answers to his questions about his name and kin. Having understood that he was fighting with his own son, the father greets him and returns with him to his wife (mother of the son).

As in the archaic versions of the plot, the fight in the Scandinavian *Þiðreks Saga af Bern* (ch. 406–408) finishes with the father's victory and his reconciliation with the son. The narrative in the saga (as in Russian north-west bylinas about the fight of Ilya and Sokolnik) begins with the dialogue of the father with his ally who is glorifying the might of the son and trying to prevent the father from fighting with the son. Other scenes constituting the plot of the fight of the father and son in *Þiðreks Saga* bear even greater resemblance to the Russian bylinas. In both to increase suspense the description of the fight is delayed by the prehistory and intimidation of the father. In the bylinas Dobrynya Nikitich tries to frighten Ilya by describing Sokolnik's extraordinary, unheard-of valour; in *Þiðreks Saga* Konrad intimidates Hildibrand by describing Alibrand as having no equal in fighting. The prehistory is present in other narratives of the father-son battle, except the Old *Hildebrandslied* which starts in medias res. However it is only in bylinas and in *Þiðreks Saga* that the intimidation of the father is given in more detail and with greater significance; only in these two is the father threatened with death by the son and reminded of his own old age and frailty, the age of the two opponents contrasted, and the son described as having no equal.

The description of the son is used as another means of enhancing the perilousness of the fight in both the bylinas and *Þiðreks Saga*, whereas in other texts the description is not given (the only exception being the mention of rich armour in the Older *Hildebrandslied* 36–37, and Younger *Hildebrandslied* 6). In the bylinas and *Þiðreks Saga* the description is given in a similar way and its details coincide: the son is riding a white horse; he is accompanied by dogs; on his arm (in *Þiðreks Saga* his right, in bylinas his left) there is a falcon.

The actual fight is accompanied by the flyting in the bylinas and in all Germanic variants of the plot. In the bylinas it takes place during the fight, whereas in the Germanic variants it precedes the fight. In the *Old Hildebrandslied* the son gives answers to the father; in all other texts he refuses to reply to the father. In the *Old Hildebrand-*

slied as in the bylinas it is the father who asks questions, but in the *Young Hildebrandslied* and in *Piðreks Saga* the first questions are asked by the son, and this in itself is perceived by the father as an additional insult. It is not surprising that he replies to the son with threats (in the saga) and mockery (in the *Younger Hildebrandslied*).

In the bylinas and in *Piðreks Saga* the rules of verbal duelling are observed only formally: the second round (question and answer) adds little to the first, both containing questions about the name of the opponent and refusal to give this information. In the saga the third round contains a question which is functionally equivalent to Ilya's third question: in both one of the opponents is asking about the kin of the other. An additional similarity consists in that in both bylina and saga only the son inflicts insults.

In all texts the verbal combat is followed by the physical one. In no Germanic texts, except *Piðreks Saga*, do we find the motive of a treacherous blow inflicted by the son on the father. This motive plays the most significant role in the Russian bylinas: it is after the treacherous blow of the son that the father radically changes his attitude to his adversary, and in the majority of the bylina variants he relentlessly murders him. A prefiguration of this motive is embryonically present in the *Old Hildebrandslied*. However here (in contrast with both the saga and the bylina, where the victim of treachery is the father) it is the son who shows suspicion: Hadubrand expects his father Hildebrand to present him with the ring with the intention of killing him when he stretches out his hand to take it. In *Piðreks Saga* the father thinks that it was a woman who taught the son to inflict the treacherous blow. In the *Young Hildebrandslied* the son also inflicts a blow on the father which frightens him so much that he jumps away and exclaims that it must have been a woman who taught him to hit this blow, but the mention of the woman remains unclear and unmotivated. We can only guess that this woman could have been the mother of the young warrior who had been deserted by his father and was therefore seeking revenge (cf. in the Celtic tradition of the father-son battle the role of revenger is given to the woman-warrior Aife who teaches Conlah, her son from Chuchulain, all warriors' tricks and sends him to Ireland to seek his father). It is the Russian bylinas, however, which preserve the richest material concerning the circumstances of the meeting of the two parents, the history of the mother of the young warrior (who used to be an invincible shield-maiden but was overcome by the father, impregnated by him and deserted), and the childhood and youth of the young fatherless boy who was mocked by his peers for not knowing his father.

In the bylinas and in *Piðreks Saga* the temporary victory gained by the son is followed by the final victory of the father, which is described in a similar way: the father collects his strength, throws his son to the ground, sits on his breast and asks his questions about the son's name, the last time threatening to kill him if he refuses to answer. The outcome of the fight is also described in very similar terms: the son stops concealing his name and acknowledges that he was fighting with his father. The reaction of the father to the son's confession is also identical in the bylinas and in *Piðreks Saga*: the father expresses joy at recognising his son, lifts him from the ground and kisses him.

The reconciliation scene differs in details: in the saga it is much more laconic, in the bylinas the father gives emotional exclamations of joy, and in the *Younger Hildebrandslied* the son repents of the wounds he has given to the father. In *Piðreks Saga* and in the *Younger Hildebrandslied* the father and the son go to the mother together; in the bylinas Sokolnik goes to his mother alone, and she, as in *Piðreks Saga*, greets him, expressing sympathy at his defeat.

Thus in the Russian bylinas of Ilya Murometz and Sokolnik and in *Piðreks Saga*, reflecting the Germanic legend based on the plot of the fight between the father and the son, we find not only shared images and motives (deserted wife, crossing of the well-guarded heroic boundary, flyting, temporary victory of the son) but also resemblance in details: the ally threatens death to the father from his son, the ages of the opponents are contrasted, the son is described as having no equals, a falcon is sitting on the son's hand, he is riding on a white horse accompanied by dogs, the father does not seek peace with the son but chooses to fight with him, the son inflicts a treacherous blow on the father. Coincidences in details and verbal parallels are too numerous here to be without significance. There are parallels in the bylinas even to the peaceful ending of the fight when the father does not kill the son but reconciles with him (cf. the Pechora and Mesen variants). However the reconciliation motive must have been later whereas the tragic ending with the father killing the son must have been the original.

The similarity of *Piðreks Saga* to the bylinas can be accounted for by their origin (the former being based, as is said in its prologue, on oral German sources, ancient lays and tales of the German people). Among these "ancient lays" could have been a lay of the battle of father and son. The creator of *Piðreks Saga* knew the name of Ilyas which he connected with the King of Russia Valdimar. Saxo Grammaticus also connects the battle of the two brothers with Russia where one of them departs to defend Ruthenians (Slavonic tribes). In order to account for the similarity of *Piðreks Saga* and bylinas it is not enough to rely on typology. The structural and semantic similarity of different epic traditions does not always have a typological explanation. Although the plots of heroic epic usually appear as a result of cultural diffusion (the plot of battle between father and son being a wandering plot par excellence), in some unique cases we can admit the possibility of a cultural borrowing. We have to assume that in some cases genetic proximity could have been added to the typological similarity. At least in the case of Russian bylinas and *Piðreks Saga* it is hard not to posit the existence of a single source for both the battle of blows and the battle of words.

Chapter 2 Anglo-Saxon Poetry

The chapter is devoted to the examples of flyting found in the Old English heroic epic poems *Beowulf* (239–319, 449–610), *The Battle of Maldon* (239–319) and the second fragment of *Waldere* (11–31).

One of the earliest examples of flyting is contained in the fragments of the epic poem *Waldere*. The poem is based on the Germanic legend about an Ostrogothic ruler, Walter of Aquitaine, which must have existed in oral tradition before it became fixed in writing in several literary texts: Old Norse (*Þidreks Saga*), Latin (*Waltharius manu fortis*), Italian (*Chronicon Novaliciense*), German-Austrian (*Nibelungenlied*, *Graz fragment*, two *Vienna Fragments*, *Biterolf und Dietleip*, *Rosengarten*, *Alpharts Tod*, *Dietrichs Flucht*, *Rabenschlacht*) and Polish (*Wielkopolska Kronika*). The flyting of the heroes is contained in the second of the two surviving fragments of the Anglo-Saxon poem and could have been part of the dialogue preceding the battle. *Waldere*, as in all other sources preserving variants of the legend of Walter of Aquitaine, is not attacking but defending himself and his bride. In the Anglo-Saxon poem he says he is “tired of battle” (heaðuwerigean, 17), implying that he has already defeated all his enemies; in *Þidreks Saga* it is also mentioned that Valtari is badly wounded. It is likely that this dialogue between the two enemies observes all the rules of traditional Germanic flyting. The flyting takes place on the battlefield, as in the *Hildebrandslied*, the *Battle of Maldon*, Eddic *Helgakviða Hjörvarðssonar*, *Helgakviða Hundingsbana I*. The introduction of the combatants is also to be found: wine Burgenda is referred to Guðhere, which reminds us of the Eddic *Atlakviða*, where Gunnar is also called vin Borgunda (18, 3). The use of these terms of address makes it possible to suggest that *Waldere* reflects the earlier version of the legend of the destruction of the Burgundian realm, more closely related to history than the *Waltharius* and *Chronicon Novaliciense*, where Guntharius is the King of Franks. Guðhere could have been the leader of the group of warriors sent by the Hunnish king Attila to capture the fugitives and the treasures. If this view is accepted, we have to agree that in the Anglo-Saxon poem, as in *Þidreks Saga*, where the main enemies of the hero are the Huns (not the Franks as in the Latin poem), the most archaic variant of the Valtari legend acquires fixed written form.

The formal similarity of *Waldere* to *Waltharius* is limited to the words of the main hero addressed to his adversary (Hagano in *Waltharius* and Guðhere in *Waldere*) and the mentioning of his two swords, one of which is called in the Anglo-Saxon poem *Welandes geworc*, 2 (this alliterative collocation must have been borrowed by the Latin poem which uses the word-combination *Wielandia fabrica*, 965; cf. also *Welandes geweorc*, 455 in *Beowulf*). On the other hand there are numerous discrepancies between the two texts, both in the way they portray characters and in details. Thus in *Waldere* and in *Þidreks Saga* only one battle is mentioned and it lasts for one day (in the saga night falls before the battle is ended). In *Waltharius* there are two battles, the second with Gundharius and Hagano against Waltharius taking place the day after the first. The difference in images is not only limited to Hildegýð (cf. Hild) but also involves the character of the King of the Burgundians (the Franks in *Waltharius*); in *Waldere* Guðhere is shown as a great man of valour in keeping with the Germanic tradition reflected for instance in the Eddic *Atlakviða* (cf. Gunnarr). Thus we may assume that the Anglo-Saxon and the Latin poem could have been independent renderings of the legend of Walter of Aquitaine.

Another example of flyting in Old English poetry is found in *The Battle of Maldon*. This is the flyting between the leader of the Anglo-Saxon army, Byrhtnoð, and the Viking messenger. The flyting takes place on the battlefield as Byrhtnoð is positioning his warriors before the fight, exhorting them and showing them their places. The two armies are separated by a water boundary (63–66). That is why the Viking messenger has to address the leader of the opposing army in a loud voice. He comes out onto the shore and offers Byrhtnoð to pay tribute rather than to fight (29–34). His words contain boast and threat: he implies that it would be better for the Anglo-Saxons to avoid the fight as the Vikings, whom he calls “bold seamen”, are superior to them. He has no doubt that his demand will be fulfilled and promises to go away as soon as he gets the tribute. His self-confidence and assurance about a peaceful outcome makes his behaviour even more insulting.

When Byrhtnoð hears the speech of the Viking messenger he gets furious. His reply is angry and resolute. To refuse to fight seems shameful (*heanlic*, 55) to him, which is why he rejects the Viking’s offer (59–60). Byrhtnoð threatens to pay the Vikings tribute not with treasures but with ash-spears, poisoned arrows and ancient swords from which they will not be saved by their armour (47–49). Byrhtnoð curses his enemies (54–55) accusing them of taking a lot of his native land (57–58). After replying to the Viking messenger Byrhtnoð puts his best warriors to guard the narrow passage across the river, and the Vikings understand that they will not be able to land on the shore. They ask to be allowed to land, and Byrhtnoð, driven by the heroic spirit (*ofermode*), lets them do so (93–95), which leads to the defeat of the Anglo-Saxon warriors and the death of Byrhtnoð.

As in *Waldere* and *Hildebrandslied*, the flyting in the *Battle of Maldon* takes place before the battle. Unlike those in *Waldere* and *Hildebrandslied*, the participants in the flyting in the *Battle of Maldon* are represented not as individuals but as members of two conflicting parties. The Viking messenger is not individualised and not even given a name. He does not take part in the real fight with Byrhtnoð, and it is not he who inflicts the mortal blow on the leader of the Anglo-Saxon army. Byrhtnoð also speaks on behalf of his whole land, promising to fight for the home of Æthelred (53–54).

Although the introduction and genealogy of the participants are not given in the *Battle of Maldon*, other characteristic features of the flyting are present. The place of the flyting is traditional: on the battle field and by a water-border. The semantics of the speeches are equally traditional: threats, accusations and the final curse. Boasting is also present, though implicitly, both in the speech of the Viking (“bold seamen have sent me to thee”) and Byrhtnoð’s (“here stands a noble leader with his army who will defend the land”). Boasting is also mentioned in the speech of Byrhtnoð’s warrior Ælfwine, who is reminding the Anglo-Saxons of their boasting about hard fighting during mead-drinking (212–215). The memories of oaths at feasts exhort the warriors to honourable death in battle, and verbal boasting precedes real testing in battle.

Other examples of flyting, one of which is longer and more detailed than in the *Battle of Maldon*, are contained in *Beowulf*. The main flyting between Beowulf and Un-

ferð (449–610) is preceded by the dialogue between the hero and the Danish coast-guard (239–319). When Beowulf and his followers land on the Danish realm, one of Hroðgar's guards wants to know who they are and, shaking his spear, asks questions in an overbearing manner (237–240). His questions imply threats: he says that he had never seen any warriors who dared to come to the land of the Danes (238–248) and tells the Geats either to comply with Danish laws or prepare to fight. He suspects that they could be spies in the land of the Danes (258–252). At the end of his speech he demands immediate answer from the Geats (253–258).

In reply to the Danish coastguard Beowulf, following the rules of flyting, not only tells him his name but also gives him to understand how illustrious his kin is. He calls his father “noble high prince Ecgþeow” who is well remembered by wise men on earth (261–267). The continuation of Beowulf's speech, in which he reassures the guard that the Geats have come on a great errand to the Danish king, does not follow the rules of flyting. But the end of the speech contains a warning. Beowulf tells the guard that, if Hroðgar fails to accept his service, he will suffer misery and pain for the rest of his life (278–286). Having heard Beowulf's warning, the coastguard stops the flyting and offers to show the Geats the way to the Danish king and to guard their ship in their absence.

The second flyting in *Beowulf* takes place at the feast of the Danish king Hroðgar between Beowulf and Hroðgar's þyle, Unferð. The latter begins the dispute by “unbinding hostile runes” (501). Loyalty to the rules of flyting makes it necessary to include the characteristic motif of identification of the opponent into the dialogue (Eart þu se Beowulf...? 506), though Unferð obviously has no need of any introduction to Beowulf. The flyting starts with Unferð trying to humiliate Beowulf, reminding him of his youthful contest in swimming with Breca, accusing him of pride (wlence) and stupid boastfulness (dolgilpe) (511–513). Unferð doubts Beowulf's courage, asserting Breca's victory in the swimming contest (518–521). The assertion of Beowulf's defeat in the past enables Unferð to express doubt about the outcome of Beowulf's future fight with Grendel (526–529).

Beowulf challenges the veracity of Unferð's description, ironically calling him “wine min Unferð” (531–533) and accusing him of drinking too much and so falsifying the story of the contest in swimming. He shows that Unferð tried to misrepresent heroic feasts as stupid and interpret victory as defeat. Beowulf gives a much longer and more detailed account of his swimming contest with Breca (531–608) than Unferð (507–529), but his main theme is not the outcome, in which Beowulf's victory is taken for granted. Beowulf concentrates on a description of his heroic feats after he parted from Breca, which recall those of a cultural hero purifying the universe of all kinds of monsters (merefixa 549, feondscaða 554, āglæca 556, meredēor 558, nicor 575). Thus Unferð's challenge merely gives the hero an opportunity to remember his previous heroic feats and persuade the Danes of the inevitability of his victory over Grendel.

Having challenged Unferð's attacks, Beowulf starts his own accusations. He claims that he had never heard of Unferð's feats but knows him to be the murderer of his kinsman, his own brother (this accusation must have been especially harmful for

his opponent's honour, as loyalty to kin and ties between relatives were sacrosanct in medieval Germanic society). Accusations are followed by a curse (the reference to the damnation of hell which Unferð would be unable to escape 591–592), another characteristic feature of Germanic flyting. The curse is followed by Beowulf's main accusation, which Unferð should have been expecting from the start: Grendel would not have done so much harm to the Danes had Unferð been as daring as he says (593–596). Unferð has nothing to reply to this last accusation, and his silence shows Beowulf's victory in the flyting. This victory foreshadows Beowulf's victory in his fight with Grendel and is interpreted as such by the audience (609–612).

Although the verbal fight (with Unferð) and the actual fight (with Grendel) appear to be in the complementary distribution in the poem, they are in fact interdependent: the role of the flyting in the plot of the poem consists in foretelling the outcome between Beowulf and Grendel. After the victory over Grendel, Beowulf nobly refrains from reference to Unferð (958–979), but the creator of the poem does not forget about Unferð's former boastful speech (gylpspræce 981) and remarks that he was silent (980–981). The two heroes confront each other once again in the poem when Unferð gives Beowulf the sword Hrunting before the fight with Grendel's mother. Here the poet remarks that it was not Unferð who saved the Danes from Grendel and thus he "lost his glory, his honour" (dome forleas, ellenmærðum 1470–1471). This word combination, coming not from Beowulf but from the poet summarises the outcome of the flyting. The giving of the sword could have been a symbolic act, signifying the end of the flyting.

Chapter 3 Old Norse Poetry and Prose

The third chapter is devoted to flyting as found in Old Norse poetry and prose. In Old Norse there are two terms used to denote different types of flyting, analogous to the two types singled out in Anglo-Saxon and German epic poetry: *senna*, meaning "wrangle, squabble", and *mannjafnaðr*, meaning "comparison of men".

In the first part of the third chapter, flyting in Eddic lays is analysed. One of them is found in *Hárbarðrljóð* which is the closest among Eddic lays to folklore tradition: it is composed in free style and contains many irregular verses bordering on prose. The flyting takes place beside a strait, the participants are Þórr and Óðinn, who is disguised as a ferryman and adopts the assumed name of Hárbarðr (grey-beard). In the introductory round, which occupies the first ten stanzas, the opponents introduce themselves and exchange humiliating offers and insults. The second round contains a series of threats (13, 14, 15, 16) and boasts (14, 15, 16). The third round is mostly devoted to the exchange of insults, boasts (24) and accusations (26). All accusations are based on preliminary incidents (events from the life of the opponent accompanied with detailed information concerning the event, time, place, length, names of other participants, etc.) which can be interpreted by the opponents in the most unflattering ways.

When Þórr has recourse to threat (27, cf. 13), this signifies the victory of his opponent. The fourth round consists in Þórr boasting of his victories (29, 37, 39) and Hárbarðr boasting of his amorous adventures (30), which is an unusual subject for boast in flyting, as normally they were used in accusations. Hárbarðr mockingly boasts of things he should have concealed, which is why his opponent is perplexed by his behaviour and therefore unable to react adequately. At the end of the fourth round Hárbarðr inflicts a highly insulting remark on Þórr, offering him “the ring” (42), the real meaning of which remains concealed from us. Thus he drives Þórr to threats a third time (43) and then a fourth (47). The last word in the flyting falls to Hárbarðr, who curses Þórr (60).

Hárbarðr is clearly more skilled in verbal art than Þórr, who fails to observe the rules of flyting, both semantic (he does not deny the words of his opponent and fails to assert his own superiority) and formal (he replies with a short line, interrogative rather than affirmative, 17). Hárbarðr not only manages to reproduce the semantic and formal structure of the stanza of his opponent, but also shows his artistry in applying rare Eddic meters such as *galdralag*, the meter of incantations, which is only used in highly emotional verse (18). He frequently resorts to proverbs and maxims thus invoking the collective folklore wisdom which must have facilitated victory in verbal duelling. He reacts to the words of his opponent very spontaneously, imitating his phraseology, paraphrasing his accusations, twisting and distorting their meaning beyond recognition, and thus ensuring victory in the flyting for himself.

As in *Hárbarðrljóð*, the flyting in *Lokasenna* occupies the whole poem, in which Loki accuses seven gods of cowardice, corruption, incest, effeminacy, violation of alimentary taboos, dishonour and stupidity, basing his accusations on preliminary incidents from the lives of his opponents but shamelessly distorting all that is known about them from legends. He also accuses seven goddesses of adultery and lack of chastity. In *Lokasenna* accusations and insults (18 instances), usually coming from Loki, prevail over threats (7 instances), mostly belonging to other gods and goddesses. While Loki rather aggressively accuses and insults (11–15, 19–20, 21, 24, 25–28, 29–32, 36, 37, 41–42, 43–46, 48, 49–52, 53–54, 55–56, 57–64), other participants are either trying to reconcile with him (25), or remind him of his misfortunes (39), or are trying to account for his aggression by drunkenness (47). Only Óðinn makes an accusation against Loki: he accuses him of effeminacy (23), and then the same accusation is repeated by Njóðr (33). Accusations are mostly formulaic (the most frequent formulas being: *Veit ek*, *Veiztu*, *Þegi þú*, *Hættu nú*, *Heill ver þú nú*, *Þegi þú*). Loki uses formulas every time he insults or accuses, whereas other gods use them only sporadically (14, 23, 27, 41, 43, 51, 53), for instance, Þórr uses formulas four times in his concluding stanzas (57, 59, 61, 63).

The structure of *Lokasenna* is highly symmetrical: the flyting of Loki with each opponent occupies between two and five stanzas. *Lokasenna* consists of 65 stanzas, mostly composed of *ljóðahattr*, but four stanzas are composed in the incantation metre, *galdralag*, which is characterised by the use of an additional seventh line, and have a magic function. Most *galdralag* stanzas belong to Loki (13, 54, 62, 65), and the only other god who uses them is Óðinn, who makes his accusation of effeminacy to Loki in

gadrslag (23). However Loki manages to mirror Óðinn's stanza (24) and repeat the same accusation, thus winning the poetic contest. The magic effectiveness of gadrslag is shown by Loki himself: when, in a gadrslag stanza insulting Sif, he alludes to her husband, Þórr, he involuntary invokes him (54). Þórr immediately appears (55) and makes Loki leave the feast of gods.

In the course of the flyting Loki manages to prove that he is "rich in answers" (auðigr í andsvorum, 5). He strictly observes the rules of flyting, basing his accusations and insults on preliminary incidents, whereas other participants try to defend their friends or relatives, thus bringing Loki's anger and insults on themselves. Loki silences them all one by one and concludes the flyting with a traditional curse (65). According to the rules of flyting, the victory belongs to the one who has the last word.

In contrast to mythological Eddic lays (*Lokasenna* and *Hárbarðr ljóð*) where the flyting occupies the whole poem, in heroic Eddic lays, such as *Helgakviða Hundingsbana* I (32–46), *Helgakviða Hundingsbana* II (19–24), *Helgakviða Hjörvarðssonar* (12–30), only part of the poem is devoted to the flyting. In all of these lays the flyting takes place on the battlefield and usually by a water boundary (HHI, 31; HHv. 14). The flyting starts with the opponents giving their names (HHI 32, HHII 19, 1–4; 20; HHv. 13, 15, 17), boasting (HHv. 12–13, HHI 34–35) and threatening the adversary (HHv. 15, 20). Threats and boasts are followed by traditional insults, such as lack of masculinity (HHv. 20; HHI, 40), effeminacy, performing female functions (HHI 37–40, 42, 43), witchcraft (HHI 37), lack of courage and desire to stay at home (and kiss slave-women) rather than fight (HHI 34–35), preference for domestic occupations (such as shepherding goats) over battles (HHII 22), murdering kinsmen (HHI 36, 41, cf. *Beowulf* 589–590), violation of alimentary taboos (HHI 36). The kind of taboos violated in Eddic lays can be clarified by Old Norse laws, which are based on the antithesis of male and female (*Norges gamle love*, S. 57, 70; *Grágás*, S. 392), and equate an insult attributing effeminacy to murder, punishable by outlawing.

Thus in Eddic flyting the most insulting accusations appear to be those referring to effeminacy, lack of masculinity, cowardice, desire to lead a domestic life away from the combats befitting a man and warrior. These insults occur in the flytings of two mythological lays and in the culminating scenes of three heroic lays. The structure of these flytings is strictly determined: they consist of introduction, exchange of boasts, threats and insults, and conclusions frequently containing a curse. The difference between the flytings in mythological and in heroic lays lies in the function which the flyting performs. In mythological lays the flyting does not lead to violence and can be perceived as having the function of entertainment. In heroic lays flyting precedes actual fighting, and the victory in it of one of the opponents foretells his victory in the actual battle. So the types of flyting in Eddic lays correspond to the two types of verbal duel singled out in Old German and Anglo-Saxon verse.

The second part of the third chapter is devoted to the flyting found in Saxo Grammaticus's *Gesta Danorum*, which is based, as is mentioned in its prologue, on 'old' poems and vernacular lays, that is on legendary and heroic sources preserved not only

in written but also in oral tradition. *Saxonis Gesta Danorum* contains several examples of flyting, such as those of Gram and Bess against Gro (Book I), Erik the Eloquent (Erik Disertus) against Olmar (Book 5), Erik against king Frothi (Book 5), Gøtvara against Erik (Book 5), Grep against Erik (Book 5), Fridlef against a giant (Book 6), Starkathr against Ingeld, Knud Lavard against Henrik (Book 13).

Some of these flytings take place by a water boundary, such as that of Gram and Bess against Gro, who is going to a lake in the woods. A Danish king Gram, who decided to free Gro from marriage to a giant, pretends to be a giant himself and disguises himself under goat-skins (*Saxonis Gesta Danorum*, I.13). An encounter of a woman with a character in disguise and the flyting between them can be compared with a folklore tradition of miming in which people in disguise exchange cutting speeches with the hosts. The flyting *im* Gro against Gram and Bess can be divided into four parts: introduction (questions and answers about the opponents' names); threats (Bess threatens that Gram will come with his army, while Gro tries to make him retreat by threatening that her father Sigtrug will take revenge on them); counter-threats (Bess threatens that Gram will defeat Sigtrug and warns Gro not to reject Gram's love); conclusion (taking Gram for a giant Gro rejects him, but seeing him in his true appearance she agrees to accept his love). Each speech act is reproduced once by each opponent: two questions about the self-identification are followed by two expressions of self-praise, turning into threats and finishing with identical incentives to identical actions (Gro and Bess ask each other to perform the same action, i.e. to retreat).

In contrast to the purely ritual flyting of Gro with Bess and Gram, in which there are no mutual insults but only boasts and threats, another flyting in Saxo's *Gesta Danorum* leads to violence, although one of its participants can be called a ritual figure. The flyting takes place beside water: king Fridlef is separated from the giant with whom he converses by a strait. The aim of the flyting is to intimidate the giant who is kidnapping a youth, and it is taking place on the advice of the captured youth, who tells king Fridlef that his attack on the giant will be more successful if it is preceded by verbal insult. Fridlef follows the youth's advice and composes a libellous verse, accusing the giant of being cowardly, weak, stupid and feebly armed, and threatening to attack and kill him, thus depriving him of fame (*Saxonis Gesta Danorum*, VI, 148). Fridlef's insults and threats clearly achieve their aim of intimidating the giant, as Fridlef is able to cut off the giant's leg and hand, making him flee, and then frees the captive youth.

The passivity of the giant, who fails to respond to his opponent either by word or deed and just runs away with a severed leg, makes it possible to draw an analogy with the description of another giant in *Snorra Edda*, Mökkurkalfi, who has the heart of a mare and falls in his battle with Þórr. It has been suggested (Davidson H.R.E.1998, P. 96) that the description of giants in both *Snorra Edda* and Saxo goes back to ritual practice (during ritual games in honour of Þórr, figures of giants were made and libellous verse could have been composed).

The flyting of Fridlef and the giant inherits from the Germanic tradition of flyting only the semantics of Fridlef's speech (insults, threats, accusations of cowardice) and

the location of the verbal duel (by a water-boundary). A water-boundary becomes the location of another of Saxo's flytings, between Erik and Grep (*Saxonis Gesta Danorum*, V. 112). The circumstances of this flyting remind us of Beowulf's flyting with Unferð. In *Gesta Danorum* a stranger called Erik also arrives at a foreign court and meets one of the King's men famous for his verbal art. This eloquent man called Grep starts the flyting by asking his opponent's name and insulting him by calling him a fool. Grep concludes his speech with two maxims, condemning those who leave their homes and like to travel and implicitly describing his opponent as a scoundrel. In reply Erik not only gives his father's name but also boasts of courage and tells his opponent the aim of his journeys, which is to acquire wisdom. He also concludes in maxims, not two of them like Grep but three, in which he implies that his opponent is a fool and a liar. In his turn Grep retorts against direct insults, calling his opponent a dirty cockerel and concluding with a maxim implying an accusation of folly (V. 113). Erik replies indirectly with a series of maxims, threatening his opponent with punishment and implying accusations of stupidity and treachery. Grep, as always, responds with direct insults and threats: he promises to kill his opponent and describes how his body will become carrion. Erik replies with maxims implying accusations of cowardice, corruption, lechery and adultery. Hearing these accusations, Grep becomes worried and, forgetting the rules of flyting, tries to justify himself. He tries to persuade his opponent that he never abused his relations with the queen but tried to help her and that she had been grateful to him for that. Erik comments on his opponent's anxiety and concludes the flyting with maxims stating that independence only befits those who are pure and that slaves frequently harm their masters, thus implying that Grep is guilty of illicit relations with the queen and of deceiving his king (V. 114).

Thus Erik silences his opponent, who fails to find any reply. Grep tries to take revenge on his adversary by violence, but King Frothi does not allow him and his warriors to attack a handful of strangers. Grep fails to achieve victory in the flyting, as he not only uses a stream of direct abuse (he calls his opponent low-born, a foreigner, fool, scoundrel, dirty cockerel and night owl) but does not base his generalised accusations on preliminary incidents. On the other hand Erik always alludes to specific details of his opponent's life, such as his relations with the queen which incurred betrayal of his king and master. Erik formulates his accusations in very general terms and never condescends to direct insults. He concludes each of his speeches with maxims similar to those used in the Eddic lays and with proverbs appealing to the collective memory of the whole community. He outmasters Grep in verbal art, in his use of maxims, formulas and proverbs. For his verbal art he is given the nickname 'Disertus' by the king.

Grep's mother Gøtvara was also very skilled in verbal art (*Saxonis Gesta Danorum*, V, 104). She addresses Erik in a highly obscene couplet implicitly accusing him of cowardice (*Saxonis Gesta Danorum*, V, 118). Erik replies with an even more obscene verse asserting his masculinity and reminding Gøtvara of her humble position as a woman. In contrast to Gøtvara's very personal accusation, Erik's reply is always highly formulaic and full of maxims. As Gøtvara starts the flyting, she determines the subject, the meter and the style. Erik has to reply according to the rules set by her. His reply observes all

her rules but also exceeds her verse in length and in obscenity. The use of obscenities is typical of folklore flytings (Halpert H., Story G.M. 1969. P. 213–214).

The third part of the third chapter is devoted to the flyting found in sagas of old times (*fornaldarsögur*). In these sagas, which are the closest of all saga types to folklore tradition, flytings occur more frequently than in other types of sagas. One of the flytings occurs in *Ketils saga hængs* whose hero is a typically folk hero, his late development prefiguring his future greatness. His adversary in flyting is a Finnish king Gusi (chapter 3). The flyting, which is conducted in skaldic visas, starts with traditional questions about names, each of which directly mirrors the question of the opponent. Before hearing his opponent's reply Gusi compares Ketill to the wolf from the woods (*sem vargur af víði*) and threatens him. Ketill replies to Gusi giving his name, accuses him of cowardice and threatens him with his bow and arrows. In what follows, each speech act is repeated twice, in the skaldic visas first of one opponent then of the other. If Gusi's initial question contains a threat to kill his opponent with an arrow, then Ketill's reply also contains the same threat (he says that Gusi will know which low-born men will be pierced by arrows). Gusi demands tribute and threatens to kill Ketill, Ketill retorts in threat, "we shall see how black arrows fly". When Gusi concludes his second demand for tribute with another threat to kill Ketill, Ketill does the same. In order to observe the principle of giving a mirror reflection of each of his opponent's visas, Ketill has to tell his name to the opponent twice (*Hængur ég heiti; Hæng kalla mig*). Thus he observes symmetry in the structure of questions and answers.

Ketill's eloquence brings him victory in the flyting, which foretells his victory in the physical fight: Ketill performs the last skaldic visa, calling Gusi "close to death" and "cowardly" (*Feigur er nú / Finnur inn ragi*) and killing him with his arrow. The use of the word *inn ragi*, meaning "cowardly, womanly, effeminate", implies an accusation of femininity which is the worst possible insult and functions as a concluding curse typical of the end of flytings.

Ketils saga hængs forms a cycle with two sagas about Ketill's descendants, *Gríms saga loðinkinna* and *Órvar-Odds saga*, which also go back to folk sources and contain a number of motives inherited from folklore. It could be from this tradition that the saga inherited the scene of the flyting between the hero Grím and two giantesses, Feima and Kleima (chapter 1). The giantesses take all the fish Grím had caught and try to destroy his boat. Then Grím says a visa asking the giantesses' names and insulting them by confessing that he had never seen anybody so ugly in appearance (*ámáttligastar að yfirlitum*). One of the giantesses, Feima, gives their names and praises her sister Kleima. To Feima's meek stanza Grím replies with a visa full of insults (calling the giantesses *brúðir verstar* – "the worst of women") and of angry threats to send them to wolves as carrion meat. Kleima answers Grím with a visa containing an allusion to a preliminary incident, reminding him that the cause of the storm was their father's incantations, and threatening him that he will never be able return home safely.

In contrast to the symmetrical flyting of Ketill, the flyting of his son Grím with the giantesses is not organised strictly. The giantesses cannot be expected to observe

any rules of flyting and at the beginning do not show aggression towards the hero. It is Grím himself who observes the rules of flyting in his insults thus making the giantesses resort to threats. The last *visa* composed by Grím also contains a threat of piercing the giantesses with sharp points, which probably carries a double meaning. Having thus won the flyting, Grím kills both giantesses and all their relatives.

As in *Gríms saga loðinkinna* (and as well as in the Eddic *Helgakviða Hjörvarðssonar* 12–30), the flyting in *Hjálmþés saga ok Ölvis* (chapter 12) is between the hero and the giantesses. The location of the flyting is traditional, by a water-boundary, in this case the sea-shore. According to the rules of Germanic flyting, the hero Hjálmpér first asks the giantess to give her name. However, according to the Germanic tradition the opponent can refuse to identify herself if she assesses the initial statement negatively. This is what happens here, where the giantess gets angry at Hjálmpér's question.

Hjálmpér starts the flyting with a skaldic *visa* containing an insult in the form of a question, calling the giantess “a monster” and stating that he has never seen anybody uglier than her. The giantess replies with a threat, promising to set Hjálmpér on fire before his warriors. However the second helming of her *visa* is composed in a different style: she invites Hjálmpér to watch how she is drying her locks with a golden cloth. Hjálmpér is not convinced by the giantess's joviality and continues to insult her, threatening to cut her hand off. The giantess replies in prose and opens her heart to Hjálmpér, asking him to take her virginity. She puts her hand into the water but Hjálmpér takes out his sword and cuts it off. The giantess reproaches Hjálmpér, saying in prose that it is no great feat for a king's son to attack her unawares, and threatens to take revenge on him. She then composes a *visa* threatening that her sisters will turn Hjálmpér's warriors into corpses.

The flyting ends rather abruptly as Hjálmpér notices nine sisters of the giantess, one of whom, Hergunnr, joins in the flyting and composes a *visa* threatening to kill Hjálmpér's warriors and to set them on fire. Hjálmpér understands that he needs support and tries to wake his foster-brother Ölvir. Hergunnr composes another *visa* threatening to tear Hjálmpér's cloak with her long claws. To her threat Hjálmpér replies with a *visa* containing an invitation to fight. He asks her to come closer and threatens to kill her with his sword. The flyting is followed by a fight in which the heroes, with the help of their servant Hord, who later turns out to be an Arabic prince, kill all the giantesses. Thus the threats voiced during the flyting remain unfulfilled.

As in *Hjálmþés saga ok Ölvis* in another saga of old times, *Hálfs saga ok Hálfsrekka* (chapter 15), the flyting precedes a fight. Its aim is to intimidate the enemy before the battle, which must end in the hero's victory. One of King Hálf's men, Utsteinn, is challenged to a verbal duel by his enemy Ulfr, who boasts of the might of his eight sons.

Utsteinn composes a *visa* threatening to start a fight and expressing the hope that the *disir* will help him. Ulfr replies with another *visa*, arguing against the advantage of his opponent: he claims that the *disir* have died and luck has deserted Hálf's heroes, implying that they are all dead. He expresses a prophetic threat, telling his opponent of a dream he had, in which his sons succeeded in overcoming Utstein. To this Utsteinn answers with

a visa containing the threat that he will cut his enemies' heads off. Ulfr also replies with a visa consisting of a threat and a boast: in his visa he enumerates the names of his eight sons, proclaiming that they will defeat Utstein, if only he dares to fight with them.

Utsteinn replies to Ulfr with four visas, in which he gives the names of his dead friends, Hálf's heroes, thus setting them against the sons named in Ulfr's visa. In the first visa he remembers his brother Innsteinn, who never refused to fight, and then declares his own willingness to engage in combat, answering his opponent's last insult. In the second visa Utsteinn boasts of the former heroic feats of Hálf's heroes, when four of them fought against eight enemies, implying that it was not unusual for them to fight when outnumbered. In the third visa Utsteinn boasts that he will not run away even if Ulfr's eight sons attack him. Thus the main speech act used by Utsteinn in the first three visas is boasting. In the last visa Utsteinn uses the same speech act as his adversary did in his first visa, an account of a dream. In his dream, he says, he saw his deceased friend and king, Hálf, who sent him to battle and promised to support him. Utsteinn's dream obviously foreshadows his victory in battle. Having spoken his visas, Utsteinn begins to fight with Ulfr's sons and kills them all.

In the course of the flyting Utsteinn speaks six visas, whereas his opponent manages only two, in both of which he asserts the superiority of his sons and enumerates their names. Utsteinn's visas include much more diverse speech acts than Ulfr's two stanzas. They contain allusions to preliminary incidents, boasts, threats, accusations, prophesy, recollections of former victories. He manages to win in almost impossible circumstances, after the death of his king Hálf and all his heroes, and in spite of being outnumbered. His victory in the verbal duel foretells his victory in the physical combat.

In all the sagas of old times mentioned above, as well as in the Eddic heroic lays, flytings take place before battle and lead to the death of at least one of the opponents. In contrast to these flytings the verbal duel in *Örvar-Odds saga* (chapter 27) has the function of entertainment at a feast. Like other sagas of old times this one clearly goes back to folklore sources (cf. the image of the hero who inherits some features of a fairytale character: he lived 300 years, his future and his death are prophesied, he inherits magic arrows from his grandfather, and he is helped by a magic assistant, here Óðinn). The flyting in this saga could also go back to oral tradition. It takes place between the hero Oddr, who arrives in the king's court as a stranger in disguise, and two other characters, Sigurðr and Sjólftr.

The verbal duel is accompanied by a drinking contest. The first opponent (Sigurðr) gives Oddr the first horn of ale and composes the first visa, contrasting Oddr's way of life (he reproaches Oddr for not breaking corselets in battles) and his own (he boasts of his victories). Then the second opponent (Sjólftr) gives Oddr another horn of ale and composes another visa, also contrasting himself with Oddr: he reproaches Oddr for not taking part in the battle in which he himself killed enemies and was wounded while Oddr was begging for food. After that Oddr gives the horns of ale to his opponents and, while they are drinking, composes two visas, one for each of them. In these visas he insults his opponents, calling them "bench-sitters", reproaching them for badly

composed verses, threatening to take revenge on them for their bad work, and boasting of his own heroic feats in Aquitania, where he killed four warriors while Sjólfir, who had never done anything good in his life, was lying on the kitchen floor.

The second round also includes the drinking of ale and the exchange of visas based on contrasting two ways of life. The first visa is spoken by Sjólfir, who contrasts his way of life (his sword was cut in battle) and Oddr's, reproaching him for wandering among beggars and taking morsels of food from their table. Sigurðr composes a similar visa criticising Oddr for not taking part in the battle with the Greeks and boasting of his own victories: he and his allies reddened their swords on the Sarrazins. Oddr drinks both horns and composes two visas in reply. The first of these is addressed to Sjólfir contrasting his gossiping with maidens with Oddr's burning fortresses and killing warriors; the second is addressed to Sigurðr, contrasting Sigurðr lying in women's chambers and sleeping under a cover with Oddr twice fighting the Permians.

In the third round Oddr loses one of his opponents. Although Sigurðr comes up to Oddr with Sjólfir and gives him his drinking horn, he is no longer able to compose a visa. The only visa addressed to Oddr is composed by Sjólfir, who states that Oddr did not take part in the battle in which they took a lot of gold, tied up berserks and killed men. Oddr drinks both horns and composes two visas, one addressed to Sjólfir, who, he says, stayed in the king's rooms whereas Oddr washed warriors' corselets in blood and shot arrows which plunged deep into wood, and the other addressed to Sigurðr, who did not participate in the raid on England in which Oddr killed the king.

In the fourth round Oddr disposes of both opponents, who manage to come up to him and offer him their drinking horns but fail to compose verses. Although Oddr drank twice as much ale as his opponents, he is still able to compose fifteen visas. The first six mention the names of his opponents and are based on the contrast between the difficult life of the hero and easy life of his adversaries. The remaining nine verses, which are not addressed to Sigurðr or Sjólfir as they have fallen off their benches and are lying asleep, are devoted to the enumeration of Oddr's heroic feats.

The flyting in *Örvar-Odds saga* is characterised by a strictly symmetrical structure. Each of the opponents speaks in turn, contrasting himself with the other, boasting of his own exploits and denigrating the enemy. Oddr's opponents know nothing about him so they cannot base their accusations on preliminary incidents. Oddr's accusations are more varied, though it is likely that his allusions to his opponents' past could have been made up and just created an illusion of being based on previous incidents. His poetic gift is also greater than that of his opponents whose visas he calls badly shaped. Oddr's last visas, in which he boasts of his heroic feats, reveal his true social status and prefigure his recognition when his disguise is removed. The use of disguise makes it possible to compare the flyting in the saga with the flyting of miming rituals (Halpert H., Story G.M. 1969).

Thus both types of flyting in the sagas of old times go back to folklore tradition. Flytings on the battle-field have parallels in the Eddic heroic lays and in Saxo Grammaticus, whereas the verbal competition in *Örvar-Odds saga* recalls the miming rituals.

The fourth part of the third chapter is devoted to the flytings in the sagas of Icelanders. Some sagas, such as *Eyrbyggja saga* (chapter 37) and *Flóamanna saga* (chapter 25) tell us about a comparison of men (mannjafnaðr) leading to murder and bloodshed. In *Egils saga* we find two instances of the description of circumstances resembling those in flytings, though not the actual exchange of speeches (chapter 44, 49), and in both cases these circumstances involve the killing of people. This is noteworthy because the sagas of Icelanders that contain flytings as such presuppose that the purpose of verbal duelling is to avoid violence.

The flyting in *Ölkofra þáttr* (chapter 3–4) takes place at an alþing between Broddi and five chieftains and is based on a desire to ensure the advantage of one of the two parties involved. The semantics of the speeches are typical of flyting. The speeches of each of the five adversaries of Broddi contain threats, implying accusations. The answers of Broddi, who, like Loki in *Lokasenna*, stands alone against five others, invariably include insults referring to preliminary incidents (such as the composition of man-söngr, implications of sexual perversion, cowardice, stinginess, meanness, comparison with a mare involving accusations both of sex-change and of transgressing the boundary between animals and humans, violation of debts of honour, failure to revenge the death of a blood-relative, especially of a father). Though Broddi's flyting with his opponents cannot be considered as entertainment, it does not lead to bloodshed as its function consists in substituting flyting for physical fighting.

The flyting in *Ölkofra þáttr* could have served as a model for the flyting in *Bandamanna saga* (chapter 10), in which Ófeigr accuses of stinginess, avarice, stupidity all the chieftains responsible for settling his son's suit at an alþing. After proving the dishonesty and injustice of all the chieftains, Ófeigr chooses two of them, Egill and Gellir, as judges whose support he has bought with his son's money. They declare that Ófeigr's son should pay a minimal sum of 13 silver marks, and the chieftains accuse them of treachery. Then Egill starts the flyting with four of his former allies. They accuse him of lying, and he insults them in turn accusing each of them of stupidity, stinginess, cowardice and sexual perversions, each time referring to the preliminary incident. The semantics of Egill's accusations is stereotyped: he blames his enemies not for being poor but for being stingy and contrasts himself with each of them as being poorer but more generous. After accusing them of stinginess, Egill moves to accusations of cowardice and then of sexual perversity. Not unlike Loki in the Eddic *Lokasenna*, Egill silences all of his opponents with his accusations and with the help of the formulaic phrases, after which the two remaining chieftains (Skegg-Broddi and Járn skeggi) are too intimidated by his attacks to take part in the flyting. The aim of the flyting in *Bandamanna* is to avoid fighting and settle the conflict peacefully.

As in *Bandamanna saga* and in *Ölkofra þáttr*, the flyting in *Njáls saga* (chapters 119–123) takes place at an alþing. After Skarpheðinn and others of Njál's sons killed Höskuldr Hvítanes-goði, wise people come to an alþing to decide how to prevent blood-vengeance and determine the amount of wergild to be paid to Höskuldr's relatives. Skarpheðinn goes round all possible allies and finds himself in a situation of flyt-

ing with them (chapter 120). Each of the five chieftains he visits asks him questions about his identity, giving a negative description of his appearance and pointing out his ill fate. To each of these questions Skarpheðinn replies with boasts of his own valour and with cutting remarks accusing the chieftains of cowardice, murder of relatives, failure to revenge, violation of alimentary taboos and a desire to lead domestic life. Each insult is based on a preliminary incident and implies a contrast between himself and his opponents. Word-repetitions and syntactic parallelisms support logical parallelism. All the questions and the answers to them are highly stereotyped: each of the chieftains asks his question; Skarpheðinn replies by giving his name and inflicting an insult on each questioner. As in *Bandamanna saga* and *Ölkofra þáttur*, one character in *Njáls saga* is hostile to all others, but in the former the opponents also make accusations, whereas in the latter the opponents, just as in *Lokasenna*, hardly make any criticism of the main character. As in *Lokasenna* the last opponent proves to be the strongest but still fails to overcome the main character.

The flyting of Skarpheðinn and the chieftains forms a preamble to the main flyting of Skarpheðinn, this time not with his prospective allies but with his direst enemy Flosi, Höskuldr's kinsman (chapter 123). After the unheard-of compensation has been collected for Höskuldr's murder, Njáll with best intentions adds a rich silver cloak and a pair of fine boots. Flosi takes this cloak to be feminine and three times asks who has put the silk coat on top of the pile of wergild. His questions mark the starting point of the flyting, beginning with an exchange of questions between the opponents: to Flosi's questions Skarpheðinn also replies with a question asking who he thinks it could have been. From Flosi's reply it becomes clear that he knew who did it, as he names Njáll, whom he insults by calling him a beardless old man and saying that it is uncertain whether he is a man or a woman. Hearing the insult addressed to his father, Skarpheðinn accuses Flosi of being an ill and indecent person. He justifies his father by saying that he had several sons and therefore must be a man. He adds that his family always avenges all their kinsmen thus implying that Flosi failed to avenge his relatives, in particular Höskuldr. He takes a silk coat and throws a pair of blue trousers at Flosi adding that he needs them more. When Flosi asks why he needs them, Skarpheðinn replies he has heard that every twelfth night Flosi is the bride of the Svínafell's giant who makes a woman of him. This insult, which accuses the opponent of two things, effeminacy and transgression of the border-line between human and supernatural beings, puts an end to the flyting as Flosi gets so infuriated that he rejects all compensation. The events following the flyting lead to the death of Njáll's family and many other people.

The fifth part of the third chapter is devoted to flyting in the king's sagas: *Sverris saga* (chapter 131), *Magnússonar saga* (chapter 21) and *Morkinskinna* (1867. S. 186–187). The flyting in *Sverris saga* takes place between the followers of King Sverrir (the birkebeiners), who are sitting on the boat, and bishop Nicholas and his followers (the baglers), who are standing on the hill. Thus the opponents are divided by a water boundary, which is common in Germanic flyting. The flyting in *Sverris saga* has a strictly symmetrical structure: its centre consists in the bishop's monologue, which

is framed on both sides by the two speeches of the baglers and the two speeches of the birkebeiners. The semantics of the flyting is in full conformity with the rules: it contains accusations of cowardice, threats and boasts. Although there is no immediate mention of fighting, the flyting clearly belongs to the type which precedes battle.

In contrast to that of *Sverris saga*, the flyting in *Heimskringla* (*Magnússon saga*, chapter 21) and *Morkinskinna* (1867. S. 186–187) belongs to the type of entertainment at a feast and is called *mannjafnaðr* – “comparison of men”. Although both sagas describe the verbal competition between the same characters, King Eysteinn and King Sigurðr, the two sons of King Magnús, there are some differences between them, which are analysed in the chapter.

The sixth part of the chapter describes what is left of flytings in bishops' sagas. Attention is drawn to *Kristnisaga* and *Porvalds þáttur víðförla*, fragments of which are compared to the Eddic lay *Helgakviða Hundingsbana I* (39).

The conclusion of the chapter deals with the flyting between bishop Gyrðr and Eysteinn Asgrimsson, the author of the famous drapa *Lilja*.

Chapter 4 Women's flyting

Strife between women resembles flyting only in *Njál's saga* (chapter 35) and in the scene of the quarrel of queens, preserved in the *Nibelungenlied*, *Snorra Edda*, *Völsunga saga*, *Þiðreks saga* and reconstructed lost heroic lays. In the Eddic *Helreið Brynhildar* one of the participants in the quarrel of queens, Brynhildr, takes part in a flyting with the giantess who is preventing her from going to Hell.

In *Njál's saga* Bergþóra, Njál's wife, exchanges insults with Hallgerðr, Gunnar's wife. Bergþóra demands that Hallgerðr give her seat to Bergþóra's daughter-in-law. Hallgerðr refuses to do it thus challenging Bergþóra's right to be the head of her own household. Bergþóra has to remind Hallgerðr of her rights. The statement of superiority on Bergþóra's part provokes another insult from Hallgerðr, who states that Bergþóra has hangnails on every finger and that her husband is beardless. Hallgerðr implicitly accuses Njáll of effeminacy and Bergþóra of masculinity, poverty (in having to do all the hard work and ruining her fingernails) and anti-social behaviour (in being unable to look after herself). In return Bergþóra accuses Hallgerðr of having murdered her husband. She states that Hallgerðr's husband was not beardless but still lost his life. Bergþóra revenges the insult inflicted on her husband and contrasts her role as a loyal wife with the role Hallgerðr played in the fate of her husbands, thus prefiguring the role Hallgerðr will play in the death of her last husband, Gunnarr.

The flyting between two other women (Guðrún and Brynhildr) may have been present in the Eddic lays, *Sigurðarkviða in forna* and *Sigurðarkviða in meiri*, which were lost but have been reconstructed with the help of *Völsunga saga*. Flyting between the heroines is also included in *Nibelungenlied*, *Snorra Edda*, *Völsunga saga* and *Þiðreks*

saga. In the Scandinavian and German traditions the flyting is rendered differently. In *Snorra Edda* and in the first round of flyting in *Völsunga saga*, the heroines meet by the river and the quarrel is initiated by Brynhildr, who refuses to stand lower down the current of the river and wash her hair in the water that Guðrún has used. In *Þiðreks saga* the flyting takes place in the hall and reminds us of the quarrel of Bergþóra and Hallgerðr, as the cause of it is dispute about who should take the seat of honour. In the *Nibelungenlied* the flyting begins in the royal hall but reaches a climax at the cathedral in the presence of the court. The compiler of the epic shows the gradual growth of mutual hostility and escalating animosity, and concludes by showing the mutual hatred and wounded pride of the two heroines. In all written texts Guðrún (or German Kriemhilt) plays a more important role than Brynhildr, but in the Scandinavian tradition she not only insists on her rights but tries to reconcile with Brynhildr, whereas in the *Nibelungenlied* she deliberately insults Brynhildr by calling her “kebse” and producing material proofs.

The flyting of the heroines has a similar structure in all texts that have come down to us: the heroines meet by the river, in the hall, or by the cathedral; Brynhildr tries to show her superiority; they discuss the merits of their respective husbands; Guðrún (or German Kriemhilt) exposes the deceit and shows the ring. In those texts which have preserved the motif of the engagement of Brynhildr and Sigurðr, the flyting is preceded by the complaints of Brynhildr about her tragic situation, motivating her hostility to her adversary.

The semantics of flyting is similar in the texts preserving the engagement-motif (in *Þiðreks saga* and the second round of the flyting in *Völsunga saga*): contesting equality, comparison of husbands, assertion of supremacy. In *Völsunga saga* the contesting of equality and assertion of supremacy are restricted to the first part of the flyting (by the river). In the *Nibelungenlied* the sequence of motifs is changed: comparison of men (the scene in the hall) precedes the contesting of equality and assertion of supremacy (the scene in the cathedral). The second round of flyting in *Völsunga saga* is different from all the versions preserved in existing texts. The motifs inherited from the ancient legend, such as contestation of equality, the recollection of the main feat performed by Sigurðr (the killing of Fáfnir) and of his overcoming the fire-wall, are placed here in an unusual context. Guðrún does not challenge the supremacy of Brynhild’s husband but, on the contrary, tries to reconcile her rival with her tragic situation. For this reason she praises Gunnarr instead of telling Brynhildr the truth of his cowardice. The new motifs also include the appearance of Guðrún’s mother, Grímhildr, as the main deceiver.

In all preserved texts, Guðrún (or Kriemhilt) is victorious in the flyting when she overwhelms Brynhildr with the truth of double deceit. In the *Nibelungenlied* she enters the cathedral leaving her rival humiliated and shaken by revelation of the truth. In the Scandinavian, as well as in the German version, the flyting scene serves as the motive for the death of Sigurðr, as Brynhildr decides to take revenge for her public humiliation. In the Eddic lays and in both sagas Brynhildr does not want to live after the death

of Sigurðr and joins her beloved on the funeral pyre. Her role in the flyting does not end with her life, because after she dies she enters into yet another flyting, which is described in the Eddic lay *Helreið Brynhildar* (and also quoted in *Norna-Gests þáttr*, except for the 6th stanza).

The flyting of Brynhildr and the giantess (*gýgr*) in *Helreið Brynhildar* takes place at the threshold of the two worlds, the traditional place for flytings (cf. the water-boundary in *The Battle of Maldon*, *Nibelungenlied*, aventura 25, *Hárbarðrljóð*, *Helgakviða Hundingsbana I*). The structure of the flyting is not symmetrical: the giantess pronounces three stanzas and Brynhildr replies in eleven. The giantess accuses Brynhildr of having been the cause of the death of several renowned heroes and of wanting another woman's husband, thus implying that Brynhildr is loose in behaviour, which is an accusation as traditional in Germanic flyting as an accusation of murder. In the giantess's accusations the traditional occupation of a woman, weaving and domestic life, is contrasted with characteristically manly deeds, fighting and heroic feats. The giantess reproaches Brynhildr for not wanting to do things befitting a woman and instead giving herself over to manly things, thus inverting the semantics of opposition characteristic of flyting. The domestic life, which is traditionally viewed in flyting as unworthy, is represented as a model for the heroine, and activities such as fighting and heroic deeds, which are boasted about in flyting between men, are insulting when attributed to a woman. Boasting is also present in the flyting but mostly in Brynhildr's reply. She asserts her superiority, maintaining her heroic valour and basing her boasts on preliminary incidents. Apart from boasting and insults, also based on preliminary incidents, the dialogue between Brynhildr and the giantess contains another traditional feature of Germanic flyting, which is the concluding curse.

Chapter 5 Flyting in late medieval literature

In late medieval poetry flyting occurs rarely, which makes it appear that it shares the fate of Germanic epic, where it has been a feature for several centuries. It seems symptomatic that one of the most vivid examples of flyting on the battle-field is included into the alliterative *Morte Arthure* (14th century) which is orientated according to Germanic epic canons. The comparison of the flyting in *Morte Arthure* with Germanic flyting shows that the former is characterised by the introduction of additional participants, serving as representatives of the main opponents (King Arthur and the Roman emperor Lucius). The speeches of the opponents and their seconds are interrupted by long interpolations and journeys from one royal court to the other. Thus the scenic unity of the flyting is violated by temporal and geographical interruptions. The chrono-topical expansion of flyting in the late medieval epoch, the introduction of all kinds of mediators, seconds, messengers and representatives makes it possible to assume that flyting, which originates in a scene characterised by unity of time, place and action, develops

into a theme consisting of a series of scenes unravelling through the course of the whole poem, as happens in *Morte Arthure*.

In contrast to *Morte Arthure* which includes an example of flyting during battle leading to the death first of one of the opponents and then of the other, perhaps the most renowned instance of flyting in the late medieval epoch, '*The Flyting of Dunbar and Kennedy*', written between 1490 and 1503, undoubtedly functions as entertainment. Unlike the flyting in *Morte Arthure*, the '*Flyting of Dunbar and Kennedy*' has a strictly symmetrical structure. It consists of four parts: two short introductory parts precede two long invectives. Each of the opponents has a commissar, a second who is responsible for delivering and accepting the challenge to a contest in the art of verbal duel. Dunbar's verse is more emotional and expressive but he does not have the last word. Kennedy's speech exceeds Dunbar's in length (he has 38 stanzas as against Dunbar's 25) and also in the number of insults and obscenities. Perhaps victory in flyting belongs to the one who dares to create the more derogatory representation of his opponent and as a result silences him.

The influence of the '*Flyting of Dunbar and Kennedy*' on Scottish poetry cannot be overestimated, as it served as a model for later 16th century flytings including the '*Flyting betuix the Soutar and the Tailyour*' (1527), '*An Answer quhilk Schir David Lyndsay maid to the Kingis Flyting*' (1536), '*The Flyting of Montgomerie and Polwart*' (1580). It also served as a model for some Anglo-Scottish poetic contests such as the flyting between John Skelton and George Dandas. Some of these flytings go back to the same literary and oral sources, for example a famous legend of *Anglicus Caudatus*, reflected in William of Malmesbury's *Gesta Pontificum* (1143), Robert Wace's *Brut* (1205) and Layamon's *Brut* (lines 29587–29600). The time and the location of the '*Flyting between Dunbar and Kennedy*' could also have influenced later flytings. Judging by numerous references, they could have taken place in winter and in public. On the other hand numerous flytings contain evidence of written origin: Kennedy mentions *skaldit skrowis* (26) and states that he sent his opponent a formal letter (*this cedull* 48); and Dunbar also says that he *sould wryt with pen and ynk* (12). The written origin of late medieval flytings is confirmed by their intricate poetic form, in particular their strict scheme of alliteration and rhyme.

In the Conclusion the results of the analysis are outlined, in so far as the distinctions between the two types of flyting (leading to violence and serving as entertainment) are concerned. The differences between the two types of flyting in terms of their origin, structure, semantics, participants, place of action and their fate in later medieval culture are formulated.

Матюшина И.Г.

М 33 Перебранка в древнегерманской словесности. М.: РГГУ, 2011.
304 с. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 59)
ISBN 978-5-7281-1185-6

В монографии дается сравнительно-типологическое описание словесных поединков, представленных в древнегерманской культуре (древненемецкой, англосаксонской, скандинавской), устанавливается их преемственная связь с устной традицией, выделяются два основных вида перебранок, различающихся по составу участников, месту проведения и функциям, исследуются структурные, семантические и стилистические особенности обоих типов, намечается их эволюция от краткого обмена репликами двух оппонентов к строго регламентированной сцене, сохраняющей единство времени, действия и места, однако допускающей участие нескольких героев, а в позднесредневековой словесности распространяющейся до пронизывающей всю поэму темы. Книга адресована филологам, историкам, культурологам и широкому кругу читателей.

УДК 940.1(430)
ББК 83.3(0)4

Научное издание

И.Г. Матюшина

Перебранка в древнегерманской словесности

Редактор серии Е.П. Шумилова
Компьютерная верстка О.Б. Малахова

Оригинал-макет подготовлен
в Институте высших гуманитарных исследований РГГУ
им. Е.М. Мелетинского

Подписано в печать 01.04.2011.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 17,7.
Уч.-изд. л. 18,3.
Тираж 500 экз.
Заказ № 116

Издательский центр РГГУ
125993, Москва, Миусская пл., 6.
Тел. (499)973-4206